IMT Nuremberg Archives

H – 1209

International Court of Justice

H-1209
H1209 – 0002

С Т Е Н О Г Р А М М Ы

ЗАСЕДАНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА.

Т о м 31-й. Экз. 2

С о д е р ж и т:

1 июля – утреннее и вечернее заседания.
2 июля – утреннее и вечернее заседания
3 июля – утреннее и вечернее заседания
4 июля – утреннее и вечернее заседания
5 июля – утреннее и вечернее заседания
8 июля – утреннее и вечернее заседания.

Страниц: с 14680-й по 15288-ю включительно.

H1209 – 0003

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящим удостоверяю, что данный том, пронумерованный с 14680 стр. по 15288 стр., озаглавленный "Русские стенограммы" содержит в себе стенографическую запись судебных заседаний Международного Военного Трибунала по делу Германа Вильгельма Геринга и других на русском языке за период времени с 1 июля 1946 г. по 8 июля 1946 г.

Указанная запись на русском языке составлена на основании стенографических записей и сверена с электрозвукозаписью производившихся в суде.

СЕКРЕТАРЬ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
В МЕЖДУНАРОДНОМ ВОЕННОМ ТРИБУНАЛЕ
М а й о р:

/А. ПОЛТОРАК/

"24" декабря 1946 г.
г. Нюрнберг

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 1 июля 1946 года.

Утреннее заседание.

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я должен сделать объявление. Трибунал выносит распоряжение о том, что все показания, данные на комитете, которые защитники или Обвинение желают использовать в суде, должны предоставляться ими в качестве доказательства. Эти показания затем будут занесены в протокол при условии, если не будет никаких возражений против этого.

Защитники организаций должны как можно скорее начать составление книг документов и затем представить ходатайства о их переводе. Это все.

Доктор Штамер:

ШТАМЕР /защитник подсудимого Геринга/: О событиях в Катыни Обвинительное заключение содержит лишь следующее замечание: "В сентябре 1941 г. 11.000 пленных польских офицеров были расстреляны в Катынском лесу, близ Смоленска". Подробности этого дела были оглашены русским обвинением только на заседании 14 февраля 1946 года. Тогда суду был предъявлен документ СССР-54. Этот документ представляет собой официальный отчет Чрезвычайной Государственной Комиссии, которой официально было поручено расследование Катынского дела. Комиссия, опросив свидетелей ....

H1209 – 0004

H1209 – 0005

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Штамер, Трибуналу известен этот документ и он желает лишь заслушать Ваших свидетелей; это все.

ШТАМЕР. Я хотел бы лишь добавить, что в этом документе содержатся два утверждения: первое - время расстрела пленных польских офицеров падает на осень 1941 года; второе утверждение заключается в том, что убийство было произведено германским военным органом, с кодовым названием "штаб 537-го строительного батальона".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Все это содержится в документе, не так ли? Я только что сказал Вам, что документ нам известен. Мы хотим лишь заслушать показания Ваших свидетелей.

ШТАМЕР. Тогда для опровержения этих утверждений я вызвал прежде всего к свидетельскому пульту свидетеля полковника Фридриха Аренса.

/Вводят свидетеля/.

ЗИММЕРС. Господин председатель, у меня будет одна просьба, прежде чем начнется представление доказательств по катынскому делу. Суд разрешил допросить трех свидетелей и указал, что в целях соблюдения равенства Обвинению будет позволено предоставить также лишь трех свидетелей, вызвав их лично в суд или предъявив их письменные показания. В интересах соблюдения этого принципа я был бы очень благодарен, чтобы советская делегация, подобно защите, до начала представления доказательств назвала фамилии своих свидетелей. Защита назвала уже несколько недель назад фамилии своих свидетелей, но, к сожалению, советская делегация до сих пор не

сообщила фамилии свидетелей, как того требуют интересы равенства защиты и обвинения.

/К пульту подходит генерал Руденко/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Генерал Руденко, Вы хотите назвать имена свидетелей?

РУДЕНКО. Да. Господин председатель, мы сообщили сегодня генеральному секретарю Трибунала о том, что советское обвинение намеревается вызвать в суд трех свидетелей: профессора Проворовского, руководителя судебно-медицинской экспертизы, профессора судебной медицины Софийского университета, и болгарского подданного Маркова, являющегося членом так называемой интернациональной комиссии, созданной немцами, и профессора Василевского, бывшего заместителя бургомистра города Смоленска во время немецкой оккупации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Назовите Ваше имя и фамилию.

СВИДЕТЕЛЬ. Фридрих Аренс.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги: "Клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

/Свидетель повторяет слова присяги/.

Можете сесть.

ШТАМЕР. Господин свидетель, Вы, будучи кадровым офицером германской армии, принимали участие во второй мировой войне?

АРЕНС. Да, само собой разумеется, что я, будучи кадровым офицером германской армии, принимал участие во второй мировой войне.

ШТАМЕР. Какой чин Вы имели в последнее время?

АРЕНС. В последнее время я имел чин полковника.

14682

H1209 – 0006

H1209 - 0007

ШТАМЕР. Были ли Вы на Восточном фронте?

АРЕНС. Да.

ШТАМЕР. В какой должности?

АРЕНС. Я был командиром полка связи.

ШТАМЕР. Каковы были задачи Вашего полка?

АРЕНС. Задачей нашего полка связи было устанавливать и поддерживать связь между нашей группой войск и соседними, а также подчиненными соединениями и подготавливать связь для предстоящих военных операций.

ШТАМЕР. Ваш полк имел какие-либо особые задания?

АРЕНС. Нет, за исключением обязанности обороняться, делать все для отражения нападения и так защищаться, чтобы не допустить захвата командного пункта нашего полка. Это было особенно важно для нашего полка связи и для его командного пункта, так как у нас в штабе находился весьма секретный материал.

ШТАМЕР. Ваш полк был полком связи № 537. Существовал ли кроме того, 537-й строительный батальон, т.е. батальон под тем же номером?

АРЕНС. Подразделение с тем же номером мне не было известно во время моего пребывания на центральном фронте. Не думаю, чтобы такое подразделение существовало.

ШТАМЕР. В чьем подчинении Вы находились?

АРЕНС. Я непосредственно подчинялся штабу центрального фронта, а лично - генералу Оберхойзеру - на протяжении всего времени моего пребывания на этом фронте. Наш полк и, в частности, штаб полка со своим первым отделом, находившимся непосредственно около штаба, временами подчинялись коменданту города Смоленска. Все приказы, которые я получал от этого

коменданта, проходили через генерала Оберхойзера, который или давал свое согласие в отношении этих приказов или запрещал полку выполнение этих приказов. Таким образом, я получал приказы исключительно от генерала Оберхойзера.

ШТАМЕР. Где был размещен Ваш штаб?

АРЕНС. Я начертил схему размещения штаба к западу от Смоленска.

ШТАМЕР. Я передал Вам эту схему. Скажите, это и есть Ваша схема?

АРЕНС. Да, эта схема была составлена мной по памяти.

ШТАМЕР. Сейчас я передал Вам вторую схему. Я попрошу Вас посмотреть на нее и сказать, правильно ли эта схема передает тогдашнее положение?

АРЕНС. Я хотел бы вкратце объяснить эту схему. Большое красное пятно справа - это город Смоленск. Западнее от Смоленска, по обеим сторонам Витебского шоссе, был расположен штаб фронта и авиационный корпус; это - к югу от Красного Бора. Темной линией на моей схеме обведено пространство, занятое войсками, принадлежавшими непосредственно к центральному фронту. Здесь не было почти ни одного свободного дома. Штаб моего полка находился в так называемой Катынской роще. Он изображен на схеме белым пятном, это - часть всего леса вокруг Катыни, равная, примерно, 1 кв. км. На южной окраине этой Катынской рощи находился штаб полка, так называемый "Днепровский замок". В двух с половиной километрах к востоку от штаба полка размещалась первая рота полка, которая занималась телефонной и телеграфной связью. Приблизительно в трех километрах к западу от штаба полка размеща -

14684

H1209 – 0008

H1209 – 0009

лась радиорота. На расстоянии радиусом в 1 км. от штаба полка не было ни одного здания. Вот этот большой двухэтажный дом в 14-15 комнат, с ваннами, кино, тиром, гаратом, санпропускником и т.д. был очень подходящим для штаба полка. Штаб полка в течение длительного времени размещался в этом здании.

ШТАМЕР. Скажите, вблизи не было штабов более крупных соединений?

АРЕНС. Здесь находились также штабы более крупных соединений, как я уже упоминал,—штаб фронта, штаб авиационного корпуса и отдельные штабы управлений; затем уполномоченный по вопросам железно-дорожного транспорта армейской группы в специальном поезде в Гнездове.

ШТАМЕР. Здесь говорилось о том, что некоторые события, которые происходили в окрестностях Вашего штаба, были весьма таинственными и подозрительными. Я поэтому попрошу Вас на мои последующие вопросы ответить с особой тщательностью.

Сколько немцев находилось в штабе и какие должности они занимали?

АРЕНС. Вначале в штабе имелось три, затем два офицера и приблизительно от 18 до 20 унтер-офицеров и рядовых; это было минимальное число, которое необходимо было иметь в штабе полка. Каждый человек в штабе был на учете.

ШТАМЕР. Был ли в Вашем штабе русский персонал?

АРЕНС. Да, у нас было четверо так называемых "добровольных помощников", затем несколько женщин, живших недалеко от штаба полка. "Добровольные помощники" оставались в течение продолжительного времени в штабе полка, а женский

персонал время от времени сменялся. Некоторые из этих женщин были из Смоленска и жили в особом доме при штабе полка.

ШТАМЕР. Этот русский персонал получил от Вас особые наставления о том, как следует себя вести?

АРЕНС. Я установил общие правила поведения для всего штаба полка, которые относились не только к русскому персоналу. Я уже упомянул об обязанности хранить в тайне дела штаба полка, так как в нем были не только все карты расположения армейской группы, но и соседних соединений; моим долгом было хранить в особой тайне все эти документы. Вследствие этого я закрыл все помещения, в которых находились эти материалы. Доступ в эти помещения имели только те лица, которые получили от меня соответствующее разрешение, - главным образом, офицеры, а также некоторые унтер-офицеры и рядовые, которые принесли соответствующую присягу.

ШТАМЕР. В какие именно комнаты было запрещено входить?

АРЕНС. В первую очередь это была комната референта по вопросам телефонной связи. Это относилось также к моей комнате, и частично, во всяком случае, в более мягкой форме, к комнате моего адъютанта. Все остальные помещения в доме и земельный участок были открыты для доступа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Штамер, каким образом эти показания относительно расположения комнат в штабе могут иметь отношение к данному делу?

ШТАМЕР. В русском документе утверждается, что в здании штаба происходило что-то таинственное, что полковник Аренс строжайшим образом приказал русскому персоналу держать

1486

H1209 – 0010

H1209 – 0011

все в секрете, что все комнаты были закрыты и что было разрешено входить в эти комнаты только в сопровождении часовых. Учитывая эти утверждения, я задал такие вопросы, чтобы доказать, что все эти факты находят совершенно естественное объяснение в задачах, стоявших перед полком и в той секретности, которая была связана с этими задачами. Только на этом основании я задал эти вопросы свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо, продолжайте.

ШТАМЕР. Я уже заканчивал эту серию вопросов.

/Обращаясь к свидетелю/: Был ли Катынский лес оцеплен и охранялся ли он часовыми?

Господин председатель, я хочу заметить в связи с этим вопросом, что здесь утверждали, будто-бы оцепление было установлено только этим полком, а до его появления вход в лес был свободен. Из этого также делают неблагоприятные для полка выводы.

АРЛИС. Чтобы обеспечить штаб полка от воздушных бомбардировок, я запретил рубить лес в непосредственной близости от штаба полка. В ту зиму воинские части рубили лес там,где находили его. 22 января был совершен довольно ожесточенный воздушный налет, во время которого половина нашего здания была разрушена. В тех условиях получить какое-либо другое здание было невозможно, и я стал особенно заботиться о том, чтобы этот сам по себе редкий лес сохранялся в качестве маскировки, так как я не люблю досок с объявлениями, я устно попросил другие воинские части оставить нам наши деревья для маскировки. Лес вовсе не был оцеплен и дорога была открыта для проезда; да иначе и быть не могло при том оживлении

ленном движении, которое было на этой дороге. Но я время от времени посылал в лес патрулей, чтобы посмотреть не рубят ли там деревья.

ЯТАМЕР. Обвинение ....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Ятамер, в удобное для Вас время Вы, конечно, обратите наше внимание на необходимые даты, а именно на дату прихода штаба полка в эти помещения и на дату, когда штаб выехал оттуда.

ЯТАМЕР. Да, конечно, господин председатель.

Когда Ваше подразделение,- Ваш полк.был размещен в этом Днепровском замке?

АРЕНС. Насколько мне известно, сразу же после того, как 1-й эшелон войск миновал эту территорию, в августе 1941 года,- это здание, как и многие другие, было конфисковано для нужд фронта, занято авангардными частями и затем, пока я там находился, - до августа 1943 года в этом здании помещался штаб полка.

ЯТАМЕР. Таким образом, если я правильно Вас понял, в августе 1941 года это здание было занято авангардными частями?

АРЕНС. Насколько я знаю, да.

14688

H1209 – 0012

H1209 – 0013

ШТАМЕР. Когда штаб занял это здание?

АРЕНС. Несколько недель спустя.

ШТАМЕР. Кто был тогда командиром полка?

АРЕНС. Моим предшественником был полковник Беданк.

ШТАМЕР. Когда Вы приняли командование полком?

АРЕНС. Я прибыл на центральный фронт во второй половине ноября 1941 года и, после передачи всех дел, в конце ноября, насколько мне помнится, 30 ноября, я принял командование полком.

ШТАМЕР. Беданк по всем правилам сдал Вам дела?

АРЕНС. Да, сдача дел была произведена весьма тщательно и подробно и продолжалась она очень долго, поскольку полк имел большой круг задач. Кроме того, мой начальник генерал Оберхойзер всегда старался вникать во все подробности и пожелал лично убедиться в том, что после передачи дел и соответствующего инструктажа, я был в состоянии полностью принять на себя руководство полком.

ШТАМЕР. Далее. Обвинение утверждало и называло подозрительным то, что в лесу часто стреляли. Правильно ли это и чем это можно об"яснить?

АРЕНС. Я уже упомянул, что одной из главных задач штаба полка была подготовка к тому, чтобы отразить возможное нападение. Так как у меня в штабе полка было мало людей, я должен был организовать и обеспечить то, чтобы ко мне в кратчайший срок могли притти подкрепления. Для этой цели была использована радиосвязь со штабом полка. Я приказал проводить упражнения по обороне и построить оборонительные сооружения вокруг штаба полка; на этих сооружениях и проводились упражнения с участием работников нашего штаба. Часть этих занятий проводил я сам. Само собой

разу/иется, что во время занятий происходила стрельба, в особенности потому, что мы занимались подготовкой к ночному бою.

ШТАМЕР. Далее утверждают, что около здания Вашего штаба и в самом здании происходило очень оживленное и подозрительное движение. Скажите коротко, в чем тут было дело?

АРЕНС. Около Штаба нашего полка было исключительно оживленное движение; оно еще более усилилось, когда весной 1942 года я приказал отстроить наш дом; я уже упомянул, что он был разрушен во время воздушного налета. Проводившиеся там учения, естественно, также делали движение еще более оживленным. Выдвинутые вперед подразделения, находившиеся в 300-400 километрах от штаба полка, должны были и могли поддерживать связь с полком только путем личного контакта.

ШТАМЕР. Говорят, что очень часто к штабу и от штаба под"езжали и уезжали грузовые машины. Это обстоятельство также считают подозрительным.

АРЕНС. Кроме снабжения, которое было довольно незначительным, к нам приезжали на грузовиках команды, о которых я упоминал, а также подвозили весь необходимый нам строительный материал. Впрочем, движение не было слишком оживленным.

ШТАМЕР: Знали ли Вы, что в 25 километрах к западу от Смоленска находилось три русских лагеря для военнопленных? Первоначально там находились поляки, а потом русские покинули эти лагери при приближении германских войск в июле 1941 года.

АРЕНС. Я в то время еще там не был, но за все время своего пребывания в России я не видел ни одного поляка и не

14690

H1209 – 0014

H1209 – 0015

слышал ни об одном поляке.

ШТАМЕР. Здесь утверждалось, что из Берлина, якобы, прибыл приказ расстрелять польских военнопленных. Знали ли Вы что-либо о таком приказе?

АРЕНС. Нет, я никогда ничего не слышал о таком приказе.

ШТАМЕР. Может быть, Вы получали подобный приказ от какой-либо другой инстанции?

АРЕНС. Я только что сказал, что о такого рода приказе я никогда ничего не слышал. Следовательно, я его и не получал.

ШТАМЕР. Были ли расстреляны поляки по Вашему указанию, по Вашему непосредственному указанию?

АРЕНС. По моему указанию не было расстреляно никаких поляков. Вообще никто не был расстрелян по моему указанию. За всю свою жизнь я не издавал таких приказов.

ШТАМЕР. Но ведь Вы прибыли только в ноябре 1941 года. Слышали ли Вы что-либо о том, что Ваш предшественник-полковник Беданк приказал провести такую акцию?

АРЕНС. Я ничего не слышал об этом. Я со своим штабом полка работал в самом тесном контакте в течение 21 месяца. Мы были так внутренне связаны – я хорошо знал своих людей, а они знали меня – что я абсолютно убежден, что ни мой предшественник, ни вообще кто-либо из моего полка не участвовал в подобном деле. И непременно, хотя бы по каким-нибудь намекам узнал бы об этом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Штамер, это уже не показание, а аргументация. Это аргументация. Он Вам говорил то, что по его мнению могло иметь место.

ШТАМЕР. Я спросил свидетеля, слышал ли он об этих событиях от лиц, служивших в его полку.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я полагаю, что ответ, очевидно, будет "нет", т.е. что он этого не слышал, а не то, что он убежден в том, что он этого не делал.

ШТАМЕР. После своего прибытия в Катынь Вы узнали, что в Катынском лесу находятся какие-то могилы?

АРЕНС. Вскоре после моего прибытия один из солдат обратил мое внимание на то, что в одном месте на холмике стоит березовый крест. В это время все было занесено снегом, но я сам видел этот березовый крест.

После этого, в 1942 году я постоянно слышал от своих солдат, что здесь, в нашем лесу, якобы когда-то происходили расстрелы. Я не обратил вначале на это внимания. Однако, летом 1942 г. об этих разговорах было упомянуто в приказе группы войск генерала Гарескорфа, причем генерал сказал мне, что он также знает об этих слухах.

ШТАМЕР. Потом выяснилось, что эти рассказы были правдивыми?

АРЕНС. Да, они оказались правдивыми. Я чисто случайно установил, что здесь действительно находилось какое-то место захоронения. Обнаружил я это зимой 1943 г. в январе/или феврале. Дело было так: я случайно увидел в этом лесу волка. Сначала я не поверил, чтобы это действительно мог быть волк, пошел по его следам вместе с одним знающим человеком и увидел разрытую могилу на этом холме с березовым крестом. Я попросил определить, какие кости там были. Врачи сказали, что это кости человека. Я сообщил об этом офицеру, ведавшему

14692

H1209 – 0016

H1209 – 0017

погребениями и могилами, так как я думал, что мы имеем дело с могилой погибших бойцов; таких могил было много вокруг нашего расположения.

ШТАМЕР. Каким образом дело дошло до вскрытия могил?

АРЕНС. В подробностях я не осведомлен об этом. Однажды ко мне явился профессор Буц по поручению командования фронтом и сообщил мне, что в моем лесу на основании имеющихся слухов, должны быть произведены раскопки и что поэтому он должен информировать меня об этих раскопках.

ШТАМЕР. Рассказывал ли Вам впоследствии профессор Буц со всеми подробностями о результатах своих раскопок?

АРЕНС. Он иногда рассказывал мне подробно об этом. В частности я помню, как он мне сказал, что у него есть окончательные доказательства относительно времени расстрела. Он показывал мне, между прочим, письма, которых я теперь уже точно не помню. Я запомнил только один дневник, который он передал мне, в этом дневнике следовали дата за датой, сопровождавшиеся письменными заметками, но я не мог их прочитать, так как они были написаны по польски. Он заявил мне, что эти заметки были сделаны польским офицером, причем дневник оканчивался весной 1940 года. В последней записи было выражено опасение, что им предстоит что-то ужасное. Таков был общий смысл.

ШТАМЕР. Говорил ли он Вам еще что-нибудь относительно времени, когда, по его мнению, был произведен расстрел?

АРЕНС. Г-н профессор Буц на основании найденных им вещественных доказательств пришел к выводу, что расстрелы были произведены весной 1940 года. Он неоднократно в моем присутствии высказывал это свое убеждение в том числе и тогда,

когда комиссии осматривали место захоронения, а я должен был предоставлять свой дом для размещения этих комиссий. Я лично ни с раскопками, ни с комиссиями не имел ничего общего. Я должен был лишь предоставить свой дом в их распоряжение, это был долг гостеприимства.

ШТАМЕР. Здесь утверждалось, что в марте 1943 г. на грузовиках в Катынь были доставлены трупы и погребены в этом лесу. Известно ли Вам что-либо по этому поводу?

АРЕНС. Мне ничего неизвестно.

ШТАМЕР. Но Вы должны были бы знать об этом, если бы это действительно имело место?

АРЕНС. Да, я, должен был бы об этом знать. По крайней мере, мне доложили бы об этом мои офицеры, так как офицеры находились все время на командном пункте полка, в то время как я, будучи командиром полка часто бывал в раз"ездах. Офицером, который в то время находился там, был старший лейтенант Ходт, адрес которого был мне вчера сообщен в одном письме.

ШТАМЕР. Были ли заняты на раскопках русские военнопленные?

АРЕНС. Насколько я помню, да.

ШТАМЕР. Можете ли Вы сообщить, какое количество военнопленных было занято на этих раскопках?

АРЕНС. Точно я не могу сказать, так как очень мало интересовался этими раскопками; ужасающая вонь вокруг нашего дома возбуждала в нас отвращение. Но, мне кажется, их было приблизительно 40-50 человек.

ШТАМЕР. Здесь говорилось, что они затем были расстреляны. Вам что-нибудь известно по этому поводу?

14694

H1209 - 0018

H1209 – 0019

АРЕНС. Нет, мне об этом ничего неизвестно и об этом я никогда ничего не слышал.

ШТАМЕР. У меня больше нет вопросов, господин председатель.

(К микрофону подходит защитник Денниц Крайнбюлер).

КРАЙНБЮЛЕР. Господин полковник. Вы сами когда-нибудь говорили с местными жителями о тех событиях, которые произошли там в 1940 г.?

АРЕНС. Да. В начале 1943 года около моего штаба полка, метрах в 800 от нас, жили муж с женой, русские. Они занимались пчеловодством, я сам тоже пчеловод, поэтому между нами установились довольно близкие отношения.

КРАЙНБЮЛЕР. Пожалуйста, говорите помедленнее.

АРЕНС. Когда состоялись раскопки, приблизительно в мае 1943 года, я сказал им как-то, что они собственно говоря должны знать, когда произошли эти расстрелы, поскольку они живут рядом с могилами. Тогда эти люди мне рассказали, что это было весной 1940 года; на станции Гнездово в 50-ти тонных железнодорожных вагонах прибыло свыше 400 поляков в

форме, которые были затем на грузовых машинах доставлены в лес. Они слышали потом стрельбу и крики.

КРАЦБЕЛЕР. В то время население имело доступ в этот лес?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Крацбелер, это наводящий вопрос. Я не думаю, что Вы должны задавать наводящие вопросы.

КРАЦБЕЛЕР. Знаете ли Вы о том, имело ли местное население доступ в этот лес?

АРЛЕС. Лес был огорожен и, по словам жителей, при русских гражданское население не имело доступа туда.

Еще при мне там были остатки ограды, на своей схеме я изобразил эту ограду черной чертой.

КРАЦБЕЛЕР. Когда Вы въехали в Днепровский замок, Вы не узнавали, кому принадлежало это здание раньше?

14696

H1209 – 0020

H1209 – 0021

АРЕНС: Я спрашивал об этом, поскольку это меня интересовало. Этот дом был весьма своеобразно построен. В нем было кино и собственный тир; уже это меня заинтересовало. Но за все время своего пребывания там, я так и не смог узнать ничего определенного.

КРАНЦБЮЛЕР: Кроме массовых могил, около Днепровского замка были найдены еще какие-нибудь другие могилы?

АРЕНС: В непосредственной близости от дома,- на схеме я изобразил это отдельными точечками,- были обнаружены мелкие могилы с разложившимися трупами и рассыпавшимися скелетами. В каждой могиле было по шесть-восемь или больше скелетов, мужских и женских. Даже я, будучи человеком несведущим, мог это легко определить, так как на большей части трупов были галоши, которые полностью сохранились. Там были найдены также остатки дамских сумочек.

КРАНЦБЮЛЕР: В течение какого времени находились эти скелеты в земле?

АРЕНС: Я не могу этого сказать. Я знаю лишь, что они совершенно разложились и распались. Кости сохранились, но скелеты уже рассыпались.

КРАНЦБЮЛЕР: Благодарю Вас, это все.

/К микрофону подходит защитник генерального штаба и ОКВ доктор Латернзер/.

ЛАТЕРНЗЕР: Господин председатель...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Латернзер, Вам известны правила, установленные Трибуналом?

ЛАТЕРНЗЕР: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Таким образом, Вы не имеете права задавать здесь свидетелю никаких вопросов.

ЛАТЕРНЗЕР: Господин председатель, я как раз хотел в этом совершенно исключительном случае просить...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Латернзер, я уже сказал, что Вам известни правила Трибунала и Трибунал не будет заслушивать Вас здесь. Трибунал уже дважды выносил решение по этому поводу в связи с Вашими возражениями, и Трибунал не будет Вас здесь заслушивать.

ЛАТЕРНЗЕР: Господин председатель, Катынское дело является одним из самых тяжких обвинений, которые пред"являются генеральному штабу и ОКВ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Латернзер, Трибуналу очень хорошо известен характер всех обвинений, выдвинутых по Катынскому делу, и Трибунал не намерен делать никаких исключений из правил и он не будет Вас здесь заслушивать. Поэтому будьте любезны, сядьте на место.

ЛАТЕРНЗЕР: Я заявляю, господин председатель, что в таком случае я чувствую себя крайне ограниченным в ведении своей защиты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктору Латернзеру очень хорошо известно, что он может ходатайствовать перед комитетом о вызове любого из свидетелей, доставленных сюда, если его показания имеют отношение к какой-то определенной организации, дело которой представляет доктор Латернзер. Я ничего больше не хочу слушать.

ЛАТЕРНЗЕР: Господин председатель, тот путь, который Вы мне указываете, не имеет никакого практического значения. Я не могу вызвать в комиссию всех свидетелей, которые появляются здесь, в зале Суда.

/К микрофону подходит адвокат Зимерс/.

H1209 - 0022

H1209 - 0023

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зиммерс, Вы хотите выступить от имени подсудимого Денница или Редера?

ЗИММЕРС: Редера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, в том случае, если вопросы, которые Вы собираетесь задать, не относятся непосредственно к делу подсудимого Редера, Трибунал не намерен слушать дальнейший перекрестный допрос. Этот вопрос в общем был рассмотрен доктором Штамером, а также доктором Кранцбюлером и поэтому, если вопросы, которые Вы собираетесь задавать, не имеют непосредственного отношения к делу подсудимого Редера, то Трибунал не будет заслушивать их здесь.

ЗИММЕРС: Господин председатель, я полагал, что я на основании двух причин могу задать этому свидетелю вопросы. Во-первых, так как сам Суд об"явил, что в заговоре принимали участие все подсудимые, а во-вторых, так как гросс-адмирал Редер, по утверждению Обвинения, принадлежит также к, якобы, преступным организациям ОКВ и генеральному штабу. Вот почему я хотел задать этому свидетелю 2-3 дополнительных вопроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зиммерс, если бы имелись какие-либо обвинения, имеющие какое-либо отношение к делу подсудимого Редера, Трибунал, конечно, разрешил бы Вам задать эти вопросы. Но в данном случае не имеется такого обвинения, которое бы указывало на связь подсудимого Редера с обвинениями по делу Катынского леса.

ЗИММЕРС: Я очень благодарен Суду за эту констатацию.

ЛАТЕРНЗЕР: Господин председатель, я прошу разрешить мне задать еще один вопрос. Пусть Обвинение скажет, на кого оно возлагает вину за Катынское дело?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не думаю, что следует отвечать на подобные вопросы. Если Обвинение желает, то оно может подвергнуть свидетеля перекрестному допросу.

/Начинается перекрестный допрос/.

Полковник СМИРНОВ: Скажите, пожалуйста, свидетель, с какого все-таки времени точно Вы находились на территории Смоленской области?

АРЕНС: Я уже ответил на этот вопрос; со второй половины ноября 1941 года.

СМИРНОВ: Прошу Вас ответить далее. Где Вы находились до второй половины ноября 1941 года? Имели ли Вы какое-нибудь отношение к Катыни и к Смоленску вообще, как к местности? Были ли Вы физически там в сентябре, в октябре 1941 года?

АРЕНС: Нет, я там не был.

СМИРНОВ: Значит, ни в сентябре, ни в октябре 1941 года Вы не знаете, какие события происходили в это время в Катынском лесу?

АРЕНС: В то время я там не был, но я уже упомянул...

СМИРНОВ: Нет, нет, меня интересует в данном случае короткий вопрос, были ли Вы там физически или не были, могли ли Вы видеть сами, что там происходило или нет?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Он говорит, что он там не был.

АРЕНС: Нет, я этого не мог видеть.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Он сказал, что он не был там ни в сентябре, ни в октябре 1941 года.

СМИРНОВ: Может быть, Вы вспомните фамилии русских работниц, которые работали на даче в Катынском лесу?

АРЕНС: Эти женщины не работали в разных домах. Они только помогали на кухне в нашем Днепровском замке. Их имен

14700

H1209 – 0024

H1209 – 0025

я вообще никогда не знал.

СМИРНОВ: Следовательно, русские работницы обслуживали только дачу, расположенную в Катынском лесу, дачу, в которой размещался штаб?

АРЕНС: Мне кажется, что этот вопрос мне не совсем хорошо переведен. Я его не понял.

СМИРНОВ: Я спрашиваю Вас о том, что русские работницы работали только на даче в Козьих горах, в которой размещался штаб части, это правильно?

АРЕНС: Эти работницы служили при штабе полка. Они помогали на кухне, работали на земельном участке вокруг нашего дома и близлежащих домов, то-есть я имею в виду, что они работали в хлеву, в гараже, в погребе, в котельной...

СМИРНОВ: Я перечислю Вам некоторые фамилии...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуточку, мы очень плохо слышим перевод. Я не знаю... Хорошо, сейчас Вы можете продолжать.

СМИРНОВ: Я перечислю Вам некоторые фамилии немецких военнослужащих. Прошу Вас ответить, принадлежали ли они к Вашей части? Обер-лейтенант Рекс.

АРЕНС: Обер-лейтенант Рекс был моим полковым ад"ютантом.

СМИРНОВ: Прошу Вас ответить, - до Вашего прибытия в Катынь он служил уже в этой катынской части?

АРЕНС: Да, он служил там до меня.

СМИРНОВ: Он являлся Вашим ад"ютантом?

АРЕНС: Да, он был моим ад"ютантом.

СМИРНОВ: Лейтенант Ходт. Ходт или Хот?

АРЕНС: Ходт. По какой собственно вопрос Вы мне задаете относительно лейтенанта Ходта?

СМИРНОВ: Я Вам ставлю вопрос, относился ли он к Вашей воинской части или нет?

АРЕНС: Лейтенант Ходт принадлежал к полку. Был ли он ...

СМИРНОВ: Об этом я и спрашиваю - к полку, которым Вы командовали, к Вашей воинской части?

АРЕНС: Я не сказал, что он принадлежал к штабу полка; он принадлежал к полку, а полк состоял из трех батальонов.

СМИРНОВ: Но он жил на этой же даче?

АРЕНС: Этого я не знаю. Когда я прибил, его там не было. Он был впервые вызван туда мной.

СМИРНОВ: Я перечислю некоторые другие фамилии: унтер-офицер Розе, затем рядовой Шмке, оберфельдфебель Гриневский, повар по имени Густав - это военнослужащие, которые имелись на даче.

АРЕНС: Я попросил бы Вас повторить еще раз все фамилии по отдельности, а я буду отвечать.

СМИРНОВ: Вахмистер Лермерт.

АРЕНС: Да.

СМИРНОВ: Унтер-офицер Розе.

АРЕНС: Да.

СМИРНОВ: По-моему, кладовщик, работавший при кухне на Вашей даче, если мне не изменяет память, - Шмке.

АРЕНС: Фамилия этого человека была Гизекен.

СМИРНОВ: Да, да, я не совсем правильно произнес. Таким образом, это все Ваши люди, - люди, относящиеся к Вашей части?

АРЕНС: Совершенно правильно.

СМИРНОВ: Вы, следовательно, утверждаете, что Вы не знали, чем занимались эти люди в сентябре и октябре 1941 года?

14702

H1209 - 0026

H1209 - 0027

АРЕНС: Так как меня в то время не было, я не могу говорить об этом с определенностью.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Смирнов, мы сейчас об"явим перерыв.

/Перерыв на 10 минут/

Встать! Суд идет!

СМИРНОВ: Разрешите продолжать?

Господин председатель, поскольку свидетель заявил, что он не может давать показания к периоду времени, относящемуся к сентябрю-октябрю 1941 года, я ограничу допрос несколькими очень короткими вопросами.

/Обращаясь к свидетелю/. Господин свидетель, я просил бы Вас определить положение дачи и бора в отношении шоссе Смоленск-Витебск. Далеко ли размещалась эта дача?

АРЕНС. Моя схема составлена по памяти в масштабе, примерно, - 1 : 100.000. Я считаю, таким образом, что могилы находились от 200 до 300 метров западнее дороги, которая вела к нашему Днепровскому замку, то-есть от 200 до 300 метров к югу от шоссе Смоленск-Витебск, а еще через 600 м. находился наш замок.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Будьте любезны, повторите-то, что Вы сказали.

АРЕНС. Южнее шоссейной дороги Смоленск-Витебск, примерно в 15 километрах западнее Смоленска. Насколько я могу судить по масштабу моей схемы 1 : 100.000, учитывая, что я чертил ее по памяти, на 200-300 метров южнее находились могилы, а еще через 600 метров к югу находилась наша полковая штабс-квартира, Днепровский замок. Это как раз на крутом берегу реки.

СМИРНОВ. Следовательно, от шоссе Смоленск-Витебск Ваша дача находилась примерно в 600 метрах?

АРЕНС. Нет, это неверно. Я сказал...

СМИРНОВ. Скажите, сколько более или менее точно - какое расстояние отделяло шоссе от дачи?

АРЕНС. Я это только что сказал, в 200-300 метрах от дороги находились могилы, а в 600 метрах от них - дом. Следовательно, он был на расстоянии в 900-1000 метров. Возможно, 800 м. точно я не могу сказать, но примерно расстояние было именно таково. Это видно и из схемы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не совсем понял Ваш вопрос, Вы, полковник Смирнов, спросили следующее: как далеко находилась дача от дороги, не так ли?

СМИРНОВ. Нет, господин председатель, как далеко стояла дача от шоссе Смоленск-Витебск.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что Вы понимаете под словом "дача"?

СМИРНОВ. Штаб той части, которой командовал свидетель в 1941 г., помещался на даче, находившейся в непосредственной близости от берега реки Днепр, на расстоянии, примерно, 900 метров от шоссе. Могилы находились ближе к шоссе. Меня интересовал вопрос о том, как далеко отстоял штаб от шоссе и как далеко отстояли могилы от шоссе в Катынской роще.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы хотите узнать, как далеко находился дом, в котором располагался штаб, от шоссе? Это правильно?

СМИРНОВ. Совершенно точно, господин председатель, именно это я хотел узнать.

АРЕНС. Было задано два вопроса. Первый - на каком расстоянии от шоссе находились могилы и второй - на каком расстоянии от шоссе находился дом. Я еще раз отвечаю:

14704

H1209 - 0028

H1209 – 0029

дом был расположен на 800–1000 м. южнее шоссе Смоленск–Витебск.

СМИРНОВ. Одну минуту. Первоначально я спрашивал Вас только о доме. О могилах Вы ответили по собственной инициативе. Теперь я поставлю вопрос и о могилах: как далеко от шоссе Смоленск–Витебск находились массовые могилы?

АРЕНС. От 200 до 300 метров, может быть, даже 350 метров.

СМИРНОВ. Следовательно, могилы находились в 200–300 метрах от ладной сравнительно магистрали, соединяющей два крупных центра?

АРЕНС. Так точно, они находились на расстоянии от 200 до 300 метров южнее шоссейной дороги, по которой – во всяком случае, при мне – шло более оживленное движение, чем по какой-либо другой из всех виденных мною русских дорог.

СМИРНОВ. Именно об этом я Вас и спрашивал. Теперь прошу Вас ответить, представлял ли собой Катынский лес настоящий лес или это было нечто вроде парка или рощи?

АРЕНС. Я все время говорил о Катынской роще. Эта Катынская роща изображена на моей схеме; она представляет собой обнесенный изгородью участок леса, примерно в 1 км^2 величиной.

Это смешанный лес. Там есть старые и молодые деревья и очень много берез. Но лес был частично вырублен, я думаю на 30–40 процентов. Это можно было определить по свежим пням. Ни в коем случае нельзя считать этот лес (парком), по крайней мере, для такого вывода нет оснований.

СМИРНОВ. Так.

АРЕНС. В этом лесу происходили бои, потому что там сохранились еще окопы и укрытия.

СМИРНОВ. Так. Но, во всяком случае, лесом в полном смысле этого слова Катынский лес, как он именуется, назвать нельзя? Это - сравнительно небольшая роща в непосредственной близости от шоссе Смоленск-Витебск? Это правильно?

АРЕНС. Нет, неправильно. Это лес. Весь Катынский лес - это настоящий лес, он начинается только около нашей рощи, а затем идет дальше. Часть этого большого Катынского леса была огорожена, эту часть величиной в один квадратный километр мы называли Катынской рощей, но она была органически связана со всем лесным массивом, расположенным к югу от шоссе. Лес начинался с нашей рощи и шел затем дальше на Запад.

СМИРНОВ. Меня не интересует общая характеристика лесных массивов. Я прошу Вас ответить на короткий вопрос: массовые могилы размещены были в этой рощице?

АРЕНС. Массовые могилы находились непосредственно западнее дороги, на полянке, там была молодая поросль.

СМИРНОВ. Но эта полянка, это мелколесье находились внутри этой рощицы - этой небольшой рощи у шоссе Смоленск-Витебск? Это правильно?

АРЕНС. На расстоянии от 200 до 300 метров от шоссе Смоленск-Витебск, непосредственно к западу от дороги, которая вела от шоссе к Днепровскому замку. На своей схеме я обозначил это место большой белой точкой.

СМИРНОВ. Еще один вопрос. Насколько Вам известно, - шоссе Смоленск-Витебск существовало уже до немецкой

14706

H1209 – 0030

H1209 – 0031

оккупации Смоленска или оно было построено лишь после начала оккупации?

АРЕНС. Когда я в конце ноября 1941 года приехал в Россию, – все было покрыто снегом. Но у меня позднее создалось впечатление, что эта дорога существует уже давно, в то время как автострада Минск–Москва была новой. Таково было мое впечатление.

СМИРНОВ. Понятно. Теперь скажите, пожалуйста, при каких обстоятельствах, вернее, когда Вы все-таки впервые обнаружили крест в рощице?

АРЕНС. Точно я не могу назвать этого момента. Мне об этом говорили и мои солдаты и я приблизительно в начале января 1942 г. или, может быть, в конце декабря 1941 года проезжая мимо увидел этот крестик, выступавший из под снега.

СМИРНОВ. Значит, Вы его уже увидели в 1941 году или в самом начале 1942 года?

АРЕНС. Я только что сказал это.

СМИРНОВ. Да-да. Теперь я прошу Вас все-таки более точно определить период, когда Вас волк привел к этому крестику? Это было зимой или летом – в каком году?

АРЕНС. Это было в начале 1943 года.

СМИРНОВ. 43-го года, причем вокруг этого крестика Вы увидели кости?

АРЕНС. Нет.

СМИРНОВ. Нет?

АРЕНС. Я сначала их не видел. Для того, чтобы установить, действительно ли это был волк, так как мне ука-

казалось почти невозможным, чтобы так близко от Смоленска жил волк, - я вместе с охотником пошел осматривать его следы и нашел вырытые им ямы. По земля промерзала, все было покрыто снегом и поэтому больше я ничего не увидел. Только, когда все растаяло, позднее - несколькими месяцами позднее - мои солдаты нашли кости и я показал эти кости врачу. Врач сказал мне, что это человеческие кости. Я сказал: "Это, очевидно, могила, оставшаяся после происходивших здесь боев и за этой могилой, как и за всеми могилами погибших, должен наблюдать офицер, ведающий погребениями и могилами. Поэтому я и обратился к этому офицеру, но уже когда растаял снег.

СМИРНОВ. Кстати, Вам приходилось самому видеть катынские могилы?

АРЕНС. Уже вскрытыми или до того?

СМИРНОВ. Да, вскрытыми.

АРЕНС. Когда они были вскрыты, я должен был проезжать мимо этих могил, так как они были западнее дороги, которая вела на нашу дачу и всего в 30 метрах от нее. Я не мог, конечно, проезжая, не видеть этих могил.

СМИРНОВ. Меня интересует, может быть Вы вспомните, какой слой земли прикрывал массу человеческих трупов, находившихся в этих могилах?

14708

H1209 - 0032

H1209 – 0033

АРЕНС. Этого я не знал. Я уже говорил, что этот ужасный запах, который мы должны были переносить в течение нескольких недель, был мне настолько противен, что когда я проезжал на своей машине по этой дороге, я всегда закрывал окна и старался скорее проехать мимо.

СМИРНОВ. Но все-таки, если Вы хотя бы бегло глядели на эти могилы, может быть, Вы заметили - глубокий или незначительный был слой земли, отделявший поверхность земли от трупов, был ли он в несколько десятков сантиметров или он исчислялся метрами? Может быть, Вам говорил по этому поводу что-либо профессор Вуц?

АРЕНС. Будучи командиром полка связи, я должен был следить за работой на территории, равной по размерам половине Великой Германии и очень часто бывал в разъездах. Моя работа протекала не на командном пункте. Поэтому я обычно с понедельника или вторника до самой субботы находился в своей части. Когда я проезжал по этой дороге, я иногда, правда, бросал взгляд в сторону могил, но деталями особенно не интересовался и с профессором Вуцем об этих деталях не говорил. Поэтому я не припоминаю сейчас того, о чем Вы меня спрашиваете.

СМИРНОВ. Из предъявленных советским обвинением высокому суду документов явствует, что, очевидно, трупы были зарыты на глубину полтора-два метра. Теперь меня интересует вопрос, где Вы нашли такого волка, который сумел разрыть землю на глубину полтора-два метра?

АРЕНС. Я не нашел такого волка, я видел его.

СМИРНОВ. Скажите, пожалуйста, почему, обнаружив крест

и узнав о массовых могилах в 1941 году, Вы только в марте 1943 года приступили к раскопкам массовых захоронений?

АРЕНС. Это не было моим делом. Это было делом фронта. Я уже говорил, что в 1942 году велось все больше и больше разговоров по этому вопросу; я часто их слышал и поговорил об этом с полковником Герстгофом из штаба центрального фронта. Он сказал мне, что уже все знает и я счел свой долг выполненным. Я сообщил о том, что я видел и слышал. В остальном это дело меня совершенно не касалось и я не занимался этим. У меня и так было достаточно других забот.

СМИРНОВ. У меня к Вам последний вопрос. Скажите, пожалуйста, с какой все-таки семейной парой Вы имели разговор и, может быть, Вы вспомните фамилию этой семейной пары, сообщившей о расстреле в Катынском лесу?

АРЕНС. Эта пара жила в маленьком домике, примерно в 800-1000 метрах к северу от скрещения нашей дороги с Витебским шоссе; их фамилию я уже не помню.

СМИРНОВ. Значит, фамилию этой семейной пары Вы не помните?

АРЕНС. Нет, не помню.

СМИРНОВ. Значит, Вы слышали относительно катынских событий от семейной пары, фамилии которой Вы не помните, и от каких-либо других жителей Вы ничего не слышали?

АРЕНС. Я прошу еще раз повторить вопрос.

СМИРНОВ. Следовательно, Вы слышали о катынских событиях только от той семейной пары, фамилии которой Вы не помните? Ни от каких других местных жителей Вы о событиях в Катыни не слышали?

14710

H1209 – 0034

H1209 – 0035

АРЕНС. Я лично слышал все это только от этой пари, но мои солдаты передавали мне рассказы и других жителей.

СМИРНОВ. Вам известно, что в период расследования катынского дела, вернее, катынской провокации, немецкой полицией были расклеены объявления на улицах Смоленска, обещавшие вознаграждение тому, кто что-либо покажет о Катыни - за подписью лейтенанта Косса?

АРЕНС. Я лично не видел этих объявлений, но я знаю по фамилии этого лейтенанта Косса.

СМИРНОВ. Самый последний вопрос. Вы знакомы с сообщением Чрезвычайной Государственной Комиссии о Катыни?

АРЕНС. Вы имеете ввиду русскую белую книгу?

СМИРНОВ. Нет, я имел ввиду сообщение советской Государственной Чрезвычайной Комиссии о Катыни. Советское сообщение.

АРЕНС. Да, я его читал.

СМИРНОВ. Но Вы осведомлены о том, что Вы указаны Чрезвычайной Государственной Комиссией в числе лиц, ответственных за преступления в Катыни?

АРЕНС. Там написано: "подполковник Аренс".

СМИРНОВ. Я не имею больше вопросов, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Штамер, желаете ли Вы произвести повторный допрос свидетеля.

ШТАМЕР /защитник Геринга/: Господин свидетель, Вы сказали, что Вам неизвестно, когда старший лейтенант Ходт был прикомандирован к Вашему штабу. Вы знаете, когда он прибыл в Ваш полк?

АРЕНС. Я знаю, что он с начала русской кампании был в полку.

ШТАМЕР. Он с самого начала был в этом полку?

АРЕНС. Да, он с самого начала русской кампании был в этом полку.

ШТАМЕР. Еще один вопрос в связи с беседой между Вами и профессором Вуцем. Рассказывал ли Вам профессор Вуц о том, каковы были самые поздние даты на найденных им письмах?

АРЕНС. Он говорил мне о весне 1940 года. Он мне также показывал дневник. Я видел там даты, но я не припоминаю теперь точно, какие это были даты. Но они также оканчивались весной 1940 года.

ШТАМЕР. Следовательно, там не было найдено документов более позднего времени?

АРЕНС. Профессор доктор Вуц заявил мне, что других документов с более поздними датами, или каких-либо указаний на такие даты, найдено не было, он выразил убеждение в том, что, очевидно, расстрелы были произведены весной 1940 года.

ШТАМЕР. Господин председатель, у меня нет больше вопросов к этому свидетелю.

Ген.НИКИТЧЕНКО. Скажите свидетель, Вы не можете припомнить точно, когда профессор Вуц говорил Вам о времени, к которому он относит захоронение трупов в массовых могилах?

АРЕНС. Я просил бы еще раз повторить вопрос.

Генерал НИКИТЧЕНКО. Когда профессор Вуц говорил Вам относительно массовых могил и утверждал, что захоронение трупов относится к весне 1940 года?

АРЕНС. Я точно не помню времени, но это было весной 1943 года, до начала раскопок.- Простите, он сказал мне тогда, что должен будет производить раскопки. Во время этих

14712

H1209 – 0036

H1209 – 0037

раскопок он несколько раз бывал у меня. Это было в конце апреля или в мае. В середине мая он мне рассказал детали об этих раскопках, в том числе и то, что я здесь показал. Но я не помню точно, в какой день профессор Вуц посетил меня.

НИКИТЧЕНКО. Как я помню, Вы говорили, таким образом, что в Катынь прибыл профессор Вуц. Когда он именно прибыл туда?

АРЕНС. Весной 1940 года профессор Вуц пришел ко мне и сказал, что по указанию командования фронтом, он должен начать раскопки в моей роще. Затем начались раскопки и в течение ....

НИКИТЧЕНКО. Может быть, неправильный перевод ...

АРЕНС. 1943 года, весной 1943 года, и в течение нес - кольких недель после начала раскопок профессор Вуц приезжал ко мне, когда я бывал дома и беседовал со мной об этом. Тут он мне рассказал то, о чем я здесь говорил. Я думаю, что это было в середине мая 1943 года.

НИКИТЧЕНКО. Из Ваших показаний, которые Вы давали на вопрос защитника, я понял, таким образом, что профессор Вуц утверждал, что расстрелы относятся к весне 1940 года, до того, как прибыли комиссии для производства раскопок. Это верно?

АРЕНС. Я еще раз повторяю, что профессор Вуц ...

НИКИТЧЕНКО. Не нужно повторять то, что Вы говорили. Я спрашиваю только: верно ли или, может быть, неправильно было переведено, или Вы говорили вначале неправильно.

АРЕНС. Я не понял того, что Вы меня сейчас спросили, поэтому я еще раз хочу повторить. Я не понимаю смысл последнего вопроса. Я просил бы повторить еще раз этот вопрос.

НИКИТЧЕНКО. Первоначально при допросе Вас защитником Ви, как я понял, говорили, что профессор Буц говорил Вам о том, что расстрелы относятся к весне 1940 года, до того, как прибыли комиссии для производства раскопок.

АРЕНС. Нет, Вы неправильно меня поняли. Я сказал, что профессор Буц приехал ко мне и сказал, что ему поручено провести раскопки. Он сообщил это мне, так как дело касалось моей роты. Раскопки были произведены. Затем через 6-8 недель профессор Буц пришел ко мне - вообще говоря, он приходил ко мне чаще, но тут он пришел и сказал, что, по его мнению, он установил время расстрелов на основании находок. Он заявил мне это, приблизительно, в середине мая.

НИКИТЧЕНКО. Сами Вы не присутствовали при изъятии дневника и других документов, которые показывал Вам профессор Буц?

АРЕНС. Нет.

НИКИТЧЕНКО. Вы не знаете, где он достал дневник и другие документы?

АРЕНС. Этого я не знаю, нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Когда Вы впервые сообщили Вашему высшему начальству о том, что Вы подозреваете, что там имеются могилы?

АРЕНС. Я сначала не имел никаких подозрений. Я уже сказал, что там происходили в свое время бои; поэтому я не придавал значения тому, о чем мне он рассказывал и не верил этим разговорам. Я считал, что это могилы погибших. Таких могил было много в этой местности.

H1209 – 0038

H1209 – 0039

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы не отвечаете на мой вопрос. Я спросил Вас, когда Вы впервые сообщили высшему начальству о том, что там имелись могилы?

АРЕНС. Летом 1942 г. я говорил об этом с полковником Герстгофом - о том, что я слышал. Герстгоф сказал мне, что он тоже слыхал об этом. Так закончился наш разговор. Герст - гоф тоже считал, что это неправда; не знаю, что он думал, но во всяком случае, он не был уверен в справедливости этих рассказов. Затем, весной 1943 г., когда стаял снег, мне принесли найденные там кости, и я тогда сообщил по телефону офицеру, ведавшему погребениями и могилами, что там, видимо, находятся могилы погибших. Это было перед тем, как профессор Буц был у меня.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подали ли Вы какой-нибудь доклад в письменном виде об этом?

АРЕНС. Нет, я никакого доклада не подавал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И Вы вообще никогда не писали никакого доклада?

АРЕНС. Нет, я вообще не имел никакого отношения к этому делу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетеля можно увести.

/К микрофону подходит адвокат Штамер/.

ШТАМЕР. Я прошу разрешения вызвать следующего свидете - ля - старшего лейтенанта Рейнгарда фон Эйхборна.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Пожалуйста.

/В зал суда вводит свидетеля Эйхборна/.

Назовите Ваше имя и фамилию.

СВИДЕТЕЛЬ. Рейнгард фон Эйхборн.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги: "Клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

/Свидетель повторяет слова присяги/.

Можете сесть.

ШТАМЕР. Господин свидетель, кто Вы по специальности?

ЭЙХБОРН. Судебный асессор.

ШТАМЕР. Вы были призваны в германскую армию во время этой войны?

ЭЙХБОРН. Да, в августе 1939 года.

ШТАМЕР. В какую часть Вы были направлены?

ЭЙХБОРН. В 537-й полк связи.

ШТАМЕР. Какой чин Вы там имели?

ЭЙХБОРН. В начале войны я был командиром взвода.

ШТАМЕР. А в конце войны?

ЭЙХБОРН. Старшим лейтенантом.

ШТАМЕР. Были ли Вы во время войны на Восточном фронте?

ЭЙХБОРН. Да, с самого начала.

ШТАМЕР. При своем полку?

ЭЙХБОРН. Нет, с 1940 г. при штабе Центрального фронта.

ШТАМЕР. Существовал ли помимо Вашего 537-го полка еще 537-й саперный батальон?

ЭЙХБОРН. Нет, в распоряжении Центрального фронта не было 537-го саперного батальона.

ШТАМЕР. Когда Вы с вашим соединением прибыли в район Катыни?

ЭЙХБОРН. Штаб Центрального фронта приблизительно 20 сентября переехал в Смоленск или в окрестности Смоленска.

14716

H1209 – 0040

H1209 – 0041

ШТАМЕР. А где Вы были ранее?

ЭЙХБОРН. Я не понимаю Вашего вопроса?

ШТАМЕР. Откуда Вы прибыли?

ЭЙХБОРН. Мы прибыли из Борисова.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Одну минуточку. Он сказал 20 сентября, но не сказал какого года.

ШТАМЕР. 20 сентября какого года?

ЭЙХБОРН. 20 сентября 1941 года.

ШТАМЕР. 537-й полк был уже там?

ЭЙХБОРН. Штаб 537-го полка всегда менял свое расположение вместе со штабом фронта и находился поблизости от штаба фронта. Передовые отряды полка прибывали на новое место еще раньше и устанавливали связь.

ШТАМЕР. Где был расположен штаб полка?

ЭЙХБОРН. Штаб 537-го полка связи был расположен в так называемом Днепровском замке.

ШТАМЕР. А где находился передовой отряд этого полка?

ЭЙХБОРН. Передовой отряд мог быть тоже расположен в этом доме, во всяком случае, часть отряда, чтобы занять это здание для штаба полка.

ШТАМЕР. Вы знаете, кто командовал этим передовым отрядом?

ЭЙХБОРН. Отрядом командовал лейтенант Ходт.

ШТАМЕР. Когда этот отряд прибыл в Катинь?

ЭЙХБОРН. Смоленск пал, примерно, 17 июля 1941 года. Так как штаб фронта хотел расположиться непосредственно около Смоленска, он сразу же после взятия Смоленска занял этот район, подыскав для себя подходящую штабс-квартиру. Как только этот район был занят штабом фронта, т.е. во второй половине июля 1941 года, наш переходной отряд прибыл туда.

ШТАМЕР. Итак, с июля 1941 года по 20 сентября 1941 года там находился переходной отряд?

ЭЙХБОРН. Да.

ШТАМЕР. А 20 сентября приехал весь штаб?

ЭЙХБОРН. Да. Возможно, что часть штаба прибыла позднее, но в основном штаб прибыл около 20 сентября.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы говорите о штабе армейской группы или о штабе полка связи?

ЭЙХБОРН. Я говорю об обоих штабах. Переброска таких больших штабов продолжается не один день, а два-три дня. Полк должен был обеспечить связь и поэтому, часть полка оставалась на старом месте до тех пор, пока весь штаб не переехал полностью на новое место.

ШТАМЕР. Где был размещен этот переходной отряд?

ЭЙХБОРН. Во всяком случае, часть отряда была помещена в Днепровском замке. Другие части отряда разместились по соседству с теми местами, где потом должны были расположиться роты нашего полка. Все это делалось для того, чтобы занять квартиры для полка, пока основная его масса еще не прибыла.

ШТАМЕР. А где находился штаб 537 полка?

14718

H1209 – 0042

H1209 – 0043

ЭЙХБОРН. В Днепровском замке.

ШТАМЕР. Вы можете назвать фамилии тех офицеров, которые принадлежали к штабу полка?

ЭЙХБОРН. Там был тогда командир полка подполковник Бедеик, лейтенант Рекс, адъютант; лейтенант Хохт, офицер для поручений; капитан Шефер, референт по вопросам телефонной связи. Возможно, что там были еще 1-2 человека, но их имен я теперь уже не помню.

ШТАМЕР. О задачах полка уже говорил предыдущий свидетель. Как контролировалась деятельность штаба полка?

ЭЙХБОРН. Этот полк, который состоял из 10-12 рот, должен был представлять каждый вечер донесения о том, какие задачи выполняет каждая рота. Это было нужно для того, чтобы мы знали, какими силами мы располагаем в случае получения нового задания.

ШТАМЕР. На каком расстоянии от Днепровского замка Вы разместились?

ЭЙХБОРН. Приблизительно, на расстоянии в четыре-пять километров: точно я не знаю, так как я всегда ездил там на автомобиле. Но, по-моему, там было 4-5 клм.

ШТАМЕР. Вы часто бывали в Днепровском замке?

ЭЙХБОРН. Да, довольно часто, но не по служебным делам. Я был из этого полка, знал большую часть офицеров полка и дружил с ними.

ШТАМЕР. Можете ли Вы сказать, насколько оживленным было движение в районе Днепровского замка?

ЭЙХБОРН. Говоря об оживленности движения, нужно делать различие между людьми и машинами. Людей туда ходило очень много, так как управление полком должно было быть в высшей степени централизовано, чтобы полк

справлялся со своими задачами. Поэтому туда приходило множество связных. Даже некоторые командиры рот часто там бывали. С другой стороны, там было довольно оживленное движение легковых и грузовых автомашин, так как отстраивали дом и даже впоследствии, пока мы там были, в доме производились всевозможные архитектурные работы.

ШТАМЕР. Вы что-либо слышали о том, что в 25-45 километрах западнее Смоленска находилось три русских лагеря для военнопленных польских офицеров и что затем эти лагери попали в руки к немцам?

ЭЙХБОРН. Нет, я никогда не слышал ничего о лагерях для польских офицеров или для польских военнопленных.

ШТАМЕР. Вашему фронту что-либо сообщалось о взятии в плен таких польских офицеров?

ЭЙХБОРН. Нет, а я должен был бы об этом знать, так как я каждый вечер получал сообщения от армий о количестве офицеров, взятых ими в плен за день. Мы несли ответственность за получение этих сообщений и, поэтому, читали их каждый вечер.

ШТАМЕР. Итак, Вы не получали такого сообщения?

ЭЙХБОРН. Я не видел такого сообщения ни от армии, которая бы должна была подать это донесение, ни от фронта, который об"единял все эти сообщения в своем вечернем донесении ОКХ.

ШТАМЕР. А другим путем могло как-либо поступить это сообщение?

ЭЙХБОРН. Нет, порядок подачи сообщений соблюдался в сухопутных войсках очень строго и штабы следили за тем, чтобы его придерживались.

14720

H1209 – 0044

H1209 – 0045

ШТАМЕР. Пожалуйста, медленнее, медленнее.

ЭЙХБОРН. Во всяком случае, от армий всегда требовали, чтобы они представляли стандартные сообщения по определенной форме; там имелась особая графа относительно пленных.

ШТАМЕР. Медленнее, медленнее.

ЭЙХБОРН. Совершенно невозможно, чтобы столько офицеров попало в руки армии и она бы ничего не сообщила об этом установленным порядком.

ШТАМЕР. Вы уже говорили, что у Вас были очень тесные личные отношения с офицерами полка. Вы когда-либо что-нибудь слышали о том, что при полковнике Вецеике или Аренсе солдаты 537-го полка расстреляли польских офицеров в Катынском лесу?

ЭЙХБОРН. Я знал почти всех офицеров полка, так как я сам больше года был в этом полку; я так сдружился с некоторыми из офицеров, что они мне все рассказывали и о служебных, и о личных делах. Совершенно невозможно допустить, чтобы я не узнал о таком важном деле. Нельзя допустить, чтобы кто-либо не пришел ко мне и не рассказал мне об этом.

ШТАМЕР. Вам по долгу службы известны все боевые приказы по 537 полку?

ЭЙХБОРН. Было два вида приказов по полку связи: приказы, относящиеся к радиороте и приказы, относящиеся к 9 ротам телефонистов. Так как я был референтом по вопросам телефонной связи, то, естественно, я составлял проекты этих приказов и представлял их своему начальнику, генералу Оберхойзеру. Поэтому каждый приказ был или составлен мной, или прочтен мной заранее.

14721

ШТАМЕР. Проходил ли когда-либо через Вашу инстанцию приказ о расстреле польских военнопленных?

ЭЙХБОРН. Нет, такого приказа полку не давали ни мы, ни какая-либо другая инстанция. Мы не получали об этом никаких сообщений и вообще ничего не слышали о подобных вещах.

ШТАМЕР. Ну, а если бы такой приказ поступил, он по установленному порядку мог пройти только через Ваши руки?

ЭЙХБОРН. Такой приказ создал бы необходимость отвлечь значительную часть солдат нашего полка от непосредственных обязанностей по обеспечению связи. У нас было очень мало связистов и поэтому мы должны были учитывать прямо каждого человека и знать, где он находится. Совершенно исключена возможность использования сил полка для выполнения подобной задачи без нашего ведома.

ШТАМЕР (У меня больше нет вопросов.

(К микрофону подходит защитник Деница Кранцбюлер).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Кранцбюлер, кого Вы сейчас представляете?

КРАНЦБЮЛЕР. Я представляю гроссадмирала Деница.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Против гроссадмирала Деница не выдвигается никакого обвинения, связанного с этим делом.

КРАНЦБЮЛЕР. Господин председатель, эти раскопки и связанная с ними пропаганда имели место тогда, когда гроссадмирал Дениц был главнокомандующим военно-морским флотом. Обвинение утверждает, что он был тогда членом кабинета и принимал участие во всех действиях правительства. Поэтому я считаю, что ему также инкриминируется все, связанное с Катынским делом.

14722

H1209-0046

H1209 – 0047

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это бы означало, что нам следовало бы заслушивать допрос каждого защитника, подзащитный которого имел отношение к правительству. Трибунал уже указал, что дело подсудимого Деница не было связано с этим вопросом. Поэтому защитники отдельных подсудимых имеют право допрашивать свидетеля в дополнение к тому, что делает защитник, вызвавший данного свидетеля, только в том случае, если дело его подзащитного имеет прямое отношение к данному вопросу. Если у Вас имеются какие-либо предложения, которые Вы желаете сделать защитнику, вызвавшему свидетеля, то Вы можете это сделать, но Вы не имеете права...

КРАНЦБЮЛЕР. Я прошу Вас разрешить мне задать два или три вопроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Если у Вас имеются какие-либо специальные вопросы, то Вы можете сообщить их д-ру Штамеру, а доктор Штамер задаст их свидетелю.

КРАНЦБЮЛЕР. Господин председатель, я не совсем понял. Я должен предложить г-ну доктору Штамеру задать эти вопросы?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Если Вы не хотите сделать это устно, Вы можете передать их в письменном виде и причем Вы можете сделать это позднее. Но я не думаю, что могут быть какие-либо вопросы, которые будет трудно задавать свидетелю через д-ра Штамера.

КРАНЦБЮЛЕР. Хххуххххтахххххххххххххххххх. Д-р Штамер вполне может их задать. Я думал только сократить время тем, что я буду задавать вопросы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я сказал, что если Вы хотите задать какие-либо вопросы, Вы можете задать их через доктора Штамера.

КРАШЕВЕЦКЕР. Благодарю Вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В то время, как мы будем продолжать перекрестный допрос, Вы сможете передать вопросы конторе Штамеру, который и сможет их задать свидетелю при повторном допросе.

Желает ли Обвинение подвергнуть свидетеля перекрестному допросу?

(К микрофону подходит полковник Смирнов).

СМИРНОВ. Свидетель, меня интересует Ваше точное служебное положение. Вы были референтом, обрабатывавшим телефонограммы в штабе армейской группы "Центр"?

ЭЙХХОРН. Нет, Вы ошибаетесь, господин обвинитель, я был референтом по телефонной связи в штабе Центрального фронта, а не по радиосвязи.

СМИРНОВ. Я именно об этом Вас и спрашивал. Вам, очевидно, не совсем верно перевели. Вы обрабатывали телефонограммы. Это правильно?

ЭЙХХОРН. Да, Вы правы.

СМИРНОВ. Шифрованные телеграммы или обычные телеграммы?

ЭЙХХОРН. Задачи референта по телефонной связи в штабе фронта состоят в том, чтобы обеспечивать связь...

СМИРНОВ (прерывая). Меня не интересует общее определение задач. Меня интересует - были ли это шифрованные, секретные телефонограммы или это была обычная, текущая армейская почта, армейские сообщения, не являющиеся секретными?

ЭЙХХОРН. У нас было два вида телеграмм - открытые и секретные.

СМИРНОВ. Секретные телеграммы также проходили через Вас?

14724

H1209 – 0048

H1209 – 0049

ЭЙХБОРН. И те, и другие проходили через меня.

СМИРНОВ. Следовательно, переписка между Вермахтом, между частями армии, и между полицейскими высшими инстанциями также проходила через Вас?

ЭЙХБОРН. Референту по телефонной связи предоставлялись важнейшие телеграммы, в особенности, секретные.

СМИРНОВ. Значит, переписка между полицейскими частями и между Вермахтом,—я еще раз прямо ставлю Вам вопрос,— проходила через Вас?

ЭЙХБОРН. Я должен ограничить это заявление тем, что не вся переписка шла через референта по телефонной связи, ему предоставлялись только самые важные секретные телеграммы, а не вся переписка, которая пересылалась по почте или с курьерами.

СМИРНОВ. Ясно. Известно ли Вам, в таком случае, что в сентябре и в октябре 1941 г. в Смоленске, находились специальные подразделения, обязанные совместно с частями армии осуществлять так называемую чистку лагерей военнопленных и уничтожение военнопленных?

(К микрофону подходит защитник Латеризер (защитник генштаба и ОКВ)).

ЛАТЕРИЗЕР. Господин председатель, я должен решительно возразить против такого допроса. Этот допрос имеет своей целью установить связь между генеральным штабом и ОКВ и командами СД. Таким образом, цель его - обвинить генеральный штаб и ОКВ. Если мне, как защитнику генерального штаба и ОКВ не разрешено задавать вопросов, то такой же порядок должен быть установлен и для обвинителей.

СМИРНОВ. Разрешите мне дать краткие пояснения, господин председатель?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Полковник Смирнов, Ваш вопрос уместен.

СМИРНОВ. Простите, господин председатель...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я сказал, что этот вопрос уместен и относится к делу. Вы можете задать его свидетелю.

СМИРНОВ. Я хотел спросить Вас вот о чем, свидетель. ПОСКОЛЬКУ через Вас проходила вся секретная переписка, то-есть все секретные телефонограммы, - встречали ли Вы в числе этих телефонограмм сообщения так называемой первой эйнзатц-группы "Д"? Это так называемая первая команда. И далее сообщения зондеркоманды, которая заготовлялась впрок до лучших времен и дислоцировалась пока в Смоленске, или зондеркоманды "Москва", которая должна была осуществлять массовые убийства в Москве (обе команды дислоцировались в Смоленске)?

ЭЙХБОРН. Такие сообщения не попадали в мои руки. Я могу заявить об этом совершенно определенно, господин обвинитель. Если в районе Центрального фронта оперировали такие команды, то они имели свои радиостанции. Только позднее эти органы создали свою телеграфную связь, которая шла через телеграфный узел фронта. Но это было потом.

СМИРНОВ. Следовательно, телефонограммы этих специальных подразделений, которые, в соответствии с директивами внешних полицейских инстанций, совместно с военными частями должны были осуществлять зондеракции, через Вас не проходили в сентябре и октябре 1941 года?

ЭЙХБОРН. Это правильно. Тогда не было телеграфной связи с такими зондеркомандами, если они вообще находились в этом районе.

СМИРНОВ. Господин председатель, этот документ уже был пред"явлен суду при представлении сообщения Чрезвычайной

14726

H1209 – 0050

H1209 – 0051

Государственной Комиссии СССР-3, под № СССР-3. Но я считаю удобным, если это позволит Высокий суд, сейчас передать Суду и соответственно защите, фотостат одного из документов, который был приложен к этому сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии. Здесь сказано, если Суд обратит внимание на стр.2 этого документа, что в Смоленск дислоцировалась эйнзатцгруппа "Б" и специальная зондеркоманда "Москва". На первой странице сказано, что эти подразделения совместно с частями Вермахта, должны были осуществлять массовые убийства в лагерях. Если позволит Суд, я передам сейчас это...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Полковник Смирнов, это спорный вопрос. Мы, конечно, примем без доказательства все, что является изданием Советского правительства. Насколько я понимаю, Вы говорите, что этот документ является частью сообщения или заявления Советского правительства.

СМИРНОВ. Так точно. Мне хотелось бы предъявить ему подлинник немецкого документа, являющегося секретным немецким документом, в котором говорится, что в Смоленской области размещалось две очень больших зондеркоманды, к обязанностям которых относились массовые убийства в лагерях, причем деятель-

ность свою они должны были координировать с воинскими частями и действовать совместно с ними.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Скажите, полковник Смирнов, является ли этот документ, который вы только что нам передали, частью сообщения СССР-3?

СМИРНОВ. Так точно, господин председатель, это часть сообщения под № СССР-3, озаглавленного "Особые директивы гитлеровского правительства об уничтожении военнопленных". Я просил разрешения суда, хотя это сообщение и пред"явлено целиком, пред"явить, однако, один из подлинных документов. Там указаны специальные части, дислоцированные в Смоленске, которые вместе с частями армии должны были осуществлять массовые убийства в лагерях.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, полковник Смирнов, насколько Трибунал понимает, этот документ уже представлен в качестве доказательств.

СМИРНОВ. Благодарю Вас, господин председатель. Следовательно, можно считать установленным, что переписка этих специальных подразделений, телефонограммы этих специальных подразделений через Вас не проходили?

14728

H1209 – 0052

H1209 – 0053

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Он сказал это уже дважды.

СМИРНОВ. Почему Вы считаете возможным с такой определенностью утверждать, что не было донесений об убийствах поляков? Ведь убийства польских военнопленных это - вондераккции, сообщения о которых должны проходить через Вас?

ЭЙХБОРН. Я ответил господину обвинителю, - нет, не обвинителю, а г-ну защитнику доктору Штрамеру, что,если бы в районе расположения 537-го полка связи были совершены такие убийства, то я, несомненно, узнал бы о них. Я не говорил того, что сейчас здесь утверждает господин обвинитель, того, что он мне приписывает.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Полковник Смирнов, Трибунал считает, что было бы лучше, если бы Вы зачитали Трибуналу этот отрывок из документа, который имеется на немецком языке, с тем, чтобы его можно было включить в протокол.

СМИРНОВ. В этом документе, господин председатель, сказано ....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Продолжайте, продолжайте, полковник Смирнов.

СМИРНОВ. Благодарю Вас, господин председатель. Этот документ датирован: "Берлин, 29 октября 1941 года". Он имеет гриф: "Секретно. Государственной важности". В графе "Основание" имеется ссылка на распоряжения от 17 июля и 12 августа 1941 года. Я оглашу несколько коротких абзацев. Начинаю цитату с абзаца первого: "В приложении пересылается директива по проведению и чистке постоянных и пересыльных лагерей русских военнопленных и гражданских лиц в ближайший

тыл. Эти директивы разработаны совместно с главным штабом сухопутных сил. Главный штаб сухопутных сил уведомил начальников тыла, а также окружных комендантов лагерей военнопленных и комендантов пересыльных лагерей. Оперативные отряды тотчас же выделяют специальные команды под руководством офицеров СС. Численность - в зависимости от размера лагерей, находящихся в их районах. Приказывал командам немедленно начать свою деятельность в лагерях".

Прерывая на этом цитату и продолжая цитату с последнего абзаца:

"Особенно подчеркивая, что оперативные приказы № 8 и 14, а также добавочные распоряжения к ним должны быть в случае неминуемой опасности немедленно уничтожены".

Заканчивая на этом цитирование и привожу только перечисление адресатов. На второй странице я цитирую часть, относящуюся к Смоленску. Здесь сказано, что в Смоленске дислоцируется айнзацгруппа "Б", состоящая из зондеркоманд 7-а, 7-б, 8 и 9. И, кроме того, в Смоленске уже дислоцировалась зондеркоманда, несколько преждевременно названная организаторами ее зондеркоманда "Москва".

Вот содержание этого документа, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал указывает, что весь документ должен быть полностью переведен. Сейчас мы объявляем перерыв до 2 часов 5 минут.

/ Перерыв до 2 часов 05 минут./

14730

H1209 – 0054

H1209 – 0055

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от I июля 1946 года.

/Вечернее заседание/

Встать, Суд идет!

СМИРНОВ: Господин председатель, я не имею больше вопросов к этому свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста, доктор Штамер.

ШТАМЕР: Господин свидетель, скажите, знаете ли вы, кому принадлежал этот днепровский замок до немецкой оккупации и кто жил в нем?

ЭЙХБОРН: Я не могу сказать этого точно. Нам бросилось в глаза, что эта дача была удивительно хорошо оборудована. Постройка была очень хорошая, там было две ванных, 2 комнаты, тир, кино. Мы сделали некоторые выводы после того, как стали известны происшедшие там события, но точно я не знаю, кто был первоначальным владельцем дачи.

ШТАМЕР: Г-н русский обвинитель представил вам документ от 29 октября 1941 года. Это-"Директивы начальнику полиции безопасности относительно команд в стационарных лагерях военнопленных". В связи с этим документом, я спрашиваю вас: имели ли вы лично возможность узнать, как командующий Центральным фронтом фельдмаршал Клюге относился к расстрелу военнопленных?

ЭЙХБОРН: Совершенно случайно я присутствовал при разговоре двух командующих Бока и Клюге. Этот разговор состоялся за 3 - 4 недели до начала войны с Россией. Точно во времени я не могу указать. Тогда фельдмаршал фон Бок был командующим Центральным фронтом, а фельдмаршал фон

Клюге был командующим 4-й армией. Штаб фронта находился в Познани, штаб 4-й армии - в Варшаве. Однажды меня вызвали к ад'ютанту г-на фельдмаршала фон Бока,—это был подполковник граф Гарденберг. Он поручил мне...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Штамер, эти подробности совершенно не относятся к делу, не так ли? Вы хотели спросить лишь о том, какова была точка зрения фон Клюге, не так ли? Это все.

ШТАМЕР: ~~Ответ~~ перевод не поступает. Я не понимаю, г-н председатель, что вы говорите?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я сказал,что все эти подробности не относятся к делу.

ШТАМЕР: Перевод все еще не поступает./Пауза/. Да, теперь слышно,г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я сказал, что все эти подробности относительно того места, где фон Клюге встретился с командующим других армейских групп, совершенно не относятся к делу. Вы же хотите спросить его лишь о том, как относился фон Клюге к убийству военнопленных? Не так ли?

ШТАМЕР: Да. Хорошо, господин свидетель,ответьте очень кратко. Передайте только,что сказал г-н фон Клюге.

ЭЙХБОРН: Господин фон Клюге сказал по телефону г-ну фон Боку, что приказ,предусматривающий убийства каких-либо пленных, невозможен и несовместим с поддержанием дисциплины войск. Господин фон Клюге согласился с такой точкой зрения и оба они в течение получаса говорили о необходимых контрмерах.

ШТАМЕР: По утверждению обвинения расстрел II тысяч польских офицеров должен был происходить в сентябре 1941 года. Я спрашиваю вас, считаете ли вы возможным,исходя из условий местности, чтобы такие массовые расстрелы и погребение произошли в непосредственной близости от

H1209 – 0056

H1209 – 0057

штаба полка, причем так, что вы об этом ничего не знали?

ЭЙХБОРН: Приготовления к переезду штаба фронта в Смоленск проходили весьма интенсивно. Мы направили туда много отрядов связи, чтобы хорошенько все оборудовать. Прокладывая кабели и провода, эти отряды исходили всю местность. Невозможно,чтобы как раз в этом районе произошло что-либо подобное и об этом не стало известно полку, а вместе с тем - и мне.

ШТАМЕР: У меня больше нет вопросов к свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетеля можно увести.

ШТАМЕР: Господин председатель, прежде чем я вызову третьего свидетеля генерал-лейтенанта Оберхойзера,я прошу позволить мне сказать следующее. Обвинение до сих пор утверждало, что 537-й полк производил эти расстрелы под руководством полковника Аренса. Еще сегодня Обвинение инкриминировало это полковнику Аренсу. Затем от этого утверждения,повидимому, отказались и стали говорить,что если это был не Аренс, то во всяком случае его предшественник полковник Беденк, а если не полковник Беденк,то тогда СД /это,видимо, уже третья версия/.Защита же была намерена опровергнуть только то утверждение, что это преступление совершил полковник Аренс. В связи с изменившимся положением вещей и новой позицией обвинения, я должен дополнительно пригласить четвертого свидетеля. Это - старший лейтенант Ходт, которого сегодня называли в качестве соучастника преступления; он был с самого начала при штабе полка и,как мы слышали, уже в июле с передовым отрядом прибыл в Днепровский замок. Я только вчера случайно узнал адрес старшего лейтенанта Ходта; это - Глюксбург, около Флейсбурга. Я прошу вызвать старшего лейтенанта Ходта в качестве свидетеля. Он должен

показать, что в период с июля по сентябрь таких расстрелов не было произведено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Штамер, ваше ходатайство о вызове этого дополнительного свидетеля Трибунал рассмотрит во время перерыва в половине четвертого.

ШТАМЕР: Тогда я вызываю в качестве свидетеля генерал-лейтенанта Оберхойзера./Вводят свидетеля/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите ваше имя и фамилию?

СВИДЕТЕЛЬ: Евгений Оберхойзер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги: "Клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю."

/Свидетель повторяет слова присяги/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы можете сесть.

Прямой допрос

ШТАМЕР: Г-н генерал, какой пост вы занимали во время войны?

ОБЕРХОЙЗЕР: Я был начальником связи фронта; во время польской кампании - на Северном фронте, во время Западного похода - в группе войск "Б", во время войны с Россией - на Центральном фронте.

ШТАМЕР: Когда вы со своим штабом прибыли в район Катыни?

ОБЕРХОЙЗЕР: Примерно, в сентябре 1941 г.

ШТАМЕР: Где был расположен ваш штаб?

ОБЕРХОЙЗЕР: Мой штаб находился в непосредственной близости от командующего фронтом, в 12 километрах западнее Смоленска, около станции Красный Бор.

ШТАМЕР: 537-й полк подчинялся вам?

ОБЕРХОЙЗЕР: 537-й полк был подчинен непосредственно мне.

H1209 – 0058

H1209 – 0059

ШТАМЕР: Какие задачи имел этот полк?

ОБЕРХОЙЗЕР: Полк имел задачу обеспечить проволочную связь и радиосвязь командования фронтом с армиями и другими частями, непосредственно ему подчиненными.

ШТАМЕР: Штаб этого полка находился вблизи от вас?

ОБЕРХОЙЗЕР: Штаб полка находился в трех километрах западнее моего штаба, может быть, в 4 км.

ШТАМЕР: Можете ли вы сказать точнее, где находилась штабквартира 537-го полка?

ОБЕРХОЙЗЕР: Штабквартира 537-го полка находилась в очень хорошеньком деревянном русском домике. Там, повидимому, жили раньше комиссары; домик находился на берегу Днепра. Он стоял в стороне от шоссе на расстоянии, может быть, в 400 - 500 метров, а от меня - в 4-х километрах, к западу от шоссе Витебск-Смоленск.

ШТАМЕР: Кто командовал полком после взятия Смоленска?

ОБЕРХОЙЗЕР: После взятия Смоленска полком командовал полковник Беденк.

ШТАМЕР: Как долго он был командиром?

ОБЕРХОЙЗЕР: До ноября 1941 г.

ШТАМЕР: А кто был его преемником?

ОБЕРХОЙЗЕР: Его преемником был полковник Аренс.

ШТАМЕР: Как долго?

ОБЕРХОЙЗЕР: Примерно, до сентября, а, может быть, до августа 1943 г.

ШТАМЕР: Вы также находились все это время в районе Катыни?

ОБЕРХОЙЗЕР: Да, я был там до начала отступления, пока штаб фронта не переехал дальше на Запад.

ШТАМЕР: Скажите, каковы были ваши отношения с коман-

дирами 537-го полка?

ОБЕРХОЙЗЕР: Мои отношения с командирами полка как служебные, так и личные были весьма сердечными. Это потому, что я был первым командиром этого полка, я сам создавал этот полк и был к нему очень привязан.

ШТАМЕР: Вы лично бывали в Днепровском замке?

ОБЕРХОЙЗЕР: Да, я часто бывал там, обычно I - 2 раза в неделю.

ШТАМЕР: А в промежутках между вашими посещениями к вам приходили командиры?

ОБЕРХОЙЗЕР: Командиры приходили гораздо чаще ко мне, чем я к ним.

ШТАМЕР: Знали ли вы что-либо о том, что вблизи Смоленска, в 25 - 45 километрах к западу от него находились три русских лагеря для польских военнопленных?

ОБЕРХОЙЗЕР: Нет,мне ничего не известно об этом.

ШТАМЕР: И что они попали в руки к немцам?

ОБЕРХОЙЗЕР: Никогда,ничего об этом не слышал.

ШТАМЕР: Был ли издан приказ /говорят, что он должен был притти из Берлина/ о расстреле пленных польских офицеров?

ОБЕРХОЙЗЕР: Нет,такой приказ никогда не издавался.

ШТАМЕР: А вы когда-нибудь сами издавали такой приказ?

ОБЕРХОЙЗЕР: Нет, я никогда не издавал такого приказа.

ШТАМЕР: Не сообщали ли вам,что полковник Аренс или полковник Беденк были инициаторами подобных расстрелов?

ОБЕРХОЙЗЕР: Нет,не сообщали, и я считаю это совершенно невозможным.

ШТАМЕР: Почему?

ОБЕРХОЙЗЕР: Потому что такой радикальный приказ,во-

14736

H1209 - 0060

H1209 – 0061

первых, непременно прошел бы через мои руки, т.к. я был непосредственным начальником этого полка, а во-вторых, если бы приказ по необ'яснимым для меня причинам и неведомым мне путем был получен в полку, командиры обязательно бы позвонили или пришли ко мне и сказали: "Г-н генерал, тут от нас чего-то требуют, мы не понимаем в чем дело".

ШТАМЕР: Знаете ли вы старшего лейтенанта Ходта?

ОБЕРХОЙЗЕР: Да, я знаю старшего лейтенанта Ходта.

ШТАМЕР: Какую должность он занимал в 537-м полку?

ОБЕРХОЙЗЕР: Ходт занимал в полку различные должности. Его обычно всегда посылали вперед, т.к. он был весьма квалифицированным в техническом отношении офицером, и его посылали для того, чтобы проводить приготовления при перемещениях главной квартиры. Таким образом, его использовали в качестве командира передового отряда т.н. эксплоатационной роты при оборудовании новых командных пунктов. Затем он был в полку референтом по телефонной связи и занимался монтажом и эксплоатацией телефонных и телеграфных линий при командовании фронтом. Его прикомандировывали также к моему штабу, когда кто-нибудь из наших офицеров уезжал в отпуск.

ШТАМЕР: Во время наступления на Катынь он также руководил передовым отрядом?

ОБЕРХОЙЗЕР: Я этого не могу сказать. Но я лично слышал в моем штабе от начальника связи, что был послан один офицер, который, установив, как именно нужно было оборудовать главную квартиру, приготовил все так, как я хотел; он действовал при этом от моего имени, потому что я находился тогда еще на прежней квартире. Я не помню, кого послал тогда полк, но вполне возможно, что это как раз и был старший лейтенант Ходт.

ШТАМЕР: В период от взятия Смоленска, которое произо-

шло, по-моему, 20 июля 1941 г.,до перевода вашего штаба в Катынь, то-есть до 20 сентября, вы бывали в Катыни или вообще в этом районе?

ОБЕРХОЙЗЕР: Я был в этом районе там,где хотели разместить штаб фронта,т.е. в лесу западнее Смоленска. Сюда же относилась и Катынь.

ШТАМЕР: Вы неоднократно бывали там в то время?

ОБЕРХОЙЗЕР: Я был там 3 - 4 раза.

ШТАМЕР: Вы говорили тогда с Хоцтом?

ОБЕРХОЙЗЕР: Если он был офицером из командования корпуса, то я,конечно,говорил с ним. Во всяком случае, я говорил с посланным мною офицером и с офицером, посланным от полка.

ШТАМЕР: Вы слышали что-нибудь о том, что в то время происходили расстрелы?

ОБЕРХОЙЗЕР: Я ничего и никогда не слышал об этом до 1943 года, когда были вскрыты могилы.

ШТАМЕР: У вас или у 537-го полка были необходимые технические средства - пистолеты, боеприпасы и т.д.,которые позволили бы произвести расстрел в таких масштабах?

ОБЕРХОЙЗЕР: Полк,так как это был полк связи и находился в тылу, имел по штату меньше оружия и боеприпасов, нежели части на передовых позициях. Такое задание было бы совершенно необычным для полка, во-первых, потому,что полк связи имеет совершенно другие задачи, а во-вторых, потому,что он не мог бы технически провести такую массовую казнь.

ШТАМЕР: Вы знаете ту местность, где были впоследствии обнаружены могилы?

ОБЕРХОЙЗЕР: Я знаю эту местность,так как я часто там проезжал.

14738

H1209 - 0062

H1209 – 0063

ШТАМЕР: Вы можете описать ее более точно?

ОБЕРХОЙЗЕР: От шоссе Смоленск-Витебск через холмистую местность шла лесная дорога. Она была песчаной, но заросла подлеском и вереском. По этой узкой лесной дороге ездили от шоссе к Днепровскому замку.

ШТАМЕР: Когда вы приехали, была какая-нибудь растительность там, где впоследствии были открыты могилы?

ОБЕРХОЙЗЕР: Да, там все заросло, как и вокруг, так что это место ничем не отличалось от окружающей местности.

ШТАМЕР: Зная эту местность, вы считаете возможным, что именно здесь было погребено 11.000 поляков, которые, якобы, были расстреляны с июня по сентябрь 1941 г.?

ОБЕРХОЙЗЕР: Я считаю это совершенно невозможным на том основании, что, если бы командир знал об этом, он никогда бы не выбрал для своего штаба место по соседству с 11.000 трупов.

ШТАМЕР: Вы знаете, как были обнаружены эти могилы?

ОБЕРХОЙЗЕР: Официально я не имел к этому никакого отношения. Я слышал только, что стало известно от местных жителей или еще от кого-то, что за несколько лет до того здесь были произведены массовые казни.

ШТАМЕР: От кого вы это узнали?

ОБЕРХОЙЗЕР: Очевидно, от командира, который слышал об этом больше, чем я, так как жил непосредственно в той местности. Теперь я уже точно этого не помню.

ШТАМЕР: Таким образом, вы не получали какого-либо официального сообщения о том, что обнаружены могилы?

ОБЕРХОЙЗЕР: Я никогда не получал такого сообщения.

ШТАМЕР: После того, как были вскрыты могилы, вы говорили с немецкими или иностранными членами комиссий?

ОБЕРХОЙЗЕР: Нет, я никогда не говорил с каким-либо

членами комиссии.

ШТАМЕР: У меня больше нет вопросов,г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Смирнов.

/К микрофону подходит полковник Смирнов/.

СМИРНОВ: Свидетель, вы прибыли в район Катыни в сентябре 1943 года?

ОБЕРХОЙЗЕР: В 1941 году, а не в 1943 г.

СМИРНОВ: Я прошу извинить, я как раз говорю о сентябре 1941 года. Это правильно?

ОБЕРХОЙЗЕР: Так точно, в сентябре 1941 года.

СМИРНОВ: Вы утверждаете,что вы узнали о лагерях польских военнопленных,которые оказались в руках немецких войск вместе с военнопленными?

ОБЕРХОЙЗЕР: Я никогда ничего не слышал о том,что польские военнопленные находятся в руках немецких войск.

СМИРНОВ: Я понимаю,что это не относилось в вашей официальной сфере, как командира полка связи. Но,может быть, вам приходилось быть очевидцем таких случаев, когда немецкие воинские части прочесывали лес близ шоссе Смоленск-Витебск для того,чтобы задержать там польских военнопленных, которые разбежались из лагерей?

ОБЕРХОЙЗЕР: Я никогда не слышал о том,что какие-то воинские части отправлялись на розыски убежавших.польских военнопленных. Я об этом слышу здесь впервые.

СМИРНОВ: Я прошу вас ответить,не видели ли вы, как немецкие воинские части конвоировали военнопленных,которые были выловлены в лесах? Польских военнопленных?

ОБЕРХОЙЗЕР: Я этого не видел.

СМИРНОВ: Я прошу вас ответить на следующий вопрос. Вы были в хороших отношениях с полковником Аренсом?

H1209-0064

H1209 – 0065

ОБЕРХОЙЗЕР: У меня были хорошие отношения со всеми командирами полка.

СМИРНОВ: Кроме того, вы являлись его прямым начальником по службе?

ОБЕРХОЙЗЕР: Да, так точно.

СМИРНОВ: Подполковник Аренс обнаружил места массовых захоронений еще в конце 1941 года или в начале 1942 года. Докладывал ли он вам когда-нибудь о том,что он обнаружил?

ОБЕРХОЙЗЕР: Я не могу поверить тому, что полковник Аренс в 1941 году обнаружил эти могилы. Я не могу себе этого представить. По крайней мере я не могу себе представить,чтобы он ничего мне об этом не сказал.

СМИРНОВ: Во всяком случае, вы совершенно твердо свидетельствуете о том,что в 1942 и 1943 годах вам полковник Аренс по этому поводу ничего не докладывал?

ОБЕРХОЙЗЕР: Полковник Аренс никогда ничего не говорил мне об этом,а он сказал бы мне об этом,если бы что-либо знал.

СМИРНОВ: Меня заинтересовал следующий ответ на вопрос защиты. Вы заметили, что у полка связи не было достаточного количества оружия для приведения в исполнение расстрелов. Что вы конкретно понимаете под этим? Какое оружие имелось у полка связи, количественно?

ОБЕРХОЙЗЕР: Полк связи имел преимущественно карабины и пистолеты. Автоматического оружия в полку не было.

СМИРНОВ: Пистолеты какого калибра?

ОБЕРХОЙЗЕР: Это - пистолеты парабеллум. Калибр,по-моему, - 7,65, точно я не могу сказать.

СМИРНОВ: Парабеллум 7,65 или маузер или другое оружие? Или какое-нибудь другое оружие?

ОБЕРХОЙЗЕР: Тут существовало различие. У унтер-офицеров, насколько я знаю, были маленькие маузеры. Вообще пистолетами были вооружены только унтер-офицеры. У большинства солдат были карабины.

СМИРНОВ: Нет,я бы хотел,чтобы вы задержались еще несколько на пистолетах. Значит,пистолеты были калибром 7,65?

ОБЕРХОЙЗЕР: Я сейчас здесь не могу дать точных сведений о калибрах. Я только знаю,что парабеллум имеет калибр 7,65 или что-то в этом роде. Маузер имел несколько меньший калибр.

СМИРНОВ: А "вальтер"?

ОБЕРХОЙЗЕР: Да, там были и вальтеры; мне кажется,они были такого же калибра,как маузеры. Это - такие маленькие черные пистолеты и они лучше,чем довольно тяжелый парабеллум.

СМИРНОВ: Да, это совершенно точно. Я прошу вас сообщить: там,в этом полку, имелись такие маленькие пистолеты у младших офицеров, фельдфебелей и т.д.?

ОБЕРХОЙЗЕР: Как правило, у унтер-офицеров были пистолеты,но не было карабинов.

СМИРНОВ: Ясно. Может быть,вы будете добры сказать, сколько пистолетов, примерно,имелось на полк связи?

ОБЕРХОЙЗЕР: Я сейчас, разумеется, не могу этого сказать.

СМИРНОВ: Ориентировочно.

ОБЕРХОЙЗЕР: Ну,предположим, что каждый унтер-офицер имел пистолет.

СМИРНОВ: Итого сколько их было? Сколько было пистолетов всего в полку в итоге, если принять за правило,что каждый унтер-офицер имел пистолет?

ОБЕРХОЙЗЕР: Будем считать так: у каждого унтер-офи-

14742

H1209 – 0066

H1209 – 0067

цера в полку по пистолету; вначит,в каждой роте I5; множим на I0, будет I50. Но установить сейчас точную цифру невозможно. Я говорю только ориентировочно.

СМИРНОВ: Почему же вы считаете, что I50 пистолетов на плительный период времени - это недостаточное количество оружия для того, чтобы произвести массовые расстрелы? Что дает вам основание для столь категоричного заключения?

ОБЕРХОЙЗЕР: Так как полк связи фронта никогда не бывает сконцентрирован в одном месте, а особенно на таком фронте,как Центральный",которы" охватывал большую территорию, - полк занимал район от Колотова до Витебска; там повсюду стояли маленькие отряды, а на командном пункте полка было сравнительно мало люде". Следовательно,никогда не было такого положения, чтобы все I50 пистолетов находились в одном месте.

СМИРНОВ: Основные части полка связи дислоцировались в Катынском лесу?

ОБЕРХОЙЗЕР: Я не понял вашего вопроса.

СМИРНОВ: Основные подразделения, входившие в состав полка связи, дислоцировались в Катынском лесу?

ОБЕРХОЙЗЕР: В основном первая рота была размещена между штабом полка и командованием фронта. Эта рота осуществляла телефонную и телеграфную связь штаба фронта. Эта рота была ближе всех к нам.

СМИРНОВ: Еще один вопрос. Офицеры полка были,очевидно, вооружены пистолетами, а не карабинами?

ОБЕРХОЙЗЕР: Офицеры имели только пистолеты, как правило,эти вот,маленькие. Может быть,тот или иной офицер имел парабеллум, но вообще,как правило, маленькие.

СМИРНОВ: То-есть вальтер или маузер?

ОБЕРХОЙЗЕР: Да.

H1209 – 0068

СМИРНОВ: Вы были частым посетителем дачи,в которой размещался штаб 537-го полка?

ОБЕРХОЙЗЕР: Так точно. Я бывал там,по крайней мере раз, а часто - два раза в неделю.

СМИРНОВ: Приходилось ли вам интересоваться,зачем приезжали на дачу в Козьих Горах солдаты из другой воинской части, для которых ставились дополнительные койки в помещении солдатского казино, выдавались дополнительные дозы спиртных напитков и готовились дополнительные кушания на кухне?

ОБЕРХОЙЗЕР: Я не могу себе представить,чтобы там могло быть сколько-нибудь значительное количество солдат из других частей. Я об этом ничего не знаю.

СМИРНОВ: Я не говорю о значительном количестве, я говорю о 20, иногда 25 человеках.

ОБЕРХОЙЗЕР: Когда командир полка собирал командиров взводов и рот на совещание, то среди них,естественно, было несколько десятков офицеров, которых не всегда можно было встретить там в другое время.

СМИРНОВ: Я говорю не об офицерах из этой части. Кстати я задам вам несколько другой вопрос. На погонах солдат, принадлежащих 537-му полку, имелась цифра 537?

ОБЕРХОЙЗЕР: Насколько я припоминаю,такая цифра имелась,но в начале войны на погонах носили специальную лямочку,которая надевалась на эти цифры для того,чтобы их закрыть. Не помню,были в то время эти лямочки или нет. Во всяком случае, на улице, у входа в штаб полка,было черно-желто-черное знамя с цифрой 537.

СМИРНОВ: Я говорю - по приезде на дачу в Козьи Горы имелись ли солдаты,на погонах у которых не было цифры 537? Приходилось ли вам интересоваться, зачем туда приез-

H1209 – 0068

H1209 – 0069

жали солдаты в сентябре и октябре I94I года,докладывал ли вам что-либо об этом командир части?

ОБЕРХОЙЗЕР: Разрешите спросить,когда это должно было быть? В I94I году?

СМИРНОВ: Да, я говорю - в I94I году, я говорю именно об этом времени.

ОБЕРХОЙЗЕР: Я не думаю,чтобы тогда в штабе было слишком много посторонних; как раз в это время там происходил ремонт, и я не могу себе представить,чтобы там стояли другие части или даже всего 20 - 25 человек. Я лично бывал там один или два раза в неделю и то,начиная с сентября или октября.

СМИРНОВ: Начиная с каких чисел сентября, вы бывали на даче? Вы сказали-с сентября, но с каких чисел сентября?

ОБЕРХОЙЗЕР: Этого я не могу сказать. Штаб фронта прибыл туда из Борисова в конце сентября, незадолго до битвы за Вязьму, которая произошла 2 октября.

СМИРНОВ: Следовательно, вы могли практически бывать на этой даче, примерно, или с самого конца сентября или с начала октября?

ОБЕРХОЙЗЕР: Только с этого времени дача была окончательно занята штабом, так как полк тоже прибыл туда не намного раньше командования фронтом.

СМИРНОВ: Следовательно, очевидец того,что...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Смирнов, скажите, разве необходимо говорить о всех этих деталях? Преследуете ли вы какую-нибудь определенную цель, вдаваясь в эти подробности?

СМИРНОВ: Господин председатель,я задал этот вопрос по следующим причинам. Несколько далее мы будем допрашивать свидетелей советского обвинения по этому же

поводу, в частности, будем допрашивать то лицо, которое руководило судебно-медицинской экспертизой. Поэтому я прошу разрешения суда задать только один вопрос, связанный с тем временем, в которое свидетель бывал на даче. Это последний вопрос, который я хотел задать по этому поводу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Но, пожалуйста, не вдавайтесь в излишние детали, если в этом нет особой необходимости.

СМИРНОВ: Следовательно, в начале сентября и первой половине октября 1941 года вы на даче в Катынском лесу не были и не могли быть?

ОБЕРХОЙЗЕР: Я теперь точно не помню. Командир полка подыскал эту дачу для своей штабквартиры; но когда он переехал туда - я не знаю, у меня были другие дела...

СМИРНОВ: Я вас лично спрашиваю - вы не могли быть на этой даче в первой половине сентября и вообще до 20 числа сентября?

ОБЕРХОЙЗЕР: Я думаю, что нет.

СМИРНОВ: У меня нет больше вопросов к этому свидетелю, г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Штамер, желаете ли вы задать свидетелю дополнительные вопросы?

ШТАМЕР: К сожалению, г-н председатель, я снова должен вернуться к вопросу о времени, так как этот вопрос был недостаточно выяснен сейчас. Когда 537-й полк переехал на эту дачу?

ОБЕРХОЙЗЕР: Я предполагаю, что в сентябре?

ШТАМЕР: В начале или в конце сентября?

ОБЕРХОЙЗЕР: Скорее, пожалуй, в конце сентября.

ШТАМЕР: До этого времени там находились только квартирьеры?

14746

H1209 – 0070

H1209 – 0071

ОБЕРХОЙЗЕР: Да, там находились квартирьеры полка и мои офицеры, посланные мною вперед.

ШТАМЕР: Сколько унтер-офицеров было в числе этих квартирьеров?

ОБЕРХОЙЗЕР: Я не помню, сколько человек послал туда полк. Я лично послал только одного офицера. Вообще говоря, полк тоже не мог послать туда слишком много офицеров. Как обычно принято, полк должен был обслуживать прежний командный пункт в Борисове и одновременно оборудовать новый. Поэтому в период такой перегруппировки, переезда штаба фронта всегда обычно нехватает людей. Старый командный пункт нужно обслуживать, а для оборудования нового необходима рабочая сила; поэтому там, без сомнения, как всегда, нехватало людей.

ШТАМЕР: Вы не можете приблизительно указать число людей в передовом отряде?

ОБЕРХОЙЗЕР: 30 - 40 - 50 человек.

ШТАМЕР: А унтер-офицеров?

ОБЕРХОЙЗЕР: Очевидно, I - 2 офицера, несколько унтер-офицеров и потом солдаты.

ШТАМЕР: Полк был рассеян на большой территории?

ОБЕРХОЙЗЕР: Да.

ШТАМЕР: На какой приблизительно?

ОБЕРХОЙЗЕР: На всей территории Центрального фронта, ну, скажем, от Орла до Витебска - на всем этом пространстве.

ШТАМЕР: Сколько это было километров?

ОБЕРХОЙЗЕР: Свыше 500 километров.

ШТАМЕР: Знаете ли вы судью генерала д-ра Конрада - из органов Центрального фронта.

ОБЕРХОЙЗЕР: Так точно.

ШТАМЕР: Знаете ли вы, что в 1943 году он допрашивал

под присяго" местных жителе" о времени,когда были расстреляны польские офицеры в Катынском лесу?

ОБЕРХОЙЗЕР: Я ничего не знаю об этом.

ШТАМЕР: У меня больше нет вопросов,г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Имелись ли в районе Катыни эйнзатцкоманды в то время,когда вы там находились?

ОБЕРХОЙЗЕР: Об этом я никогда ничего не знал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы когда-либо слышали о приказе расстреливать советских комиссаров?

ОБЕРХОЙЗЕР: Я знал об этом только по слухам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когдаа вы слышали об этом?

ОБЕРХОЙЗЕР: Это было,очевидно, в начале похода на Россию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: До начала похода или после?

ОБЕРХОЙЗЕР: Я не припоминаю,чтобы я слышал что-либо об этом до начала похода.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кто должен был привести этот приказ в исполнение?

ОБЕРХОЙЗЕР: Войска связи не принадлежат, по сути дела, к боевым частям и не имели к этому никакого отношения, так что совершенно не участвовали в выполнении этого приказа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я вас не об этом спрашивал.Я спросил, кто должен был привести этот приказ в исполнение?

ОБЕРХОЙЗЕР: Очевидно, люди,которые с ними встречались

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Насколько я понимаю, каждый, кто встречался с русскими комиссарами, должен был убивать их, не так ли?

ОБЕРХОЙЗЕР: Нет,я хотел сказать,что та часть,которая находится непосредственно на передово" и встречается с

H1209 – 0072

H1209-0073

врагом. Это могло касаться штаба фронта, а полк связи не может иметь никакого отношения к комиссарам. Вероятно поэтому он не упоминался в приказе и не привлекался к его выполнению.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель может удалиться.

СМИРНОВ: Господин председатель, я прошу о вызове для допроса в качестве свидетеля бывшего заместителя бургомистра города Смоленска во время немецкой оккупации, профессора астрономии Базилевского.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, пожалуйста, приведите свидетеля.

/Вводят свидетеля/.

Назовите ваше имя и фамилию.

СВИДЕТЕЛЬ: Базилевский Борис.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги в следующей форме:

"Я, гражданин Советского Союза, вызванный в качестве свидетеля по настоящему делу, перед лицом Высокого Суда торжественно обещаю и клянусь говорить все, что мне известно по данному делу, ~~что я знаю~~, ничего не утаить и ничего не прибавить".

/Свидетель повторяет слова присяги/.

Вы можете сесть.

СМИРНОВ: Разрешите приступить к допросу, господин председатель?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, пожалуйста.

СМИРНОВ: Скажите, свидетель, чем занимались вы до начала немецкой оккупации города Смоленска и Смоленской области и где проживали?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Я до оккупации Смоленска и Смоленской области...

СМИРНОВ: Я прошу вас говорить гораздо медленнее.

БАЗИЛЕВСКИЙ: ... проживал в городе Смоленске и занимал должность профессора сначала Смоленского университета, затем Смоленского педагогического института, одновременно был директором Астрономической обсерватории. В течение 10 лет был деканом физико-математического факультета, в последние годы заместителем директора института по учебной части.

СМИРНОВ: Сколько всего времени вы жили в Смоленске до начала немецкой оккупации.

БАЗИЛЕВСКИЙ: С 1919 года.

СМИРНОВ: Известно ли вам, что представлял собой так называемый Катынский лес?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Да. По существу, это была скорее роща - излюбленное место, в котором жители Смоленска проводили праздничные дни, а также летний отдых.

СМИРНОВ: Являлся ли этот лес до начала войны какой-либо особой территорией, охраняемой вооруженными патрулями, сторожевыми собаками или, наконец, просто огороженной от окружающей местности.

БАЗИЛЕВСКИЙ: За долгие годы моего проживания в Смоленске это место никогда не ограничивалось в смысле доступа всех желающих. Я сам многократно бывал там и в последний раз в 1940 г. и весной 1941 г. В этом лесу находился и лагерь для пионеров. Таким образом, это место являлось свободным, свободно-доступным для всех желающих.

СМИРНОВ: Я прошу вас несколько задержаться на этом ответе. В каком году там помещался пионерский лагерь?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Он, насколько мне известно, помещался многие годы и, в частности, в 1940 году...

СМИРНОВ: Прошу вас говорить медленнее.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту. Профессор, подождите одну

H1209 – 0074

H1209 – 0075

минуту, пожалуйста. Когда зажигается желтый свет - это значит вы говорите слишком быстро. Когда вам задают вопрос, вы должны делать паузу перед тем, как ответить на него. Вы понимаете меня?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Да.

СМИРНОВ: Я прошу вас повторить ваш ответ медленнее.

БАЗИЛЕВСКИЙ: В последний раз Смоленский лагерь пионеров был в районе Катынского леса в 1941 году.

СМИРНОВ: Следовательно, я правильно понял вас, что в 1940 и 1941 году, до начала войны, во всяком случае, (вы говорите о весне 1941 года/, Катынский лес не был особо охраняемой территорией и доступ туда был совершенно свободен?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Да, я утверждаю, что это именно так.

СМИРНОВ: Вы это показываете, как очевидец, или из вторых уст?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Нет, как очевидец, бывший там.

СМИРНОВ: Я прошу вас рассказать суду, при каких обстоятельствах вы оказались первым заместителем бургомистра города Смоленска в период немецкой оккупации? Говорите медленнее.

БАЗИЛЕВСКИЙ: В виду того, что я был административным лицом...

СМИРНОВ: Медленнее.

БАЗИЛЕВСКИЙ: ... я не имел возможности своевременно эвакуироваться, так как был занят руководством по замуровыванию весьма ценной библиотеки института и ценного оборудования. Я имел возможность, в силу сложившихся обстоятельств, сделать попытку выехать только 15-го числа вечером. Попасть на поезд мне не удалось, и мне была назначена эвакуация на 16 июля утром.

СМИРНОВ: Еще медленнее прошу вас говорить.

БАЗИЛЕВСКИЙ: Но в ночь с 15 на 16 июля Смоленск неожиданно для меня был занят немецкими войсками, мосты через Днепр взорваны и я, в силу обстоятельств, оказался в плену. Через некоторое время, 20 июля, на обсерваторию, где я проживал, как директор ее, явилась группа немецких солдат, которые заявили, что они должны записать, что здесь, на обсерватории, имеется ее директор в моем лице и проживавший там же профессор физики Ефимов. Вечером 20 июля ко мне явились два немецких офицера и повели меня в штаб части, которая заняла Смоленск. После проверки моих документов и небольшого разговора, мне было предложено занять должность начальника города, то-есть бургомистра. На мой отказ, мотивированный тем, что я - профессор астрономии, совершенно неопытен в подобного рода делах и не могу взять на себя этой должности, мне было категорически и даже угрожающе указано, что "мы всю русскую интеллигенцию заставим работать".

СМИРНОВ: Таким образом, правильно ли я вас понимаю, что немцы заставили вас угрозами быть заместителем бургомистра этого города?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Это еще не все. Мне было указано, тогда, что через несколько дней я буду вызван в комендатуру. 25 июля ко мне на квартиру в сопровождении немецкого жандарма явился неизвестный мне человек в штатском платье, который отрекомендовался смоленским адвокатом Меньшагиным и заявил, что по поручению немецкой комендатуры он прислан за мной и что я должен немедленно с ним отправиться в комендатуру, уже постоянную.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Смирнов, вы тратите очень много времени на то, чтобы выяснить, каким образом он стал

H1209 – 0076

H1209 – 0077

бургомистром Смоленска.

СМИРНОВ: Благодарю вас, господин председатель, за ваши указания. Разрешите перейти мне к другим вопросам.

Скажите,свидетель, кто был бургомистром Смоленска?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Адвокат Меньшагин.

СМИРНОВ: В каких отношениях Меньшагин находился с немецкой администрацией и,в частности, с немецкой комендатурой.города?

БАЗИЛЕВСКИЙ: В очень хороших. Эти отношения становились более тесными с каждым днем.

СМИРНОВ: Можно ли сказать,что Меньшагин был у немецкой администрации доверенным лицом, которому они считали возможным доверять секреты?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Несомненно.

СМИРНОВ: Я прошу вас ответить, - Вам известно, что в Смоленске находились польские военнопленные, вернее,близ Смоленска?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Да, очень хорошо.

СМИРНОВ: Вам известно, что делали эти военнопленные?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Смирнов, я не знаю,что вы хотите этим доказать. Правда,вы возможно и знаете,но не можете ли вы подойти ближе к сути дела?

СМИРНОВ: Он говорит, что ему известно, что в Смоленске находились польские военнопленные и,с вашего разрешения, я хочу задать свидетелю вопрос о том,что делали эти военнопленные и в какое время. Я прошу вас ответить мне,свидетель,на этот вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте,пожалуйста.

СМИРНОВ: Что делали польские военнопленные близ Смоленска и в какое время?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Весной 1941 года и в начале лета они

H1209 – 0078

работали на работах по ремонту дороги Москва - Минск и Смоленск-Витебск.

СМИРНОВ: Что известно вам о дальнейшей судьбе польских военнопленных?

БАЗИЛЕВСКИЙ: О судьбе польских военнопленных мне, в силу занимаемой мною должности, стало известно даже несколько ранее.

СМИРНОВ: Я прошу вас рассказать об этом суду.

БАЗИЛЕВСКИЙ: В связи с тем обстоятельством, что в лагере для русских военнопленных, известном под именем "Гулаг-126", существовал чрезвычайно жестокий режим, при котором военнопленные сотнями ежедневно умирали, в силу этого обстоятельства я старался по возможности всех, по отношению к кому можно было найти повод, освобождать из этого лагеря. Вскоре я получил сведения, что в лагере находится известный в Смоленске педагог Георгий Дмитриевич Жиглинский. Я обратился к Меньшагину с просьбой возбудить ходатайство перед германской комендатурой Смоленска, в частности, перед фон Швец, об освобождении Жиглинского из лагеря, мотивируя...

СМИРНОВ: Я прошу вас не задерживаться на этих деталях и не терять на них времени, а рассказать суду о беседе с Меньшагиным, о том, что вам сообщил Меньшагин.

БАЗИЛЕВСКИЙ: Меньшагин сказал на мою просьбу: "что же, одного спасем, а сотни все равно будут умирать." Однако, я все-таки настаивал на ходатайстве. Меньшагин после некоторого колебания согласился войти с таким ходатайством в немецкую комендатуру.

СМИРНОВ: Может быть, вы будете короче говорить, свидетель, и расскажете, что вам сказал Меньшагин, вернувшись из немецкой комендатуры?

14754

H1209 – 0078

H1209 – 0079

БАЗИЛЕВСКИЙ: Через два дня он мне сообщил,что из-за моей просьбы он попал в неловкое положение. Фон Швец ему отказал,сославшись на существующую директиву из Берлина проводить самый жесткий режим в отношении военнопленных.

СМИРНОВ: Что сказал он вам о военнопленных поляках?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Относительно военнопленных поляков он мне сказал,что русские по крайней мере сами будут умирать в лагере, а вот поляков военнопленных предложено уничтожить.

СМИРНОВ: Далее,какой разговор имел место между вами?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Я на это,естественно,довольно громко возразил: как так? Как это надо понимать? На это Меньшагин ответил: Понимать надо в самом прямом смысле слова, и тут-же обратился ко мне с указанием и просьбой-ни под каким видом об этом никому не говорить, так как это представляет собой большой секрет.

СМИРНОВ: Когда имела место точно эта ваша беседа с Меньшагиным, в каком месяце, в какой части месяца?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Эта беседа имела место в начале сентября,точно числа сейчас не помню.

СМИРНОВ: Но вы помните,что это было в начале сентября?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Да.

СМИРНОВ: Возвращались ли вы когда-нибудь далее в беседах с Меньшагиным к вопросу о судьбе военнопленных поляков?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Да.

СМИРНОВ: Когда это было?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Недели через две,т.е. в конце сентября.

СМИРНОВ: Медленнее.

БАЗИЛЕВСКИЙ: В конце сентября я не удержался и задал

вопрос, какова же судьба военнопленных поляков. Сначала Меньшагин помедлил, а затем в некоторой степени нерешительно сказал: "С ними уже покончено".

СМИРНОВ: Он сказал что-нибудь о том, где с ними покончено или нет?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Да, он сказал, что ему фон Швец сказал, что они расстреляны близ Смоленска.

СМИРНОВ: Но точного места им названо не было?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Да, мне он это место не назвал.

СМИРНОВ: Скажите, вы рассказали, в свою очередь, кому-нибудь об умерщвлении гитлеровцами польских военнопленных близ Смоленска?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Я об этом рассказал живущему в одном доме со мной профессору Ефимову и, кроме того, через несколько дней об этом же зашел разговор с санитарным врачем города доктором Никольским. Но оказалось, что Никольский из каких-то других источников уже знал об этом злодеянии.

СМИРНОВ: Вам говорил что-нибудь Меньшагин, в силу каких причин были произведены эти расстрелы?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Да, когда он мне сообщил, что с военнопленными покончено, он еще раз подчеркнул необходимость во избежание больших неприятностей хранить это в глубочайшей тайне и стал мне пояснять линию немецкого поведения в отношении поляков-военнопленных. Он указал, что это является одним из звеньев общей системы по отношению к военнопленным полякам.

СМИРНОВ: От кого-нибудь из служащих немецкой комендатуры вам приходилось слышать относительно уничтожения поляков?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Да, дня через три или два...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы оба говорите слишком быстро и не де-

14756

H1209 – 0080

H1209 – 0081

лаете достаточных пауз. Вы задаете вопросы в то время, когда через микрофон еще поступают ответы на предыдущие вопросы. Вы должны делать более продолжительную паузу между вопросом и ответом.

СМИРНОВ: Слушаюсь, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста, продолжайте, но медленнее.

БАЗИЛЕВСКИЙ: На чем я остановился?

СМИРНОВ: Я спрашивал, от кого-нибудь из служащих немецкой комендатуры, приходилось ли вам слышать относительно уничтожения поляков?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Дня через два или три, войдя в кабинет к Меньшагину, я застал там переводчика вондерфюрера седьмого отдела немецкой комендатуры, ведавшего русским отделом. Он вел с Меньшагиным разговор относительно поляков. Это был Отзейский.

СМИРНОВ: Может быть, вы кратко расскажете о том, что он говорил?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Его разговор сводился в тот момент, когда я его застал, к тому, что поляки-неполноценная нация, уничтожение которой может послужить хорошим удобрением и расширением жизненного пространства для Германии.

СМИРНОВ: Ну, он об этом говорил в общей форме. А о конкретных фактах расстрела польских военнопленных вы слышали?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы сейчас делаете именно то, на что я вам указывал: вы задаете вопрос до того, как поступает перевод.

СМИРНОВ: Я прошу извинить меня, господин председатель, я буду говорить гораздо медленнее.

/Обращаясь к свидетелю/. Конкретно о расстрелах польских военнопленных вы слышали со слов Меньшагина?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Да, в момент, когда я вошел,я слышал разговор с Гиршфельдом. Этого разговора я не застал,но из всего было ясно, что речь шла в связи с происшедшими событиями.

СМИРНОВ: Меньшагин говорил вам о расстреле польских военнопленных со слов коменданта фон Швеца?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Да, кроме того, насколько я вынес впечатление, он ссылался на фон Швеца. Но, повидимому,это мое глубокое убеждение, из частных разговоров в комендатуре,-он имел об этом разговор.

СМИРНОВ: К какому времени относится разговор с Меньшагиным, когда он сказал, что польские военнопленные уничтожены близ Смоленска?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Это относится к концу сентября.

СМИРНОВ: У меня нет больше вопросов к свидетелю,господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас Трибунал об'являет перерыв.

/Об'является перерыв на 10 минут/.

Встать! Суд идет!

КОМЕНДАНТ СУДА: Господа судьи, подсудимый Гесс отсутствует на заседании.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Штамер.

/К микрофону подходит защитник Штамер/.

ШТАМЕР: Господин свидетель,вы до перерыва,как я наблюдал,читали свои показания. Верно ли это?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Я ничего не читал. У меня в руках только план суда.

ШТАМЕР: Это выглядело так,как будто вы читаете. Как вы об'ясните то,что у переводчика уже были в руках ваши ответы?

H1209 – 0082

H1209-0083

БАЗИЛЕВСКИЙ: Я не знаю, каким образом переводчики могли иметь заранее в руках мои ответы. Дело в том, что ведь мои показания на предварительной комиссии, на предварительном допросе, известны.

ШТАМЕР: Вы знаете Днепровскую дачу? Вы не поняли меня. Знаете вы Днепровскую дачу?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Я не знаю, о какой даче говорит господин защитник. На Днепре вообще много дач.

ШТАМЕР: Дом, который находится около Катынского леса, на крутом берегу?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Мне не ясно, все-таки, о каком доме идет речь. Берег Днепра очень велик. Мне совершенно непонятен вопрос.

ШТАМЕР: Знаете ли вы, где находились катынские могилы, в которых было погребено одиннадцать тысяч польских офицеров?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Я там не был, катынских могил я лично не видел.

ШТАМЕР: Вы никогда не были в Катынском лесу?

БАЗИЛЕВСКИЙ: В Катынском лесу, как я уже показывал, бывал не однажды.

ШТАМЕР: Тогда вы знаете, где находились эти массовые могилы?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Как же я мог знать, где находились эти массовые могилы, когда я после оккупации, конечно, бывать там не мог.

ШТАМЕР: Откуда вы тогда знаете, что эта роща не была огорожена?

БАЗИЛЕВСКИЙ: До занятия Смоленской области немецкими войсками, вся эта область, как я показал, огорожена никогда не была. Я по слухам знал, что после начала оккупации

доступ в этот лес был запрещен германским командованием.

ШТАМЕР: Таким образом, вы не знаете о том,что в Катынском лесу находился санаторий или дом отдыха ГПУ?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Знаю прекрасно. Это всем жителям Смоленска было известно.

ШТАМЕР: Тогда вы знаете, какой дом я имею в виду в своем вопросе?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Я лично в этом доме никогда не бывал. В этом доме, вообще говоря, имели доступ семьи служащих НКВД,а остальным людям вообще не было надобности и возможности в этот дом ходить.

ШТАМЕР: То-есть, дом был закрыт для посторонних?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Не дом был закрыт для посторонних, а, вообще говоря, какой же посторонний пойдет туда,где для него место отдыха не предназначено. Сад не был закрыт,конечно.

ШТАМЕР: Там не стояли посты охраны?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Я никогда не видел.

ШТАМЕР: Жив ли русский свидетель,который вам рассказал об этом деле с польскими офицерами? Жив ли он еще?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Господин защитник подразумевает бургомистра Меньшагина, очевидно? Так я понимаю этот вопрос?

ШТАМЕР: Ранее,когда вы читали,я не успевал следить за вашими показаниями. Как звали бургомистра-Меньшагина? Он еще жив?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Меньшагин ушел вместе с германскими войсками при отступлении, а я,конечно, остался и судьба Меньшагина мне неизвестна.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Штамер, вы не имеете права говорить свидетелю: "Вы читали свои показания", как вы только что сказали,поскольку он отрицал,что он читал свои

H1209-0084

H1209 – 0085

показания, и нет никаких доказательств, что он читал их.

ШТАМЕР: Рассказывал ли вам русский свидетель, что польские офицеры прибыли из лагеря Косьенск?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Козельск, вы хотите сказать?

ШТАМЕР: Да, Козельск?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Этого мне свидетель не рассказывал.

ШТАМЕР: Знаете ли вы это место?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Козельск, знаю. В 1940 году в августе месяце - в конце августа—я с женой проводил там отпых.

ШТАМЕР: Известно ли вам что-нибудь о том, находились ли там польские офицеры в русском лагере военнопленных?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Да, известно.

ШТАМЕР: До какого времени эти военнопленные оставались там?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Я этого в точности не знаю, но в конце августа 1940 г. они были там. Это я могу совершенно определенно утверждать.

ШТАМЕР: Известно ли вам, не попал ли этот лагерь со всеми заключенными в руки к немцам?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Мне лично, так сказать, по наблюдениям, это неизвестно, а на основании слухов - да, повидимому, это было несомненно так. Но это уже не мои свидетельские показания, я этого лично не видел, но слышал.

ШТАМЕР: Слышали ли вы, остались ли эти военнопленные на месте?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Конечно, остались. Они не могли быть эвакуированы.

ШТАМЕР: Слышали ли вы, что стало с ними?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Я уже в своих ответах господину прокурору показал, что они расстреляны были по распоряжению немецкого командования.

ШТАМЕР: Где был произведен этот расстрел?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Господин защитник, повидимому, не уловил моих показаний. Я указывал,что Меньшагин мне сказал,что расстреляны около Смоленска. Где именно - он мне не указал.

ШТАМЕР: О каком числе военнопленных шла речь?

БАЗИЛЕВСКИЙ: В разговоре с Меньшагиным - да?

ШТАМЕР: Да.

БАЗИЛЕВСКИЙ: Мне вопрос непонятен. В разговоре с Меньшагиным?

/Штамер кивает головой/.

ШТАМЕР: Какое число называл вам Меньшагин?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Меньшагин мне числа не называл.Вопрос этот шел,повторяю, в самых последних числах сентября 1941 г.

ШТАМЕР: Можете ли вы назвать какого-либо свидетеля, который бы присутствовал при этих расстрелах или наблюдал за ними?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Я думаю, что эти расстрелы производились при таких условиях, при которых вряд ли русские свидетели могли там присутствовать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель, вы должны прямо отвечать на вопрос. Вас спросили: "Можете ли вы назвать имена кого-либо из тех, кто там присутствовал?" Вы должны прежде всего ответить "да" или "нет",а потом уже дать необходимые об'яснения.

БАЗИЛЕВСКИЙ: Я принимаю указание.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Можете ли вы назвать имя кого-либо из тех, кто видел казнь?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Нет,такого лица,которое видело непосредственно,я не могу назвать.

H1209 – 0086

H1209 – 0087

ШТАМЕР: Каким немецким соединением, по-вашему, был произведен расстрел?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Точно я указать затрудняюсь. Вся логика говорит, что тем строительным батальоном, который был там расположен. Но в точности мне вообще расположение немецких частей не могло быть известно.

ШТАМЕР: Шла ли речь о поляках из лагеря Козельск?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Вообще в то время разговоры не связывали этого, но мне неизвестно, что были и другие польские военнопленные, которые предварительно не были в Козельске.

ШТАМЕР: Вы сами видели польских офицеров?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Я лично не видел, но студенты мои видели и говорили, что они их видели в 1941 году.

ШТАМЕР: Где они их видели?

БАЗИЛЕВСКИЙ: На строительстве дорог, где они производили ремонтные работы, в начале лета 1941 года.

~~БАЗИЛЕВСКИЙ~~ Штамер: В каком районе?

БАЗИЛЕВСКИЙ: В районе шоссе Москва - Минск, немного западнее Смоленска.

ШТАМЕР: Можете ли вы сказать, было ли русскому армейскому руководству доложено о том, что польские военнопленные в лагере Козельск, попали в руки немцев?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Нет, это мне неизвестно.

ШТАМЕР: Как имя немецкого чиновника или служащего, с которым вы говорили в комендатуре?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Не в комендатуре, а в кабинете Меншагина - Гиршфельд.

ШТАМЕР: Какой пост он занимал?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Фюрер 7-го отдела немецкой комендатуры города Смоленска.

ШТАМЕР: У меня больше нет вопросов./Пауза/.

Еще только один или два вопроса, г-н председатель. Были ли вы наказаны русским правительством за ваше сотрудничество с немецкими властями?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Нет,не был.

ШТАМЕР: Вы находитесь сейчас на свободе?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Не только нахожусь на свободе,а, как докладывал, являюсь профессором и в настоящее время двух высших учебных заведений.

ШТАМЕР: То-есть вы снова служите и пользуетесь уважением?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Смирнов, желаете ли вы задать дополнительно вопросы?

СМИРНОВ: Нет,г-н председатель,я дополнительных вопросов к этому свидетелю не имею.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель, известно ли вам,что человек, имя которого, если я не ошибаюсь,Меньшагин, получил эти сведения от кого-то или же он сам непосредственно был в курсе дела?

БАЗИЛЕВСКИЙ: Со слов Меньшагина ясно следовало,что он лично это слышал из разговора в комендатуре и,в частности, от фон Швец, который был комендантом в начале оккупации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае свидетель может удалиться.

СМИРНОВ: Г-н председатель, я прошу Суд о вызове для допроса в качестве свидетеля - профессора судебной медицины Софийского университета Марка Антонова Маркова - болгарского подданного.

/В зал вводят свидетеля и переводчика/.

14764

H1209-0088

H1209 – 0089

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы - переводчик?

ПЕРЕВОДЧИК: Да, сэр.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /обращается к переводчику/: Назовите, пожалуйста, ваше имя и фамилию.

ПЕРЕВОДЧИК: Людомир Валев.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги: "Клянусь перед богом и законом, что я буду переводить показания, которые будет давать этот свидетель, правильно и по мере моих способностей".

/Переводчик повторяет слова присяги/.

/Свидетель Марк Антонов Марков занимает место за свидетельским пультом/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите ваше имя и фамилию.

СВИДЕТЕЛЬ: Доктор Марк Антонов Марков.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги: "Клянусь в качестве свидетеля, вызванного по данному делу, что я буду говорить только правду, зная полностью о своей ответственности перед богом и законом, и что я ничего не утаю и ничего не прибавлю". (Свидетель повторяет слова присяги). Вы можете сесть.

Г-н ДОДД: Господин председатель, до допроса этого свидетеля, я хотел бы обратить внимание Трибунала на один факт. Доктор Штамер задал предыдущему свидетелю вопрос о том, каким образом получилось так, что у переводчиков были вопросы и ответы, если их не было перед свидетелем. Этот вопрос говорит о том, что доктор Штамер располагал некоторыми сведениями о том, что у переводчиков, якобы были ответы на вопросы. Я направил записку переводчикам и получил на нее ответ от ответственного за переводчиков лейтенанта, в котором сообщалось, что ни у одного из переводчиков не было ни вопросов, ни ответов, и я

считаю,что следует занести раз'яснение по данному вопросу в протокол суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, я также согласен с вами.

ШТАМЕР: Мне вне зала суда было сообщено об этом факте, так я об этом узнал. Если это неверно, то я беру свои слова обратно. Мне было так сказано вне зала суда, причем из достоверных источников. Кто это сказал,я уже не помню, я должен буду сначала установить это.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Защитники не должны делать подобных заявлений до тех пор, пока они не проверили их обоснованность.

СМИРНОВ: Разрешите мне приступить к допросу свидетеля, господин председатель?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: К допросу? Да,пожалуйста.

СМИРНОВ: Свидетель, я прошу вас в самой краткой форме, не занимая внимания Суда подробностями, рассказать, при каких обстоятельствах вы были включены в состав так называемой интернациональной медицинской комиссии, созданной немцами в апреле 1943 года для осмотра могил польских офицеров в Катынском лесу. Я прошу вас,давая ответы, делать паузы между вопросом, который я вам ставлю, и вашим ответом.

МАРКОВ: Это было в конце апреля 1943 года. Я находился в судебно-медицинском институте, где я работал тогда и где я и сейчас работаю, и меня вызвал по телефону доктор Гюров.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель должен делать паузу, перед тем,как начинает говорить переводчик, а то иначе в микрофон поступают одновременно два голоса. Итак,переводчик должен сначала дождаться,когда свидетель кончит ответ, а затем уже переводить его. Свидетель сказал, по крайней

H1209 – 0090

H1209 – 0091

мере, я так услышал, что в апреле 1943 года он был вызван для разговора по телефону.

МАРКОВ: Меня вызвал по телефону доктор Гюров, секретарь д-ра Филова, который был тогда премьер-министром Болгарии. Он сообщил мне, что в качестве представителя болгарского правительства я должен принять участие в работе какой-то международной медицинской комиссии, которая будет исследовать трупы, найденные в Катынском лесу, - трупы польских офицеров.

Не желая выехать, я ответил, что я обязан заменить директора института, который находился в провинции. Доктор Гюров сказал мне, что, согласно распоряжению министра иностранных дел, который послал телеграмму, я должен выехать именно с тем, чтобы заменить его. Гюров вызвал меня в министерство. Там я спросил, могу ли я отказаться от выполнения этого распоряжения. Он ответил мне, что теперь мы находимся в состоянии войны, и что правительство может посылать людей туда, куда оно найдет необходимым.

Гюров направил меня к главному секретарю министерства иностранных дел Шушманову. Шушманов повторил это распоряжение, и сказал мне, что предстоит исследовать трупы тысяч польских офицеров. Я ответил, что для того, чтобы исследовать тысячи трупов, необходимы месяцы времени. Но Шушманов сказал мне, что немцы уже эксгумировали большую часть из них и что я должен выехать вместе с остальными членами комиссии только для того, чтобы осмотреть то, что уже сделано, и подписать в качестве болгарского представителя, уже составленный протокол.

После этого меня провели в германское посольство к советнику Морману, который организовал эту поездку практически.

Это было в субботу, а в понедельник, 26 апреля, утром я вылетел в Берлин. Там меня встретил сотрудник болгарского посольства, который и доставил меня в гостиницу "Адлон".

СМИРНОВ: Я прошу вас ответить на следующий вопрос: когда и в каком составе эта, так называемая, интернациональная комиссия выехала в Катынь?

МАРКОВ: Следующий день, 27 апреля, мы провели в Берлине и туда же прибыли остальные члены комиссии.

СМИРНОВ: Кто именно?

МАРКОВ: Это были следующие лица: кроме меня, были доктор Биркле - главный врач министерства юстиции и первый ассистент института судебной медицины и криминалитики в Бухаресте, доктор Милославич - ординарный профессор судебной медицины и криминалистики в Загребском университете, который присутствовал в качестве представителя Хорватии, профессор Пальмиери, - профессор судебной медицины и криминалистики в Неаполитанском университете, доктор Орсос, профессор судебной медицины и криминалистики в Будапештском университете, доктор Субик - ординарный профессор патологической анатомии в Братиславском университете, и начальник государственного ведомства здравоохранения в Словакии, доктор Хаек, профессор судебной медицины и криминалистики в Праге в качестве представителя так называемого протектората Богемии и Моравии, профессор Навиль, - ординарный профессор судебной медицины в Женевском университете в качестве швейцарского представителя, доктор Спелерс, - ординарный профессор по главным болезням в Гентском университете в качестве бельгийского представителя, доктор де Бурлетт, профессор анатомии в Гронингентском университете в качестве голландского представителя, доктор

14768

H1209 – 0092

H1209 – 0093

Трамсен - заместитель директора института судебной медицины в Копенгагене в качестве датского представителя; доктор Саксен - ординарный профессор патологической анатомии в университете в Хельсинки. В течение всей работы комиссии не присутствовал только доктор Костедуа, который заявил, что он может присутствовать только в качестве личного представителя президента Лаваля.

Прибыл также и профессор Пига из Мадрида,человек очень немолодой, который не принял никакого участия в работе комиссии. Впоследствии нам сказали,что он заболел в результате длительного путешествия.

СМИРНОВ: Все эти лица вылетели в Катынь?

МАРКОВ: Все эти лица прибыли в Катынь за исключением профессора Пига.

СМИРНОВ: Кто,кроме членов комиссии, вылетел еще в Катынь вместе с комиссией?

МАРКОВ: 28-го числа утром мы вылетели в Катынь с аэродрома Темпельгоф в Берлине. Мы вылетели на двух самолетах,в каждом из которых находилось около 15 - 20 человек.

СМИРНОВ: Кто именно,-может быть, вы ответите короче на этот вопрос?

МАРКОВ: Вместе с нами находился доктор Тиц,который встретил нас и сопровождал нас от министерства здравоохранения. Там также были представители прессы и представители немецкого министерства иностранных дел.

СМИРНОВ: Я прошу вас тогда прервать ответ на этот вопрос и сообщить мне, когда комиссия прибыла в Катынь?

МАРКОВ: Эта комиссия прибыла в Смоленск вечером 28 апреля.

СМИРНОВ: Сколько рабочих дней, я подчеркиваю,РАБОЧИХ

ДНЕЙ, продолжалось пребывание комиссии в Смоленске.

МАРКОВ: Мы оставались в Смоленске только два дня - 29 и 30 апреля 1943 года и 1 мая утром мы выехали из Смоленска.

СМИРНОВ: Сколько раз члены комиссии были непосредственно у массовых могил в Катынском лесу?

МАРКОВ: Мы были в Катынском лесу два раза, а именно в те же дни 29 и 30 апреля, в первой половине дня.

СМИРНОВ: Сколько часов вы каждый раз были непосредственно у массовых могил?

МАРКОВ: Я считаю, что не больше 3 - 4 часов каждый раз.

СМИРНОВ: Присутствовали ли члены комиссии хоть раз при раскрытии могил?

МАРКОВ: В нашем присутствии не были разрыты новые могилы. Нам показали лишь несколько могил уже разрытых до нашего прибытия.

СМИРНОВ: Следовательно, вам были пред'явлены уже вскрытые могилы, около которых лежали трупы?

МАРКОВ: Совершенно верно. Около этих разрытых могил лежали уже вырытые трупы.

СМИРНОВ: Были ли созданы членам комиссии надлежащие условия для об'ективного и всестороннего научного исследования?

МАРКОВ: Единственное, что из нашей деятельности можно охарактеризовать, как научное медицинско-судебное исследование, явилось вскрытие, совершенное некоторыми членами комиссии, которые являлись экспертами судебной медицины. Среди нас было семь или восемь человек, которые могли претендовать на такую квалификацию, и, насколько я припоминаю, было вскрыто только восемь трупов. Каждый

14770

H1209 – 0094

H1209 – 0095

из нас вскрыл по одному трупу, за исключением профессора Хайта, который вскрыл два трупа. Вся наша остальная деятельность в течение этих двух дней носила характер быстрого осмотра под руководством немцев. Это напоминало туристскую прогулку, в течение которой нам показали разрытые могилы и сельский дом, отстоявший на несколько километров от Катынского леса, где в витринах были выставлены какие-то документы и другие предметы. Об этих документах и предметах нам заявили, что их извлекли из одежды вырытых трупов.

СМИРНОВ: Вы видели сами, как извлекли эти бумаги и документы, или они вам были пред'явлены под стеклом на витринах?

МАРКОВ: Документы, которые мы видели на витринах, были извлечены еще до нашего прибытия.

СМИРНОВ: Вам дали возможность произвести какие-нибудь исследования этих документов, например, проверить пропитанность бумаги трупными кислотами, и вообще произвести какие-нибудь судебно-криминалистические исследования?

МАРКОВ: Мы не производили никаких научных исследований этих документов. Как я уже заявил, нам они были показаны на витринах за стеклом, и мы даже не дотрагивались до них.

СМИРНОВ: Теперь я все же прошу ответить коротким ответом - да или нет - на поставленный мной ранее вопрос, были ли созданы членам комиссии надлежащие условия для об'ективного и всестороннего научного исследования?

МАРКОВ: По моему мнению, эти условия работы никак нельзя назвать соответствующими для производства полного и об'ективного научного исследования. Единственно, что

носило характер действительно медицинского исследования, это было вскрытие, которое я произвел.

СМИРНОВ: Однако, правильно ли я вас понял, что из II тысяч трупов члены комиссии вскрыли всего 8 трупов - это так?

МАРКОВ: Совершенно верно.

СМИРНОВ: Я прошу вас ответить на следующий вопрос. В каком состоянии находились трупы? Я прошу вас описать состояние трупов и внутренних органов.

МАРКОВ: О состоянии трупов в катынских могилах я могу судить только по состоянию трупа, вскрытие которого я произвел. Состояние этого трупа было, насколько я мог констатировать, таким же, как и состояние остальных трупов Кожа была совершенно сохранившейся, частично высохшей, с коричнево-красноватой окраской, кое-где окрашенная в синий цвет от одежды. Ногти и волосы в большинстве случаев уже выпали. В голове трупа, которую я отделил, находилось маленькое отверстие от пулевой раны в затылок.

От мозга осталась лишь кашеобразная масса. Мышцы были сохранившимися до такой степени, что были видны даже волокна сердечной мышцы и сердечного клапана. Внутренние органы были также, в основном, хорошо сохранившимися, но конечно, согнутыми, сохшимися и потемневшей окраски. В желудке имелись следы какого-то содержания. Часть жира превратилась в жировоск. На нас произвело впечатление то обстоятельство, что даже при грубом дергании трупа никакие части конечностей не отрывались.

На основании того, что я констатировал, я продиктовал на месте производства вскрытия протокол, такой же протокол продиктовали и остальные члены комиссии, производившие вскрытие. Позже этот протокол был опубликован немца-

14772

H1209 – 0096

H1209 – 0097

ми в изданной ими книге под № 827.

СМИРНОВ: Я прошу вас ответить на следующий вопрос: свидетельствовал ли судебно-медицинский осмотр трупов о том,что они находились в земле в течение трех лет?

МАРКОВ: Об этом я мог судить опять-таки только по трупу,вскрытие которого я производил. Состояние этого трупа, как я уже заявил,было типично для среднего состояния катынских трупов. Это были трупы,которые находились в состоянии,далеком от распадения мягких частей,поскольку жир только еще начинал преобразовываться в жиро-воск. По моему мнению, эти трупы находились в земле гораздо меньше трех лет. Я считал,что труп,который я вскрыл,находился в земле около года или полутора лет.

СМИРНОВ: Следовательно,применяя критерии,выработанные вашим опытом в Болгарии,то-есть в более южной местности,чем Смоленск, где процесс распада трупов активизируется в сравнении со Смоленской областью,вы считали, что трупы, извлеченные из могил в Смоленском лесу,пролежали в земле не более полутора лет? Я правильно вас понял?

МАРКОВ: Да, совершенно правильно. Я считал,что они находились в земле не более полутора лет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы сейчас сделаем перерыв.

/Об'является перерыв до 10.00 2 июля 1946 года/.

ВЖ

14773

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 2 июня 1946 года

/Утреннее заседание/

Встать! Суд идет!

СМИРНОВ. Разрешите, господин председатель?

Итак, свидетель, когда вами производилось вместе с другими членами комиссии вскрытие этих восьми трупов, точно какого числа?

МАРКОВ. Это было 30 апреля в первой половине дня.

СМИРНОВ. И на основании ваших личных наблюдений вы пришли к заключению, что трупы пробыли в земле год или максимум полтора года?

МАРКОВ. Совершенно верно.

СМИРНОВ. Прежде чем задать следующий вопрос, я прошу Вас дать мне короткий ответ на такой вопрос. В практике болгарских судебных медиков принято, что бы при освидетельствовании трупа составленный по этому поводу судебными медиками акт заключал в себе две части: описательную часть и выводы?

МАРКОВ. В нашей практике так же, как и в практике других стран, насколько мне известно, это делается так: дается сначала описательная часть и затем заключение.

СМИРНОВ. В составленном вами протоколе вскрытия трупов есть заключение или нет?

МАРКОВ. Мой протокол о трупе, вскрытие которого я произвел, состоит только из описательной части, без заключения.

СМИРНОВ. Почему?

МАРКОВ. Потому что из бумаг, которые были даны нам, я понял, что нам хотели заранее внушить, что трупы находились в

H1209 – 0098

H1209 – 0099

земле три года. Это бумаги, которые нам были показаны в этом маленьком деревенском доме, о котором я говорил.

СМИРНОВ. Кстати, эти бумаги вам были показаны до вскрытия трупов или после вскрытия трупов?

МАРКОВ. Да, это было за день до вскрытия.

СМИРНОВ. Значит, вы были сразу поставлены...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Полковник Смирнов, вы все время прерываете переводчика. Вы задаете следующий вопрос раньше, чем переводчик успевает перевести предыдущий ответ. Нам очень трудно слушать переводчика.

СМИРНОВ. Благодарю Вас за ваше указание, господин председатель.

МАРКОВ. Так как данные, полученные во время вскрытия трупа, которое я произвел, находились в явном противоречии с этой версией, я воздержался от заключения.

СМИРНОВ. Следовательно, вы воздержались от заключения потому, что об"ективные данные медицинской секции свидетельствовали о том, что трупы пробыли в земле не три года, а только полтора?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Полковник Смирнов, вы должны помнить, что мы слушаем двойной перевод. Вы должны делать паузы больше тех, которые вы делаете сейчас, ибо в противном случае ваш голос сливается с голосом переводчика и мы не можем слышать перевода.

СМИРНОВ. Слушаю Вас, господин председатель.

МАРКОВ. Совершенно верно.

СМИРНОВ. Существовало ли единство по вопросу о пребывании в земле трупов, извлеченных из катынских могил, у членов комиссии?

МАРКОВ. Большинство членов делегации, которые совершили вскрытие в Катынском лесу, дали заключение, не касаясь, однако, существенного вопроса о времени пребывания трупов в земле; некоторые, как например, профессор Гейн, говорили о несущественных вещах, как например, о том, что покойный болел плевритом; другие, как например, профессор Дюркле из Бухареста из"ял волосы с трупа для исследования вопроса о возрасте трупа, что, по моему мнению, совершенно несущественно. Профессор Пальмиери на основании исследований трупа, вскрытие которого он произвел, сказал, что труп находился в земле больше года, но точно не определил сколько.

Единственный, кто дал заключение о том, что трупы находились в земле 3 года, был профессор Милославич из Загреба. Когда была опубликована немецкая книга о Катыни, я прочитал его об"ективную констатацию о состоянии трупа, вскрытие которого он произвел, и у меня создалось впечатление, что труп, вскрытие которого он произвел, не отличается по своему состоянию от остальных трупов. На основании этого я пришел к заключению, что его сообщение о том, что труп находился 3 года в земле, не соответствует его описанию.

СМИРНОВ. Я прошу Вас ответить на следующий вопрос. Много ли черепов с явлениями так называемого "псевдо-каллуса" было пред"явлено членам комиссии? Кстати, так как этот термин в общей криминалистике и в обычных книгах по судебной медицине не известен, я прошу Вас остановиться на том, что подразумевал профессор Орзос из Будапешта под наименованием "псевдокаллус".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Будьте добры, повторите этот вопрос.

14776

H1209 - 0100

H1209 - 0101

СМИРНОВ. Много ли черепов с явлениями так называемого "псевдо-каллуса" было пред"явлено членам комиссии? Кстати, так как этот термин не известен из общеизвестных книг по судебной медицине, я прошу Вас остановиться на том, что подразумевал профессор Орзос из Будапешта под этим?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что Вы сказали имелось на этих черепах? Вы спросили, было ли там много черепов с какими явлениями?

СМИРНОВ. Г-н председатель, я сам встретился с этим термином первый раз. "Псевдо-каллус", очевидно, это переводится с латинского, как ложная мозоль, образовавшаяся на внутренней поверхности мозгового вещества.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Можете Вы сказать по буквам, как пишется это слово по латыни?

СМИРНОВ: Могу /пишет/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы здесь написали, "псердо". Имели ли Вы в виду "псевдо", что означает "ложный".

СМИРНОВ. Да, да, да, псевдо.

МАРКОВ. Под явлением псевдо-каллус...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Задайте этот вопрос еще раз и постарайтесь сформулировать его в более краткой форме.

СМИРНОВ. Много ли черепов с явлениями так называемого псевдо-каллуса было пред"явлено членам комиссии? Остановитесь на этом термине профессора Орзоса.

МАРКОВ. О псевдо-каллосе профессор Орзос говорил нам на общей конференции делегатов, которая состоялась 30 апреля во второй половине дня, в здании, где помещалась полевая лаборатория Бутца в Смоленске. Под этим явлением профессор Орзос понимал отложение и наслоение нерастворимых солей кальция и других солей во внутренней части черепа, и профессор

Орзос утверждал, что, согласно его опыту, в Венгрии такое явление наблюдалось в том случае, если труп находился в земле, по меньшей мере, 3 года. Когда профессор Орзос сообщил об этом на научной конференции, никто из делегатов не сказал ничего ни за, ни против этого явления, в силу чего у меня создалось убеждение, что и для остальных делегатов явление псевдокаллуса также не известно, как и мне. На той же конференции профессор Орзос продемонстрировал нам это явление на одном черепе.

СМИРНОВ. Я прошу Вас ответить, под каким номером значился труп, от которого якобы взял череп для демонстрации профессор Орзос?

МАРКОВ. ~~Номер~~ Труп, череп которого был взят, носил номер 526. В книге, в которой было отмечен этот труп, стоял данный номер. Этот факт позволил мне убедиться в том, что этот труп был извлечен из могилы до нашего прибытия в Катынь, так как все остальные трупы, вскрытие которых мы произвели 30 апреля, имели номера больше, чем 800. Нам было об"яснено, что как только труп извлекается из могилы, на него надевается сразу же соответствующий номер.

СМИРНОВ. Скажите, на черепах трупов, которые были вскрыты Вами и Вашими коллегами, имелись ли явления псевдо-каллуса?

МАРКОВ. В черепе трупа, вскрытие которого я произвел, имелась вместо мозга кашеобразная масса, но явлений псевдо-каллуса я не заметил. Также и все остальные делегаты после об"яснений профессора Орзоса также не заявили о том, что они наблюдали это явление. Даже Бутц и его сотрудники, которые исследовали трупы еще до нашего прибытия, не заявляли, что они наблюдали это явление. Позже в изданной немцами книге, в докладе Бутца, я заметил, что Бутц ссылается на явления

14778

H1209 - 0102

H1209 – 0103

псевдо-каллуса, чтобы подкрепить свой тезис, что труп находился в земле три года.

СМИРНОВ. Таким образом вам был пред"явлен только один череп с явлениями псевдо-каллуса из 11 тысяч трупов?

МАРКОВ. Совершенно верно.

СМИРНОВ. Я прошу Вас подробно описать суду состояние одежды трупов.

МАРКОВ. Одежда была вообще хорошо сохранившейся. Но, конечно, она была пропитана жидкостью из разлагающихся трупов. При грубом дерганьи, чтобы снять одежду и обувь, одежда не рвалась, а сапоги не расшивались по швам. У меня даже создалось впечатление, что после соответствующей чистки эту одежду можно употребить вновь. В одежде трупа, вскрытие которого я произвел, были найдены и некоторые бумаги. Они также были пропитаны трупной жидкостью. Некоторые из немцев, присутствовавших на месте производства вскрытия трупа, потребовали, чтобы я описал эти бумаги и их содержание. Но я отказался сделать это, сообразив, что это не дело врача.

По существу я уже в предыдущий день заметил, что на основании дат из этих бумаг стремятся внушить нам, что трупы находятся в земле три года, и поэтому я хотел основываться лишь на об"активном состоянии трупа. Некоторые из других делегатов, которые совершили вскрытие, также извлекли из одежды трупов некоторые бумаги. Бумаги, которые были найдены на трупе, вскрытие которого производил я, были вложены в конверт с тем же номером, что и у трупа - 827. Позже в изданной немцами книге я увидел, что некоторые из делегатов описали содержание бумаг, найденных при трупах.

СМИРНОВ. Я прошу Вас ответить на следующий вопрос. На каких же об"ективных судебно-медицинских данных основывается заключение комиссии о том, что трупы пролежали в земле не менее трех лет?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не понял вопроса, повторите его, пожалуйста, еще раз.

СМИРНОВ. Я спросил, на каких же об"ективных судебно-медицинских данных основывается заключение протокола интернациональной медицинской комиссии о том, что трупы пролежали в земле не менее трех лет?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сказал ли он, что пришел к этому заключению не менее трех лет.?

Г-н Судья БИДЛЛ. Он этого не говорил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Он этого совершенно не говорил. Он совсем не говорил, что пришел к заключению о том, что тела пролежали в земле не менее 3-х лет.

СМИРНОВ. Не он, господин председатель, но профессор Марков вместе с другими членами комиссии подписал обобщенный протокол интернациональной комиссии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, я знаю. Именно поэтому я и просил вас повторить вопрос. Вначале нам перевели этот вопрос следующим образом: "На каких основаниях вы пришли к заключению о том, что тела пролежали в земле не менее 3-х лет", что абсолютно противоречит тому, что сказал свидетель. Будьте добры, задайте этот вопрос снова.

СМИРНОВ. Слушаюсь. Свидетель, я спрашиваю вас не о вашем личном протоколе, а об обобщенном протоколе всей комиссии. Я спрашиваю, на каких об"ективных судебно-медицинских данных основывается заключение всей комиссии, в котором в числе

H1209-0104

H1209 – 0105

других подписей имеется и ваша подпись, о том, что трупы пролежали в земле не менее трех лет ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту. /Пауза.Члены суда совещаются/. Теперь, полковник Смирнов, повторите, пожалуйста, этот вопрос еще раз.

СМИРНОВ: Слушаюсь. Я спрашивал, на каких же об"ективных судебно-медицинских данных основывается заключение комиссии / не индивидуальный протокол, составленный доктором Марковым, в котором отсутствует заключение, а заключение всей комиссии/ о том, что трупы пролежали в земле якобы не менее трех лет ?

МАРКОВ: Общий протокол, который был подписан всеми делегатами, очень беден в отношении настоящих судебно-медицинских данных. В отношении состояния трупов... о состоянии трупов там сказана лишь одна фраза о том, что трупы находятся в различной степени разложения, но не описывается степень разложения. Так что, по моему мнению, это заключение основывается на документах и на свидетельских показаниях, но отнюдь не на судебно-медицинских данных. В судебно-медицинском отношении старались подк-репить это заключение констатацией Орвоса о явлении псевдо-каллуса в трупе № 526, но, по моему убеждению, на основании этого единственного черепа, вовсе неправильно приходить к заключению о состоянии тысяч трупов, которые находились в катынских могилах. Кроме того, наблюдения Орвоса относительно псевдо-каллуса были произведены в Венгрии, т.е. при совершенно других почвенных и климатических условиях и притом в единичных могилах, а не в массовых могилах, как в Катыни.

СМИРНОВ: Вы говорили о свидетельских показаниях. Членам комиссии была предоставлена возможность лично подробно и свободно допросить свидетелей, в частности русских свидетелей, или нет ?

МАРКОВ: Нам не была предоставлена возможность общаться с местным населением. Напротив, немедленно после нашего прибытия в гостиницу в Смоленск Бунц собрал нас и предупредил нас о том, что мы находимся в военной зоне и что не имеем права передвигаться по городу без сопровождения немца в военной форме или общаться с местными жителями, или производить снимки. И, действительно, во время нашего пребывания там у нас не было никакого контакта ни с кем из местных жителей.

В первый день нашего пребывания в Катынском лесу, т.е. 29 апреля, в первой половине дня, до обеда, на месте, где находились могилы, было приведено несколько русских гражданских лиц, сопровождаемых немецкой стражей. Сразу же после нашего прибытия в Смоленск, нам были вручены показания некоторых местных свидетелей, написанные на машинке. Когда привели этих свидетелей в Катынский лес, нам заявили, что это те же самые свидетели, показания которых нам были пред"явлены.

Не было регулярного опроса свидетелей, который мог быть запротоколирован, и он вообще не был запротоколирован. С ними вступил в разговор профессор Орзоо, который заявил нам, что он владеет русским языком, так как был пленным в России во время первой мировой войны. Он начал разговаривать с одним мужчиной, довольно пожилым мужчиной, фамилия которого, насколько я помню, была Киселев. Затем он разго-

14782

H1209 – 0106

H1209 – 0107

варивал со вторым свидетелем, фамилия которого была, насколько я помню, Андреев. Весь этот разговор продолжался всего несколько минут. Пользуясь тем, что наш болгарский язык похож на русский язык, я также попытался начать разговор с некоторыми из них.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не думаете ли вы, что эти данные следует оставить для перекрестного допроса ? Нельзя ли эти детали оставить для перекрестного допроса ?

СМИРНОВ: Слушаю, господин председатель.

/Обращается к свидетелю/: Я прошу вас, свидетель, прервать ответ на этот вопрос и ответить на следующий вопрос. Было ли вам в момент подписания обобщенного протокола всей комиссией совершенно ясно, что убийства совершены в Катыни, во всяком случае, никак не ранее последней четверти 1941 г. и что 1940 г. во всяком случае исключается ?

МАРКОВ: Да, это было для меня ясным и именно поэтому я не сделал заключения в протоколу, который был составлен мной в Катынском лесу.

СМИРНОВ: Почему же вы все-таки подписали обобщенный протокол, с вашей точки зрения неверный ?

МАРКОВ: Чтобы стало ясным, при каких условиях я подписал этот протокол, я должен сказать, как он был составлен и как произошло подписание.

СМИРНОВ: Разрешите один вопрос, уточняющий это. Был ли протокол действительно подписан 30 апреля 1943 года в Смоленске или он был подписан другого числа и в другом месте ?

МАРКОВ: Он не был подписан в Смоленске 30 апреля, а

был подписан 1 мая в полдень на аэродроме, носившем название "Бела".

СМИРНОВ: При каких обстоятельствах ? Скажите о них суду.

МАРКОВ: Составление протокола должно было происходить на той же конференции, о которой я говорил и которая состоялась в лаборатории Бутца. Это было 30 апреля после полудня. На этой конференции присутствовали все делегаты, все немцы, которые прибыли с нами из Берлина, Бутц и его помощник, генерал-лейтенант медицинской службы Холм - главный врач Смоленского сектора, а также некоторые неизвестные мне немцы-военнослужащие. Бутц заявил, что они, немцы, присутствуют лишь в качестве хозяев. Но в действительности ведущее место на конференции занял генерал Холм, а работа велась фактически под руководством Бутца. Секретарем была лечная секретарша Бутца, которая составляла протокол, однако, этого протокола я никогда не видел. На эту конференцию явились Бутц и Орвос с проектом какого-то протокола, однако, мне не было известно, что кто-либо им поручил составление такого протокола. Этот протокол был зачитан Бутцем и тогда возник вопрос о состоянии и возрасте молодых сосенок, которые находились в просеках Катынского леса. Бутц считал, что в этих просеках находятся также могилы.

СМИРНОВ: Простите, я прерву вас. Вам было предоставлено доказательство, что на этих просеках действительно находятся могилы или нет ?

МАРКОВ: Нет, когда мы присутствовали, не были раскрыты какие-нибудь новые могилы, поскольку некоторые из делегатов заявили, что в качестве медиков они некомпетентны и

14784

H1209-0108

H1209 – 0109

не могут сказать своего мнения о возрасте этих деревцев. Генерал Холм распорядился, чтобы привести какого-то немца, который являлся специалистом по лесному делу. Он показал нам поперечный разрез ствола деревца и по числу кругов этого разреза он приходил к заключению, что возраст деревца - 5 лет.

СМИРНОВ: Простите, я опять прерву вас. Вы сами можете подтвердить, что это деревце было взято именно с могилы, а не просто с лесной просеки ?

МАРКОВ: Я могу лишь сказать, что действительно в Катынском лесу были просеки с маленькими деревцами и что действительно, когда мы возвращались в Смоленск, в автобусе везли деревцо, но я не знаю, имелись ли действительно могилы на том месте, откуда было взято это деревцо, так как, как я уже сказал, в нашем присутствии вообще не раскапывались могилы.

СМИРНОВ: Я прошу вас продолжать ваши ответы, но очень коротко, не задерживая внимания Суда ненужными подробностями.

МАРКОВ: В этом проекте протокола, который был предложен на заседании, были внесены и некоторые редакционные заметки, содержания которых, однако, я не припоминаю. Тогда Орзеску и Бутцу было поручено составить протокол в окончательной форме. Подписание протокола должно было состояться в тот же вечер на банкете, который состоялся в одном немецком военном лазарете. На банкет Бутц действительно явился с протоколом и начал зачитывать его, но подписания тогда не произошло по причинам, которые до сих пор для меня остались неясными. Было заявлено, что протокол нужно будет еще раз

перередактировать, в связи с чем банкет продолжался до очень позднего времени, до 3-4 часов ночи. Тотда профессор Пальмиери сказал мне, что немцы недовольны содержанием протокола, что с Берлином ведутся телефонные разговоры и что вообще, может быть, не будет никакого протокола. Действительно, переночевав в Смоленске, мы 1 мая утром вылетели, не подписав протокола. У меня лично создалось убеждение, что вообще не будет никакого протокола, и я был очень доволен.

Как по пути к Смоленску, так и на обратном пути некоторые из делегатов попросили остановиться в Варшаве, чтобы осмотреть город, но нам ответили, что это невозможно по военным соображениям.

СМИРНОВ: Это не имеет отношения к делу, я прошу вас придерживаться фактов.

МАРКОВ: Вместо этого, в полдень мы приземлились на аэродроме, под названием "Бела". Аэродром был, очевидно, военный, так как я там видел лишь легкие военные постройки, бараки. Там мы пообедали и непосредственно после обеда, несмотря на то, что нам не сообщили, что подписание протокола произойдет по пути к Берлину, нам предложили экземпляры протокола для подписания. При подписании присутствовало много военнослужащих, так как вообще на этом аэродроме не было других лиц, кроме военных. Меня лично поразило то обстоятельство, что протоколы были готовы еще в Смоленске, но там они нам не были предложены для подписания, а также не подождали, чтобы мы их подписали несколько часов спустя в Берлине. Нам их предложили подписать именно здесь, на этом

14786

H1209-0110

H1209 – 0111

изолированном военном аэродроме. Вот это именно и явилось причиной того, что я подписал протокол, несмотря на убеждение, к которому я пришел при вскрытии, которое я совершил.

СМИРНОВ: Значит, дата и место, указанные в протоколе, являются ложными ?

МАРКОВ: Да, это так.

СМИРНОВ: И вы его подписали, потому что вы были поставлены в безвыходное положение ?

МАРКОВ: Я считал, что для меня нет другой возможности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Смирнов, я считаю, что вам не следует задавать свидетелю наводящих вопросов. Он уже констатировал факт и совершенно бесполезно говорить о выводах.

СМИРНОВ: Слушаю, г-н председатель. Я не имею больше вопросов к этому свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желает ли кто-либо подвергнуть свидетеля перекрестному допросу ?

/ К микрофону подходит доктор Штамер /.

ШТАМЕР / защитник подсудимого Геринга/: Господин председатель, я хотел бы предпослать несколько вопросов, касающихся процедуры. Было предусмотрено представить Суду с каждой стороны по три свидетеля. По-моему, этот свидетель сообщал не только о фактах, а давал и такие показания, которые являются заключением эксперта. Таким образом, как это мы называем в германском праве, он давал показания не как свидетель, который может дать показания по данному вопросу, а как эксперт. Если суд будет придавать какое-либо значение этим данным, представленным свидетелем, как экспер-

том, то я прошу дать мне возможность и со стороны защиты также вызвать одного эксперта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, д-р Штамер, Трибунал не будет заслушивать более трех свидетелей с каждой стороны. Вы могли пригласить в качестве свидетеля любого эксперта или любого члена комиссии по расследованию, являвшегося экспертом со стороны Германии. Вам было предоставлено право вызвать любого из них.

ШТАМЕР / обращаясь к свидетелю/: Г-н свидетель, с каких пор вы ведете научную деятельность в области судебной медицины ?

МАРКОВ: Я работаю по судебной медицине с начала 1927 г. в университете судебной медицины в Софии, сначала в качестве ассистента, а теперь - я профессор при кафедре судебной медицины, внештатный профессор. Это слово соответствует немецкому слову "ауссерординтлих".

ШТАМЕР: Было ли вам сказано вашим правительством перед посещением Катыни, что вы должны принять участие в политической акции, причем не учитывая ваше положение в научном мире ?

МАРКОВ: Это не было мне сказано буквально, однако в прессе уже говорилось о катынском вопросе, как о политическом вопросе.

ШТАМЕР: Чувствовали ли вы себя тогда чистым перед вашей научной совестью ?

МАРКОВ: В какое время ?

ШТАМЕР: В то время, когда вы отправились в Катынь.

МАРКОВ: Вопрос мне не совсем ясен. Я прошу раз"яснить его

14788

H1209 - 0112

H1209 – 0113

ШТАМЕР: Считали ли вы свою задачу политической или научной задачей - задачу, которую вы должны были там выполнить ?

МАРКОВ: Я понял эту задачу с самого первого момента, как политическую, и поэтому я пытался от нее уклониться.

ШТАМЕР: Было ли вам ясно большое политическое значение этой задачи ?

МАРКОВ: Да, из данных, о которых сообщала пресса.

ШТАМЕР: Во время вашего допроса вы показали, что при вашем прибытии в Катынь могилы были уже вскрыты и определенное количество трупов было разложено вокруг. Хотите ли вы этим сказать, что эти трупы вообще не были взяты из этих могил ?

МАРКОВ: Нет, я этого не хочу сказать, так как очевидно трупы были из"яты из могил и, кроме того, некоторые трупы еще находились в могилах.

ШТАМЕР: Таким образом, я хочу установить, что вы не имели внешнего повода считать, что трупы, которые были осмотрены комиссией, не были взяты из массовых могил ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Он не знал, откуда были взяты эти трупы, не так ли ?

МАРКОВ: Очевидно из могил, которые были раскрыты.

ШТАМЕР: Вы дали показания также о том, что о результатах судебно-медицинской экспертизы этой международной комиссией был составлен протокол. Далее вы показали, что этот протокол был подписан вами.

Этот протокол, г-н председатель, находится в полном об"еме в официальных документах, которые были изданы германским правительством относительно этого события; я прошу раз-

решить мне представить эту так называемую "Белую книгу" в качестве доказательства. Я позже передам ее Суду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас Трибунал об"является перерыв.

/ Об"является перерыв на 10 минут /.

Встать ! Суд идет !

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Штамер, Трибунал решил, что вы можете произвести перекрестный допрос этого свидетеля по этому отчету и протокол будет принят как доказательство, если вы предоставите его в качестве доказательства в соответствии со статьей 19 Устава. Это, конечно, не означает, что мы принимаем этот отчет без доказательств, согласно 21 статье Устава, но он должен быть представлен в качестве доказательства, согласно ст. 19 Устава. Поэтому этот отчет либо будет переведен в процессе перекрестного допроса в микрофон, либо будут переведены отдельные части этого протокола, отобранные по вашему усмотрению.

ШТАМЕР: Г-н свидетель, были ли протокол подписан вами и другими экспертами в той форме, в которой он включен в германскую "Белую книгу" ?

МАРКОВ: Да. Протокол, который был опубликован в немецкой "Белой книге", является протоколом, который я составил. Через долгое время после моего возвращения в Софию мне прислали из Германии два экземпляра этого протокола, их прислал директор Диц. Эти экземпляры были написаны на пишущей машинке, к ним было приложено письмо с просьбой, чтобы я, если найду необходимым, сделал необходимые поправки и дополнения. Но я его оставил в таком виде, как он был, и он был напечатан

H1209 – 0114

H1209 – 0115

в таком виде без заключения.

/ К микрофону подходит представитель советского Обвинения полковник Смирнов /.

СМИРНОВ: Г-н председатель, мне кажется, что здесь произошла некоторая путаница. Свидетель дает ответ об индивидуальном протоколе, а д-р Штамер спрашивает о коллективном. Таким образом свидетель отвечает не на поставленный ему вопрос.

ШТАМЕР : Г-н председатель, я уже и так раз"яснил этот вопрос. Вы имеете в виду свой протокол о вскрытии ?

МАРКОВ: Я имею в виду мой протокол, который лично мной был составлен, а не общий.

ШТАМЕР: Как обстояло дело с этим общим протоколом ? Когда вы получили копию этого протокола ?

МАРКОВ: Общий протокол я получил в копии в Берлине, так как там было подписано столько экземпляров протокола, сколько было делегатов.

ШТАМЕР: Вы ранее показали, что этой комиссии, правда, были представлены русские свидетели в Катынском лесу, но что у экспертов не было никакой возможности выслушать свидетелей по этому делу ?

В протоколе же имеется следующее замечание. Я цитирую: " Комиссия заслушала лично нескольких русских свидетелей из местных жителей, которые, между прочим, подтвердили, что в марте и апреле 1940 года почти ежедневно на находящейся недалеко от Катыни станции Гнездово разгружались железнодорожные эшелоны с польскими офицерами, которых затем на тюремных машинах везли в Катынский лес, и которых потом

никто никогда больше не видел. Затем члены комиссии ознакомились с результатами сделанных ранее раскопок и выводами, и осмотрели найденные вещественные доказательства".

МАРКОВ: Как я уже сказал, действительно, при допросе, который произошел на ~~семи~~ месте, допрошенные два свидетеля разговаривали с Орвосом. Они действительно сказали, что видели, как на станцию Гнездово привозились польские офицеры и после этого они их больше не видели.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Штамер, Трибунал считает, что свидетель должен иметь возможность видеть отчет, поскольку вы пред"являете ему отдельные выдержки из него.

ШТАМЕР: Хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У вас имеется другая копия этого отчета ?

ШТАМЕР: К сожалению, г-н председатель, у меня больше нет копии ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель может читать по-немецки ?

МАРКОВ: Нет, но во всяком случае я могу понять содержание протокола.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотите сказать, что вы можете прочитать его ?

МАРКОВ: Да, я могу прочитать его.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотите сказать, что вы можете читать по-немецки ?

МАРКОВ: Да, я могу читать по-немецки.

ШТАМЕР: Г-н председатель, разрешите внести предложение ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Штамер, если у вас имеется только одна копия, то лучше возьмите ее обратно. Вы не можете проводить допрос, беспрестанно передавая книгу документов туда и обратно.

14792

H1209-0116

H1209 – 0117

ШТАМЕР: Г-н председатель, разрешите сделать следующее предложение: прервать перекрестный допрос и вызвать нового свидетеля, а я быстро перепечатаю этот документ на машинке. Это может быть выходом из положения. Это, правда, лишь несколько предложений ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы можете прочесть это. Возьмите обратно книгу документов.

ШТАМЕР: Я оглашу лишь очень короткие предложения.

Вы вчера показали, г-н свидетель, что эксперты ограничились лишь тем, что вскрыли по одному трупу. В отчете же сказано следующее. Я цитирую: "Члены комиссии сами лично вскрыли 9 трупов и, кроме того, подвергли осмотру большое количество особо выбранных для этой цели трупов". Правильно ли это ?

МАРКОВ: Действительно, члены комиссии, которые являлись судебными врачами, за исключением профессора Невилля, совершили по одному вскрытию, а Хайт совершил два вскрытия.

ШТАМЕР: Здесь важно не вскрытие, здесь важен осмотр трупов.

МАРКОВ: Они были осмотрены лишь мельком во время одного беглого осмотра, который мы произвели в первый день, причем не было совершено вскрытия каждого трупа в отдельности, а они были осмотрены так, как они были положены, рядом.

ШТАМЕР: Я спрашиваю вас сейчас, что понимается в медицине под термином "осмотр трупов"?

МАРКОВ: Мы отличаем, во-первых, внешний осмотр, при котором труп должен быть раздет и тщательно осмотрен с внешней стороны, и, кроме этого, внутренний обзор, при котором

труп должен быть исследован в отношении его внутренних органов. Это не было проделано в отношении нескольких сотен трупов, которые были выставлены там, потому что это не было возможно физически. Мы находились там только до обеда, так что я считаю, что судебно-медицинского исследования этих трупов в настоящем смысле этого слова не было произведено.

ШТАМЕР: Вы говорили ранее относительно тех деревьев, которые росли на этих массовых могилах, и вы сказали, что один эксперт на основании поперечного разреза ствола сделал вам заявление относительно возраста этих деревьев. В протоколе по этому вопросу сказано / я цитирую/:

"Согласно осмотру, проведенному лично членами комиссии, и показаниям привлеченного в качестве эксперта лесничего фон Херер, речь идет по меньшей мере о пятилетних, плохо развивавшихся в тени больших деревьев, саженцах сосны, посаженных на это место три года тому назад."

Я спрашиваю вас: верно ли то, что вы произвели осмотр местности, ~~и на месте убедились в том, правильны ли~~ чтобы проверить правильность показания эксперта по лесному хозяйству ?

МАРКОВ: Наши личные впечатления и мое личное убеждение по этому вопросу сводятся лишь к тому, что в Катынском лесу действительно имелись просеки, в которых росли небольшие деревца, и что там, действительно, указанное компетентное лицо продемонстрировало поперечный разрез деревца с кольцами.

Я считаю себя некомпетентным для того, чтобы проверять правильность выводов, которые записаны в протоколе. Именно поэтому возникла необходимость вызвать компетентное лицо по вопросам лесного хозяйства, так как мы, врачи, не были ком-

14794

H1209 – 0118

H1209 – 0119

петентными в этом вопросе. Это заключение является заключением исключительно немецкого компетентного лица.

ШТАМЕР: Но после того, как вы осмотрели местность, были ли у вас сомнения по поводу того, правильны ли эти показания ?

МАРКОВ: После того, как немецкое компетентное лицо высказало свои заключения, на конференции делегатов никто – ни я, ни остальные делегаты – не высказался по вопросу о том, являются ли его заключения верными или нет. Эти заключения записаны в протоколе в том виде, в каком данное компетентное лицо доложило об этом.

ШТАМЕР: Согласно вашему протоколу о вскрытии, на вскрытом вами трупе польского офицера имелась одежда. Вы детально описали также его одежду. Какая одежда была на этом офицере – зимняя или летняя ?

МАРКОВ: Это была зимняя одежда, шинель и шерстяной галстук на шее.

ШТАМЕР: В протоколе, далее, говорится / я цитирую/: "Затем при мертвых были найдены польские сигаретты и коробки спичек. В нескольких случаях также табакерки и мундштуки, на которых было выгравировано "Козельск". Конец цитаты.

Я спрашиваю вас, видели ли вы сами эти предметы ?

МАРКОВ: Эту табакерку с выгравированной надписью "Козельск" мы действительно видели. Она находилась на витрине, которая была нам продемонстрирована в сельском доме, недалеко от Катынского леса. Я ее припоминаю потому, что Бутц действительно обратил наше внимание на это.

ШТАМЕР: В вашем протоколе о вскрытии, г-н свидетель, имеется следующее замечание. Я цитирую: "В одежде были обнаружены

документы. Эти документы хранились в конверте с № 827".

Я вас спрашиваю: "Как вы обнаружили эти документы ? Вы сами вынули их из карманов?".

МАРКОВ: Эти бумаги находились в карманах шинели и куртки. Насколько я припоминаю, они были вынуты немецким прислужником, который раздевал трупы перед моими глазами.

ШТАМПР: Эти документы в то время были уже в конверте ?

МАРКОВ: Они тогда еще не были в конверте, но после того, как их вынули, они были вложены в конверт, носивший номер трупа. Как нам заявили, это обыкновенно так практиковалось.

ШТАМПР: О каких документах идет речь ?

МАРКОВ: Я вообще не рассматривал их, как уже заявлял об этом, отказался рассматривать их. Но по формату, кажется, там имелось удостоверение личности. Там виднелись отдельные буквы, однако, можно ли было прочитать написанное, я не могу сказать, так как я вообще не пытался их прочитать.

ШТАМПР: В протоколе имеются следующие сведения. Я цитирую: "Найденные при трупах документы / дневники, газеты, письма/ относятся к периоду между осенью 1939 г. и мартом и апрелем 1940 г. Последняя дата, которая была нами установлена, дата на одной русской газете, была - 22 апреля 1940 года".

Я спрашиваю вас: правильны ли эти сведения ? Соответствуют ли они тому, что вы лично установили?

МАРКОВ: Такие письма и газеты действительно имелись на витринах, которые нам были показаны. Некоторые подобные бумаги были вынуты некоторыми из членов комиссии, которые вскрывали трупы, и, как я впоследствии понял, они составили описание их содержания, причем оно противоречило тому, что я

H1209 – 0120

H1209 – 0121

установил; я этого не сделал.

ШТАМЕР: Ранее во время вашего допроса вы показали, что в протоколе содержалось лишь незначительное количество научных данных и что, очевидно, преднамеренно, воздержались от включения в протокол таких научных данных. Я сейчас цитирую из протокола следующее:

" Были отмечены различные формы и степени разложения трупов, что обуславливалось расположением трупов в самой могиле и по отношению друг к другу. Наряду с мумификацией на поверхности и по краям массы трупов, имеются признаки гнилостного распада в средней части массы трупов; склеивание соседних трупов из-за проникновения трупной жидкости и, в особенности, обусловленная сжатием, совпадающая деформация трупов, указывает на первичное погребение. На трупах совершенно отсутствуют насекомые и остатки насекомых, которые могли бы там находиться в момент погребения. Из этого вытекает, что расстрелы и захоронения были произведены в холодное время года, когда насекомых не имеется"./Конец цитаты/.

Я спрашиваю вас, правильны ли эти сведения ? Соответствуют ли они тому, что вы лично наблюдали ?

МАРКОВ: Я сказал, что о состоянии трупов мало говорилось в этом протоколе. И действительно, как это видно из цитаты, которую я имел в виду, здесь речь идет лишь об общей фразе, которая касается различной степени разложения трупов, но конкретного и подробного описания состояния трупов не дано.

Что касается вопроса о насекомых и их личинках, -

утверждение коллективного протокола, что таковых не обнаружено на трупах, находится в полном противоречии с констатацией профессора Пельмиери, записанной в его личном протоколе о трупах, которые он лично вскрывал. В этом протоколе, который опубликован в той же немецкой книге, напротив, говорится как раз о наличии остатков насекомых и личинок во рту трупов.

ШТАМЕР: Вы ранее говорили о научных исследованиях черепов, которые проводил профессор Орзос. В протоколе по этому поводу сказано следующее: / я цитирую / -

" Значительное число черепов было исследовано в отношении тех изменений, которые по опыту профессора Орзоса, имеют большое значение для определения момента смерти". Речь идет об известково-штуфовых ~~мелко~~ многослойных образованиях на поверхности мозга, уже превратившегося в однородную кашеобразную массу. Такие явления не наблюдаются на тех трупах, которые находились в могилах менее трех лет. Такое образование, между прочим, было отмечено в очень ясной форме на черепе трупа № 526, который был захоронен на поверхности большой массовой могилы ".

Я спрашиваю вас: правильно ли, что не только на черепе одного трупа, но и на черепах других трупов, согласно докладу профессора Орзоса, были отмечены такие образования ?

МАРКОВ: Я отвечаю категорически, что нам был показан только один единственный череп, а именно тот череп, о котором говорится в протоколе, а именно № 526. Мне неизвестно, что было произведено вскрытие большого количества черепов, как сказано в протоколе. И я считаю, что Орзос не имел воз-

14798

H1209 – 0122

H1209 -0123

можности сделать этого, т.е. исследовать много трупов в Катынском лесу, так как он прибыл с нами и уехал с нами, То-есть, он оставался в Катынском лесу столько же времени, сколько и я, и столько же, сколько и все остальные члены комиссии.

ШТАМЕР: Я цитирую в заключение конец коллективного протокола, где сказано: "Из показаний свидетелей, из найденных при трупах писем, дневников, газет и т.д. вытекает, что расстрелы были произведены в марте и апреле 1940 года. С этим полностью согласуются описанные в протоколе находки в массовых могилах и состояние отдельных трупов польских офицеров". /Конец цитаты/.

Я спрашиваю вас: правильно ли это утверждение ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не совсем понял это заявление. Насколько я слышал, то, что вы прочли, ваша цитата заключалась в следующем. Из показаний свидетелей, писем и т.д. ...

ШТАМЕР: "... с этим полностью согласуются описанные в протоколе находки в массовых могилах и состояние отдельных трупов польских офицеров". Это конец протокола.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Там не говорится о том, что следующие лица полностью согласны с этим, а сказано, что следующие факты полностью согласуются с этим. Это правильно ?

ШТАМЕР: Нет, поэтому я задаю вопрос: "Согласны ли вы с таким утверждением"?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, я понимаю, но вы прочитали следующие слова: "С этим полностью согласуются". Я хочу знать, имеете ли вы в виду, что следующие лица полностью согласны с этим или что следующие факты полностью согласуются с этим.

ШТАМЕР: Здесь констатируются определенные факты, это - общее заключение, которое было подписано всеми членами комиссии. Таким образом, речь идет о научном обосновании с помощью об"ективной констатации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Послушайте, пожалуйста, я сейчас зачитаю то, что у меня записано: "Из показаний свидетелей, писем и других документов, можно видеть, что расстрел имел место в марте и апреле 1940 года. С этим полностью согласуются..." Я хочу спросить вас ... Одну минуту, д-р Штамер, послушайте, что я скажу. Я спрашиваю вас о следующем: означают ли эти слова, что с этим полностью согласны следующие лица, или что с этим полностью согласуются следующие факты ?

ШТАМЕР: Нет, нет. Следующие лица заявляют, что эти факты, а именно то, что расстрел состоялся в марте-апреле 1940 года, согласуются с выводами, сделанными ими на основании находок в массовых могилах и на отдельных трупах. Вот что означает это; это конец. Т.е. произведенные здесь об"активные заключения согласуются с тем, что мы здесь установили. Вот, что должно это означать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте.

ШТАМЕР: Соответствует ли этот окончательный вывод вашим научным убеждениям ?

МАРКОВ: Я уже сказал, что как раз это утверждение о состоянии трупов основывалось на датах, вытекающих из свидетельских показаний и из документов, но находилось в противоречии с тем, что я заметил на трупах, которые я вскрыл. То-есть, я не считал, что даты, которые основываются на результатах вскрытия трупов, соответствуют тем датам, которые

H1209-0124

H1209 – 0125

вытекают из показаний свидетелей и из документов, в отношении времени наступления смерти. Если бы я был убежден в том, что состояние трупов соответствует времени, прошедшему с момента наступления смерти, которое было указано немцами, то я дал бы заключение еще в моем индивидуальном протоколе. У меня всегда было подозрение после того, как у меня в руках был подписанный протокол, что как раз эта последняя фраза в заключении, т.е. фраза непосредственно перед подписями, отсутствовала в проекте протокола, который мы рассматривали на конференции в Смоленске. Насколько я мог уловить, в проекте протокола, который вырабатывался в Смоленске, утверждалось, что действительно нам были показаны документы и были допрошены свидетели, из чего следует, что умерщвление, якобы, было проведено в марте и апреле 1940 года. Я считал, что как раз то обстоятельство, что это заключение вытекает не из медицинских данных и не подтверждается текстуальными медицинскими терминами, является причиной того, что подписание протокола было замедлено и вообще не состоялось в Смоленске.

ШТАМЕР: Г-н свидетель, в начале моего допроса вы заявили, что вы полностью сознавали то политическое значение, которое имела ваша деятельность. Почему же вы тогда не выступили с возражениями против этого замечания, которое, по вашему мнению, не соответствовало вашим научным убеждениям ?

МАРКОВ: Я сказал, что я подписал протокол, будучи убежден, что в создавшейся обстановке, на этом изолированном аэродроме, для меня не было другой возможности, поэтому я не мог сделать никаких возражений.

ШТАМЕР: Почему вы в последующее время не предприняли ни-

каких шагов ?

МАРКОВ: Мое поведение после подписания протокола полностью отвечает тому, что я здесь заявляю о том, что я действительно не был убежден в правдивости немецкого тезиса. Меня неоднократно приглашали в Берлин - доктор Диц, в Софии - в немецкое посольство и в Болгарии - в болгарское министерство иностранных дел, чтобы я выступил публично по радио и в печати и чтобы я сказал, что было констатировано при нашем расследовании. Я, однако, не сделал этого и всегда отказывался, потому что при тогдашней политической обстановке в нашей стране я не мог открыто выступить и заявить, что немецкие тезисы неправильны. По этому вопросу у меня с немецким посольством в Софии были крупные разговоры. И когда, несколько месяцев позже, надо было послать снова представителя от Болгарии в такую же комиссию по исследованию трупов в Виннице, на Украине, то с немецкой стороны буквально было сказано лично немецким послом Бекерле болгарскому министерству иностранных дел, что немцы не желают, чтобы посылали меня для этого в Винницу. Это указывает на то, что и с немецкой стороны очень хорошо было понято мое поведение и мое мнение по этому вопросу. По этому вопросу в нашем министерстве иностранных дел полномочный министр Сарапов имеет сохранившиеся стенограммы, которые, если уважаемый Суд найдет необходимым, он может затребовать из Болгарии. Следовательно, все мои отказы после подписания протокола проводить какую-либо деятельность, имеющую пропагандистские цели, целиком соответствуют тому, что я сказал, а именно, что заключение коллективного протокола не отвечало

H1209 – 0126

H1209-0127

моим убеждениям. И снова я повторяю, что, если бы я был убежден в том, что трупы находились в земле три года, я бы дал это заключение уже при вскрытии трупов и не оставил бы своего протокола незаконченным, что является весьма необычным для судебно-медицинского вскрытия.

ШТАМЕР: Протокол подписан ведь не только вами, на нем имеются подписи 11-ти представителей науки, имена которых вы вчера уже называли. Некоторые из них всемирно известны. Среди них находился представитель нейтрального государства профессор Невилль. Пытались ли вы за это время связаться с кем-нибудь из этих экспертов для того, чтобы добиться внесения исправлений в протокол ?

МАРКОВ: По каким соображениям протокол был подписан остальными делегатами, я, естественно, не могу сказать, но и они подписали его в той же обстановке, в какой подписал его и я. Однако, когда я читаю их частные протоколы, я вижу, что они воздерживались от того, чтобы указывать дату, когда был умерщвлен человек, труп которого они вскрывали, за исключением, как я уже сказал, одного профессора Милославича, который утверждает, что труп, вскрытие которого он произвел, имеет трехлетнюю давность нахождения в земле. После подписания протокола я не находился ни в каком контакте ни с кем из тех лиц, которые подписали этот коллективный протокол.

ШТАМЕР: Г-н свидетель, вы дали два описания: одно в протоколе, о котором говорили, а второе - здесь, в зале Суда. Какое же из них правильно ?

МАРКОВ: Мне неясно, о каких двух описаниях фактов идет речь. Прошу конкретизировать.

H1209-0128

ШТАМЕР: В протоколе сказано, что, согласно заключению, которое тогда было сделано вами, расстрел был произведен три года тому назад. Сегодня же вы показали, что это утверждение является неправильным и что между расстрелами и вашим расследованием прошло время примерно в полтора года.

МАРКОВ: Я сказал, что заключение коллективного протокола не отвечает моим убеждениям.

ШТАМЕР: Не отвечало или не отвечает ?

МАРКОВ: Оно не отвечало моим убеждениям в то время, когда было совершено ~~убийства~~ расследование, и это не отвечает моим убеждениям и сейчас.

ШТАМЕР: У меня больше нет вопросов.

/ К микрофону подходит представитель советского Обвинения полковник Смирнов /.

СМИРНОВ: Г-н председатель, я не имею больше вопросов к этому свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель, были ли какие-либо из трупов, которые были осмотрены членами этой делегации, извлечены из земли в вашем присутствии ?

МАРКОВ: Трупы, вскрытие которых мы совершили, находились в верхних слоях уже раскрытых могил и оттуда их извлекли и дали нам для совершения вскрытия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Указывало ли что-либо, по вашему мнению, на то, что эти трупы не были похоронены в этих могилах ?

МАРКОВ: Они ~~были~~, насколько можно было определить по следам в могилах, сохранились в такой степени, в какой сохранились слои слепившихся друг с другом трупов, так что, если бы и происходило какое-либо перемещение, оно, по моему

H1209-0128

H1209 – 0129

мнению, не могло совершиться непосредственно перед нашим прибытием.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотите сказать, что по вашему мнению, эти трупы были похоронены именно в этих могилах ?

МАРКОВ: Я не могу сказать, что они именно были положены в эти могилы непосредственно после наступления смерти, так как у меня нет никаких данных утверждать это, но они также не имели такого вида, что их положили туда только что.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что вы, как эксперт, думаете о возможности установления того факта, что трупы были похоронены в марте или апреле, т.е. об установлении даты с такой точностью, учитывая, что осмотр проводился вами по истечении трехлетнего срока ?

МАРКОВ: Я думаю, что если основываться на одних судебно-медицинских данных, т.е. говорить только о состоянии трупов, то нельзя сказать, когда речь идет о годах, с точностью, были ли эти убийства совершены в марте или апреле, т.е. с точностью до одного месяца. Так что, очевидно, эти месяцы март и апрель были установлены не на основании медицинских данных; это не может проистекать из них, а это проистекает из свидетельских показаний и из документов, которые были нам показаны.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы сказали, что по возвращении в Софию вы получили протокол, который был послан вам с тем, чтобы вы его просмотрели и внесли свои поправки, но что вы никаких поправок не внесли. Почему вы так поступили ?

МАРКОВ: Речь идет об индивидуальном протоколе, который я составил. Я его не дополнил заключением, не прибавил заключения, потому что он был послан мне немцами и потому,

что вообще в это время в нашей стране политическая обстановка была такова, что я не мог публично заявить, что тезис немцев неверен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы имеете в виду, что вам был послан в Софию только протокол, составленный вами лично ?

МАРКОВ: Да, только мой личный протокол был послан в Софию, а коллективный протокол я привез с собой в Софию и передал его нашему министерству иностранных дел.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Включен ли составленный вами лично протокол в общий протокол в том виде, в каком вы его сформулировали, и подписан ли он всеми делегатами ?

МАРКОВ: В моем личном протоколе имеется описание лишь трупа и одежды, которая была на нем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, я не об этом вас спрашиваю.

МАРКОВ: В коллективном протоколе сделаны лишь общие замечания в отношении одежды и степени разложения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Итак, вы хотите сказать, что протокол, составленный вами лично ...

МАРКОВ: Личные протоколы являются как раз более точными в отношении состояния трупов, тем более, что они были составлены во время самого вскрытия и они были продиктованы на месте машинисткам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Прослушайте, пожалуйста, мой вопрос. Включен ли протокол, составленный вами лично, в коллективный протокол в тех же словах и выражениях, в которых вы его формулировали ?

МАРКОВ: Мой личный протокол не включен в общий протокол, но он включен в книгу, которую немцы напечатали вместе с общим протоколом.

14806

H1209 – 0130

H1209 – 0131

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Итак, он включен в этот отчет, не так ли ? Он включен в "Белую книгу" ?

МАРКОВ: Совершенно верно, он включен в эту книгу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель может удалиться.

Полковник Смирнов, желаете ли вы вызвать другого свидетеля ?

СМИРНОВ: Да, г-н председатель, я прошу вас о вызове для допроса в качестве свидетеля профессора судебной медицины Прозоровского Виктора Ильича.

/ Вводят свидетеля /.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите, пожалуйста, ваше имя и фамилию.

СВИДЕТЕЛЬ: Прозоровский Виктор Ильич.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги: " Я, гражданин Советского Союза, вызванный в качестве свидетеля по настоящему делу, торжественно обещаю и клянусь перед лицом Высокого Суда говорить все, что мне известно по данному делу, и ничего не прибавить и не утаить ".

/ Свидетель повторяет слова присяги /.

~~ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:~~ Вы можете сесть.

СМИРНОВ / обращаясь к свидетелю /: Свидетель, перед началом допроса я прошу вас придерживаться следующего порядка ответов: после моего вопроса делайте паузу, потому что ваши показания переводятся, и говорите как можно медленнее.

Я прошу вас сообщить Суду в самой короткой форме сведения о вашей научной специальности и о стаже в качестве судебного медика.

ПРОЗОРОВСКИЙ: По образованию я врач, профессор судебной медицины, доктор медицинских наук, главный судебно-медицин-

ский эксперт министерства здравоохранения СССР, директор научно-исследовательского института судебной медицины министерства здравоохранения СССР. В порядке научно-общественной деятельности являюсь председателем судебно-медицинской комиссии ученого медицинского совета министерства здравоохранения СССР.

СМИРНОВ: Стаж вашей работы в качестве судебного медика ?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Практический стаж моей работы 17 лет.

СМИРНОВ: В чем заключалось ваше участие в расследовании массовых убийств гитлеровскими преступниками польских офицеров в Катынском лесу ?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Председатель специальной комиссии по расследованию и установлению обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками польских офицеров в начале января 1944 года, академик Николай Нилыч Бурденко, предложил мне возглавить судебно-медицинскую экспертную комиссию. Помимо этой организационной деятельности, я принимал непосредственное участие в эксгумации и исследовании этих трупов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Смирнов, может быть, сейчас удобно об"явить перерыв ?

/ Об"является перерыв до 14.00 /.

ов

14808

H1209 – 0132

H1209 – 0133

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 2 июля 1946 года

/Вечернее заседание/.

Встать! Суд идет!

КОМЕНДАНТ СУДА: Господа судьи, подсудимые Гесс, Шриче и Риббентроп отсутствуют на заседании суда.

СМИРНОВ: Разрешите продолжить допрос, господин председатель?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста.

СМИРНОВ: Свидетель, я прошу Вас сказать, далеко ли от города Смоленска были размещены места захоронения трупов?

ПРОЗОРОВСКИЙ: 14 января 1944 года судебно-медицинская экспертная комиссия совместно с членами специальной комиссии - академиком Бурденко, академиком Потемкиным, академиком Толстым и другими членами этой комиссии выехала на место захоронения польских офицеров в так называемый Катынский лес. Это место расположено в 15 километрах от города Смоленска. Эти могилы располагались метрах в двухстах от Витебского шоссе, на покатом холме. Одна могила была размерами 60 на 60 метров, другая могила в некотором отдалении от этой большой могилы размерами 7 на 6 метров.

СМИРНОВ: Какое количество трупов подверглось эксгумации возглавляемой Вами комиссией?

ПРОЗОРОВСКИЙ: В Катынском лесу судебно-медицинской экспертной комиссией было эксгумировано и исследовано с различных участков и различной глубины могил 925 трупов.

СМИРНОВ: Как были организованы работы по эксгумации и какой круг сотрудников был привлечен к этим работам?

ПРОЗОРОВСКИЙ: В судебно-медицинскую комиссию вошли специалисты - судебно-медицинские эксперты, которые в сентябре-октябре месяцах 1943 года эксгумировали и исследовали трупы жертв, погибших от расстрела немцев. В эту комиссию вошли...

СМИРНОВ: В каком месте они исследовали трупы?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Они исследовали трупы в городе Смоленске и его окрестностях. В эту комиссию вошли: профессор Прозоровский, профессор Смолянинов, старший научный сотрудник научно-исследовательского института судебной медицины, старейший эксперт судебной медицины - доктор Семеновский, профессор патологической анатомии Воропаев и профессор судебной химии Шайкова, которая была приглашена для судебно-химической консультации и судебно-химических исследований. В Помощь этой комиссии были привлечены также судебно-медицинские эксперты - военные, в числе их были: Никольский, кандидат медицинских наук, доктор Субботин.

СМИРНОВ: Свидетель, вряд ли суд интересует перечисление всех фамилий.

ПРОЗОРОВСКИЙ: Хорошо.

СМИРНОВ: Я прошу Вас ответить на следующий вопрос. Какой метод исследования трупов был принят Вами? Я понимаю под этим следующее. Снималась ли одежда с трупов, ограничивались ли вы внешним осмотром мертвого тела или производилась полная медицинская секция трупа - каждого трупа из 925 извлеченных?

ПРОЗОРОВСКИЙ: После извлечения трупов из могил они подвергались тщательному осмотру, в частности, их одежда, затем производился наружный осмотр трупа, затем

14810

H1209 - 0134

H1209 – 0135

подвергались полному судебно-медицинскому исследованию все три полости трупа - черепная полость, грудная и брюшная полости, а также подвергались детальному исследованию все внутренние органы этих полостей.

СМИРНОВ: Я прошу Вас ответить: извлеченные из мест захоронения трупы имели на себе следы ранее произведенного медицинского исследования?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Из 925 трупов, которые мы исследовали, только три из них были вскрыты и то частично - черепа. На остальных какой-либо судебно-медицинской деятельности заметно не было, так как одежда на них была надета; кители... , в частности кители были застегнуты, брюки застегнуты, рубашки застегнуты, помочи пристегнуты, шарфы которые имелись на трупах, и галстуки были повязаны вокруг шеи. И второе, - мы ответили, что ни в области головы, ни в области туловища никаких разрезов или надрезов и каких-либо других действий судебной медицины не было обнаружено. Этим самым исключается, что эти трупы подвергались какому-либо судебно-медицинскому исследованию.

СМИРНОВ: При судебно-медицинском исследовании, производившемся вашей комиссией, вскрывались черепа жертв?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Обязательно. При исследовании каждого трупа череп распиливался и исследовалось содержимое черепной полости.

СМИРНОВ: Вам известен термин псевдо-каллус?

ПРОЗОРОВСКИЙ: В частности, о нем я узнал, когда получил книгу в институте судебной медицины, в библиотеке, - это в 1945 году...

14811

СМИРНОВ: Говорите медленнее, свидетель.

ПРОЗОРОВСКИЙ: До этого у нас, в частности, в Советском Союзе ни один судебно-медицинский эксперт таких явлений не наблюдал.

СМИРНОВ: Среди вскрытых 925 черепов много ли было с явлениями псевдо-каллуса?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Никто из судебно-медицинских экспертов при исследовании этих 925 трупов каких-либо известковых отложений на внутренней поверхности черепа или на каком-либо другом участке головного мозга - не обнаружил.

СМИРНОВ: Таким образом, ни одного черепа с явлением псевдо-калусса не было?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Нет.

СМИРНОВ: Подвергалась ли исследованию одежда трупов?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Как я уже сказал, одежда подвергалась тщательному исследованию.

СМИРНОВ: Я прошу вас говорить медленнее.

ПРОЗОРОВСКИЙ: Эта одежда подвергалась тщательному исследованию. По поручению специальной комиссии, в присутствии членов ее, как, например, митрополита Николая, академика Бурденко и других членов, судебно-медицинские эксперты исследовали, осматривали эту одежду; карманы, в частности, брюк, кителей, шинелей, как правило, было вывернуты, разрезаны или разорваны. Это свидетельствовало о том, что производился обыск. Сама одежда, в частности, шинели, кители, брюки и верхнее белье были влажные, пропитанные трупной жидкостью. При значительном усилии руками эта одежда разрыву не поддавалась.

СМИРНОВ: Таким образом, ткань исследуемой одежды

~~была крепкой на разрыв~~ 14812

H1209 - 0136

H1209 – 0137

была крепкой на разрыв?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Эта ткань одежды была очень крепкой и замарана, конечно, землей.

СМИРНОВ: При эксгумации вы производили осмотр карманов одежды и находили там какие-либо документы?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Как я уже сказал, большинство карманов было разрезано и вывернуто, но некоторые карманы остались целыми. В этих карманах, а также под подкладкой кителей, брюк были обнаружены, например, записки, брошюры, газеты, открытые и закрытые почтовые карточки, папиросная бумага, мундштуки, трубки и т.д. Далее были обнаружены и ценности - слитки золота и золотые доллары.

СМИРНОВ: Эти детали не имеют отношения к делу, свидетель. Я прошу Вас не ограничиваться останавливаться на них, я прошу Вас ответить на следующий вопрос: были ли обнаружены в одежде трупов документы, датированные концом 1940 года или 1941 годом?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Да, были, в частности, мною обнаружены некоторые документы, и другими судебными экспертами, как, например, профессором Смоляниновым было обнаружено у одного трупа письмо на русском языке. Отправительницей этого письма была некая София Зигонь. Она направляет письмо в Москву, в адрес Красного Креста с просьбой сообщить местопребывание ее мужа Томаша Зигонь. Дата проставлена в этом письме - 12 сентября 1940 года. Помимо этого, на конверте имелся штамп почтовый: "Варшава. Сентябрь месяц. 1940 год", а также штамп московского почтамта, датированный 28 сентября 1940 года.

Следующий документ такого же порядка, открытка из Тарнополя со штампом: "Тарнополь, 12 ноября 1940 года". Затем были обнаружены квитанции с датами, в частности, на имя, если не путаю, Сташкевича, кажется, о приеме от

него денег на хранение с датой 6 апреля 1941 года. На его же имя была обнаружена другая квитанция, также о приеме денег на хранение, датированная 5 мая 1941 года. Затем мною лично было обнаружено письмо с датой от 20 июня 1941 года на имя Ирины Тучинской. И ряд других документов такого же порядка.

СМИРНОВ: Были ли извлечены при судебно-медицинском исследовании трупов стреляные гильзы или пули, патроны? Я прошу Вас сообщить, какой фирмы были эти стреляные гильзы и патроны - советской фирмы или иностранной? Если иностранной, - то какой, какого калибра.

ПРОЗОРОВСКИЙ: Причиной смерти польских офицеров служили пулевые огнестрельные раны головного мозга. При слепых огнестрельных ранениях мы обнаруживали в веществе мозга, в костях черепа или под мягкими тканями пули, которые были или деформированы или мало деформированы.

В отношении гильз. При раскопках действительно были найдены пистолетные гильзы германского производства так как на них, на донышке гильзы, была указана фирма "Геко".

СМИРНОВ: Одну минуту, свидетель. Я оглашу вам сейчас один подлинный немецкий документ, за которым прошу следить. Господин председатель, я прошу разрешения суда пред"явить по ходу допроса документ, любезно предоставленный нам нашими американскими коллегами. Это документ № НС-462. Я пред"являю его под № СССР-567. Это-германская переписка о Катыни. Целая серия телеграмм, причем телеграммы эти отправлены каким-то германским чиновником генерал-губернаторства по фамилии Гейрих

11814

H1209 - 0138

H1209 – 0139

правительству генерал-губернаторства. Это подлинный документ, который я передаю Суду. Я оглашу только один документ, очень короткий, связанный с патронами, обнаруженными в массовых могилах. Я начинаю цитату: Телеграмма адресована: "В правительство генерал-губернаторства. Главному управлению внутренней безопасности. Старшему административному советнику Вайрауху - в Кракове. Молния. Секретно.

Часть делегации польского Красного Креста вчера возвратилась из Катыни. Сотрудники польского Красного Креста привезли с собой гильзы патрон, использовавшихся при расстреле жертв в Катыни. Выяснилось, что это - немецкие боеприпасы. Калибр 7.65, фирма "Геко". Письмо следует. Гейрих".

Обнаруженные вами в массовых могилах германские патроны были той же германской фирмы и такого же калибра или нет?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Как я указал, пули, найденные при слепых огнестрельных ранениях, были калибра 7.65; гильзы, найденные при раскопках, имели марку фирмы "Геко".

СМИРНОВ: Я прошу Вас подробно описать состояние тканей тела и внутренних органов трупов, извлеченных из могил в Катыни.

ПРОЗОРОВСКИЙ: Кожные покровы трупов и внутренние органы их находились в хорошей степени сохранности. Мышцы туловища и конечностей сохранили свою структуру. Мышцы сердца на разрезах также имели свою характерную структуру. Вещество головного мозга в некоторых случаях подверглось гнилостному изменению, в большинстве же случаев сохранило свои структурные особенности с ясно выраженными

границами белого и серого вещества. Изменения внутренних органов заключались, главным образом, в их дряблости и уменьшении размеров. Волосы головы при незначительном усилии легко отделялись.

СМИРНОВ: К какому заключению пришли вы при исследовании трупов о времени наступления смерти и времени захоронения жертв?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Основываясь на полученном мною опыте, опыте Смолянинова, Семеновского и других...

СМИРНОВ: Одну минуту, свидетель. Я прошу Вас, расскажите коротко Суду, какой это опыт. Какое количество трупов в местах захоронения было эксгумировано Вами или при Вашем участии?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Во время Великой Отечественной войны мне пришлось быть судебно-медицинским экспертом при эксгумации и исследовании трупов жертв, расстрелянных немцами. Эти расстрелы были/где я участвовал, как судебно-медицинский эксперт, впоследствии/ в городе Краснодаре и его окрестностях, в городе Харькове и его окрестностях, в городе Смоленске и его окрестностях, в лагере смерти, так называемом Майданеке, близ Люблина. В общей сложности при моем участии было эксгумировано и исследовано более 5.000.

СМИРНОВ: Так вот, основываясь на Вашем опыте и об"ективных наблюдениях, к какому заключению Вы пришли о времени наступления смерти и времени захоронения катынских жертв?

ПРОЗОРОВСКИЙ: То, что я сейчас сказал, - это относится ко мне и моим коллегам, которые участвовали при этих эксгумациях. И все судебно-медицинские эксперты, т.е.

14816

H1209-0140

H1209 – 0141

комиссия в целом, пришли к единому мнению о том, что захоронение польских офицеров в катынских могилах было произведено около двух лет тому назад, считая с января месяца 1944 года, то-есть падает на период осени 1941 года.

СМИРНОВ: Дает ли возможность об"ективная картина состояния трупов допустить, что они были захоронены в 1940 году?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Сравнительное судебно-медицинское изучение трупов, похороненных в Катынском лесу, и сопоставление данных, полученных при этом изучении с картиной трупных изменений, предшествовавших им многочисленных эксгумаций, проведенных нами, при учете описанных доказательств, дали нам полное основание заключить, что захоронение было произведено не ранее, чем осенью 1941 года.

СМИРНОВ: Таким образом 1940 год исключается?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Таким образом 1940 год исключается полностью.

СМИРНОВ: Насколько я Вас понял, Вы являлись субедно-медицинским экспертом по делу других убийств в районе города Смоленска и окрестностей?

ПРОЗОРОВСКИЙ: В районе города Смоленска и окрестностей при моем участии было эксгумировано и исследовано 1173 трупа.

СМИРНОВ: Кроме Катыни?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Кроме Катыни,...извлеченных из 88 мест захоронения.

СМИРНОВ: К каким приемам маскировки массовых могил прибегали учинявшие расстрелы немцы в других местах?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Методы маскировки могил были применен, в частности, в окрестностях Смоленска, в Гадеоновке.

14814

Этот метод заключался в том, что на верхний слой земли этих могил накладывался дерн. Были случаи также в Гедеоновке, когда на некоторых могилах были высажены деревья, а также мелкие кустарники,для маскировки. Помимо этого, в частности в пионерском саду в городе Смоленске, могилы были замощены кирпичом и были устроены дорожки.

СМИРНОВ: Вами было эксгумировано более 5.000 трупов в различных местах Советского Союза?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Да.

СМИРНОВ: От каких причин в подавляющем большинстве случаев следовала смерть жертв?

ПРОЗОРОВСКИЙ: В подавляющем большинстве причиной смерти являлось огнестрельное пулевое ранение в голову, в область затылочной кости.

СМИРНОВ: Картина смерти жертв в Катыни являлась сходной или нет с картиной смерти в других местах? /Я говорю о массовых расстрелах/.

ПРОЗОРОВСКИЙ: Все расстрелы были произведены одним методом - выстрелом в затылок в упор или на близком расстоянии. Выходные отверстия, как правило, находились в лобной кости или в области лица.

СМИРНОВ: Я оглашаю последний абзац из вашего акта по Катыни, приведенного в сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии. Это один абзац:

"Экспертная комиссия отмечает полную идентичность методов расстрела польских военнопленных со способом расстрела мирных советских граждан и советских военнопленных, широко практиковавшимся немецкими фашистскими властями на временно оккупированной территории СССР, в том числе в городах: Смоленске, Орле, Харькове, Краснодаре и Воронеже".

14818

H1209-0142

H1209 – 0143

Вы подтверждаете эти положения?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Да, это был типичный метод расстрела жертв, характерный для уничтожения мирных граждан немцами.

СМИРНОВ: Я не имею больше вопросов к свидетелю, господин председатель.

/К микрофону подходит защитник Геринга адвокат Штамер/.

ШТАМЕР/защитник подсудимого Геринга/: Где Ваше постоянное местожительство, господин свидетель?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Я уроженец города Москвы и постоянно проживаю в городе Москве.

ШТАМЕР: С какого времени Вы работаете в Комиссариате по делам здравоохранения?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Я работаю в органах здравоохранения, в Комиссариате здравоохранения, в настоящее время в Министерстве здравоохранения, с 1931 года. До этого я был аспирантом на кафедре судебной медицины Московского университета.

ШТАМЕР: В этой комиссии были представлены также и иностранные научные деятели?

ПРОЗОРОВСКИЙ: В этой комиссии иностранных судебных медицинских экспертов не было, но производство исследования и эксгумация этих трупов были доступны для каждого, желающего посмотреть, а также на место раскопок приезжали и иностранные журналисты, по-моему, в количестве 12 человек, которым я лично демонстрировал трупы, места захоронения их, одежду и т.д., то-есть все, что их интересовало.

ШТАМЕР: Были ли среди них иностранные научные деятели?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Я еще раз повторяю, что, кроме членов судебно-медицинской комиссии, советских специалистов, никого не было.

ШТАМЕР: Можете ли Вы назвать фамилии представителей прессы?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Штамер, свидетель уже приводил здесь длинный список фамилий, и обвинитель, производивший допрос, остановил его. Почему Вы качаете головой?

ШТАМЕР: Я не понял, господин председатель, какой список фамилий? Он лишь назвал список лиц, входивших в состав комиссии.

Мой вопрос заключается в следующем. Свидетель перед этим сказал, что там на месте были представители иностранной прессы, которым тут же демонстрировали результаты исследований. Я сейчас задаю вопрос относительно фамилий этих представителей иностранной прессы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, продолжайте.

ШТАМЕР: Назовите мне, пожалуйста, фамилии представителей иностранной прессы, в особенности тех представителей, которые присутствовали на месте и которым Вы там демонстрировали результаты исследований.

ПРОЗОРОВСКИЙ: К сожалению, я сейчас вам этого назвать не могу, но думаю, что, если понадобится, можно будет их представить. Я найду все те фамилии иностранных корреспондентов, которые присутствовали при эксгумации и исследовании трупов.

ШТАМЕР: Данные относительно количества эксгумированных и исследованных Вами трупов, согласно моим запискам, несколько изменились. Возможно, я неправильно расслышал это. Однако один раз вы говорили о 5.000, а дру-

H1209-0144

H1209 – 0145

гой раз о 925. Какое количество правильно?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Вы не расслышали. Я говорил точно, что эксгумировано было 925 трупов в катынских могилах, а вообще мною и в моем присутствии во многих городах Советского Союза после освобождения от немцев было эксгумировано и исследовано более 5 тысяч трупов.

ШТАМЕР: Вы лично присутствовали при раскопке могил?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Да.

ШТАМЕР: Как долго Вы занимались этими раскопками?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Как я сказал, I4 числа к месту расположения могил выехали группа судебно-медицинских экспертов совместно с членами специальной комиссии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может быть, Вы могли бы просто указать, сколько времени потребовалось на то, чтобы произвести полностью всю эксгумацию? Другими словами, сократите Ваш ответ на этот вопрос и укажите кратко, сколько времени на это потребовалось.

ПРОЗОРОВСКИЙ: Мы непосредственно занимались эксгумацией, в частности, исследованием трупов, с I6 по 23 января 1944 г.

ШТАМЕР: Вы нашли только польских офицеров?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Все трупы, за исключением двух, которых мы обнаружили в гражданской одежде, были в польском обмундировании, принадлежащем польской армии.

ШТАМЕР: Вы произвели расследование, в каком лагере находились эти польские офицеры первоначально?

ПРОЗОРОВСКИЙ: В круг моей деятельности такой порядок работы не входил, а входило только исключительно судебно-медицинское исследование, связанное с трупами.

ШТАМЕР: Вы также не узнавали другим путем, в каком лагере находились раньше эти офицеры?

ПРОЗОРОВСКИЙ. В частности, я могу сказать, что в обнаруженных квитанциях с датами 1941 года было указано, что деньги приняты лагерем № 1-ОП. Надо полагать, что это номер лагеря особого назначения. Это - наверное так.

ШТАМЕР. Вы знали о лагере в Козельске?

ПРОЗОРОВСКИЙ. Только слихал, но там я не был.

ШТАМЕР. Знали ли Вы о том, что там содержались пленные польские офицеры?

14822

H1209-0146

Текст в подстрочник (стр. 24 оригинала)

H1209-0147

ПРОЗОРОВСКИЙ: Я могу сказать то, что я слышал, что были, но лично сам я не видел и не был в той местности.

ШТАМЕР: Вы слышали что-либо о судьбе этих офицеров?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Я о них ничего не могу сказать, так как я следствия не вел, но рассказал о судьбе тех офицеров, которые были обнаружены в катынских могилах.

ШТАМЕР: Сколько офицеров было всего обнаружено в могилах в Катыни?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Детально мы не делили эксгумированные трупы по чинам и званиям, а общее количество трупов, которые мы эксгумировали и исследовали, составляло 925.

ШТАМЕР: Это была большая часть захороненных трупов?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Очень много, вернее, у многих трупов на шинелях, на погонах и на кителях на погонах были, как правило, различные знаки отличия, видимо, офицерского чина. Я лично не разбирался в них и по настоящее время не мог бы различить чины и звания польских офицеров.

ШТАМЕР: Где находятся документы, которые были обнаружены у польских военнопленных?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Исследование и осмотр одежды производились по поручению специальной комиссии судебно-медицинскими экспертами и эти эксперты при нахождении документов, осмотре их, передавали их присутствующим членам специальной комиссии - или академику Бурденко, или академику Толстому, Потемкину и т.д. и, видимо, сейчас эти документы находятся в Чрезвычайной Государственной Комиссии.

ШТАМЕР: Вы, таким образом, придерживаетесь того мнения, что на основании медицинского исследования трупов можно точно определить время, когда было совершено убийство?

14823

ПРОЗОРОВСКИЙ: Мы, все члены комиссии, когда устанавливали даты захоронения этих трупов, исходили из предшествующего опыта многочисленных раскопок и также вещественных доказательств, которые были обнаружены судебно-медицинскими экспертами, и это дало возможность с точностью установить, что польские офицеры были расстреляны осенью 1941 года.

ШТАМЕР: Я спрашивал, могли ли Вы установить и установили ли Вы это на основании медицинского исследования трупов?

ПРОЗОРОВСКИЙ: Я еще раз могу подтвердить то, что я сказал, что, имея большой опыт массовых эксгумаций, мы пришли к этому заключению. Но в подтверждение у нас были вещественные доказательства, на основании чего мы и пришли к данному сроку захоронения польских офицеров, т.е. осень 1941 года.

ШТАМЕР: У меня больше нет вопросов к свидетелю. Господин председатель, я хотел бы еще сделать заявление по поводу документа, который был только что пред"явлен здесь. У меня лишь простая копия, которая подписана неким Генрихом. Я не видел оригинала этого документа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Насколько я понимаю, здесь имеется подлинник.

ШТАМЕР: Благодарю Вас, господин председатель.

/К пульту подходит полковник Смирнов, указывает на документ/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Смирнов, вы хотите подвергнуть свидетеля повторному допросу?

СМИРНОВ: Господин председатель, я не имею больше вопросов к этому свидетелю, но с разрешения Суда я прошу дать мне возможность сделать короткое замечание. Нам

11824

H1209 – 0148

H1209 – 0149

пришлось выбрать из I20 свидетелей, допрошенных по катынскому делу, только трех. Если суд заинтересуют показания любых других свидетелей, упомянутых в сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии, то по большинству из них мы имеем надлежаще оформленные аффидевиты, которые могут быть представлены по первому требованию Суда, и любое из этих лиц также по требованию Суда может быть вызвано в судебное заседание. Это все, что я имел заметить, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Штамер?

ШТАМЕР: У меня нет возражений против пред"явления дальнейших доказательств, поскольку будет соблюден принцип паритета, т.е. в том случае, если мне будет разрешено пред"явить дополнительные доказательства. Я также в состоянии вызвать в Суд других свидетелей и экспертов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал уже вынес свое решение; мы больше не будем заслушивать какие-либо показания по этому поводу.

ШТАМЕР: Благодарю Вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель может удалиться. Трибунал хочет заслушать доктора Бергольда по вопросу окончания дела подсудимого Бормана. Трибунал также полагает, что защитник подсудимого фон Нейрата хочет представить в качестве доказательства ряд имеющихся у него документов.

Доктор фон Людингхаузен, у вас есть какие-то документы по делу фон Нейрата? Вы хотите представить их сейчас?

Людингхаузен. Да. Председатель!

/Доктор Людингхаузен подходит к пульту/.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Господин председатель, у меня здесь есть два вида документов. Первый вид - это документы,

на которые я уже ссылался во время пред"явления доказательств и на которые я уже обратил внимание суда. Все эти документы уже имеются в книгах документов, которые я пред"явил суду. Поэтому, мне кажется, я могу ограничиться передачей этих документов генеральному секретарю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Людингхаузен, вы уже представляли их в качестве доказательства и все они имеют номера, не так ли?

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Кроме того, у меня есть еще целый ряд документов - их I2 или I5, - которые также уже переведены и приобщены к моим книгам документов. Эти документы я, однако, еще не упоминал во время представления мною доказательств и я также не просил суд приобщать их к делу. Разрешите мне кратко охарактеризовать эти документы. Это, во-первых, письмо господина фон Нейрата Гитлеру от I9 июня I933 года; затем копия протокола относительно отзыва союзной военной комиссии в январе I926 года, речь...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Будьте добры присваивать документам номера документальных доказательств, под которыми Вы представляете их в качестве доказательств.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Первый документ представляет собой письмо Гитлеру от I9 июня I933 года. Какой номер Вы даете этому письму?

ЛЮДИНГХАУЗЕН: № I2. № 32 - это протокол об отзыве союзной военной комиссии. № 50 - речь премьер-министра Макдональда от I6 марта I933 года. № 5I - статья

14826

H1209 - 0150

H1209 – 0151

господина фон Нейрата в журнале "Велькер-бунд" от 11 мая 1933 года. № 52 - речь Гитлера от 17 мая 1933 года, так называемая "Речь о мире". № 53 - заявление германского посла Надольного в Женеве от 19 мая 1933 года. № 54 - заявление американского представителя на конференции по разоружению Нормана Дэвиса от 22 мая 1933 года. № 55 - заявление немецкого посла Надольного на конференции по разоружению от 27 мая 1933 года. № 81 - речь бывшего премьер-министра Бенеша от 2 июля 1934 года. № 82 - выдержка из речи маршала Петена от 22 июля 1934 года. № 83 - коммюнике имперского правительства от 26 июля 1934 года. № 85 - коммюнике имперского правительства от 10 сентября 1934 года. № 86 - речь господина фон Нейрата от 17 сентября 1934 года. № 88 - выдержки из речи маршала Смэтса от 12 ноября 1934 года. № 119 - заявление английского министра в палате общин от 20 июля 1936 года.

Эти документы я еще не цитировал, однако они уже имеются в моей книге документов.

Господин председатель, разрешите мне использовать настоящий момент для того, чтобы заявить еще об одном ходатайстве. Это ходатайство заключается в следующем:..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Все эти документы были переведены, не так ли, доктор Людингхаузен?

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Да, они переведены и все они имеются в переданной мною книге документов. Господин председатель, разрешите мне, в связи с этим заявить об одном ходатайстве, которое я хочу подать Суду. Оно заключается в следующем. Я прошу Суд разрешить мне еще раз

допросить в качестве свидетеля подсудимого фон Нейрата, исходя из следующих соображений:

Как известно, подсудимому во время перекрестного допроса представителем Обвинения сэром Дэвидом Максуэллом Файфом был пред"явлен документ № 3859-ПС, который представляет собой фотокопию письма подсудимого от 3I августа 1940 года начальнику имперской канцелярии Ламмерсу, а также два приложения к этому письму, в которых подсудимый просит Ламмерса передать оба эти приложения Гитлеру и попросить у него разрешения на личную беседу или на доклад по рассматриваемому вопросу о имевшей, якобы, место германизации. Оба эти приложения к письму Ламмерсу содержат сообщения и предложения относительно территории будущего протектората и занимаются вопросами ассимиляции или возможной германизации чешского народа.

Суд, очевидно, помнит, что представление этого весьма обширного документа,-который лишь в фотокопиях содержит тридцать или сорок листов, если не больше, - было весьма неожиданным для подсудимого, и он в тот момент не мог достаточно хорошо вспомнить о всех этих событиях для того, чтобы дать исчерпывающие и определенные сведения относительно этих документов.

Несмотря на это, уже во время перекрестного допроса, после очень беглого ознакомления с этими документами, он выразил сомнение в отношении того, что эти отчеты, пред"явленные здесь в виде фотокопий, в действительности идентичны тем отчетам, которые, по его указаниям, были приложены к его письму Ламмерсу для того, чтобы последний передал их Гитлеру.

Точная проверка этих фотокопий во время перекрест-

14828

H1209 – 0152

H1209 – 0153

ного допроса была невозможна, и я сам, естественно, не мог дать соответствующую оценку этим документам, так как я не знал этих документов.

Подсудимый был настолько утомлен перекрестным допросом, что я также не мог в тот же день переговорить с ним по этому вопросу, а смог сделать это лишь на следующий день.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, доктор фон Людингхаузен, Вам разрешается дополнительно вызвать подсудимого для того, чтобы допросить его по поводу этих двух документов но, безусловно, это разрешение дается в порядке исключения, потому что повторный допрос ставит своей целью дать возможность защитнику осветить подобные вопросы.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Я понимаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы можете вызывать подсудимого.

/Обращаясь к фон Нейрату/: Вы, конечно, понимаете, что данная Вами присяга остается в силе.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Господин фон Нейрат, помните ли Вы еще, что побудило Вас написать письмо господину Ламмерсу от 31 августа 1940 года и просить его о содействии для получения от Гитлера разрешения на аудиенцию или доклад?

НЕЙРАТ: Да. Как я уже говорил во время моего допроса, мне летом 1940 года стало известно, что со стороны различных партийных и государственных инстанций, между прочим, в особенности со стороны гаулейтеров соседних со мной гау и со стороны Гиммлера поступали сообщения и различные предложения более или менее радикального характера, которые передавались Гитлеру. Мне было известно, что в особенности Гиммлер делал весьма резкие радикальные предложения, которые преследовали цель раздела территории протектората и окончательного уничтожения чешского населения и национальных особенностей чешского

народа. Эти инстанции требовали от Гитлера быстрейшего осуществления этих предложений.

Так как я сам, как я уже подчеркивал, весьма отрицательно относился к таким планам и, наоборот, хотел сохранить чешский народ как таковой и его национальные особенности и спасти их от уничтожения, которое намеревался осуществить Гиммлер и его сторонники, я принял решение сделать попытку побудить Гитлера отказаться от выполнения каких-либо планов по германизации, запретить их и издать соответствующий категорический приказ партии и ее инстанциям.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Помните ли Вы также о том, при каких обстоятельствах были составлены эти два отчета, которые должны были быть приложены к Вашему письму Ламмерсу?

НЕЙРАТ: Насколько я помню, события развивались следующим образом. Я вначале либо сам продиктовал отчет, либо дал указание одному чиновнику моего ведомства составить проект этого отчета. Мне кажется, что правильно как раз последнее. Я, однако, очень хорошо помню, что этот отчет был значительно короче, чем тот, который был пред"явлен мне здесь в фотокопии. Далее я помню, что сделанные в нем выводы, правда, похожи на те, которые были мне пред"явлены, однако, они были составлены в гораздо более резкой форме и было указано, что всю эту проблему необходимо еще довольно основательно продумать.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Когда и каким образом был составлен этот второй отчет Франка?

НЕЙРАТ: На основании различных бесед, которые я имел с Франком, я знал, что он также отрицательно относился к намерениям Гиммлера относительно германизации чешского народа и раздела территории протектората, и он

14830

H1209-0154

H1209 – 0155

в этом отношении разделял мои взгляды. Я считал поэтому целесообразным, так как Франк в свое время был назначен Гитлером моим статс-секретарем, так как он хорошо знал Чехословакию и чехословацкий народ, - показать Гитлеру, что и этот человек также отрицательно относится к планам Гиммлера и не советует Гитлеру претворять их в жизнь.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Исходя из каких соображений, Вы, однако, в Вашем письме Ламмерсу особо подчеркивали то, что Вы присоединяетесь к тем мыслям, которые изложил Франк в своем отчете?

НЕЙРАТ: Я считал правильным, что я это сделал, так как Франк был членом СС и подчиненным и доверенным лицом Гиммлера. Я знал, с другой стороны, что Гитлер тогда уже в связи с моей установкой по отношению к чешскому народу, которую он считал слишком мягкой и предупредительной, и был настроен против меня, и поэтому я был убежден, что мне вместе с Франком скорее удастся оказать на Гитлера влияние в моем духе, чем если бы я сделал эту попытку один. Это было причиной того, почему я предложил Франку принять участие в составлении доклада Гитлеру. Из тех же соображений я написал письмо не непосредственно Гитлеру, как я обычно это делал, а Ламмерсу. Я должен был предполагать на основании имевшегося у меня опыта, что если бы я непосредственно написал Гитлеру, которого тогда к тому же и не было в Берлине, то он либо вообще не прочитал бы этого отчета, либо направил его Гиммлеру.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Каким образом оформлялись это письмо Ламмерсу и предложения к нему?

НЕЙРАТ: Я просмотрел проект отчета, который составил Франк, затем я продиктовал мое письмо Ламмерсу и послал его вместе с моим отчетом и проектом отчета Франка обратно в бюро Франка для того, чтобы Франк приказал начисто переписать этот отчет и отослал это письмо вместе с обоими приложениями Ламмерсу. Письмо Ламмерсу и оба отчета я затем не видел перед отправкой и, между прочим, я не видел их также в Берлине, во время моей беседы с Гитлером.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Последний вопрос. Каким образом Вы пришли к тому выводу, что пред"явленные здесь фотокопии обоих отчетов не являются идентичными тем отчетам, которые по Вашему указанию были приложены к письму Ламмерсу?

НЕЙРАТ: Что касается первого отчета, который я составил сам, то я уже сказал, что он, насколько я помню, был значительно короче, чем тот, который был мне пред"явлен здесь в фотокопии.

Далее, эта фотокопия не имеет ни моей подписи, ни даже моих инициалов. Однако совершенно исключено, чтобы я не подписал тот экземпляр отчета, который я прилагал к моему письму Ламмерсу, или хотя бы не поставил своих инициалов. Далее, пометка о том, что копия этого отчета верна с подлинником, которая,по странному стечению обстоятельств, имеется на данном документе и сделана, якобы, одним оберштурмбанфюрером СС,- не подписана им. Фотокопия документа, который, якобы, был приложен к письму Ламмерса, не имеет даже моих инициалов. Однако наиболее бросается в глаза пометка о том, что копия с подлинным верна, которая имеется на этой фотокопии. Эта пометка имела бы смысл лишь в том случае, если бы

14832

H1209-0156

H1209 – 0157

этот отчет, который был приложен к письму Ламмерсу, не имел бы моей подписи и, несмотря на это, был бы приложен к письму. Так как этот экземпляр моего отчета был составлен в моем бюро и определенно был подписан мною, эта пометка доказывает, что к письму Ламмерсу был приложен не мой отчет, который я подписал, а другой, который был составлен либо Франком, либо чиновником из его бюро.

Что же касается самого отчета Франка, то текст предъявленных мне здесь фотокопий, на основании того, что я хорошо помню, не идентичен тексту, одобренного мной и затем отосланного вместе с моим отчетом Ламмерсу проекта, так как ход мыслей...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор фон Людигхаузен, мы уже неоднократно слышали здесь это об"яснение по поводу того, что приложение к этому письму является не тем приложением, которое составил сам фон Нейрат. Повторяя это об"яснение несколько раз, вы не заставите его звучать более убедительно.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Да, я хотел подчеркнуть это еще раз, но если Суд считает, что об этом уже достаточно говорилось, то я могу отказаться от своего вопроса.

НЕЙРАТ: Господин председатель, я прошу разрешения сделать заявление, которое будет содержать лишь мои предположения - я могу только предполагать относительно того, как обстояло дело. Я глубоко убежден в том, что если в действительности обе пред"явленные здесь фотокопии были приложены к письму Ламмерсу, они были изготовлены в бюро Франка и были приложены к письму Ламмерсу без моего ведома. Другая возможность заключается в том, что чешские власти...

H1209 – 0158

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы можем предполагать и судить о возможностях не хуже Вас.

Дело в том, что письмо было подписано от его имени, не так ли? Само письмо ведь было подписано?

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А то, что он говорит, относится исключительно к приложению?

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Это понятно.

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Я хотел, чтобы это было раз"яснено Суду, так как я, как уже сказано, не мог во время перекрестного допроса проверить подлинность оформления и содержания этих отчетов.

У меня больше нет вопросов к свидетелю, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае подсудимый может вернуться на скамью подсудимых.

Сэр Дэвид, Вы хотите задать подсудимому какие-либо вопросы.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, я не думаю, что в этом есть необходимость, но мне хотелось бы с разрешения суда просмотреть этот документ во время перерыва. Может быть, у меня возникнут какие-либо вопросы в этой связи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы сейчас об"явим перерыв.

/Об"является перерыв на 10 минут/.

Встать! Суд идет!

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я рассмотрел этот документ, милорд, и я думаю, что по своему характеру он относится к области аргументации, а не к материалу, подлежащему рассмотрению; поэтому нет смысла поднимать его в ходе перекрестного допроса. Однако в связи с тем, что этот вопрос уже поднят, я хотел бы напомнить

14834

H1209-0158

H1209-0159

о том, что имеется удостоверение, данное капитаном Хохвальдом от имени генерала Эгера. Согласно этому удостоверению, документ, представленный в качестве доказательства, является фотокопией подлинного документа, найденного в архиве управления имперского протектора в Праге. Таким образом, этот документ, представленный в качестве доказательства, и вышеупомянутое удостоверение дают основания предполагать, что копия письме д-ру Ламмерсу и эти два меморандума сохранялись и были найдены в управлении имперского протектора. Это все, что я хотел сказать по этому вопросу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пусть подсудимый снова вернется к свидетельскому пульту. Нет, простите, ему не нужно возвращаться. Доктор Бергольд! Доктор Бергольд?

КРАНЦБЮЛЕР/защитник подсудимого Деница/: Господин председатель, так как доктора Бергольда сейчас нет, я прошу разрешения Суда пред"явить три документа, которые не были представлены во время пред"явления мною доказательств.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо, доктор Кранцбюлер.

КРАНЦБЮЛЕР: Я пред"являю в качестве доказательства документ № Д-100. Это данное под присягой показание американского адмирала Нимица относительно подводной войны Америки против Японии. Трибуналу уже известно, что я хочу доказать этим документом. Мне сейчас не нужно его оглашать, так как в своей защитительной речи я остановлюсь на нем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал хотел бы, чтобы документ был зачитан, доктор Кранцбюллер.

КРАНЦБЮЛЕР: Хорошо. У меня здесь документ в оригинале, на английском языке. Я должен буду его читать по-

английски. "По требованию Международного Военного Трибунала следующий опросный лист был направлен II мая 1940 года...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы, повидимому, неправильно назвали дату,-это 1946 год, не так ли?

КРАНЦБЮЛЕР: Да, II мая 1946 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, продолжайте.

КРАНЦБЮЛЕР: ... был направлен адмиралу флота Честеру В.Нимицу/ВМФ США/. Адмирал Нимиц был допрошен представителем отдела Международного права Прокуратуры США в департаменте Военно-Морского флота капитан-лейтенантом Л.Бродериком, который записал показания данного свидетеля. Адмирал Нимиц был приведен к присяге капитан-лейтенантом Бродериком и на заданные ему вопросы дал следующие ответы:

"Вопрос: Ваша фамилия, Ваше звание и занимаемая Вами должность?"

"Ответ: Честер В.Нимиц, адмирал флота ВМФ США, начальник оперативного штаба Военно-Морского флота Соединенных Штатов".

"Вопрос: Какие посты Вы занимали в военно-морском флоте Соединенных Штатов, начиная с декабря 1941 г., до мая 1945 года?"

"Ответ: Я был командующим Тихоокеанским флотом Соединенных Штатов".

"Вопрос: Вели ли Соединенные Штаты морскую войну против Японии? Об"являлись ли Соединенными Штатами какие-либо районы районами боевых операций, районами морской блокады, районами,опасными или ограниченными для плавания, и т.п.?"

"Ответ: Да. С целью проведения боевых операций

14826

H1209 – 0160

H1209-0161

против Японии определенные районы Тихого океана были об"явлены театром военных действий".

"Вопрос: Принимая во внимание Ваш утвердительный ответ, было ли принято, чтобы подводные лодки атаковали без предупреждения все торговые суда, замеченные в этих водах, кроме своих собственных судов и кораблей союзных флотов?"

"Ответ: Да, за исключением госпитальных судов и других кораблей, находившихся под охраной соответствующих разделов правил ведения войны на море".

"Вопрос: У Вас был приказ действовать именно таким образом?"

"Ответ: "Начальник оперативного штаба Военно-Морского флота 7 декабря 1941 года дал приказ "О ведении неограниченной подводной войны против Японии".

"Вопрос: Было ли после начала войны обычным то, что подводные лодки атаковали японские торговые суда, находившиеся вне этих об"явленных районов или подобных им районов, без предупреждения?"

"Ответ: Ответ на этот вопрос затрагивает некоторые моменты, которые не входили в пределы моей компетенции во время войны, поэтому я оставляю этот вопрос без ответа".

"Вопрос: Было ли Вам приказано действовать таким образом?"

"Ответ: Ответ на этот вопрос затрагивает некоторые моменты, которые выходят за пределы моей компетенции во время войны, и поэтому я оставляю данный вопрос без ответа".

"Вопрос: Если практика нападения без предупреждения не существовала в начале войны, существовала ли она позднее? С какого времени?"

14837

H1209-0162

"Ответ: Эта практика существовала с 7.XII-1941 года в об"явленных зонах, которые являлись театром военных действий".

"Вопрос: Эта практика соответствовала изданным приказам?"

"Ответ: Да".

"Вопрос: Стало ли известно командованию военно-морского флота США, что японские торговые суда имели указания докладывать по радио японским вооруженным силам о всех замеченных подводных лодках США? Если да, то когда это стало известно?"

"Ответ: В ходе войны командованию военно-морского флота США стало известно, что японские торговые суда фактически передавали по радио японским вооруженным силам всевозможные сведения о замеченных ими американских подводных лодках".

"Вопрос: И поэтому американским подводным лодкам был отдан приказ атаковать без предупреждения торговые суда Японии? Существовал ли такой приказ раньше? Если да, то с какого времени?"

"Ответ: Этот приказ существовал с 7 декабря 1941 года".

"Вопрос: Стало ли известно морскому командованию США, что японские торговые суда имели приказ атаковать любую американскую подводную лодку любыми средствами, и использование которых позволяла ситуация, как, например, таранный удар, артиллерийский огонь или сбрасывание глубинных бомб? Если да, то когда это стало известным?"

"Ответ: Японские торговые суда обычно были вооружены и всегда атаковали подводные лодки всеми доступными им средствами, когда это было возможно".

14838

H1209 – 0162

H1209 – 0163

"Вопрос: И поэтому подводным лодкам США был отдан приказ атаковать без предупреждения японские торговые суда? Существовал ли такой приказ раньше? Если да, то с какого времени?"

"Ответ: Этот приказ существовал с 7 декабря 1941 года".

"Вопрос: Существовал ли специальный приказ или общепринятый принцип, согласно которому подводным лодкам США запрещалось проводить спасательные операции по отношению к пассажирам и команде, находившимся на борту кораблей, потопленных без предупреждения, в тех случаях, когда подобные действия угрожали безопасности этих подводных лодок?"

Ответ: "По общепринятому принципу американские подводные лодки не спасали тех членов экипажей вражеских судов, которые выживали после потопления, в тех случаях, когда это могло подвергнуть сами подводные лодки излишней опасности или если подобные действия могли помешать дальнейшему выполнению заданий, полученных подводной лодкой. Подводные лодки США были ограничены в этих спасательных мероприятиях тем, что они могли взять на борт очень мало пассажиров, а также тем, что японцы отличаются своим отчаянным характером и склонностью к самоубийству. Поэтому было небезопасно подбирать большое количество оставшихся в живых. Очень часто им давали резиновые лодки или продовольствие, или и то и другое. Почти всегда они сами не хотели итти на борт подводных лодок добровольно и было необходимо брать их в плен силой".

"Вопрос: Если такого приказа или принципа не существовало, предпринимали ли подводные лодки США в вышеупомянутых случаях практически спасательные мероприятия?

14839

"Ответ: В очень многих случаях подводные лодки США спасали тонущих членов экипажа и пассажиров торпедированных вражеских судов".

"Вопрос: Отвечая на предыдущий вопрос, подразумевали ли Вы под словами "торговые суда" что-нибудь иное, кроме судов, которые не являлись военными кораблями?"

"Ответ: Нет, под "торговыми судами" я подразумеваю суда всех типов, которые не являются военными кораблями. Употребляя это выражение в этом смысле, сюда же нужно отнести рыболовные суда и т.п.".

"Вопрос: Если да, то какого рода суда?"

"Ответ: Последний мой ответ охватывает этот вопрос".

"Вопрос: Был ли какой-либо из приказов Командования военно-морского флота США, упомянутых в этом опросном листе, относительно тактики подводных лодок США по отношению к торговым судам Японии, основан на принципе репрессалий?"

"Ответ: Неограниченная подводная и воздушная война, приказ о ведении которой был издан 7 декабря 1941 года, явилась результатом того, что к тому времени стали известны тактические приемы, применявшиеся японцами. Ни один из последующих приказов морского командования Соединенных Штатов касательно тактики американских подводных лодок по отношению к торговым судам Японии в течение всей войны не основывался на принципе репрессалий, хотя и были известны конкретные примеры зверств, совершавшихся японскими подводными лодками по отношению к людям, уцелевшим после потопления торговых кораблей Соединенных Штатов, которые оправдали бы политику репрессалий".

"Вопрос: Был ли этот приказ или были ли эти приказы японского правительства об"явлены, как репрессалии?"

14840

H1209 – 0164

H1209 – 0165

"Ответ: Этот вопрос мне не ясен. Поэтому я на него не отвечаю."

"Вопрос: На основе тактики со стороны японцев можно ли считать политику репрессалий оправданной?"

"Ответ: Неограниченная воздушная и подводная война, приказ о которой был издан морским командованием Соединенных Штатов 7 декабря 1941 года, оправдывается тем, что Япония в этот день напала на американские базы и корабли, как вооруженные, так и невооруженные, без всякого предупреждения или об"явления войны".

"Вышеприведенная запись моих показаний была просмотрена мной и является полной и точной во всех отношениях". Подписано - Честер В.Нимиц, адмирал флота ВМФ США.

Этот документ получает номер "Дениц-100".

В качестве следующего документа я передаю отзыв бывшего судьи военно-морского флота Германии Изкеля о приговоре военно-морских судов относительно защиты сельских жителей от всякого рода злоупотреблений со стороны морской пехоты. Этот документ был утвержден Трибуналом и имеется в переводе. Поэтому я считаю, что мне не следует оглашать его здесь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите нам номер этого документа.

КРАНЦБЮЛЕР: Документ "Дениц-49", господин председатель.

Несколько недель тому назад, господин председатель, я подал ходатайство об истребовании выдержек из протоколов заседаний суда по делу военных преступников в Осло. Эти протоколы были использованы представителями Обвинения, а именно во время перекрестного допроса гросс-адмирала Деница. Тогда эти документы не имели номера.

14841

Из этих протоколов я выбрал несколько выдержек, которые должны доказать, что моторная торпедная лодка № 345, экипаж которой был расстрелян на основании приказа о командос, имела диверсионное задание и что в отношении обращения с пленными командование военно-морского флота Германии и тем самым адмирал Дениц ничего не знали. Этот вопрос был разрешен на основании переговоров между гаулейтером Тербовеном и ставкой фюрера. Я прошу допустить этот документ в качестве доказательства, так как он был использован Обвинением. Этот документ получает номер "Дениц-107".

/К микрофону подходит представитель английского обвинения Филлимор/.

ПОЛКОВНИК ФИЛЛИМОР: Милорд, я не знаю, известен ли Трибуналу ответ, который Обвинение дало на это ходатайство.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, мы только что с ним ознакомились.

ПОЛКОВНИК ФИЛЛИМОР: Вообще говоря, мы совершенно согласны с тем, чтобы представить полностью весь доказательственный материал Обвинения, но мы против того, чтобы представлялись отдельные отрывки, т.е. чтобы помимо письменных показаний, данных под присягой, и устных показаний свидетелей, представлялись материалы, которые подкрепляют отдельные доводы защитника подсудимого Деница. Но, с другой стороны, по всем этим вопросам имеются показания, опровергающие те или иные положения, вытекающие из данных документальных материалов.

Поэтому, милорд...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может быть, мы облегчим работу переводчиков, если Вы представите те места из этого документа, на которые Вы ссылаетесь?

ПОЛКОВНИК ФИЛЛИМОР: Если это будет более удобно, милорд, я могу это сделать.

14842

H1209 – 0166

H1209 – 0167

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не знаю, каков об"ем этого документа. Может быть, он очень длинный.

ПОЛКОВНИК ФИЛЛИМОР: Весь материал процесса имеет весьма большой об"ем. Суд длился в течение 4ех дней.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае будет лучше всего, если Вы отберете только нужные Вам места, а д-р Кранцбюлер может представить...

ПОЛКОВНИК ФИЛЛИМОР: Милорд, в ответе говорится, что документ, изобличающий подсудимого, который был представлен против него, представляет собой письменное показание, данное под присягой прокурором, который изложил сущность показаний, принятых судом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал понимает это, но считает, что желательно, чтобы вы представили те отрывки, на которых Вы строите свои доводы, в то время как защитник представит интересующие его выдержки.

КРАНЦБЮЛЕР: Разрешите мне передать суду этот документ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторите, пожалуйста, номер этого документа.

КРАНЦБЮЛЕР: Этот документ имеет номер 107.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Он содержит выдержки из стенограмм процесса, не так ли?

КРАНЦБЮЛЕР: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Обвинение представит свои выдержки и мы сможем сопоставить их.

КРАНЦБЮЛЕР: Господин председатель, у меня есть еще один вопрос относительно только что рассмотренного дела о Катыни. Свидетель, профессор Марков, упомянул об экспертизе итальянского профессора Пальмиери, которая находится в германских "Белых книгах". Я хотел бы

пред"явить эту экспертизу также в качестве доказательства, а именно потому, что в ней ничего не говорится о "насекомых", которые были найдены на трупах, как утверждал профессор Марков, а о "личинках". Разница, мне кажется, состоит в том, что "насекомые" летают летом, в то время как "личинки" прячутся зимой. Разрешите мне передать суду этот документ, г-н председатель?

СМИРНОВ: Господин председатель, я хотел сделать просто одну фактическую справку. В протоколе профессора Пальмиери указано, что личинки были обнаружены в горле у трупа. Я не знаю, когда в горле водились насекомые. Вследствие этого представление этого документа мне кажется нецелесообразным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Кранцбюллер, вы говорите о каком-то определенном документе, который упоминается в Белой Книге, не так ли?

КРАНЦБЮЛЕР: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы имеете в виду весь документ?

КРАНЦБЮЛЕР: Этот документ помещается примерно на одной странице, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае Вы можете представить его в качестве доказательства, если, конечно, он будет переведен.

КРАНЦБЮЛЕР: Очень хорошо, господин председатель.

СМИРНОВ: Речь идет об одном документе, являющемся протоколом вскрытия трупа, произведенного профессором Пальмиери. Это не сводный документ,-это протокол вскрытия, произведенного профессором Пальмери индивидуально.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: На этот документ имеется ссылка в заключительной части протокола?

КРАНЦБЮЛЕР: Это - экспертиза, положенная в основу

14844

H1209 – 0168

H1209 – 0169

общего протокола так же, как и протокол профессора Маркова. Это—результаты вскрытия того трупа, который исследовал профессор Пальмьери.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

КРАНЦБЮЛЕР: Господин председатель, у меня есть еще один документ по делу о Катыни, который мы получили несколько дней тому назад от польских кругов. Переводчик с немецкого языка на русский допустил здесь у микрофона ошибку, перевел вместо "польские круги" - "польская делегация"/см.выступление т.Руденко/. Этот документ издан на английском языке. Это - книга, появившаяся в 1946 г. в Лондоне. Она называется: "Отчет об убийстве польских офицеров в Катынском лесу". В этом документе использованы также и польские источники, и я хотел бы, чтобы Трибунал принял этот документ в качестве доказательства. Я хотел бы, однако, до того, как я укажу, к какой теме относится это доказательство, чтобы Трибунал проверил этот документ, так как, очевидно, будут сомнения в отношении того, можно ли его использовать в качестве доказательства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Кранцбюллер, этот документ был напечатан исключительно для личного пользования. На нем не указана фамилия издателя. Это совершенно анонимный документ.

КРАНЦБЮЛЕР: Да, я сам сомневался в его подлинности. Я его пред"явил, так как я, учитывая значение рассматриваемого дела, полагаю, что Суду все же необходимо принять его во внимание.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, Трибунал считает, что будет неправильно рассматривать документы такого рода.

14845

H1209 – 0170

РУДЕНКО: Г-н председатель, я бы хотел сделать только одно замечание, так как, по существу, Трибунал об"явил уже свое решение.

Заявление защитника о том, что этот документ получен от польской делегации, по меньшей мере, у меня вызывает удивление. Меня интересует, от какой польской делегации, собственно, получен этот документ, ибо польская делегация, представленная здесь, не могла представить подобного рода фашистские пропагандистские листовки?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю, генерал Руденко, Вы неправильно поняли то, что сказал д-р Кранцбюлер.

ЗАУТЕР/др Заутер, защитник подсудимого Функа/:

Г-н председатель, в свое время были утверждены четыре опросных листа по делу подсудимого Функа. Во время пред"явления доказательств я не мог их еще пред"явить, так как они не были переведены. В настоящий момент перевод поступил и передан Суду. Я прошу разрешения пред"явить эти документы.

Первый документ - это добавление № 2 к книге документов Функа. Он получает номер доказательства 16.

Это - подробный протокол допроса свидетеля Ландфрида, который работал в министерстве подсудимого Функа в качестве статс-секретаря. Этот свидетель, - мне кажется, что не нужно оглашать протокол полностью, - в первом вопросе говорит об экономической политике подсудимого Функа, которую он проводил в оккупированных областях, причем он говорит то же самое, что говорил и сам подсудимый Функ.

Во втором вопросе речь идет об указаниях, которые давал Функ командующим войсками и рейхскомиссарам в оккупированных областях. Затем в четвертом вопросе

14846

H1209 - 0170

H1209 – 0171

речь идет о разграблении оккупированных областей. Свидетель подтверждает, что подсудимый Функ всегда выступал против грабежей, что он боролся с черными рынками, что он отклонял предложение о снижении курса валюты и старался поддерживать уровень валюты в оккупированных областях.

В ответе на пятый вопрос свидетель детально описывает, как подсудимый Функ старался избежать возложения непосильного финансового бремени на оккупированные области, в особенности снизить расходы на содержание оккупационной армии.

Затем в следующих вопросах во второй части, а именно в ответе на II-й вопрос, свидетель разбирает деятельность подсудимого Функа в министерстве хозяйства в отношении подготовки Германии на случай войны. В ответ на I2-й вопрос свидетель рассматривает деятельность генерального уполномоченного по экономике. Он приходит к выводу, что на практике все это оставалось на бумаге. Однако я не хочу отнимать времени у суда и углубляться в детали. В основном - это повторение тех показаний, которые были даны раньше.

В последних двух вопросах - I4 и I5 - свидетель Ландфрид, который, как уже говорилось, был в течение ряда лет заместителем подсудимого Функа, описывает точку зрения подсудимого, его принципиальную точку зрения на вопрос об использовании иностранных рабочих и т.д.

Я прошу обратить внимание на указанные мною места из этого весьма обширного доказательства и ограничиться тем общим выводом, который я сделаю.

Следующий опросный лист принадлежит свидетелю Эмилю Пулю. Это тот свидетель, который был допрошен здесь по другим вопросам, по вопросам относительно золотых

зубов и т.д. Этот опросный лист и ответы свидетеля Эмиля Пуля помещены в дополнении № 3 книги документов Функа, доказательство № I7.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, Трибунал разрешил направить этот опросный лист?

ЗАУТЕР: Конечно, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель уже давал показания. Как правило, мы не разрешаем направлять опросные листы тем свидетелям, которые уже давали нам показания.

ЗАУТЕР: Господин председатель, дело обстояло следующим образом. Еще в декабре я ходатайствовал о посылке опросного листа и неоднократно напоминал об этом, однако, я не получил его тогда, и только через два дня, во время перекрестного допроса этого свидетеля-Эмиля Пуля, совершенно неожиданно представитель Обвинения спросил его относительно золота СС, т.е. относительно золотых зубов. Таким образом, этот допрос по инициативе Обвинения не имел отношения к опросному листу, который был утвержден Вами, мне кажется, в феврале месяце.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Заутер, я имею в виду следующее: Предположим, что Трибуналу представляется ходатайство о разрешении направить опросный лист, и Трибунал дает разрешение направить этот опросный лист, а затем данный свидетель вызывается для допроса в суд. Когда он вызывается для дачи показаний, он должен быть допрошен по всем вопросам, которые касаются данного дела. Трибунал не желает, чтобы по одному какому-то вопросу зачитывались его показания, а затем в другой связи оглашались его ответы на тот опросный лист.

/К микрофону подходит господин Додд/.

Господин Додд, у Вас имеются какие-либо возраже-

H1209 – 0172

H1209 – 0173

ния против принятия такого решения по данному вопросу?

Г-н ДОДД: Нет, я не имею никаких возражений, господин председатель. Положение вещей таково: Трибуналом было дано разрешение направить этот опросный лист до того, как Пуль был вызван в качестве свидетеля. Он был вызван в Суд для перекрестного допроса. Сейчас я не помн допрашивал ли его защитник по вопросам, содержащимся в опросном листе. У нас нет возражений против принятия высказанного здесь предложения. Если в связи с этим у Трибунала возникнут затруднения, мы весьма сожалеем об этом.

ЗАГЕР: Господин председатель! Во время допроса свидетелю Пулю задавались также вопросы относительно французского лагеря военнопленных, и он отвечал на те вопросы, которые ему задавало Обвинение. Таким образом, его спрашивали не только относительно моих утверждений, но и относительно вопросов, которые ему задавали представители Обвинения во время перекрестного допроса. Таким образом я позволяю себе передать Суду этот документ, опросный лист Эмиля Пуля. Это - дополнение к третьей книге документов. Я даю этому документу № 17.

Этот свидетель Пуль, который был вице-президентом имперского банка, высказывался в этом опросном листе по совершенно другим вопросам, а не по тем, по которым его допрашивали, а именно - он говорил о подготовке, которую провел президент имперского банка на случай войны. Это вопрос № I. Затем он отвечал на вопрос клиринговой задолженности, это - вопрос № 2; затем он отвечал на вопрос об использовании датской валюты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает, что Вам нет необходимости зачитывать этот опросный лист. Трибунал раз-

решит приобщить его к делу.

ЗАУТЕР: Благодарю Вас, господин председатель. Я лишь хотел кратко остановиться на содержании этого документа. Затем я передаю суду еще одни показания свидетеля, которые также были утверждены Судом. Это - показания свидетеля Гейнца Каллуса. Они содержатся в книге документов Вальтера Функа, дополнение № 4. Эти показания получат номер доказательства 18.

Я передаю также эти показания свидетеля генеральному секретарю и прошу в целях экономии времени принять этот документ без доказательства.

В качестве четвертого и последнего документа я передал показания господина Мессершмита, данные под присягой. Это - дополнение к показаниям, данным им раньше, которые были уже пред"явлены. Здесь имеется лишь одно предложение. Этот документ находится в книге документов по делу Вальтера Функа в приложении № 5 и получает номер доказательства 19. Я передаю и этот документ.

Таким образом, я закончил пред"явление документов. Благодарю вас, господин председатель.

/К микрофону подходит защитник подсудимого Розенберга - доктор Тома/.

ТОМА: Господин председатель, я прошу разрешения Суда пред"явить свидетельские показания доктора Бейля. До сих пор я получил эти показания только на английском языке. Я снова взял их из отдела переводов для того, чтобы передать их Суду в качестве доказательства под № 50. У меня есть просьба следующего характера. В этих показаниях имеются важные данные относительно позиции министерства по делам Востока по вопросам использования рабочей силы. Этот документ настолько важен, что я считаю необхо-

14850

H1209 - 0174

H1209-0175

димым огласить его. Так как я не совсем хорошо владею английским языком, я прошу разрешения, чтобы переводчик огласил этот документ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Тома, этот документ ранее уже представлялся в качестве доказательства? Трибунал разрешил Вам представить этот опросный лист, не так ли?

ТОМА: Да, он уже был допущен Судом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Есть ли необходимость зачитывать его? Нельзя ли его просто представить в качестве доказательства с тем, чтобы Трибунал рассмотрел его?

ТОМА: Я предоставляю Суду решить этот вопрос.

Я хотел бы только указать, что этот документ содержит важные, имеющие решающее значение высказывания по вопросу об использовании рабочей силы в министерстве по делам Востока. Но я предоставляю Суду решить этот вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Быть может, Вы вкратце изложите его содержание?

ТОМА: Господин председатель, у меня здесь имеется лишь английский текст, но я не могу зачитать его сам. Здесь имеется всего лишь 2 страницы. Мне кажется, что переводчик сумеет быстро огласить их.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае пусть переводчик огласит этот документ.

ПЕРЕВОДЧИК: "Копия - документальное доказательство РО № 50."

"Полный опросный лист министериальрата доктора Бейля, свидетеля защиты по делу Розенберга.

"Свидетель был приведен к присяге и дал следующие показания:

"Вопрос: Являлись ли вы постоянным референтом

министерства по делам восточных областей и ведали ли Вы вопросами труда и социальной политики?

"Ответ: Да. Я был одним из 10 постоянных чиновников. Мы первоначально начали работать с 52-мя сотрудниками, но по мере того, как Восточный фронт терял свое значение, число штатных работников было сокращено до 10. На моей ответственности лежала административная сторона разрешения вопросов о труде и социальной политике. Начальником отдела был ландесбауэрнфюрер Пойкерт.

"Вопрос: Стремилось ли министерство по делам восточных областей к тому, чтобы добровольно набирать рабочую силу на Востоке?

"Ответ: Да, оно стояло только за добровольный набор. Мои инструкции заключались в том, что их набор можно проводить только на добровольных началах.

"Вопрос: Известны ли какие-либо результаты этой политики?

"Ответ: Да, но результаты были не так значительны, как мы ожидали. Добровольно пришло на работу только примерно 300 или 400 тысяч человек, и большинство из них было из Украины, Литвы и Эстонии.

"Вопрос: Велись ли какие-либо переговоры о снижении норм, установленных генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы /ГБА/?

"Ответ: Да. Переговоры относительно снижения этих норм действительно имели место, но не имели успеха, ввиду того, что Заукель потребовал, чтобы на территорию самой Германии было переведено примерно около миллиона рабочих.

"Вопрос: Кто нес ответственность за обеспечение

14852

H1209 – 0176

H1209 – 0177

восточных рабочих и за контроль над их работой в самой империи?

"Ответ: Германский трудовой фронт и имперский сельскохозяйственный союз несли ответственность за обеспечение восточных рабочих: первый - за рабочих, использовавшихся в военной и тяжелой промышленности, и второй - за рабочих, использовавшихся в сельском хозяйстве.

"Вопрос: Какова была точка зрения отдела "АСО"?

ТОМА: Разрешите прервать. АСО - это отдел по вопросам труда и социальной политики при министерстве по делам Востока.

ПЕРЕВОДЧИК: "Вопрос: Какова была точка зрения отдела АСО относительно обращения с восточными рабочими в империи?

"Ответ: Точка зрения моего отдела - АСО, заключалась в том, что следует проводить добровольный набор рабочих на основе полной свободы передвижения, таким образом, при условии освобождения их от колючей проволоки и работы на закрытых фабриках. Мы считали, что лучше всего будет обращаться с ними именно таким образом. Мы также стояли за то, чтобы им было разрешено снять нарукавные повязки с надписью "Восток", которые они должны были носить сначала на руке, а позднее на запястье левой руки, с тем, чтобы их можно было отличить от рабочих с Запада, которые никогда не носили повязок. Впоследствии надпись "Восток" была заменена надписью "Великороссия", "Белоруссия" и "Украина". Рабочие из Прибалтийских государств нарукавных повязок не носили. Некоторые из русских, небольшие группы казаков и татар и одна или две других национальности также не обязаны

были носить повязок, так как они были настроены антибольшевистски и прогермански, и впоследствии некоторая часть из них была призвана в германскую армию. Около 7.000 юношей из Рутении были призваны отделом АСО и использовались в качестве подмастерьев на заводе Виккерса.

"Вопрос: Знаете ли Вы что-нибудь о центральном отделе по делам населения восточных областей при министерстве по делам Востока. Как этот отдел был организован?

"Ответ: Этот отдел рассматривался, как своего рода консульство по делам Востока; работники этого отдела были частично немцами, частично местными служащими с Востока, которых считали подходящими для этой работы. Некоторые из иностранных служащих находились в распоряжении провинциальных управлений для того, чтобы защищать интересы своих соотечественников, работавших в данных районах. В центральном отделе имелись подотделы для каждого из восточных государств. Во главе каждого такого отдела стоял немец. Некоторые из этих немцев ранее жили в этих государствах. Имелось также отделение, ведавшее вопросами социального обеспечения, которым руководили люди из восточных государств; они заботились об обеспечении и улучшении жизненных условий своих соотечественников. Имелось также отделение, ведавшее религиозными вопросами. Им руководило духовенство из этих стран, но работа этого отдела не была очень успешной, поскольку у нас не было достаточного количества священников.

"Вопрос: В чем выражалось участие германского трудового фронта в рассмотрении жалоб?

14854

H1209 – 0178

H1209 - 0179

"Ответ: Интересы иностранных рабочих всегда принимались во внимание. Направлялись специальные комиссии в различные места, где были сконцентрированы восточные рабочие, для того, чтобы выяснить, как они там живут и как с ними обращаются. Во время таких посещений эти комиссии рассматривали жалобы, которые им там подавались, в то время как центральный отдел также должен был рассматривать жалобы, поступающие по почте.

"Вопрос: Скажите, известно ли Вам о каком-либо письменном циркуляре, адресованном местным властям, предлагавшем обращаться с рабочими справедливо? Известны ли Вам детали этого?

Что Вам известно о том, что центральная армейская группировка эвакуировала целые семьи и детей в возрасте 10-14 лет?

"Ответ: Да, был специальный циркуляр по этому вопросу, в котором весьма детально рассматривались вопросы относительно справедливого обращения с восточными рабочими. Этот циркуляр был издан Заукелем по предложению министерства по делам восточных территорий. Второй циркуляр был издан Розенбергом, в нем рассматривался вопрос о справедливом отношении только к восточным рабочим. Мне неизвестно об акции, о которой Вы говорите. Этим вопросом занималась исключительно центральная армейская группировка.

"Вопрос: Знаете ли Вы о брошюре, выпущенной министерством по делам восточных территорий для руководителей предприятий, относительно народов Восточной Европы и об отношении к ним?"

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Тома! Мне кажется, что это

письменное показание, данное под присягой, далеко не краткое и в нем нет ни одного слова, которого бы мы не слышали ранее, причем слышали неоднократно.

ПЕРЕВОДЧИК: Доктор Тома говорит, что мы подходим к последнему предложению.

ТОМА: Здесь осталось всего два коротких предложения. Переводчик:

"Ответ: "Было издано две брошюры: одна из них была издана Заукелем, а другая - германским трудовым фронтом, Заукелем и министерством по делам восточных территорий совместно.

"Вопрос: Есть ли у Вас такая брошюра?

"Ответ: У меня нет экземпляра этой брошюры.

"/Подпись/ Бейль."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Тома, Трибунал, как Вы знаете, верит защитникам. Если Вы нам говорите, что это важное письменное показание, данное под присягой, то мы верим, что это действительно так. По мнению Трибунала, чтение этого письменного показания, данного под присягой, явилось просто тратой времени.

ТОМА: Высокий суд, у меня есть еще одна просьба. Я просил утвердить опросный лист рейхсгауптштелленлейтера доктора Эпперта, который являлся начальником отдела в управлении уполномоченного фюрера по идеологическим вопросам и вопросам мировоззрения НСДАП, которым руководил Розенберг. Это показание, данное под присягой, еще не было утверждено, однако, оно уже содержится в моей книге документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Обвинение видело этот документ?

ТОМА: Нет, мне кажется,-нет. Я подал ходатайство генеральному секретарю. Было ли передано это ходатайство Обвинению, - я не знаю.

14856

H1209-0180

H1209 – 0181

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Насколько мне известно, единственное ходатайство, которое было нам представлено,—просьба разрешить направить опросный лист д-ру Кеппену вместо д-ра Штельбрехта. Это именно то ходатайство, о котором Вы сейчас говорите?

ТОМА: Нет, нет. Мне было разрешено вместо доктора Штельбрехта допросить доктора Кеппена. Опросный лист уже отослан. Однако здесь речь идет о новом ходатайстве, о докторе Эпперте,—в отношении его еще не принято решение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вам следовало бы передать его Обвинению с тем, чтобы выяснить, нет ли у него каких-нибудь замечаний по этому вопросу. Мы сможем принять этот документ завтра.

ТОМА: Благодарю Вас, господин председатель.

КУБУШОК/защитник подсудимого фон Папена/: В отношении дела фон Папена еще не разобрано шесть опросных листов. Три из них получены лишь в последние дни и их еще переводят. Я прошу разрешения после получения последнего опросного листа пред"явить Суду все эти шесть опросных листов. Затем, три дня тому назад я получил письменные показания иностранного журналиста Рademахера фон Унна из Милана, причем я ~~его~~ их не испрашивал. В настоящее время это письменное показание переводится. Я передал это письменное показание господину представителю английского Обвинения, он не имеет возражений. Я прошу разрешения пред"явить это письменное показание вместе с остальными документами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, конечно, Вы можете представить этот документ. Мы затем решим вопрос о том, приемлем ~~ли~~ он или нет.

1485

КУБУШОК: Хорошо.

ЗАЙДЛЬ/защитник подсудимого Франка/: Господин председатель, я прошу разрешения пред"явить ответы свидетелей на опросные листы, которые еще не были пред"явлены. В качестве доказательства по делу Франка № 19 я пред"явлю ответы на опросный лист, которые дал свидетель доктор Эрнст Беппле. Эрнст Беппле был в правительстве генерал-губернаторства статс-секретарем, он ответил всего на 41 вопрос. В качестве доказательства по делу Франка № 20 я пред"явлю Суду ответы на опросный лист, который дал свидетель Макс Майдингер. Майдингер был начальником канцелярии генерал-губернатора. Он ответил на 43 вопроса. Как этот опросный лист, так и опросный лист свидетеля Беппле, насколько я мог установить, еще не переведены, хотя я их передал в бюро переводов уже десять дней тому назад. Имеется лишь один английский перевод.

В качестве доказательства по делу Франка № I я передаю ответы на опросный лист, которые дал свидетель Гасснер. Он ответил на 49 вопросов. Гасснер был начальником отдела прессы в правительстве генерал-губернаторства.

В качестве доказательства по делу Франка № 22 я передаю опросный лист свидетеля доктора Штеппа, который в последнее время был председателем провинциального суда. Он разбирает в основном вопрос относительно тех усилий, которые предпринимал подсудимый Франк в 1933-34 г., находясь на должности баварского министра юстиции, для того, чтобы добиться роспуска концлагеря Дахау. Затем я хотел бы использовать представившуюся мне возможность, господин председатель, для того, чтобы сказать несколько

14858

H1209-0182

H1209-0183

слов относительно ошибки в переводе, которая относится не к документам подсудимого Франка, а к документу, который был пред"явлен по делу подсудимого Гесса. Я отмечу, что этот документ не был пред"явлен с представлением Обвинением документов относительно личной ответственности подсудимого Рудольфа Гесса, однако он находится в книге документов. Речь идет о документе США № 696, ПС-062, а именно о декрете от 13 марта 1940 года. Это тот декрет, на котором Суд уже останавливал свое внимание в прошлую субботу в связи с делом подсудимого Бормана и из которого господин председатель зачитал параграф 4-й, который был пред"явлен здесь в качестве приложения к декрету от 13 марта. Здесь имеется весьма грубая ошибка в переводе, ошибка, которая совершенно извращает смысл декрета, и которая, я должен сказать, может иметь весьма пагубные последствия. В этом 4-м параграфе слово "обезвредить" переведено как "ликвидировать".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если имеется какая-то ошибка в переводе, Вам следует обратиться к генеральному секретарю и он разрешит этот вопрос с отделом переводов.

ЗАЙДЛЬ: Да, но это не так просто. Очевидно, переводчик чувствовал сам, что его перевод не совсем точно передает смысл, поэтому он в скобках поставил немецкий термин. По моему мнению, это предложение следует перевести так: "Вражеские парашютисты должны быть немедленно арестованы или обезврежены". Смысл именно заключался в том...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ/перебивая/: Позвольте Вам заметить, доктор Зайдль, что перед нами нет этого документа и не все из нас понимают немецкий язык, поэтому было бы лучше обратиться с этим вопросом в отдел переводов. Бесполезно обращаться с этим к нам.

ЗАЙДЛЬ: В таком случае я передам письменное ходатайство генеральному секретарю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Имеет ли Обвинение какие-нибудь возражения против тех опросных листов, о которых говорил доктор Зайдль? Имеет ли Обвинение возможность использовать опросные листы во время перекрестного допроса, если оно посчитает это нужным?

/К микрофону подходит представитель британского Обвинения полковник Филлимор/.

ПОЛКОВНИК ФИЛЛИМОР: Милорд, меня просили сказать, что мы согласны с этим, за исключением последнего случая. Если Вы разрешите, я займусь этим вопросом сегодня вечером.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

ПОЛКОВНИК ФИЛЛИМОР: Я рассмотрю этот вопрос и дам ответ Трибуналу.

Милорд, у Обвинения есть несколько документов, которые мы хотели бы представить в качестве доказательства. У меня восемь и у моего друга господина Додда, кажется, три. Я мог бы представить их очень быстро, но, может быть, удобнее сделать это завтра утром.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Всеми этими документами мы займемся завтра утром, когда будут представляться документы по делу других подсудимых. Мы также заслушаем показания свидетелей Кемпка и Вальтенхорста, которых, как мне кажется, вызвал доктор Бергольд.

Трибунал хочет, чтобы доктор Бергольд завтра утром присутствовал на заседании с тем, чтобы он мог допросить этих свидетелей.

Сейчас Трибунал об"является перерыв.

/Об"является перерыв до 3 июля, 10 часов/.

н.я.

14860

H1209-0184

H1209-0185

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 3 июля 1946 года

(УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ)

Встать ! Суд идет !

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Просил ли доктор Бергольд, чтобы его представлял кто-нибудь из защитников ?

(Молчание).

Коменданту Суда удалось связаться с доктором Бергольдом?

КОМЕНДАНТ СУДА. Нет, сэр.

ШТАМЕР (защитник подсудимого Геринга). Господин председатель, доктор Бергольд получил от нас уведомление, что его присутствие необходимо здесь на Суде. Как я слышал, - но я об этом только слышал, - ему должны были сообщить также через Генеральный Секретариат. К сожалению, я ничего не могу больше сказать. Насколько мне известно, он никому не поручил представительства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Благодарю Вас, доктор Штамер.

ШТАМЕР. Господин председатель, я еще раз постараюсь узнать, прибыл он или нет. Я постараюсь связаться с ним.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Штамер, мне кажется, что лучше всего будет, если Трибунал сейчас рассмотрит различные ходатайства, касающиеся опросных листов и документов, которые, очевидно, Вы и другие защитники пожелаете представить в качестве доказательства. Если к тому времени доктор Бергольд не появится, Трибунал допросит свидетелей, хотя мы, безусловно, надеемся, что доктор Бергольд прибудет сюда, если это будет возможно. Может быть, Вы свяжитесь с ним. Я попрошу также коменданта Суда связаться с ним.

ШТАМЕР. Да.

КОМЕНДАНТ СУДА. Хорошо, сэр.

ПРОФЕССОР ЯРРЕЙС.Господин председатель,я узнал,что сын доктора Бергольда вчера неожиданно вернулся из плена,и поэтому отец выехал к нему.Он находится за пределами Нюрнберга. Я уже попросил секретаря поехать за ним.Я думаю, что через полчаса он будет здесь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Доктор Штамер,у Вас,кажется,есть несколько опросных листов,которые Вы хотели бы представить в качестве доказательства,не так ли ?

ШТАМЕР.Когда я заканчивал представление доказательств, мне разрешили пред'явить еще несколько опросных листов,которые я к тому времени еще не получил..Прежде всего речь идет об опросном листе Кангубера;Кангубер был генералом авиации,им был предложен план организации военно-воздушных сил,составленный на период до 1950 года.Его спрашивали о цели и значении этого плана,который был закончен им 2 мая 1938 года.Я могу коротко передать содержание его ответов.Первая часть плана касалась конечной цели; она представляла собой лишь ориентировочную схему,основанную на теоретических предположениях.Вторая часть охватывала цели,намеченные на 1942 год,а также вопросы,которые должны были быть разрешены к 1 октября 1938 года.Это было конкретное предложение,касавшееся организации военно-воздушных сил.План был составлен свидетелем по собственной инициативе. Докладывалось ли о нем подсудимому Герингу,он не знает и считает это мало вероятным; вместе с тем он признает,что он докладывал Герингу о своем предложении по организации военно-воздушных сил.Таково в основном содержание данного опросного листа,который я передаю как документ Геринг - № 54.

Затем у меня есть другой опросный лист,принадлежащий генерал-полковнику Курту Штуденту.Здесь речь идет о воздушном налете на Роттердам в мае 1940 г. Он об'яснит...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.У Вас имеются копии этих опросных листов?

14862

H1209 – 0186

У нас есть копия опросного листа,который Вы сейчас представляете, но копии опросного листа Кангубера у нас нет.

ШТАМЕР.Я передал их в бюро переводов,господин председатель,и просил,чтобы переводы были уже сейчас готовы.Я еще раз проверю,готовы ли они.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Хорошо.Генеральный Секретарь займется этим вопросом.

Что касается опросного листа Штудента,то я хотел бы знать, ходатайствовали Вы о посылке этого опросного листа и было ли это ходатайство удовлетворено Трибуналом.[2] Его нет в моем списке.

ШТАМЕР.Да,конечно,ходатайство было принято и Обвинение уже представило встречный опросный лист.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо.

ШТАМЕР.Мне кажется,если мне не изменяет память,что опросный лист Штудента бы допущен решением Суда от 14 февраля.

Итак,Штудент говорит о воздушном налете на Роттердам в мае 1940 г.Он дает необходимое раз'яснение по вопросу о том, как могло получиться,что во время переговоров о капитуляции на Роттердам еще сбрасывались бомбы.Мне кажется,я также могу сослаться на этот опросный лист.Положение было таково,что переговоры о капитуляции затянулись и тогда было приказано совершить воздушный налет на Роттердам.Введенной в дело эскадре не удалось своевременно сообщить по телеграфу.[3] Наземные части давали сигналы,которые были неправильно поняты...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Этот опросный лист,повидимому,касается тех вопросов,которые уже затрагивались при представлении доказательств,не так ли ?

ШТАМЕР.Да,этот вопрос уже обсуждался во время представления доказательств.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.В таком случае ни при каких обстоятельствах не следует зачитывать этот документ.

ШТАМЕР.Тогда я просто передам этот документ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Вы представьте его в качестве доказательства. Я хочу сказать,что Вам не следует зачитывать его целиком.

ШТАМЕР.Да,конечно,господин председатель.Это документальное доказательство № 53.

Затем у меня имеется опросный лист генерала авиации Коллера.Я передаю этот документ как доказательство Геринг-№55.

Господин председатель,я прошу разрешения огласить вопросы, учитывая важность показаний этого свидетеля для дела подсудимого.

Первый вопрос:

"Давал ли бывший рейхсмаршал Геринг когда-либо приказ расстреливать сбитых вражеских летчиков без судебного следствия или передавать их полиции ~~=~~ - СД ?

Ответ: Насколько я знаю - нет.Во всяком случае,мне неизвестен такой приказ рейхсмаршала".

Второй вопрос:

"Участвовал ли бывший рейхсмаршал Геринг в издании приказа,на основании которого бежавшие из лагеря военнопленных № 3 (Саган) английские летчики были расстреляны полицией-СД?

Ответ:

Генерал Кортен сказал мне,что командование военно-воздушных сил,т.е. рейхсмаршал и он сам,Кортен,не участвовали в издании этого приказа".

Третий вопрос:

"Бывший рейхсмаршал Геринг узнал о факте,упомянутом во 2-м вопросе,лишь после того,как приказ Гитлера был выполнен ?

Ответ: Генерал Кортен сказал мне,что он и рейхсмаршал были поставлены перед свершившимся фактом."

Четвертый вопрос:

"Какого числа Гитлер отдал этот приказ ?

Ответ: Не знаю".

14864

H1209 – 0188

H1209 – 0189

Пятый вопрос:

"Какого числа или в каких числах приказ был приведен в исполнение ?

Ответ: Не знаю".

Шестой вопрос:

"Знаете ли Вы,что бывший рейхсмаршал Геринг очень резко осудил расстрел этих 50 английских летчиков ?

Ответ: Генерал Кортен говорил мне,что рейхсмаршал был чрезвычайно возмущен этим расстрелом".

Седьмой вопрос:

"Скажите,Вы осведомлены о том,что бывший рейхсмаршал Геринг и его заместитель начальник штаба ВВС неоднократно выражали протест против приказа Гитлера о расстреле сбитых летчиков – террористов ?

Ответ:Судя по высказываниям генерала Кортена в беседе со мной в июне 1944 года – это так.Я припоминаю также,что позднее мне докладывали о том,что рейхсмаршал жаловался фюреру на действия партийных органов,а также населения по отношению к так называемым летчикам-террористам.Эти жалобы были вызваны тем,что пострадало несколько экипажей сбитых самолетов противник а

В марте 1945 года рейхсмаршал категорически отказался от выполнения приказа Гитлера о передаче в руки СД экипажей бомбардировщиков,которые участвовали в налетах в последние месяцы.

Я хочу еще дополнить и пояснить вопросы 1-7.

Что касается общих данных,то я должен сказать следующее: "Я был начальником штаба оперативного руководства военно-воздушных сил.В феврале 1944 года главная ставка фюрера,ОКВ, рейхсмаршал со своими приближенными и начальник штаба военно-воздушных сил,генерал Кортен, с 2-3 офицерами были переведены в Верхтесгаден.Я со своим рабочим штабом ВВС должен был остаться в Восточной Пруссии,так как рассчитывали на быстрое с

14865

возвращение главной ставки Гитлера.Все сообщения и приказы о снабжении военно-воздушных сил должны были проходить через нас.Неделя за неделей продолжавшаяся разобщенность между штабом военно-воздушных сил,с одной стороны,и главнокомандующим и начальником штаба,с другой стороны,привела к тому,что мы, находившиеся в Восточной Пруссии,ничего не знали о многих вещах,решавшихся в Берхтесгадене,или узнавали о них с большим опозданием.Только в начала июня, - по-моему,через неделю после пасхи, - я с несколькими офицерами военно-воздушных сил выехал в Берхтесгаден.До того времени,начиная с февраля,я был только один раз на совещании в Берхтесгадене.

К вопросам,начиная с второго и по шестой,относительно Сагана я должен добавить следующее.О расстреле по приказу фюрера летчиков,убежавших из Сагана,я узнал,мне кажется,одновременно от генерала Кортен и полковника Христиана.По-моему, первым был все-таки генерал Кортен,который,насколько я помню, информировал меня об этом вечером во время обычного ежедневного разговора по телефону.Кортен ясно занял при этом отрицательную позицию,заявив мне то,о чем я говорил выше,когда давал ответы на вопросы 2-й, 3-й и 6-й.Разговор происходил,примерно,в конца марта - начале апреля.Я не могу указать точной даты.

К вопросам 1-му и 7-му о летчиках-террористах я добавлю следующее.Приблизительно,в начале июня 1944 года (сначала я думал,что это было в июле,но теперь я припоминаю,что это было в июне) генерал Кортен сообщил мне,что фюрер собирается отдать приказ о выдаче летчиков-террористов на суд и расправу народу. Мы несколько раз говорили об этом и единодушно пришли к выводу, что этот приказ ошибочен.Мы считали,конечно,жестокостью,когда вражеские штурмовики избирали непосредственным об'ектом для своей атаки отдельных гражданских лиц,детей и женщин,группы

14866

H1209 – 0190

H1209 – 0191

людей,пассажирские поезда,лазареты,детские сады,выведенных на прогулку школьников,экипажи наших сбитых самолетов,спускавшиеся на парашютах,и крестьян во время работы на поле, – все это было жестоко и абсолютно противоречило международному и военному праву.Но задуманный фюрером приказ вел по неправильному пути и не давал разрешения этой трудной проблемы.Причины нашей позиции были следующие: статьи о войне,международное право,противоречие с солдатским мировоззрением,источник ряда недоразумений,в результате которых будет причинен ущерб как экипажам самолетов противника,так и экипажам наших собственных самолетов,отрицательное влияние на моральное состояние нашего летного состава."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Штамер,мне кажется,что Вы отходите от фактов и переходите к аргументации.Вам нет необходимости зачитывать все те доводы,которые свидетель привел в этой связи. Он фактически совсем не затрагивает фактов...

ШТАМЕР.Господин председатель, все это – факты,которые он обсуждал с генералом Кортеном и которые эстаблиши их отрицательно отнестись к приказу фюрера.Это доводы,которые обсуждались им и генералом Кортеном...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Часть того,что Вы зачитали,безусловно представляет собой факты,но то,что Вы зачитываете сейчас,является аргументацией.

ШТАМЕР. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Остальную часть Вы,безусловно, можете изложить кратко.

ШТАМЕР.Этот документ,господин председатель,очень важен для подсудимого,так как он освещает как раз те вопросы,по которым его обвиняют и которые его больше всего угнетают...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Вы говорите,что этот документ очень важный.. До тех пор,пока Вы зачитывали ту часть,где речь шла о фактах, мне казалось,что необходимость оглашения этого документа во всех его деталях еще можно было как то об'яснить.Однако, когда Вы перешли к вопросам аргументации,мне кажется,что такое оглашение не имеет никакого смысла,так как аргументы,приводимые одним из свидетелей,не имеют никакого отношения к вопросам,интересующим Трибунал.Если хотите,Вы можете суммировать приведенные здесь аргументы.Я хочу сказать,что после того,как Вы зачитали ту часть документа,которая говорит о фактах,Вы можете кратко изложить дальнейшее содержание документа.Если хотите,Вы можете сообщить нам,в чем заключаются эти аргументы.

ШТАМЕР.Далее генерал Кортен заявляет,что у него имеются все документы,относящиеся к вопросу о летчиках-террористах и о расстреле летчиков королевского воздушного флота.Ознакомившись с этими документами и исходя из их содержания,он считает доказанным,что как ОКВ,так и рейхсмаршал отрицательно относились к этому мероприятию и сделали все возможное для того,чтобы воспрепятствовать претворению в жизнь принятого Гитлером решения. В частности,он указывает на следующее: на полях одного из документов имеется пометка о том,что от командующего военно-воздушными силами не удается получить никакого ответа.Из этого он делает вывод,что как раз рейхсмаршал лично препятствовал тому,чтобы этот вопрос был окончательно решен.

Затем разбирается следующее событие,вопрос 8-й :

"Правильно ли то,что фюрер,основываясь на фактах, изложенных в пункте 5-м,на одном из совещаний во время обсуждения обстановки в присутствии всех участников совещания раздраженным тоном бросил командованию военно-воздушных сил упрек,состоящий в том,что оно,якобы,заключило соглашение

14868

H1209 – 0192

H1209 – 0193

с авиацией союзников, продиктованное трусостью обеих сторон?

Ответ: Примерно в первой половине марта 1945 года Борман представил фюреру статью из союзной прессы, сообщение одного репортера; содержание статьи вкратце было следующим: "Продвигающиеся американские войска обнаружили экипаж американского бомбардировщика, который незадолго до этого был сбит над Германией. Члени экипажа сообщили, что раздраженное население обращалось с ними очень плохо; им угрожали смертью и, очевидно, их линчевали бы, если бы не немецкие солдаты не освободили их, взяв под свою защиту".

Борман особо обратил внимание фюрера на то, что немецкие солдаты в подобных случаях выступают против своего собственного населения, и закончил словами: " Так выполняются Ваши приказы, мой фюрер". После этого в крайне раздраженном тоне выступил фюрер и, между прочим, обратился ко мне со следующими словами: "Мои приказы не выполняются потому, что командование ВВС трусит. Господа из военно-воздушных сил боятся, как бы с ними чего-нибудь не случилось. Все это в целом ни что иное, как продиктованное общей трусостью соглашение между командованием военно-воздушных сил Германии и англо-американскими летчиками". Я доложил об этом рейхсмаршалу. Я не знаю, сделал ли Гитлер подобное заявление рейхсмаршалу лично, но считаю это вполне вероятным, так как Гитлер в подобных нападках на военно-воздушные силы часто повторял одни и те же выражения.

"Какого числа состоялось это совещание?"

Ответ: Я не могу точно назвать даты."

Десятый вопрос: "Правильно ли, что фюрер неоднократно отдавал приказ бывшему рейхсмаршалу Герингу установить имя офицера ВВС, который в мае 1944 года защитил от народной расправы спустившегося на парашюте на территории Мюнхена вражеского летчика, а также то, что, несмотря на повторные требования фюрера, рейхсмаршал не давал никаких указаний о том, чтобы установить фамилию этого офицера и сообщить ее фюреру".

14869

Содержание ответа я передаю в общих чертах.Он говорит, что ему лично это неизвестно,но ему докладывали,что один из офицеров военно-воздушных сил и ортсгруппенлейтер(парт.руководитель населенного пункта - прим.перев.) заступились за американский экипаж,после чего ортсгруппенлейтер,имя которого было известно,был расстрелян по приказу Гитлера;Гитлер потребовал также установить имя офицера военно-воздушных сил,но это не было сделано.Далее он говорит,что,если бы рейхсмаршал этого действительно хотел,то он безусловно нашел бы возможность установить имя офицера.

Одиннадцатый вопрос: "Получили ли военно-воздушные силы в конце войны задание при приближении врага разбомбить концлагерь Дахау ?В частности,давал ли такое задание,известное под наименованием "Вольке",гаулейтер Мюнхена ?И вообще мог ли какой-нибудь гаулейтер дать такой приказ частям военно-воздушных сил ?"

Ответ сводится к тому,что он говорит:

"Я не помню такого приказа",и,в частности,ему неизвестен приказ гаулейтера Мюнхена.Гаулейтеры не имели таких полномочий, и он не думает,чтобы кто-либо из высших командиров военно-воздушных сил из'явил готовность выполнить такой приказ.

Двенадцатый вопрос: "Что Вам известно о позиции и поведении райхсмаршала и подчиненных ему войск ВВС по отношению к экипажам сбитых самолетов противника ?

Ответ:Несмотря на имевшее иногда место проявления недовольства,поведение рейхсмаршала всегда оставалось корректным и рыцарским,что вполне соответствовало вынесенным им из первой мировой войны традициям летчиков.Резкие выражения по адресу союзной авиации,которые он иногда употреблял под давлением со стороны фюрера и в том вполне понятном раздражении,в которое

14870

H1209 – 0194

H1209 – 0195

приводили его затруднения с противовоздушной обороной страны - эти выражения быстро забывались.Я не знаю ни одного случая, когда подобного рода высказывания рейхсмаршала привели бы к некорректным или жестоким мероприятиям или распоряжениям,направленным против личного состава авиации противника. Поведение летчиков всегда было корректным и гуманным.Бороться по-рыцарски это было делом их чести.Из большого количества примеров я приведу только несколько. Несмотря на то,что применение со стороны противника во время налетов бортового оружия против находившихся в воздухе немецких парашютистов вызвало среди наших летчиков крайнее возмущение и некоторые горячие головы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Штамер,Вы снова зачитываете все эти замечания свидетеля.Здесь вовсе не говорится об имевших место фактах.Все это - умозаключение самого свидетеля и доводы,приводимые им.

ШТАМЕР.Сейчас он перейдет к примеру,который показывает, как...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Хорошо,так давайте же перейдем к этому примеру.

ШТАМЕР. Да,так вот...Спасательная служба немецкой гидроавиации применялась на всем участке,начиная от Германской бухты по всему каналу до Бреста,в Бискайском заливе,в Атлантике и в Средиземном море,равным образом как для немцев,так и для противника - экипажи спасательных гидросамолетов и спасательных лодок были неутомимыми и готовы в любую минуту в случае необходимости проявить самопожертвование для спасения жизни как друзей,так и врагов.Затем еще...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Доктор Штамер,это никак нельзя назвать примерами.Это вовсе не факты.Это просто заявления общего характера,представляющие собой ни что иное,как рассуждения на тему

о рыцарстве германских летчиков.

ШТАМЕР.Он хочет этим доказать рыцарство немецких летчиков.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Этого нельзя доказать,пользуясь заявлениями общего характера.

ШТАМЕР.Нет.Затем он приводит цифры спасенных людей как из экипажей противника,так и из немецких экипажей.Я считаю, что эти факты все же имеют значение для оценки позиции военно-воздушных сил,а также...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Я только что сказал,что если Вы действительно перейдете к конкретным фактам,если Вы будете приводить цифры, то тогда,безусловно,это будет важный материал.

ШТАМЕР.Среди многих тысяч спасенных германской гидроавиацией подавляющее большинство приходится на долю противника, на членов экипажей его самолетов и кораблей.Не имея возможности указать в данный момент точные цифровые данные,я,однако, считаю,насколько мне не изменяет память,что экипажи противника составляют 70-80 процентов всех спасенных людей.

Далее он продолжает:если в результате проведения какой-то операции,разведки и т.д.наши летчики или летчики противника попадали в беду на море вблизи берегов противника или за пределами досягаемости немецкой спасательной службы,противнику немедленно давали об этом знать и вызывалась помощь.

Затем следует несколько вопросов обвинения.Первый вопрос касается того,какое отношение имел Кальтенбруннер к...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Эти вопросы должны быть зачитаны обвинением, если оно захочет огласить их.

ШТАМЕР.Я не заинтересован в этих вопросах.

(К микрофону подходит сэр Дэвид Максуэлл Файф).

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Обвинение не желает,чтобы эти вопросы зачитывались.

14872

H1209 – 0196

H1209 – 0197

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Трибунал ознакомится с ними.Вы имеете в виду,что Вы хотите представить их в качестве доказательства ?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Мы представим их в качестве доказательства,но мы не хотим их оглашать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Хорошо.

ШТАМЕР. Я уже говорил о том,что я представляю это как документ "Геринг-55".

Затем у меня имеется еще один последний опросный лист...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Доктор Штамер,надеюсь,Вы понимаете,что Трибунал намеревается ознакомиться со всеми этими показаниями; поэтому все эти опросные листы будут прочтены и рассмотрены Трибуналом даже в том случае,если они не будут зачитаны на открытом заседании суда.Вы представили их в качестве доказательства,и Трибунал будет Вам очень благодарен,если вы по возможности сократите оглашение этих письменных показаний,данных под присягой,и опросных листов.

ШТАМЕР.Я буду руководствоваться Вашими указаниями,господин председатель.Я представляю документ "Геринг-52", - это опросный лист Гаммерштейна.

Господин председатель, в оригинале этого опросного листа у меня еще нет,и я могу его пока представить только в заверенной копии.Он был представлен обвинению и переведен,но в данный момент его не могут найти.Я полагаю,что я его скоро найду.Я уже поставил в известность сэра Дэвида Максуэлла Файфа.Английское обвинение знакомо с этим опросным листом,он уже переведен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Вы хотите сказать,что оригинал затерян или что с ним что-то случилось ?

ШТАМЕР. Он находится где-нибудь среди документов,но я не могу его найти в настоящий момент.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, у обвинения не имеется возражений против представления этого письменного показания, данного под присягой. У меня есть копия этого документа. Он имеет общий характер и, если я могу так выразиться, будет вполне соответствовать своему назначению, если доктор Штамер представит его в качестве доказательства, и Трибунал в свое время его рассмотрит.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо.

ШТАМЕР. Оригинал будет представлен через несколько дней; речь идет об опросном листе судьи штаба военно-воздушных сил доктора Гаммерштейна. Гаммерштейн был в течение нескольких лет главным судьей военно-воздушных сил, в его обязанности входило раз в месяц докладывать подсудимому Герингу. Благодаря этому, ему хорошо известно, какова была позиция Геринга, как он описывает во всех подробностях, как серьезно относился подсудимый Геринг к своим обязанностям. Все важные вопросы он разрешал всегда сам; он заботился решительно обо всем. От подчиненных он требовал строжайшей дисциплины и особенно следил за тем, чтобы его солдаты подвергались самому суровому наказанию, если только они вели себя в какой-либо мере незаконно по отношению к гражданскому населению, особенно в оккупированных областях.

Далее он описывает, что рейхсмаршал Геринг требовал особо строгих наказаний, когда дело шло об оскорблении женской чести. В многочисленных циркулярах он все время указывал, что долгом каждого солдата является уважение к достоинству женщины; в случаях изнасилования он всегда настаивал на смертном приговоре независимо от того, какой национальности была женщина. Так, например, он в двух случаях отменил приговор как слишком мягкий, и оба приговора были утверждены лишь тогда, когда виновные были приговорены к смертной казни...

14874

H1209 – 0198

H1209 – 0199

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Доктор Штамер,то,что Вы сейчас изложили, дало нам представление об основном содержании этого письменного показания,данного под присягой.Вы сказали,что автор показаний являлся главным судьей военно-воздушных сил и что по его словам законы о наказании за совершенные военнослужащими преступления строго проводились в жизнь.

Я уверен,что Вы более ничего не хотите добавить к краткому изложению содержания этого документа.

ШТАМЕР.Да.Важно то,что это делалось вне зависимости от того,какой национальности была женщина.Здесь упоминается один случай с русской женщиной.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Это как раз то,что я только что сказал, то-есть,что закон очень строго проводился в жизнь.Случаи, которые Вы сейчас привели,являются лишь иллюстрацией того, насколько строго применялся этот закон.

ШТАМЕР.Да,господин председатель,я не буду оглашать остальное,а передам документ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Доктор Штамер,Трибунал считает,что мы даром тратим время на оглашение этих документов.Если защитники не будут следовать указаниям Трибунала, - в данном случае они должны представлять эти документы в качестве доказательства, давая по возможности краткое изложение или описание их содержания,Трибуналу придется дать указание,чтобы все опросные листы и письменные показания,данные под присягой,просто представлялись в качестве доказательства без всяких комментарий к ним.

Скоро защитники начнут произносить свои речи.Тогда им будет предоставлена возможность ссылаться на отдельные выдержки этих письменных показаний,данных под присягой,и опросных листов, если среди них найдутся выдержки,которые действительно имеют значение.Помимо этого,Трибунал сам предполагает ознакомиться

ке только с показаниями,данными на суде устно,но и с документальными доказательствами данного дела.

ШТАМЕР.Тогда я передаю этот документ в качестве доказательства № 52.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Теперь я прошу выступить защитника подсудимого фон Риббентропа.

(К микрофону подходит защитник Горн).

Доктор Горн,у Вас нет опросных листов или письменных показаний,данных под присягой,которые Вы хотели бы представить Трибуналу ?Я говорю о тех документах,которые были допущены Трибуналом.

ГОРН.Господин председатель,я прошу Трибунал принять четыре аффидевита.Речь идет об аффидевите советника миссии доктора Эберхардта фон Таддена.Советник фон Тадден служил в министерстве иностранных дел в отделе информации № 14,который ведал еврейским вопросом и координированием антиеврейской пропаганды за границей с другими немецкими учреждениями.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Доктор Горн, Вы подали ходатайство об истребовании этих документов ?

ГОРН.Я уже подал письменное ходатайство г-ну Генеральному Секретарю о разрешении представить эти аффидевиты и сегодня утром получил подтверждение,что они направлены обвинению и в бюро перевода.Я прошу разрешения представить этот аффидевит в качестве доказательства "Риббентроп № 319".

Затем - второй аффидевит,о принятии которого я также подавал письменное ходатайство через г-на Генерального Секретаря Это - аффидевит доктора Вернера Беста - бывшего имперского уполномоченного.Д-р Бест был имперским уполномоченным...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Я очень сожалею,но, как я уже говорил доктору Горну,нами еще не получены копии этих документов.Нам их пока не передали.

14876

H1209-0200

H1209 – 0201

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.У меня здесь имеется список четырех письменных показаний,данных под присягой свидетелями Тадден,Бест, Риббентроп и Шульце.Здесь указывается,что Трибунал не разрешил представить их в качестве доказательства.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Милорд,доктор Горн говорил мне об этих документах день-два тому назад и спросил меня,буду ли я возражать против того,чтобы они были переведены.Я ответил, что у меня нет возражений против перевода этих документов.Я, конечно,еще не имел возможности ознакомиться с ними.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Мне кажется,что самым удобным будет,если доктор Горн,направив эти документы в бюро переводов,представит их в качестве доказательства сейчас же,так как,насколько я понимаю,он собирается это сделать,конечно,если не возникнет возражений о допустимости этих документов.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Прекрасно. В таком случае,доктор Горн,Вы должны дать номера этим документам.

ГОРН.Аффидевит Беста я передаю как документ"Риббентроп № 323".Я хотел бы сделать следующее краткое пояснение к этому аффидевиту.Моему подзащитному был пред'явлен документ 2375-ПС. Я имею в виду аффидевит полковника полиции доктора Рудольфа Мильднера.Из этого аффидевита ему было зачитано одно место относительно ~~раз~~решения еврейского вопроса в Дании.Я проверил этот документ и установил,что имеются два документа под № 2375-ПС.Один документ - это показание доктора Мильднера, не скрепленное присягой,в котором находится как раз то место, которое было зачитано обвинением моему подзащитному во время перекрестного допроса.В другом сходном с этим письменным показанием,которое носит тот же самый номер,но дано под присягой, нет этого места о позиции Риббентропа в еврейском вопросе.На этом основании я и попросил д-ра Беста,который,как показывает также и д-р Мильднер,по поручению Риббентропа занимался разра-

боткой еврейского вопроса, составить аффидевит, который я и передаю суду под № 320.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо.

ГОРН. Кроме того, моему подзащитному во время перекрестного допроса был представлен целый ряд документов, относительно которых он мог высказаться лишь очень кратко, потому что дело касалось значительных по об'ему документов, большей части которых он раньше никогда не видел.

Я прошу Трибунал принять еще несколько кратких пояснений моего подзащитного по поводу указанных документов, которые я приобщаю к делу в форме аффидевита как документ „Риббентроп № 321". Затем я прошу разрешения высказаться относительно еще одного документа. Это - документ ТЦ-75 - записка Риббентропа к Гитлеру. Она представлена обвинением в очень сокращенной форме. Когда я впервые запросил оригинал, фотокопия совпадала с представленной обвинением копией. Когда я вторично запросил тот же самый номер документа, то последний представлял собой уже фотокопию в 9 страниц. Я хотел бы коснуться содержания этого документа в своей защитительной речи. Чтобы не отнимать у суда времени, я прошу разрешения представить документ ТЦ-75 полностью. Других ходатайств у меня нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Горн, Вы не дали номера последнему письменному показанию.

ГОРН. Я представляю последний документ ТЦ-75 под нашим номером как документ „Риббентроп - 322."

ЗИМЕРС (защитник подсудимого Редера). Господин председатель с разрешения Трибунала я охотно закончил бы представление доказательств по остающимся пунктам. В первую очередь речь идет о вызове свидетеля генерал-адмирала Бема, на что имеется разрешение Трибунала. Высокий Суд удовлетворил мое ходатайство о том, чтобы этот свидетель был допрошен дополнительно в конце пред-

H1209 – 0202

H1209 – 0203

ставления доказательств.Между тем,переговорив с мистером Эльвином Джонсом и сэром Дэвидом Максуэллом Файфом,я запросил из Гамбурга аффидевит генерал-адмирала Бема,чтобы по возможности не отнимать у Трибунала времени на допрос этого свидетеля.

Я представил аффидевит сэру Дэвиду и мистеру Эльвину Джонсу.Мистер Джонс сообщил мне вчера во второй половине дня, что сэр Дэвид Максуэлл Файф согласен отказаться от перекрестного допроса;я сразу же заявил,что и я в свою очередь отказываюсь от допроса и ограничусь оглашением аффидевита.Полагаю,что сэр Дэвид Максуэлл Файф с этим согласен.Итак, я представляю этот аффидевит генерал-адмирала Бема как документ "Редер-129".Он составлен в присутствии нотариуса доктора Видеркинда в Гамбурге 13-го июня с/г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас нет никакой необходимости оглашать это письменное показание,не правда ли ?

ЗИМЕРС.Г-н председатель,я был бы весьма признателен,если бы мне была дана возможность огласить этот аффидевит,так как он освещает чрезвычайно важный вопрос,что... Высокий Суд поймет

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Но я уже указал Вам,доктор Зимерс,что мы не можем допустить оглашение здесь этого документа полностью. Вы без сомнения можете ограничить зачтение этого документа наиболее важными его частями и кратко изложить то,что не имеет особо важного значения.

ЗИМЕРС.Высокий Суд должен согласиться,что я зачитывал здесь очень мало выдержек из моих документов.Если я сейчас хочу огласить часть этого документа,то это об'ясняется тем, что в конце перекрестного допроса английская делегация представила два об'емистых сборника документов ББ-464 и ББ-465, которые относятся к документу от 22б.....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Доктор Зимерс,Вы просто можете сообщить нам, в чем состоит основное содержание этого письменного показания,

данного под присягой.После того,как мы уясним себе его основную тему,Вы сможете обратить наше внимание на отдельные вопросы,которые представляют здесь особую важность.Если Вы будете говорить о том,что было представлено обвинением,то этим Вы только даром отнимете у нас время.

ЗИМЕРС.Я прошу извинить меня,если я неправильно понял. именно таково было мое никакое намерение.Я не буду оглашать первый пункт аффидевита,а только передам содержание беседы Редера с генералом Бемом летом 1939 года.Бем высказал Редеру свои опасения по поводу хода политических событий и спросил его,обратил ли он,Редер, внимание Гитлера на опасность положения и на то, что военно-морской флот Германии не в состоянии вести морскую войну.

"Гросс-адмирал Редер сказал мне,что он неоднократно докладывал об этом Гитлеру,сделав при этом следующий вывод: "В таком случае военноморскому флоту ничего не остается делать,как только красиво умереть".

2-й пункт аффидевита генерал-адмирала Бема :

"22 августа 1939 года Гитлер выступил с речью в Оберзальцберге перед высшим командованием германских вооруженных сил.Его речь длилась,примерно, 2 - 2½ часа.Я также присутствовал на этом совещании,которое происходило в рабочем кабинете Гитлера".

Я пропускаю следующие пункты и продолжаю ниже :"Речь , которая представлена суду как документ "Редер-27",передана мною с абсолютной точностью,и я могу подтвердить под присягой, что она была сказана именно в такой форме;в частности, я подтверждаю,что все важнейшие мысли и выражения приведены в моей записи.Доктор Зимерс ознакомил меня с редакцией этой речи,представленной обвинением в документах №№ 798-ПС и 1014-ПС.Я сравнил обе эти редакции со своей записью." Затем я пропускаю еще один абзац: "Я заявляю под присягой,что

H1209 – 0204

H1209-0205

встречающиеся в этих документах и приведенные ниже выражения или вообще не были употреблены Гитлером в его речи, или же были сказаны в другой форме, " другом смысле".

К документу 798-ПС. "Этот документ совпадает с тем, который был передан мне сэром Дэвидом Максуэлл Файфом". Я хочу напомнить Высокому Суду, что это - документ на 10 страницах под № ББ-464.

Там имеется фраза: " Затем мы перейдем к обсуждению военных деталей". Замечание свидетеля: " Этого выражения в речи не было. О военных деталях не упоминается также и в документе 798-ПС".

Строки с 7 по 10:

"Мое решение созрело уже весною, но я думал через несколько лет пойти походом сначала на Запад и только потом уже - на Восток".

Замечание свидетеля?

"Формулировка, приведенная в моей записи, - строки 5-8, - безусловно правильна. В частности, выражение, что Гитлер хотел сначала пойти на Запад, - совсем не было упомянуто."

Строки 12-14: " Я хотел прежде всего установить сносные взаимоотношения с Польшей, чтобы повести борьбу сначала на Западе".

Замечание свидетеля:

"Этой фразы не было сказано. Здесь так же, как и в предыдущем случае, нужно отметить, что Гитлер ничего не говорил о своем намерении вести борьбу на Западе". Я пропускаю следующий пункт и оглашаю строки 15-18 на странице 2-й: "Нам очень легко принимать решения. Нам нечего терять, мы можем только выиграть. Наше экономическое положение в результате ограниченности наших

ресурсов таково,что мы сможем продержаться еще только в течение нескольких лет".

"Замечание свидетеля:

Формулировка в моей записи - строки 21-26 - безусловно, правильна.Прежде всего,фраза"Нам нечего ".....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Зимерс,насколько я понимаю,дело в следующем: имеются три варианта данной речи.Адмирал уверяет, что правилен именно его вариант.К этому и сводятся его показания,т.е. он заявляет,что,по его мнению, остальные варианты неправильны. Трибуналу,безусловно,придется сравнить все эти три варианта как между собой, так и с самими письменными показаниями.Я не понимаю,с какой целью Вы оглашаете последние на данной стадии процесса.

ЗИМЕРС.Хорошо,большое спасибо,господин председатель.Я прошу принять к сведению дальнейшие доводы в тех случаях, где генерал-адмирал Бем особенно подчеркивает и категорически заявляет под присягой,что Гитлер не употреблял фразы,которая здесь неоднократно цитировалась: "Я только боюсь,чтобы какая-нибудь свинья в самый последний момент не подсунула мне какого-нибудь плана посредничества..."

Что касается документа 1014-ПС,то я хочу только огласить цитату,которая 6-8 раз упоминалась Обвинением:

"В первую очередь уничтожение Польши.Цель - истребление живой силы,а не достижение какой-либо линии".

Бем говорит по этому поводу: "Никогда ничего не говорилось об уничтожении Польши и польского народа,как такового,а имелось в виду уничтожение военных сил".

Я прошу Вас обратить внимание на точность сопоставления, так как это имеет важное значение при оценке доказательной силы документов Обвинения.

14882

H1209-0206

H1209 – 0207

В 3-м разделе адмирал Бем описывает тот период, когда он командовал военно-морским флотом в Норвегии. Я прошу Вас обратить внимание также и на этот раздел показаний. Здесь речь идет, главным образом, о борьбе Редера и Бема против Тербовена и немецкой гражданской администрации и об их стремлении заключить мир с Норвегией.

Г-н Председатель, сейчас по истечении многих недель, получен наконец опросный лист Альбрехта в окончательной редакции.

Несколько дней тому назад я отдал его для перевода, но перевод еще не поступил.

Опросный лист был допущен и я представляю его как документ "Редер № 128". Я прошу Вас также хотя бы в общих чертах ознакомиться с этим документом.

Я должен здесь упомянуть о том, что адмирал Альбрехт был долгое время одним из ближайших сотрудников адмирала Редера. Однако уже в октябре 1939 года он покинул этот пост. Ему известны взгляды Редера. Он хорошо знает принципы, которыми руководствовались Командование военно-морского флота с 1933 по 1938 г.г. и также подтверждает, что Редер все время предупреждал Гитлера о возможности возникновения различных осложнений, на что Гитлер каждый раз заявлял: " Дело находится у меня в руках, и я не допущу войны".

Что касается остальных пунктов этого показания, то я прошу Суд ознакомиться с ними. Затем я должен указать на следующее. Мне нужно еще получить опросный лист от адмирала Шульце Я начал хлопотать о том, чтобы достать этот опросный лист еще с марта 1946 года. Адрес был мною указан. Свидетель – пенсионер, проживает в Гамбурге, Бланкензе. Но, к сожалению,

не удалось достарить ему опросный лист,несмотря на то,что я старался это сделать,начиная с марта месяца.Я был бы очень благодарен Трибуналу,если бы он,учитывая то обстоятельство, что я сам не могу ускорить этого дела,разрешил мне предста-вить этот опросный лист позже.Я не знаю,когда он будет получен.Пока что он,по совершенно неизвестным мне причинам, отослан в Вашингтон.Надеюсь,что он придет,но когда - не знаю.Наконец,г-н председатель...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Простите,что Вы имеете в виду,говоря, что этот опросный лист был послан в Вашингтон?Вы действитель-но сказали Вашингтон ?

ЗИМЕРС.Да,это последнее,что мне сообщили в Генеральном Секретариате.Опросный лист послан в Вашингтон,якобы для того, чтобы найти там этого свидетеля.А свидетель находится в Гамбурге,Бланкензе.Несмотря на все мои усилия в течение трех месяцев,мне не удалось оказать никакого влияния на ход этого дела.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Генеральный Секретарь Трибунала,безусловно, сделает все возможное для того,чтобы отыскать этого свидетеля. Когда был направлен этот опросный лист ?Вы говорите, что Вы представили его три месяца тому назад?Куда же был послан этот опросный лист,в Гамбург или куда-то в другое место?

ЗИМЕРС.Этот опросный лист я...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Вам,доктор Зимерс,во всяком случае,сле-довало бы знать об этом.В течение этих трех месяцев Вы все время поддерживали связь с Генеральным Секретариатом,а те-перь Вы заявляете,что этот опросный лист направлен в Вашингтон Вы должны были знать об этом.Вы сообщали Генеральному Секре-тарю адрес свидетеля в Гамбурге? В чем,собственно,заклю-чается Ваша жалоба ?

ЗИМЕРС.Г-н председатель,Вы меня неправильно поняли.

14884

H1209 - 0208

H1209 – 0209

Я не жаловался,я просто рассказал каково положение дел для того,чтобы об'яснить,почему еще нет этого опросного листа, и попросил,чтобы мне была дана возможность представить его, когда он поступит,хотя представление доказательств тогда...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Я знаю,что Вы об этом говорите,но Трибунал хочет знать,куда же впервые был послан этот опросный лист, почему он послан в Вашингтон,а не в Гамбург и на чем Вы основываете свое утверждение,что свидетель, который должен дать ответы на этот опросный лист,находится в Гамбурге ?

ЗИМЕРС.Г-н председатель,я сам из Гамбурга и уже имел беседу с этим свидетелем в ноябре прошлого года,после чего я указал Генеральному Секретариату его адрес во время подачи своего первого ходатайства.Возможно,получилось какое-либо недоразумение,когда опросный лист проходил последующие инстанции,которые,скорее всего ,разыскивали кого-нибудь другого по фамилии Шульце.Данное предположение вполне естественно,поскольку это очень распространенная фамилия: адмирала зовут Отто Шульце.Мне лично был прислан ответ,что свидетель разыскивается,а я со своей стороны заявил,что его незачем разыскивать.

(К микрофону подходит представитель американского обвинения г-н Додд).

Г-н ДОДД.Мне кажется,что Трибунал заинтересуется тем фактом,что д-р Зимерс вернулся из Гамбурга всего несколько дней тому назад и что,насколько мне известно, он ездил туда два-три раза после того,как ходатайствовал о разрешении направить этот опросный лист.Поскольку он знает,где находится этот свидетель,то для того,чтобы вручить ему этот опросный лист,он должен был во время своего пребывания в Гамбурге лишь обратиться к офицеру военной администрации,представить

свои вопросы,получить на них ответы и привезти их сюда. Мне кажется,что при подобных обстоятельствах не совсем справедливо обвинять Генерального Секретаря.

ЗИМЕРС.Я весьма сожалею,что г-н Додд считает необходимым упрекнуть меня в недобросовестности.Мне было сказано,что я лично не имею права передавать опросный лист свидетелю.По просьбе Генерального Секретариата я доставил из Гамбурга опросный лист,предназначенный для генерала Альбрехта,потому что на нем по недосмотру не оказалось текста присяги.Я считаю для себя в подобном случае само собой разумеющимся делом помочь Генеральному Секретариату.Я не понимаю,на каком основании мистер Додд упрекает меня в том,что я не привез опросного листа,в то время как он был передан мною.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Мне кажется,что мы напрасно тратим время. Лучше всего,если мы обратимся к Генеральному Секретарю за раз'яснениями по этому вопросу.

ЗИМЕРС.Г-н председатель,мне кажется,что меня все еще не понимают.Я никого не упрекаю,я только прошу о разрешении представить этот опросный лист позднее.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Хорошо.Мы рассмотрим этот вопрос.Мы не можем выносить какого-либо решения до тех пор,пока не получим от Генерального Секретаря подробной информации по этому вопросу.

ЗИМЕРС.Г-н председатель,я должен указать на то,что суд удовлетворил еще два моих ходатайства,которые не были целиком выполнены.Первое ходатайство касается документов британского адмиралтейства,по которым можно судить о планах союзников в отношении Скандинавии и Финляндии.

Мне хотелось бы установить моменты чисто формального характера,а именно,что суду уже известен ответ английского министерства иностранных дел,которое отказалось от представления

14886

H1209-0210

H1209 – 0211

в наше распоряжение этих документов,несмотря на то,что предста-вление их на суде Трибуналом разрешено.Мне хотелось бы внести в это дело полную ясность,так как до сих пор такой вопрос не встанал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Насколько мне известно,у Трибунала имеется письмо из министерства иностранных дел.

ЗИМЕРС.Во всяком случае,оно было передано не мною,и поэ-тому мне неизвестно,под каким номером оно значится в судебных документах.Если бы было возможно,чтобы письмо...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Дайте этому документу тот номер,который Вы сочтете нужным.Какой номер Вы хотите дать этому документу?

ЗИМЕРС.Разрешите мне тогда представить это письмо сегодня вечером или завтра утром как документ"Редер-130".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Хорошо.

ЗИМЕРС.Затем я просил достать для меня первое издание книги Гитлера"Майн Кампф".Я хотел бы указать на то,что Генераль-ный Секретариат,насколько я знаю,сделал все возможное для того, чтобы достать это издание,но безуспешно.Я напоминаю,что издание "Майн Кампф",на котором основывается Обвинение,относится к 1933 г. и,следовательно,не может быть использовано для аргумен-тации относительно событий,имевших место до 1933 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Это именно является аргументацией.

ЗИМЕРС.В мое отсутствие сэр Дэвид Максуэлл Файф передал 4 документа.Насколько я мог установить,эти документы,составлен-ные генералом Асманом,были переданы с указанием на то,что адми-рал Асман принадлежал к штабу Редера.То же самое значится и в прежних протоколах.Ради порядка мне бы хотелось исправить эту фактическую ошибку.Асман служил в историческом отделе и не имел никакого отношения к штабу Редера.От этого зависит...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У Вас есть какие-либо доказательства по поводу достоверности тех фактов,о которых Вы сейчас говорите, или обвинение принимает их без доказательства ?

ЗИМЕРС. Я думаю, что сэр Дэвид Максуэлл Файф не будет оспаривать этого утверждения.

(К микрофону подходит г-н Додд).

Г-н ДОДД.Милорд,это уже было представлено в качестве до-казательства,и мы принимаем за факт,что этот человек служил в историческом отделе штаба военно-морского флота.

14887

Милорд,когда я употребил слово "штаб", я имел в виду его общий смысл.Я не подразумевал под этим оперативного штаба.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Нам более не следует терять время на обсуждение этих вопросов.

ЗИМЕРС. Что касается 4-х названных документов Д-897, Д-881, Д-892 и Д-854,то я должен указать только на один пункт и надеюсь,что в этом случае у нас также не будет расхождений с сэром Дэвидом Максуэллом Файфом. Все переводы на английский язык снабжены заголовком "Дневник"....

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, вопрос состоит лишь в том,каким образом следует называть компиляцию, составленную адмиралом Асманом.Я готов согласиться с тем, что за ней следует сохранить то название,которое ей было дано в оригинале.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Да,но...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Доктор Зимерс возражал против того,чтобы этот документ был назван"дневником" и настаивал на том,чтобы его определили,как"указатель"("Diary"). Мне совершенно безразлично,милорд,как будет назван этот документ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Какое это имеет значение?Будем в таком случае называть этот документ"указателем".Этим Ваш вопрос исчерпывается?

14888

H1209 – 0212

H1209 – 0213

ЗИМЕРС: Г-н председатель, это существенно, поскольку здесь, в зале суда, было пред"явлено большое количество документов под английским названием "Дневник" /„Diary" /. Тогда действительно речь шла о записях, сделанных в процессе описываемых событий.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сэр Дэвид сказал, что он отказется от слова "Дневник" и что вы можете называть этот документ, как вам нравится. Останавливаясь на этих вопросах формального значения, мы лишь даром теряем время. Сэр Дэвид принял ваше предложение и согласился отказаться от слова "Дневник".

ЗИМЕРС: Хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. В таком случае мы более ничего не будем говорить об этом.

ЗИМЕРС: Конечно, я вполне согласен с этим, г-н председатель. Я не упомянул здесь о большом количестве ошибок, встречающихся в переводе, так как не хочу отнимать времени у суда. Относительно этого документа Асмана, я должен сказать, что из моей защитительной речи будет видно, насколько важен этот пункт. О прочих ошибках в переводе я, в соответствии с указаниями суда, сообщил лишь секретариату Трибунала.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если имеются какие-либо ошибки в переводе, о них вы можете говорить с бюро переводов; вам следует связаться с ним через генерального секретаря.

Д-р Зимерс, вам, как защитнику, вовсе не подобает делать заявления подобного рода, причем заявления, ни на чем не основанные. Вы прекрасно знаете, что в тех случаях, когда возникали подозрения в неправильности перевода, генеральный секретарь всегда обращался в отдел переводов, где ошибка исправлялась. И сейчас, на данной стадии процесса, вам, как

защитнику, не подобает заявлять совершенно голословно, без каких-бы то ни было оснований, что в переводе имеется много ошибок. Такова точка зрения Трибунала по этому поводу.

ЗИМРС: Г-н председатель, я прошу извинения. Мне кажется, что я неправильно выразился. Я не ставлю этого в упрек. Ничего нет удивительного в том, что при наличии такого большого количества документов, встречаются ошибки в переводе. Я сам тоже могу что-нибудь недосмотреть или сделать ошибку. Я очень жалею, если меня неправильно поняли.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Все делают ошибки, и каждый человек может иметь свое собственное мнение о переводе. Но вы, так же как и все остальные защитники, знаете, что ошибки, если они действительно имеются, будут по мере возможности исправлены. Вы также знаете, каким образом это можно сделать. Поэтому, как я уже указывал вам, совершенно не подобает заявлять здесь о своих предположениях по поводу того, что в переводах много ошибок. Я не хочу более ничего слышать по этому вопросу.

/ Об"является перерыв /.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Нельте, у вас имеются какие-либо документы, которые вы хотели бы представить в качестве доказательства ?

НЕЛЬТЕ / защитник Кейтеля /: Г-н председатель, вместе с письмом от 1 июля 1946 г. я передал три аффидевита после того, как они были предоставлены мной Обвинению. Я прошу принять эти три документа, которые должны значиться под номерами К-23, К-24 и К-25, так как Обвинение, как об этом сообщил мне сэр Дэвид Максуэлл Файф, не возражает против их представления.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Эти документы переводятся в настоящее вре-

14890

H1209 – 0214

H1209 – 0215

мя ? Или они уже переведены ?

НЕЛЬТЕ: Нет, они еще переводятся. Я передал суду только подлинники.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. В таком случае, мы примем их в качестве доказательства и рассмотрим их.

НЕЛЬТЕ: Благодарю вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Кауфман ?

КАУФМАН /защитник Кальтенбруннера/: Г-н председатель, у меня есть несколько опросных листов, которые были утверждены судом. Подлинники у меня имеются здесь. Они снабжены номерами и я хочу сейчас их представить. В бюро переводов я слышал, что экземпляры еще не представлены Суду, но я полагаю, что они будут переданы Суду в ближайшие дни.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

КАУФМАН: Если Суд не возражает, я хотел бы коротко в нескольких словах передать содержание этих документов. Тут три документа и все они относятся к одному и тому же делу; это - показания президента Женевского Красного креста, профессора Бурхардта. Далее - показания д-ра Бахмана, бывшего уполномоченного Красного креста, и показания д-ра Майера, который также был уполномоченным Красного креста. В этих документах упомянутые свидетели дают показания относительно своих переговоров с подсудимым Кальтенбруннером в марте и апреле 1945 года, в результате которых были заключены соглашения. На основании последних, тысячи французских, бельгийских и голландских детей, женщин и т.д. имели возможность переправиться на свою родину, военнопленные были освобождены и заключенные могли вернуться из концлагерей. Кальтенбруннер разрешил посещение еврейского лагеря

Терезиенштадт, а прочие лагери позволил снабдить медикаментами, продовольствием и т.д. Это все подробно изложено в этих трех документах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Под какими номерами вы представляете эти документы ?

КАУФМАН: Аффидевит профессора Буркхардта - документ "Кальтенбруннер-№ 3", аффидевиты доктора Майера и доктора Бахмана - документы "Кальтенбруннер -№ 4 и № 5".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

КАУФМАН: Следующий документ - это опросный лист бывшего гауляйтера Верхней Австрии Аттрубера - "Кальтенбруннер-№ 6". На этот документ я могу лишь сослаться. Между прочим, этот свидетель говорит, что концлагерь Маутхаузен был создан не Кальтенбруннером, как это утверждало Обвинение, и что он не несет ответственности за жизнь и пребывание заключенных в концлагерях. Это все здесь подробно изложено, и я не хочу ничего зачитывать.

Следующий документ - это опросный лист барона фон Эберштейна, "Кальтенбруннер-№ 7". Из него я также ничего не буду оглашать, хотя, может быть, мне следует остановиться на утверждении свидетеля, состоящем в том, что концлагерь Дахау и два соседних с ним лагеря не должны были быть уничтожены в последние месяцы или недели войны, как это утверждало Обвинение, и что этот план был намечен исключительно мюнхенским гауляйтером Гислером.

Следующий опросный лист - это показания свидетеля Ванека, документ "Кальтенбруннер-№ 8".

Я хотел бы обратить особое внимание Суда на этот документ. Он большой документ, я ничего не зачитываю из него, но,

14892

H1209 – 0216

H1209 – 0217

мне кажется, я смело могу сказать, что свидетель Вайс очень хорошо знает подсудимого и всю его деятельность на протяжении многих лет. Этот свидетель сам в течение нескольких лет был важным лицом в отделе иностранной информации. Он знает точку зрения Кальтенбруннера относительно полицейской власти и подтверждает, что Кальтенбруннер договорился тогда с Гиммлером о том, что у Гиммлера будет полицейская власть, а он, Кальтенбруннер будет заниматься главным образом службой информации.

И, наконец, г-н председатель, у меня имеется два документа, о которых еще не упоминалось. Суд должен сначала вынести решение о значимости этих документов и о том, имею ли я право представить их. Это - два небольших письма, которые я получил. Одно из них - письмо бургомистра города Дахау от 4 апреля 1946 г. Суд, может быть, помнит, что в ходе представления доказательств, Обвинением неоднократно ссылалось на то, что окружающее население знало об ужасах в концлагерях. И вот человек, назначенный американскими властями, дает показания, которое, по моему мнению, опровергает утверждения Обвинения. Сюда же непосредственно относится письмо известного священника Нимеллера от 17 апреля 1946 г., который также был в Дахау.

/ К микрофону подходит г-н Додд/.

Г-н ДОДД: Г-н председатель, может быть было бы лучше рассмотреть сначала первый аффидевит перед тем, как мы займемся аффидевитом Нимеллера.

Мы возражаем против представления документа, составленного бургомистром гор.Дахау, по той причине, что он представляет собой обычное письмо. Мы не имели возможности

H1209 – 0218

направить ему опросный лист в порядке перекрестного допроса или, вообще, задать ему какие-либо вопросы. Нам пишут много. Если мы будем представлять все письма, которые сюда приходят, то нам придется иметь дело с целыми тюками корреспонденции.

Нам не хотелось бы по чисто техническим причинам возражать против представления тех документов, которые действительно могут принести пользу Трибуналу. Однако, с другой стороны, мы считаем, что нам не следует отказываться от возможности окончательно выяснить все эти вопросы путем посылки опросного листа в той или иной форме.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: То, что вы сейчас говорили, относилось к Швальберу ?

Г-н ДОДД: Да, сэр.

КАУФМАН: Г-н председатель, я не понял того, что вы сейчас сказали.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Г-н Додд сказал, что Обвинение возражает против представления этого документа, автором которого является Швальбер, поскольку Обвинение не имело возможности допросить его ни ~~либо~~ путем вызова его в суд,как свидетеля, ни путем посылки ему опросного листа. В связи с этим, Обвинение возражает против представления этого документа в настоящей его форме.

КАУФМАН: Др, я знаю, но ведь Суд имеет возможность решить, имеет этот документ доказательную силу или нет. Может быть, мне разрешат представить суду эти два короткие документа. Обвинение, насколько мне известно, знакомо с ними, так как они находились в бюро переводов и несколько дней тому назад один из представителей Обвинения сказал мне, что, по видимому,

H1209-0218

H1209 – 0219

они будут опротестованы. Поэтому я уже вначале сказал, что Суд должен принять решение о том, какое значение могут иметь эти документы в данном деле.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Кауфман, лучше всего будет, если Трибунал ознакомится с ними, рассмотрев их. Так мы и сделаем.

КАУФМАН: Хорошо, г-н председатель, благодарю вас.

/ К микрофону подходит г-н Додд /.

Г-н ДОДД: Мне хотелось бы указать Трибуналу, что мы придерживаемся той же точки зрения и по отношению к письму Нимеллера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы возражаете против представления обоих писем ? Вы возражаете против представления письма Нимеллера по той же причине ?

Г-н ДОДД: Да, по той же причине.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. Прошу выступить защитника подсудимого Фрика.

/ К микрофону подходит защитник подсудимого Фрика - Панненбекер/.

ПАННЕНБЕКЕР: Г-н председатель, еще нет решения относительно ответа на опросный лист Мессершмита. Ответ уже получен и переведен, но я думаю, что он еще не представлен Суду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Можете ли вы представить этот документ в качестве доказательства и дать ему соответствующий номер ?

ПАННЕНБЕКЕР: Это я как раз и хотел сделать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

ПАННЕНБЕКЕР: Но я не рассчитывал на то, что до него дойдет очередь сегодня;я не помню номера этого документа и поэтому прошу разрешения сообщить его позднее ... Он у меня имеется, я передам его как документ "Фрик-14". Это - ответ

на опросный лист. Ответ не выходит за обычные рамки ответов Мессершмита, данных им на опросные листы других подсудимых. В своей защитительной речи я постараюсь обратить внимание на каждый вопрос в отдельности и поэтому нет необходимости зачитывать их сейчас.

Затем остаются еще ответы на опросный лист, посланный Конраду. Я прошу разрешения передать их суду, как только они будут получены.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ходатайство о предоставлении этого опросного листа было удовлетворено, не так ли ? Этот опросный лист в данное время находится у свидетеля ?

ПАННЕНБЕКЕР: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

ПАННЕНБЕКЕР: Благодарю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ / обращаясь к защитнику Заукеля/: Доктор Сервациус!

/ К микрофону подходит Сервациус /.

СЕРВАЦИУС: Г-н председатель, мне остается представить еще несколько опросных листов. В качестве документа № 15 я представляю опросный лист Дарре.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кому был направлен этот опросный лист ?

СЕРВАЦИУС: Дарре - министру продовольствия и сельского хозяйства. ~~Дарре.~~ Этот опросный лист касается вопросов, которые здесь частично уже обсуждались. Я хотел бы отметить его точку зрения по некоторым вопросам. Отвечая, например, на вопрос, какова была позиция Заукеля по отношению к Гиммлеру и его взглядам, он подчеркивает, что между Гиммлером и Заукелем существовали весьма острые противоречия. Он упоминает один случай, который он сам наблюдал в Тюрингии на

H1209-0220

H1209 – 0221

заводе, находившемся непосредственно в ведении Заукеля, и говорит, что рабочие были там настолько свободны, что они в течение дня могли еще работать по найму у окрестных крестьян. Таким образом, делалось очень много хорошего для рабочих.

Далее он рассказывает о столкновении, которое произошло между Заукелем и Гиммлером в присутствии фюрера по вопросу об обращении с рабочими, и говорит, что Гиммлер заявил: "Я подчиняюсь только фюреру, по деловым вопросам - рейхсмаршалу, и мне нечего оправдываться перед вами".

Затем утвержден опросный лист министра труда Зельдте, который я представляю в качестве документа № 16. Здесь имеется несколько пунктов, которые я хотел бы подчеркнуть. Свидетель говорит о функциях Заукеля и доктора Лея, и указывает, что Заукель имел государственные функции, а на долю Лея приходились общественные функции, т.е. общественный надзор и социальное обеспечение.

Затем он переходит к вопросам инспектирования и контроля и говорит, что еще и раньше существовали управления, ведавшие вопросами страхования и здравоохранения и осуществлявшие контроль над ремесленными предприятиями; эти управления продолжали работать под руководством министерства труда.

Затем следует опросный лист д-ра медицины Госса, который я представляю как документ № 17. Я хочу предоставить его в оригинале, но не могу найти... Врач Госс обслуживал лагери. Он описывает положение в лагерях, особенно после воздушных налетов, и деятельность трудового фронта. Госс говорит не только о тех лагерях, которые он лично обслуживал, но и об общем состоянии лагерей. Его показания идут вразрез с тем, что здесь показал д-р Егер.

14897

В следующем документе, который я представляю под № 18, содержатся показания д-ра Людвига Шармана относительно другой области. Свидетель дает в общем такого же рода показания, и они также прямо противоречат тому, что здесь показывал доктор Егер.

Таким образом, я доложил обо всех опросных листах, которые разрешены мне Судом. Я подал еще ходатайство об истребовании ряда документов, по которому еще не вынесено решения. Я не знаю, должен ли я сейчас доложить о них Суду? Речь идет, главным образом, о законах и постановлениях, которые я хотел бы дополнительно представить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да. Д-р Серватиус, желательно, чтобы Вы представили эти документы сейчас, потому что Трибунал хотел бы, чтобы представление доказательств защиты было окончено сегодня.

СЕРВАТИУС. Это - указ Заукеля об отправке домой больных и нуждающихся в специальном уходе иностранных рабочих. Указ свидетельствует о том, что заболевшие рабочие направлялись обратно в сопровождении служащих Красного креста. Сам закон находится в официальном сборнике. Он уже представлен. Я должен буду только установить номер документа. В дополнительной книге документов это будет № 99.

Затем документ № 100 из "Имперского трудового бюллетеня" за 1943 год, который также уже был представлен в качестве доказательства. В документе говорится о проверке санитарных мероприятий в лагерях и о недостатках, отмеченных в деле размещения людей в этих лагерях.

Документ № 101. Это - памятка для находящихся в отпуску французских военнопленных; речь идет об облегчении условий так называемой трансформации, т.е. перевода военнопленных на положение иностранных рабочих. Я представлю эту памятку, приобщив ее под соответствующим номером к остальным докумен-

H1209 - 0222

H1209 – 0223

там, а пока это - документ № 101.

Следующие документы 102 и 103 представляют собой законы, которые находятся в "Вестнике имперских законов". Это - распоряжения о трудовой повинности. Первый - закон о специальной мобилизации - я передаю как документ № 102; второй - закон о трудовой мобилизации будет представлен дополнительно как документ № 103.

Кроме того, я ознакомился с некоторыми существенными для меня положениями из документа 4006-ПС. Я слышал, что они должны быть представлены Обвинением; в таком случае я могу от них отказаться.

Затем я получил аффидевит Графа Шретти, который с самого начала войны на Востоке был там вербовщиком. В аффидевите описываются условия того времени и говорится, главным образом, о том, что в результате деятельности Заукеля, произошел коренной перелом в общественном мнении. Показания сформулированы очень сжато и я считаю, что они имеют особенно большое значение, так как до сих пор мы не заслушали ни одного вербовщика. Затем я намерен представить в качестве документа № 109, перечень, который ...

/ К микрофону подходит представитель английского Обвинения полковник Филлимор /.

ФИЛЛМОР: Милорд, мне сообщили, что Обвинение вообще не видело этого аффидевита и поэтому его следует принять с теми же оговорками, какие имели место в предыдущем случае.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Аффидевит, о котором вы говорили, был дан графом фон Шретти ? Ш-р-е-т-т-и ?

ФИЛЛМОР: Да, милорд.

СЕРВАТИУС: В качестве документа № 109 я хочу представить перечень всех распоряжений Заукеля для того, чтобы можно было составить себе представление о той заботливости, которую Заукель проявлял в самых разнообразных случаях; таким образом, тут перечислены только заголовки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Сервативс, вы не дали соответствующего номера аффидевиту графа фон Шпрети.

СЕРВАТИУС: В книге документов оно значится под № 108. Позднее я дам ему соответствующий номер доказательства. В качестве документов 110, 111 и 112 ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Сервативс, разве вы сейчас не собираетесь дать номера доказательств этим документам ?

СЕРВАТИУС: Я не могу сейчас этого сделать, так как у меня здесь нет подлинников; частично это официальные сборники, которые уже представлены.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Видите ли, документы, представляемые в качестве доказательства по делу подсудимого Заукеля, так же, как и всех других подсудимых, должны составлять серию последовательных номеров. Эта серия устанавливается самими защитниками, которые представляют документы в качестве доказательства. Имеется у вас подлинник данного документа или нет, это не играет совершенно никакой роли.

СЕРВАТИУС: Тогда я могу дать номер документа; документу 108 я даю № 18.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой это номер ?

Сервативс: Документ № 18.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может быть будет удобнее, если вы внимательно просмотрите все документы, которые вы представили в качестве доказательства, и передадите генеральному секретарю

H1209 – 0224

H1209 – 0225

их список, указав их соответствующие номера.

СЕРВАТИУС: Хорошо.

В дополнительном томе в качестве документов 110, 111, 112 будут находиться три закона, которые определяют позицию имперского комиссара обороны. Последний упоминается здесь в связи с вопросом об использовании рабочей силы; это гаулейтер, о котором говорилось здесь в связи с военной промышленностью, когда заслушивалось дело Шпеера. Документы представляют собой законодательные акты. Я помещаю их в книгу документов просто для того, чтобы они были под рукой. После рассмотрения дела Шпеера я получил аффидевиты допрошенных здесь свидетелей Гильденбрандта и Штотцнанга по вопросу о том, в какой степени Заукель должен был исполнять распоряжения Шпеера и каковы были взаимоотношения между их инстанциями. Обвинение еще не высказалось по этому поводу и я считаю целесообразным, если сначала ...

Г-н ДОДД: Г-н председатель, мы будем очень рады, если этот аффидевит будет представлен в качестве доказательства. Мы не имеем против него никаких возражений. Фактически мы сами намеревались представить его в качестве доказательства, если бы он не был представлен д-ром Сервациусом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Трибунал считает неправильным, чтобы свидетелю, который уже вызывался в суд и давал свои показания, который подвергался перекрестному допросу и был допрошен всеми защитниками, желавшими задать ему вопросы как в процессе перекрестного, так и повторного допроса, — было снова разрешено давать еще какие-либо показания. Однако, если обе стороны считают, что в данном случае это необходимо, то в порядке исключения Трибунал примет данный аффидевит

в качестве доказательства.

Г-н ДОДД: Г-н председатель, я, конечно, полностью согласен с мнением Трибунала по поводу представления аффидевитов, данных свидетелями, которые уже допрашивались. Однако, в данном случае во время допроса свидетеля не были затронуты довольно важные вопросы. Я считаю, что Трибунал найдет эти вопросы весьма важными при определении совместной и индивидуальной ответственности Заукеля и Шпеера за программу рабского труда. Если бы не эти соображения, то я бы, конечно, не просил о разрешении представить этот аффидевит. Я думаю, что Трибунал найдет этот документ весьма полезным.

ФЛЕКСНЕР/ защитник подсудимого Шпеера/: Г-н председатель, я не стал бы выдвигать никаких формальных возражений против представления такого аффидевита, если бы я был убежден, что в результате этого не будет затронут комплекс вопросов, которые потребуют дальнейшего обсуждения. Я ознакомился с текстом этого аффидевита только сегодня утром и убедился в том, что необходима дальнейшая проверка его содержания. Поэтому я думаю, что если преследуется цель сокращения процесса, то ~~ж~~ и в данном случае не нужно отступать от общего правила, согласно которому не должны допускаться аффидевиты свидетелей, уже допрошенных здесь перед судом. Это особенно касается данного случая, так как аффидевит ссылается на опубликованные материалы; как только последние будут представлены, в данный вопрос будет внесена полная ясность и совершенно отпадет необходимость предъявления этого аффидевита.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотите что-нибудь ответить на это возражение ?

СЕРВАТИУС: Г-н председатель, этот аффидевит является

14902

H1209 – 0226

H1209 – 0227

в действительности дополнением к положениям из документа 4006-ПС, который хочет представить Обвинение. Но я не знал, что это будет сделано. Здесь практически речь идет о вопросе, который возник в процессе допроса Шеера, а именно, какой удельный вес имело министерство Шеера по сравнению с ведомством Заукеля ; какая инстанция была более могущественной, кто должен был повелевать и кто подчиняться . Это станет нам ясно из указанных документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, но как вы, так и Обвинение имели возможность допросить Шеера, когда он находился у свидетельского пульта, и могли выяснить у него все, что вас в то время интересовало.

СЕРВАТИУС: Да, но тогда взаимоотношения между ведомствами Шеера и Заукеля не были мне еще известны.

Г-н ДОДД: Г-н председатель, я совершенно не хочу настаивать на этом. Если у Трибунала имеются какие-либо сомнения по этому поводу, я откажусь от своей точки зрения. Я считаю, что этот документ может быть полезен, но фактически он не является достаточно важным, и я считаю, что если по поводу этого документа возникают какие-либо сомнения, мы можем отказаться от его представления.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает, что недопустимо представлять новые доказательства в виде аффидевитов, данных лицом, которое уже допрашивалось на суде в качестве свидетеля. Ввиду возражений, высказанных от имени подсудимого Шеера, Трибунал не может принять эти показания.

СЕРВАТИУС: Тогда я беру их назад. На этом я заканчиваю представление доказательств. Остается открытым вопрос об утвержденных Судом опросных листах свидетелей Леча и Бахен-

баха; у меня нет надежды получить их.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Штейнбауэр.

ШТЕЙНБАУЭР /защитник подсудимого Зейсс-Инкварта/: Г-н председатель, прежде всего, я должен представить четыре документа, которые были мной получены через генеральный секретариат, утверждены Судом, известны Обвинению, но, к сожалению, еще не полностью переведены.

Первый документ - это вопросы и ответы директора музея Бовмана в Роттердаме Дирк-Паннема по вопросу о якобы имевшем место разграблении произведений искусства. Этому документу я даю номер 108 и представляю английский и нидерландский подлинники.

Следующий документ - это номер газеты "Нью Роттердамше Курант" от 17 мая 1942 г. в подлиннике и переводе на немецкий язык, где помещено предостережение о расстрелах заложников. Я представляю этот документ под № 109 в подлиннике.

Следующий документ также представляет собой номер этой газеты от 10 августа 1942 г. В ней также имеется об"явление о расстреле заложников. Но я хотел бы здесь обратить внимание на то, что это об"явление было сделано по приказу командующего немецкими войсками генерала Христиансена и подписано начальником СС и полиции Раутером. Я присваиваю документу № 110.

Следующий документ, копия которого получена только вчера через генеральный секретариат, - это опросный лист генерала от кавалерии фон Блейфеля. Последний был заместителем командующего 25-й армией в Голландии в период с 27 марта 1945 г. до 8 апреля 1945 г. Он подтверждает, что рейхскомиссар Зейсс-Инкварт в письме к фюреру просил о прекращении военных действий во избежание ущерба для страны и голода. В моей

H1209 – 0228

H1209 – 0229

книге документов показания генерала Клеффеля значатся под № 111. Они были допущены Трибуналом, и я прошу принять их в качестве доказательства.

Сегодня через генеральный секретариат мне были переданы два аффидевита. Один принадлежит бывшему начальнику Шестнадцатого военного округа, Эрвину Чоппе. Он дает письменные показания под присягой об отношении подсудимого к эвакуации прибрежной полосы. Ввиду ограниченности времени я не смог еще передать Обвинению оба эти документа. Но я уже сообщил о них Обвинению.

Второй документ - это также письменное показание под присягой . . .

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Штейнбауэр, эти документы, насколько я себе представляю, не были переданы Обвинению ...

ШТЕЙНБАУЭР : Нет ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту. Они также не были допущены Трибуналом и в связи с этим возникает один вопрос: насколько они пространны ? Как мне известно, бюро переводов сильно перегружено переводами весьма длинных документов.

ШТЕЙНБАУЭР: Это небольшой документ, который, однако, кажется мне очень важным, так как он свидетельствует о том, как подсудимый даже в этой трудной ситуации заботился об интересах голландского населения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если он небольшой, если вы передадите его Обвинению для ознакомления и последнее не выскажет никаких возражений, то он может быть переведен и представлен в качестве доказательства.

ШТЕЙНБАУЭР: Благодарю. То же самое можно сказать и о другом документе, полученном мной сегодня; это - аффидевит

Адальберта Йошиха, бывшего председателя германского верховного суда в Нидерландах; он представляет собой очень короткое заявление о той позиции, которую занимал подсудимый в юридических вопросах, когда дело касалось применения законов к нидерландскому гражданскому населению. Я прошу допустить также и этот документ в качестве доказательства, причем я представлю Обвинению копию его перевода.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой номер вы дали этому документу ?

ШТЕЙНБАУЭР: Аффидевит Чоппе - документ №112, аффидевит Адальберта Йошиха - документ № 113.

Не получены еще допущенные судом аффидевиты Волле, д-ра Реттера, Фелькерса и Линдхорст-Гомана. Генеральный секретариат и я прилагаем все усилия для того, чтобы получить эти аффидевиты, однако, до сих пор удалось установить только местопребывание Волле.

В заключение я хотел бы просить разрешения представить еще два небольших ходатайства, которые у меня имеются в письменном виде. В первом говорится о получении принадлежащего подсудимому членского билета НСДАП, который был отобран у него во время ареста и который должен находиться вместе с другими личными документами подсудимого на хранении в суде. Я уже просил об этом несколько месяцев тому назад, однако, моя просьба была оставлена без последствий.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы, конечно, не хотите сказать, что этот документ находится на хранении у Трибунала. Вы имеете в виду, что он находится на хранении у военной администрации ?

ШТЕЙНБАУЭР: Да, конечно, у администрации тюрьмы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Безусловно, они могут переслать его сюда. Что представляет собой другой документ, который вы хотите представить ?

H1209 - 0230

H1209 – 0231

ШТЕЙНБАУЭР: Г-н председатель, во время перекрестного допроса ...

/ К микрофону подходит представитель британского Обвинения полковник Гилмор /.

ГИЛМОР: Милорд, я не хотел бы занимать время Трибунала, но я должен заявить, что ходатайство по поводу истребования членского билета могло бы быть представлено несколько месяцев тому назад. Об этом членском билете можно сказать то же, что и об остальных документах, представляемых сейчас защитой. Мы не видели этих документов. Я не знаю, что может доказать членский билет, но доставка его сюда связана с многочисленными трудностями. Кроме того, все эти документы значительно усложнят работу бюро переводов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Для какой цели вы хотите представить членский билет ? По всей вероятности, ваш подзащитный знает, когда он стал членом НСДАП. Какое отношение имеет это книжка к данному вопросу ?

ШТЕЙНБАУЭР: Она имеет значение, так как согласно изданному в Австрии закону о военных преступниках, все члены НСДАП, имеющие номер партийного билета свыше 6.500.000, не относятся к так называемой старой гвардии и не об"явлены вне закона. Зейсс-Инкварт заявил здесь, у свидетельского пульта ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это ни в коей мере не относится к настоящему Трибуналу. Этот билет может иметь значение на каком-нибудь другом процессе и перед другим судом, но здесь он не имеет никакого значения.

ШТЕЙНБАУЭР: Он имеет значение, поскольку Обвинение утверждает, что Зейсс-Инкварт был членом НСДАП с 1931 года.

Я отнюдь не желаю создавать трудности, я только думал, что партийный билет может быть находиться в числе личных вещей подсудимого, отнятых у него во время ареста и, таким образом, его можно было бы посмотреть.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. Подсудимый отрицает, что он являлся членом НСДАП с 1931 года ?

ШТЕЙНБАУЭР: Да. Он утверждает, что формально он стал членом партии лишь 13 марта 1938 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, да, формально, я припоминаю это. Но еще задолго до этого он стал членом нацистской партии Австрии, если память мне не изменяет.

/ К микрофону подходит представитель американского Обвинения г-н Додд /.

Г-н ДОДД: Г-н председатель, мы сейчас готовы согласиться с тем, что в книжке зарегистрирована именно эта дата вступления подсудимого в НСДАП. Я уверен, что в билете окажется именно эта дата, и если доктор захочет ее использовать, мы с радостью дадим свое согласие.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

ШТЕЙНБАУЭР: Последний документ, о котором я ходатайствую, следующий: во время перекрестного допроса был представлен документ, где один 18-летний делопроизводитель-нацист из полиции Гильдегарда Кунце утверждает, что мой подзащитный был инициатором стерилизации голландских евреев. Зейсс-Инкварт утверждает, что он никогда не писал непосредственно в полицию, но послал три личных письма Гиммлеру, в которых он протестовал против дурного обращения с евреями и, в частности, в одном из писем упоминал о стерилизации. Это,

H1209 – 0232

H1209 – 0233

повид'мому , и дало повод свидетельнице для ее показаний. Возможно, она узнала об этом потому, что Гиммлер передал оригинал или копии этих писем в главное управление безопасности. Мой подзашитный просил меня в связи с этим важным вопросом возбудить ходатайство о том, чтобы найти его письма к Гиммлеру с целью опровержения показаний свидетельницы Гильдегарды Кунце. Я не скрываю, что будет очень трудно найти эти письма среди множества документов главного управления безопасности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Представили вы письменное ходатайство по этому поводу ?

ШТЕЙНБАУЭР: Да, я передал письменное ходатайство.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И в ходатайстве указываются даты, когда были написаны эти письма ?

ШТЕЙНБАУЭР: Да, конечно. Все то, что я мог установить относительно времени написания и относительно адресата, я указал в своем ходатайстве.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал рассмотрит этот вопрос, но я думаю, вы понимаете, что рассмотрение вопросов подобного рода связано с колоссальной работой.

ШТЕЙНБАУЭР: Г-н председатель, я отнюдь не закрываю глаза на трудности, связанные с моим ходатайством.

У меня больше нет никаких ходатайств.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал об"являет перерыв.

/ Об"является перерыв до 14.00 /.

ск
ов

Сверили и внесли
поправки:

" "....1946 г.

14909

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 3 июля 1946 года.

/Вечернее заседание/

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал не будет заседать в открытом заседании в следующую субботу, он также не будет заседать в открытых заседаниях во все последующие субботы, за исключением тех случаев, когда он сделает об этом специальное об'явление.

Пожалуйста, доктор Тома.

ТОМА: Господин председатель, вчера я говорил здесь о письменных показаниях доктора Гейнца Опперта. Сейчас я получил эти письменные показания. Я уже вел переговоры с господином Доддом относительно них. Я прошу разрешения представить их сейчас. У господина Додда нет никаких возражений против этих письменных показаний. Я прошу позволить мне также зачитать очень короткий отрывок из этих письменных показаний.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Можете ли вы сказать нам, какова тема этих письменных показаний?

ТОМА: Хорошо, господин председатель. Этот доктор Опперт возглавлял информационное управление по идеологическим вопросам при ведомстве уполномоченного фюрера по идеологическому и духовному воспитанию в партии. О деятельности этого управления он говорил следующее: оно занималось подготовкой отчетов и докладов, а также регистрацией всех событий, входивших в сферу его компетенции. Но это управление не могло активно вмешиваться в проводимую государством и партией политику в отношении церкви. Оно не смогло бы это сделать, даже если бы оно хотело, поскольку оно не располагало исполнительной властью. Между го-

H1209 – 0234

H1209-0235

сударственными,а также партийными инстанциями,которые принимали участие в событиях в этой области, и этим управлением постоянно существовали разногласия. Эти разногласия достигали порой больших масштабов. В данном случае имеются в виду следующие инстанции: министерство пропаганды, министерство по вопросам церкви, СД и партийная канцелярия. Запрещение деятельности отдельных идеологических групп и сект, а также мероприятия, направленные против отдельных священнослужителей, проводились,по моему мнению, без ведома данного управления органами СД и гестапо. Я прошу Суд официально принять к сведению эти письменные показания. Это - документ Розенберг-5I.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

ТОМА: Документ - Розенберг-5I.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Кто-нибудь здесь представляет д-ра Фрица?

/К пульту подходит адвокат Шильф - за отсутствующего д-ра Фрица, защитника подсудимого Фриче/: Г-н председатель, д-р Фриц в понедельник подал письменное ходатайство по поводу двух письменных показаний,которые сейчас еще не имеются в нашем распоряжении, - имеются в виду письменные показания английского журналиста Клефтона Дельмара и находившегося в Берлине посланника государства, защищавшего в свое время интересы Германии, его сиятельства Фельдшера. В настоящее время он находится в Берне. Оба письменных показания еще не поступили к нам. Я прошу Высокий Суд разрешить мне предоставить их в последующее время. Больше мне нечего сказать, никаких других ходатайств у меня больше нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не расслышал имени второго. Вы сказали Фельдшер?

ШИЛЬФ: Его сиятельство Фельдшер,швейцарский посланник.

В настоящее время находится в Швейцарии,в Берне.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Были ли эти письменные показания представлены Обвинению?

ШИЛЬФ: Нет,господин председатель, они еще не поступили, их еще нет у нас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что они собой представляют,письменные показания под присягой или опросные листы?

ШИЛЬФ: Это два опросных листа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Опросные листы? Хорошо. Когда поступят ответы на эти опросные листы, вы сможете предоставить их Обвинению на тот случай, если они пожелают направить свидетелю опросные листы в порядке перекрестного допроса, и затем опросные листы могут быть переведены и представлены Трибуналу.

Доктор Шильф,здесь было ходатайство, - я не помню в письменной или устной форме, - в отношении Пёрнера и Фосса и еще одного человека,на заявления которых ссылалось Обвинение в ходе перекрестного допроса. Кажется, это были письменные показания,но я в этом не уверен.Было,кроме того,устное ходатайство о том, чтобы произвести перекрестный допрос этих лиц. Хотите ли вы, чтобы это было сделано, или вы желаете из'ять это ходатайство?

ШИЛЬФ: Господин председатель,ходатайство не из'ято, но оно было пред'явлено в качестве вспомогательного ходатайства на тот случай, если протоколы допросов,пред'явленные русским обвинением будут рассматриваться как аффидевиты. Мне кажется, что эти протоколы допросов нельзя рассматривать как аффидевиты, это лишь протоколы допросов, составленные скорее по полицейскому образцу.Господин доктор Фриц ходатайствовал о том,чтобы если Высокий Суд примет эти три документа в их полном об'еме в

H1209-0236

H1209 - 0237

качестве документального доказательства,ему разрешили произвести перекрестный допрос. Во время допроса подсудимого Фриче оглашались лишь отдельные отрывки из этих документов. Отдельные детали он...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: То-есть вы хотите сказать,что если Обвинение не захочет использовать эти документы полностью, остановившись лишь на тех выдержках, которые были пред'явлены подсудимому Фриче в ходе перекрестного допроса, тогда у вас нет необходимости вызывать этих свидетелей для перекрестного допроса,но если Обвинение пожелает представить эти документы полностью, в таком случае вы желаете допросить свидетелей? Правильно?

ШИЛЬФ: Совершенно правильно,господин председатель. В этом заключается моя мысль.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотите сказать, что вы просите Трибунал из'ять из протокола те места показаний подсудимого Фриче, которые относятся к этим заявлениям,или вы просто хотите сказать,что если Обвинение пожелает использовать не только те выдержки из документов,которые были пред'явлены подсудимому при перекрестном допросе,но и другие их места, то вы хотели бы подвергнуть перекрестному допросу лиц, давших эти письменные показания?

ШИЛЬФ: Господин председатель, мы хотим сделать следующее. Если Суд примет все три протокола допроса полностью в качестве документальных доказательств,то мы прочим разрешить нам провести перекрестный допрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Таким образом вы имеете в виду то,что я сказал вам сначала. Возможно, представитель Обвинения, генерал Руденко скажет, собирается ли он представить документы полностью или он удовольствуется той частью,которую он уже представил.

/К микрофону подходит генерал Руденко/.

РУДЕНКО: Господин председатель, как я уже заявил Трибуналу при пред'явлении этих письменных показаний, протоколы допроса оформлены в соответствии с процессуальными нормами, действующими в Советском Союзе. Обвинение будет использовать только те части, которые оглашались здесь в судебном заседании и по которым подсудимый Фриче был подвергнут перекрестному допросу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. В таком случае нет необходимости доставлять сюда свидетелей для перекрестного допроса.

ШИЛЬФ: Я вас слушаю, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Таким образом, Трибунал подходит к окончанию представления доказательств защитой и ему остается лишь только заслушать двух свидетелей, которые находятся здесь и должны дать показания в защиту подсудимого Бормана.

/К микрофону подходит защитник Шпеера Флекснер/.

ФЛЕКСНЕР: Господин председатель, я хотел бы дополнительно пред'явить один документ по делу подсудимого Шпеера. Этот документ уже переведен, Обвинение с ним также знакомо. Это протокол совещания у фюрера от 3 января 1943 года. Он получает номер доказательства 35. Этот документ я уже внес в список документов, переданных мной Суду и дал ему номер 35. В свое время этот документ не был переведен, и сейчас я позволю себе передать его Суду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, конечно. Я хотел лишь сказать, что таким образом заканчивается представление всех доказательств защиты от имени подсудимых, за исключением тех

H1209-0238

H1209 – 0239

опросных листов, которые было разрешено предоставить и ответы на которые еще не получены. Эти опросные листы, конечно, будут приняты, если они вообще будут приемлемы, когда на них будут получены ответы. Это в равной мере относится ко всем показаниям, данным в письменном виде, представление которых уже разрешено Трибуналом. Что касается представления доказательств по делам подсудимых, оно считается законченным, за исключением доказательств по делу подсудимого Бормана.

/К микрофону подходит защитник Заукеля Серватиус/.

СЕРВАТИУС: Господин председатель, у меня имеется один вопрос по поводу свидетеля Валькенхорста. В том случае, если допрос этого свидетеля не состоится, я смогу пред'явить его письменные показания, которые у меня имеются. Я предполагаю, что мне это будет позволено в том случае, если данный свидетель не будет допрашиваться в зале Суда. В этих письменных показаниях освещается небольшой вопрос. Свидетель говорит о переговорах по телефону относительно эвакуации лагеря Бухенвальда, которые вел Заукель. Совершенно случайно Валькенхорсту пришлось говорить по телефону от имени противника. У меня имеются письменные показания по одному этому вопросу. Но если свидетель предстанет здесь, в зале Суда, я, конечно, не буду пред'являть письменных показаний, а задам ему соответствующие вопросы. Однако сейчас я прошу позволить мне огласить эти письменные показания в том случае, если свидетель не будет опрошен в зале Суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы говорите о Валькенхорсте?

СЕРВАТИУС: Да, о свидетеле Валькенхорсте.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Он сейчас будет допрошен.

СЕРВАТИУС: Я надеюсь на это.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я полагаю,что он здесь.

Передо мной находится список дополнительных ходатайств,но я полагаю,что все они были уже рассмотрены в ходе прений сторон в течение последних двух дней. Если у защиты имеются еще какие-нибудь вопросы,которые она хотела бы поднять,это следует сделать именно сейчас.

В таком случае я считаю,как я уже сказал,что предоставление доказательств защиты на этом заканчивается,и мы оставляем защите право представить в виде исключения лишь те документы, о которых я говорил,когда они будут получены - либо опросные листы,либо письменные показания.

/К микрофону подходит защитник Марке/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста.

МАРКС: Господин председатель! Я хотел бы просить Суд разрешить мне представить еще три документа. Эти документы следующие.

Для решения вопроса о том, какое влияние имела издаваемая Штрейхером газета на германский народ, большое значение имеет следующее обстоятельство: как изменялся тираж данной газеты. Чем следует об'яснить,что в определенный момент эта газета стала выходить более обширным тиражом. Я поставил перед собой задачу показать на основании сообщений в еженедельнике "Дер Штюрмер",как возрастал тираж этой газеты...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но мы уже рассматривали это ходатайство. Это ходатайство было представлено нам,мы его рассмотрели и отклонили.

МАРКС: Но, господин председатель, прошу прощения.Дело заключается в следующем. При случайном просмотре отдельных номеров этой газеты я установил,что в 1935 году произошло значительное увеличение тиража этой газеты. Я хо-

H1209 - 0240

H1209 – 0241

тел бы доказать,что это увеличение тиража об'ясняется не возросшим спросом среди германского народа, а вмешательством внешних партийных инстанций. Они вместе с новыми редакторами издательства добились увеличения тиража этой газеты в три раза. Сейчас, конечно, имеет очень большое значение то,как следует об'яснить увеличение тиража данной газеты в три раза: спросом на нее у основной массы германского народа или какой-нибудь другой причиной. В данном случае это увеличение тиража об'ясняется вмешательством германского трудового фронта в лице доктора Лея. Был издан специальный номер, который по настоянию доктора Лея, а также с помощью использования колоссального аппарата германского трудового фронта, удачно разошелся.

Вот что я хочу доказать и,мне кажется, для защиты подсудимого Штрейхера это имеет большое значение. Если Высокий Суд позволит мне, - я оглашу соответствующее распоряжение доктора Лея. Я буду также просить Высокий Суд приобщить этот документ к делу. Из этого распоряжения следует, что Лей, будучи руководителем германского трудового фронта, издал распоряжение для всех органов германского трудового фронта о том,чтобы они помогли распространению этого номера на предприятиях. Ведь один из самых важных пунктов обвинения заключается в том,что Штрейхер с помощью газеты "Дер Штюрмер" оказывал влияние на германский народ в духе антисемитизма и подготовил его для поддержки проведения мероприятий, имевших место на Востоке.В данном случае имеются в виду все мероприятия вплоть до массового убийства. Я прошу принять этот документ в качестве доказательства и обратить на него должное внимание.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы сказали,что у вас есть три документа

Первый -директива Лея.

МАРКС: Да, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А что представляют собой остальные два?

МАРКС: Один документ представляет собой выдержку из "Дер Штюрмер" за май 1935 года. Это № 18. Там говорится следующее: " Бежавший из Берлина во Францию Бернгардт пишет в газете "Парижер Тагеблатт" от 29 марта 1935 года в статье под названием " Тираж "Дер Штюрмер" возрос в три раза!" В этой статье он заявляет: "Та поддержка, которой пользуется у высших имперских инстанций порнограф Штрейхер при распространении своих изданий, позволила ему увеличить тираж своей газеты менее чем за один год в три раза. В то время как..."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полотдите. Вы уже нам сказали,что тираж "Дер Штюрмера" увеличился втрое. Нет необходимости повторять все это сначала. Мы хотим знать лишь,что представляют собой эти документы. Первый - директива Лея, второй - номер газеты "Дер Штюрмер". Что представляет собой третий документ?

МАРКС: Третий документ представляет собой таблицу тиража за период с января 1935 года до середины октября 1935 года. Из этой таблицы видно,что за один этот год тираж возрос с 113.800 до 486.000. Здесь уж каждый...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. Этого вполне достаточно.Мы больше ничего не желаем знать об этом.

МАРКС: Хорошо. Тогда я позволю себе...

/К микрофону подходит представитель британского обвинения полковник Филимор/.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР: Милорд, решение вопроса,конечно, полностью зависит от Трибунала. Однако у Обвинения нет

H1209 – 0242

H1209 – 0243

возражений против принятия этих документов. Первый из них прямо указывает на связь подсудимого Штрейхера с другими заговорщиками. Это очень важный документ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо./Пауза,совещаются/. Доктор Марко,эти три документа будут приняты.

МАРКС: Я прошу приобщить эти документы к делу под номерами I9,20,2I.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

МАРКС: Прошу прощения, господин председатель,все это дело затянулось только потому,что я сам об этом ничего не знал. Я случайно обнаружил это в номерах "Дер Штюрмера". Раньше же я не знал этого. Я посчитал,что это может быть важным для моей защиты.Я прошу извинить меня за то,что я пред'являю эти документы только сейчас.

/К микрофону подходит защитник Заутер/.

Доктор ЗАУТЕР /защитник подсудимого фон Шираха и Функа/: Господин председатель, у меня ,конечно, нет никаких дополнительных ходатайств, но я просил бы сейчас разрешения выяснить следующий вопрос правового характера.

В настоящее время в комиссиях проводятся постоянные допросы для будущего пред'явления доказательств относительно обвиняемых организаций. Там допрашиваются свидетели,которых мы не знаем. Там также пред'являются документы,о которых нам до сих пор еще не было ничего известно. Поэтому мы лишь в последующие недели сможем узнать о результатах представления доказательств по организациям. Нам,защитникам, которые работают здесь, в зале суда, кажется ,что следует подумать о следующем обстоятельстве: возможно,что при рассмотрении дел по организациям те или иные свидетельские показания явятся показаниями,

отягчающими вину того или другого подсудимого. То же самое можно сказать и в отношении документов, пред'явленных по делам отдельных организаций. Мы,защитники этих подсудимых, должны будем непременно высказаться по поводу таких документов или привести свои контрдоказательства. Поэтому мы согласны,чтобы рассмотрение доказательств было закончено здесь. Но мы хотели бы просить оставить за нами право справляться в упомянутых мною случаях относительно результатов представления доказательств по делу организаций.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я полагаю,что если вы посмотрите внимательно на решение, вынесенное Трибуналом, вы увидите,что там предусмотрено это; там говорится,что по любому существенному вопросу, возникшему в ходе заслушивания доказательств по делу об организациях, если этот вопрос каким-либо образом непосредственно касается любого из отдельных подсудимых,Трибунал,конечно,имеет право по своему усмотрению заслушать защитника этого подсудимого. Я полагаю,что на это имеется специальное указание в решении, которое мы вынесли.

ЗАУТЕР: Это решение Суда нам, конечно, известно,но мы хотели просто выяснить вопрос о том, остается ли в действии это решение Суда после того,как здесь,в зале Суда, закончится представление доказательств.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да,конечно.

Д-р ЗАУТЕР: Благодарю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хочет ли Обвинение выступить с каким-либо ходатайством перед Трибуналом?

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР: У меня есть восемь документов,которые я хотел бы представить. Милорд,это документы, на которые мы намеревались сослаться в заключительной речи,

H1209 – 0244

H1209-0245

и в соответствии с этим я хотел бы сейчас лишь указать Трибуналу на характер этих документов и в быстром темпе представить их. У меня имеется список этих документов, который я представлю в первую очередь. Быть может будет удобнее ознакомиться с их характером.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Эти документы еще не были представлены в качестве доказательств?

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР: Нет,милорд, я буду представлять их как опровергающие доказательства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Список находится у вас?

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР: Да,милорд. Первый документ I5I9-ПС содержит...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Были ли они переданы защите?

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР: Нет,милорд. Копии находятся еще у меня. Первый документ I5I9-ПС является приказом относительно обращения с советскими военнопленными. Милорд,этот документ не представляется как опровергающий в точном смысле этого слова, но Трибунал располагает документом ЕС-338, который был представлен как СССР-356.Этот документ представляет собой замечания адмирала Канариса по поводу этих приказов. Милорд,возможно, вы помните об этом документе. Подсудимый Кейтель сделал некоторые пометки на нем и был по этому поводу подвергнут перекрестному допросу. Это можно найти на страницах от 72I9 до 7223 стенограммы.

Милорд,было бы лучше,чтобы сами приказы так же находились в распоряжении Суда, а не одни только замечания,сделанные по их поводу. Милорд, это будет документ Великобритания -525. Трибунал увидит,что он состоит из сопроводительного письма от подсудимого Бормана всем гаулейтерам и крейслейтерам, приложенного к письму из ОКВ, под-

писанному генералом Рейнеке,главой отдела по делам военнопленных и,наконец, из самого приказа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Разве они не были представлены ранее?

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР: Милорд,мне сказали,что не были. Были представлены замечания по поводу этого приказа,сделанные адмиралом Канарисом. Этот документ был включен в книгу документов Кейтеля, но формально он не был представлен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это будет документ Великобритания...?

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР: 525, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР: Милорд, второй документ - Д-912, представляется под № Великобритания-526. Это - подборка радиопередач германских радиостанций между 6 сентября и 22 октября 1939 года,записанных Британской радиовещательной корпорацией "ББС" относительно потопления "Атении".

Милорд,я предетавляю этот документ в связи с показаниями подсудимого Редера. Как помнит Трибунал,согласно заявлению подсудимого Редера статья в "Фелькишер Беобахтер" от 23 октября была совершенно неожиданной. В стенограмме это находится на странице 9832. Милорд, из вопросов, поставленных Трибуналом подсудимому Фриче, и из его показаний явствует, что серия радиопередач,в которой Черчилль обвинялся в потоплении "Атении",началась в начале сентября и передавалась из месяца в месяц.Трибунал увидит,что эти передачи... Первая из них была передана 6 сентября. Разрешите мне процитировать одну фразу во второй строчке:

"Немецкие газеты опровергли обвинения британской прессы в том,что "Атения" была потоплена германской подводной лодкой. Черчилль сам, - и это было одним из первых

H1209-0246

H1209 – 0247

его действий на его новом посту, - приказал потопить "Атению" для того, чтобы вызвать в Соединенных Штатах антигерманские настроения". У меня имеются подобные же передачи других германских радиостанций в этот день, а также передачи от 7-го, II-го и 25-го; у меня нет той, которую представил генерал Руденко, - от 27-го числа.

У меня есть выступление подсудимого Фриче по радио от I октября и другие, список которых завершается выступлением Геббельса по радио 22 октября, за день до того, как появилась статья в "Фелькишер Беобахтер". Милорд, мы представляем этот документ под номером Великобритания-526.

Следующий документ 3881-ПС - это выдержка из протокола судебного заседания в Народном суде от 7 и 8 августа 1944 года, где рассматривалось дело семи подсудимых, которых судили за покушение на Гитлера.

Милорд, я представляю в качестве доказательства лишь переведенную выдержку, но фотостат содержит документ полностью... то-есть я хотел сказать, что переданные Трибуналу материалы являются переводом некоторых выдержек, но документ в целом содержит полный судебный отчет по этому делу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если документ не будет переведен, мы не сможем принять его в качестве доказательства.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР: Милорд, мы не собираемся ссылаться ни на какие другие места в этом документе, кроме тех, которые уже переведены.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР: Я сказал это лишь для сведения защитников, которые быть может, пожелают ознакомиться с другими местами этого документа.

Милорд,я представляю этот документ в связи с показаниями подсудимого Иодля,который заявил,что германские генералы оказались перед лицом суда лишь только потому, что английские генералы,в свое время,подчинялись приказам. Это страница II043 стенограммы. В этих выдержках говорится о том,что председатель Народного суда отказался признать в качестве значительного довода обязанность подчиняться приказам старших, который выдвигали подсудимые. Мы представляем его под № ВБ-527,милорд.

Следующий документ Д-I8I, который я представляю в качестве доказательства ВБ-528. Это письмо гаулейтера гауамтслейтерам, гауинспекторам и крейслейтерам относительно закона о наследственных заболеваниях и о стерилизации слабоумных. Этот документ имеет очень важное значение в связи с делом подсудимого Фрика и я представляю его в связи с заявлением,которое было сделано защитником Фрика на странице 8296 стенограммы.Милорд, это-заявление,в котором защитник сказал, что Фрик фактически не имел контроля над политической полицией, и, что Гиммлер подчинялся Фрику лишь номинально. Милорд, в этом письме есть целый ряд указаний на то,что издание и фактически проведение в жизнь этого декрета - входило в сферу компетенции подсудимого Фрика.

Следующий документ, милорд, носит подобный же характер и относится к той же странице стенограммы. Это-документ М-I5I и я представляю его как доказательство ВБ № 529. Он состоит из трех писем на тему об убийстве психических больных в психиатрических лечебных заведениях. Первое из них датировано 6 сентября, и адресовано имперскому министру юстиции и подписано начальником санатория в Штеттине. В нем говорится о серьезном беспокойстве, которое возникло в районах, прилегающих к руководимому

H1209 – 0248

H1209 – 0249

им санаторию в связи с высокой смертностью. Второе письмо от I0-го числа исходит от министра юстиции, который подтверждает получение жалобы и сообщает, что она была передана подсудимому Фрику. Третье письмо,датированное тем же числом, исходит от министра и адресовано его коллеге, которому он препровождает эти жалобы.

Следующий документ, милорд, снова посвящен той же теме, это - документ М-I62 и я представлю его как доказательство ВВ-530. Он состоит из четырех писем. Первое, датированное I9 июля I940 года, адресовано подсудимому Фрику, как имперскому министру внутренних дел. Оно написано епископом Вурм, епископом протестантской церкви Вюртембергской провинции. Милорд,в нем снова излагается большое количество жалоб,которые получал епископ. Далее говорится о порочности той деятельности, которая, очевидно,практиковалась.

Второе письмо датировано 23 августа и адресовано министру юстиции; в нем имеется ссылка на письмо,посланное подсудимому Фрику. Третье письмо от 5 сентября,адресовано подсудимому Фрику и напоминает ему о предыдущем письме от I9 июля,на которое не был получен ответ; и еще одно письмо от 6-го сентября, снова содержащее информацию для министра юстиции.

И, наконец, в письме от II сентября на последней странице документа, имеется заметка из архивов министра юстиции,где указывается, что чиновник министерства информировал декана епископата, очевидно, некоего Комка, что это дело целиком относится к юрисдикции подсудимого Фрика.

Милорд,следующий документ Д-455, который я представлю как доказательство под № ВВ-53I, является брошюрой, составленной германской военной администрацией в Бель-

гии. Она из'ята из архивов ОКХ и озаглавлена "Вклад Бельгии в германскую военную экономику". Дата выхода в свет I марта 1942 года. Милорд, я представляю этот документ в связи со всеми показаниями, утверждающими, что германская оккупация оказывала благоприятное влияние. Трибунал без конца выслушивал, что Германия в ходе оккупации, якобы, принесла много хорошего странам, которые она оккупировала. Этот документ является весьма наглядной иллюстрацией лживости доказательств, приведенных защитой. Я хотел бы очень кратко ознакомить Трибунал с содержанием документа.

На 3-й странице имеется таблица численности населения, причем население разбито на группы в соответствии с выполняемой ими работой. Документ показывает, что более половины трудоспособного населения работало для Германии. Из I.800 тысяч рабочих и служащих в Бельгии, 90I.280 были заняты в промышленности, работавшей на германские вооруженные силы и на предприятиях, принадлежавших немцам.

Милорд, на 4-й странице приводятся сравнительные данные по Бельгии, Голландии и Франции о процентном соотношении рабочих, занятых рабским трудом.

Милорд, на 5-й странице приводятся цифры выпуска продукции в Бельгии для Германии. В седьмой строчке, как мне кажется, приводятся итоговые данные: стоимость валовой продукции равняется I,2 миллиарда рейхсмарок.

На странице 6-й приводятся сравнительные данные добычи угля в Бельгии и в Руре.

На странице 8-й приводятся сравнительные данные по производству проката и указывается количество проката, использованного для Западного вала. На 9-й странице приводятся данные по цементу, на I0-й - по текстилю, на II-й

H1209-0250

H1209 – 0251

по металлу. Далее приводится точка зрения издателей, которая содержит фразу, подытоживающую все, что было вывезено: "Этих результатов можно было достигнуть только при полном истощении ресурсов этой страны".

На I2-й странице имеется таблица, показывающая как из'ятие металла сказалось на отдельных лицах. Приводится сравнение между Бельгией, Голландией и Францией.

На I3-й странице имеются данные о том, что было из'ято для транспорта, а на I4-й странице приводится таблица.

Затем на I5-й странице говорится о том, что в течение последнего года денежная контрибуция превышала сумму заработка всех бельгийских рабочих вместе взятых.

На I6-й странице приводятся данные о количестве золота, вывезенного из Бельгии в рейхсбанк для хранения. На странице I7-й говорится об акциях и приводится сравнение, из которого явствует, что капитал в акциях акционерного общества "Фарбен Индустри" составлял 800 миллионов марок против 700 миллионов в предыдущие годы. Затем приводятся данные относительно нормированного снабжения, которые показывают, что хотя Германия и ввозила продовольствие в Бельгию, но все же, несмотря на это, нормы снабжения были там самыми низкими в Европе.

И, наконец, на последней странице имеется указание на изменения в нормах снабжения в Бельгии по сравнению с I938 годом, происшедшие вследствие "благодеяний" немецкой военной администрации в I94I году. Милорд, этот документ говорит сам за себя.

Милорд, последний документ Д-524, также брошюра, содержащая материалы по Франции; он исходит из того же источника и я представляю его как доказательство № ВБ-532.

Милорд,в связи с неисправностью электроаппаратуры я не имел возможности закончить изготовление фотостатов с английских копий, но я, если мне будет позволено,представлю их позже. Сейчас я могу вручить лишь немецкие документы.

Милорд, я представляю этот документ в связи с показаниями подсудимого Заукеля, приведенными на странице I06I7 стенограммы, где он говорит,что общее число насильственно угнанных рабочих не превышало 5 миллионов.

Милорд,на страницах 8-й и 9-й этого документа Трибунал увидит как обстояло дело с рабским трудом в Германии к концу I943 года. Поэтому эти данные нужно дополнить цифрой, указывающей количество рабочих, угнанных в течение I944 года. Общая цифра на I943 год достигает 7 миллионов, из которых I.462.000 составляли военнопленные. Таким образом, количество угнанных в рабство к этому времени несколько превышало 5 миллионов, то-есть количество используемых для рабского труда без военнопленных составляло несколько более 5 миллионов. К этой цифре, как я сказал, надо прибавить еще прирост насильственно угнанных рабочих за I944 год.

Милорд,на странице 8-й приводятся цифры и сравнительные данные: мужчин из числа гражданского населения - 3.63I.000, военнопленных - I.462.000, женщин -I.7I4.000.

Далее указывается,как эти цифры распределяются по странам. 9-я страница представляет собой просто иллюстрацию в красках. Милорд,в остальной части брошюры приводятся лишь цифровые материалы, иллюстрирующие вывоз из Франции; они очень сходны с теми, которые касаются Бельгии. Я не предполагаю знакомить Трибунал с этими материалами,если только он сам этого не пожелает. Мне ка-

H1209 – 0252

H1209 – 0253

жется, я уже назвал номер этого доказательства - ВБ-532.

Милорд,это все документы, которые я должен был представить. Насколько я понял, мой друг, господин Додд,также представит несколько документов.

/К микрофону подходит главный обвинитель США Джексон/

ДЖЕКСОН: Господа судьи, во время перекрестного допроса подсудимого Германа Геринга мы представили ему документ за № 3787-ПС. Он был принят как доказательство США-782. Это отчет о втором совещании совета обороны империи. Геринг признал аутентичность этого отчета,представленного ему на немецком языке, но документ в то время не был переведен и вследствие этого было невозможно зачитать для внесения в протокол многие части этого документа, которые мы считали важными, поскольку они были связаны с вопросом о достоверности показаний Геринга и с утверждениями многих других подсудимых о том, что все они знали о планировании войны и о том,что они не принимали в нем участия. Я хотел бы здесь зачитать для занесения в протокол ту часть этого документа,которую мы считаем исключительно важной для опровержения показаний целого ряда подсудимых.

В начале документа находится препроводительное письмо от главного Командования вооруженных сил,датированное IO июля I939 года на тему: "Второе совещание совета обороны империи". Было изготовлено всего I00 копий и наша копия 84-я. Это письмо имеет гриф-"Совершенно секретно", и просто препровождает от имени главного командования вооруженных сил приложенный документ,среди прочих, следующим лицам. Я назову лишь тех, которым мы придаем известное значение. В партии заместителю фюрера - первая копия; начальнику имперской канцелярии; премьер-министру гене-

рал-фельдмаршалу Герингу; имперскому министру авиации и главнокомандующему военно-воздушных сил; министру иностранных дел; генеральному уполномоченному по имперской администрации; всего 9 копий, в том числе часть для министерства внутренних дел, министерства юстиции, министерства по делам науки, воспитания и народного просвещения, министерства по делам церкви и центрального управления по вопросам планирования. Копии были также разосланы генеральному уполномоченному по вопросам экономики, в том числе часть из них министерству продовольствия и сельского хозяйства, министру экономики, министру труда, министру лесного хозяйства, уполномоченному по контролю над ценами, министру финансов, министру транспорта, министру авто-транспорта и дорог, министру железных дорог, министрам почты, просвещения и пропаганды, директорату рейхсбанка, генеральному инспектору германских дорог и вооруженным силам, включая 10 копий для ОКХ, 5 копий для ОКМ, для имперского министра авиации и главнокомандующего военно-воздушных сил, а также для главного командования вооруженных сил. Имеется еще целый ряд копий. К этому прилагается отчет о втором заседании имперского совета обороны. Мы придаем большое значение дате этого заседания - 23 июня 1939 года.

"Место заседания - Большой конференц-зал имперского министерства авиации.

Начало совещания - 11-10.

Конец - 13.55.

Председатель: Премьер-министр генерал-фельдмаршал Герман Геринг.

Присутствовали:..."

14930

H1209 – 0254

H1209 – 0255

Я обращу внимание лишь на тех из присутствующих, которым мы придаем особое значение, потому что список очень длинен.

"Заместитель фюрера, начальник имперской канцелярии доктор Ламмерс, штаб премьер-министра генерал-фельдмаршала Геринга, статс-секретарь Кернер, статс-секретарь Науман, советник министерства /минестериальрат/ Бергбом" - и ряд других. "Генеральный уполномоченный по имперской администрации, имперский министр д-р Фрик, рейхсфюрер СС Гиммлер, генерал полиции охраны порядка Далюге, генеральный уполномоченный по народному хозяйству, имперский министр Функ, имперский министр финансов фон Крозик, министр транспорта, генерал-инспектор дорог д-р Тодт; от главного командования вооруженных сил - генерал-полковник Кейтель, Варлимонт и генерал-майор Томас, от главного командования сухопутных сил и генерального штаба сухопутных сил генерал артиллерии Гальдер; от главного командования военно-морских сил гросс-адмирал д-р Редер, от имперского министерства авиации и главнокомандующего военно-воздушных сил Мильх и Боденшатц.

Более не было свидетелей. Резюме, приведенное в начале, я зачитывать не буду.

Протокол заседания гласит:

"Премьер-министр генерал-фельдмаршал Геринг подчеркнул в своей вступительной речи, что согласно воле фюрера, совет обороны империи является решающей инстанцией в империи по всем вопросам подготовки к войне. Он создан для того, чтобы обсуждать лишь наиболее важные вопросы обороны империи, которые будут разрабатываться комитетом обороны империи. Совещания совета обороны империи

будут созываться только для принятия обязательных решений. Личное присутствие глав министерств необходимо.

б/ распределение людских резервов.

I. Председатель огласил следующие директивы относительно распределения и использования населения в военное время.

1. Общая численность вооруженных сил военного времени устанавливается фюрером. В их состав входит только половина лиц, годных для военной службы. Тем не менее, их призыв в армию вызовет трудности в экономике, администрации и во всех сферах гражданской жизни.

2. Человеческий баланс должен быть основой для рассмотрения вопроса о том, каким образом наиболее целесообразно распределить тех,кто останется после того,как будет покрыта потребность вооруженных сил в людях.

3. Потребности военной промышленности имеют такое же значение, как и потребности вооруженных сил. Военная промышленность,прежде всего, должна быть организована уже в мирное время таким образом,с точки зрения материалов и в отношении кадров, чтобы уровень выпуска продукции не только не понизился, но,наоборот, повысился бы немедленно после начала войны.

4. Снабжение рабочей силой решающих отраслей промышленности, производящей вооружение, и оставшихся гражданских предприятий, является основной задачей генерального уполномоченного по вопросам экономики.

а. Промышленность,производящая вооружение, охватывает не только заводы, изготавливающие военные материалы, но также и предприятия по производству синтетического каучука и вспомогательных материалов, химические заводы, угольные шахты и т.д.

14932

H1209 – 0256

H1209 – 0257

б. /I/ Как правило,незаменимые специалисты не могут сниматься с предприятий,от производительности которых зависит ход войны, если эти специалисты не могут быть немедленно заменены другими.

Добыча угля является самой необходимой частью работы. Каждый рабочий,нужный для этой работы, является "незаменимым".

Примечание. Уже сейчас угольная промышленность стала ключевой позицией всей промышленности,производящей вооружение, транспорт и экспорт. Если она сейчас не получит необходимого количества рабочей силы,то выпадет важная статья экспорта - вывоз угля. Отпадает продажа угля Польше. Правильное распределение рабочей силы является решающим моментом. Для того,чтобы иметь возможность укомплектовать эти важнейшие участки подходящими людьми, фюреру вскоре будут сделаны предложения о применении жестких мер, которые уже в текущем мобилизационном году при известных обстоятельствах приведут к такому управлению экономикой, какое имеет место в военное время,например, к замораживанию автотранспорта и к консервации предприятий,не являющихся жизненно важными,в связи с дефицитом в угле.

Кроме того,мы должны еще снабжать углем Италию и др. страны,например,скандинавские для того,чтобы Германия продолжала снабжаться железной рудой/."

Я опущу некоторые части документа, которые не кажутся мне достаточно важными в свете данного дела и перейду к пункту 2-му на стр. 9 английского перевода.

"/2/. Вторая категория рабочих,способных носить оружие, будет призвана в ходе войны в армию после того,как им будет подготовлена замена. Огромную роль играет пред-

варительная подготовка и переподготовка рабочих для замены в широких масштабах.

/3/. Должна быть также подготовлена замена массы военнообязанных рабочих другими рабочими также путем привлечения в промышленность большого числа женщин. Затем к ним прибавятся инвалиды войны.

/4/. Трудовая повинность для женщин в военное время имеет решающее значение. Необходимо начать в самых широких масштабах обучение женщин важным в военном отношении профессиям для замены и пополнения ими мужских рабочих контингентов.

д. Для того, чтобы избежать беспорядка во время мобилизации, лица, работающие в важных в военном отношении отраслях, — как-то: администрация, транспорт, полиция, пищевая промышленность, — сначала должны быть оставлены на своих местах. Необходимо установить степень важности и ценности каждого работника.

е. Таким образом в рамках вспомогательной гражданской службы, предусмотренной всеми европейскими народами для того, чтобы обеспечить себе и удержать за собой преимущества в решающие первые недели войны, нужно стремиться к тому, чтобы в результате четкой и ясной организации, каждый немец в военное время не только бы получил повестку о мобилизации, но и был бы полностью подготовлен к выполнению своих обязанностей военного времени. Должны быть созданы рабочие места для резервных рабочих".

Я пропущу начало 10-й страницы, перейду к концу 10-й страницы.

"Генеральному уполномоченному по вопросам экономики поручается установить, какого рода работу должны выполнять

14934

H1209 – 0258

H1209 – 0259

военнопленные, заключенные концлагерей, тюрем и исправительных учреждений.

По данным рейхсфюрера СС во время войны число заключенных в концентрационных лагерях увеличится. 20.000 заключенных будут заняты преимущественно в мастерских на территории самих концлагерей".

"IУ. Стато-секретарь имперского министра труда д-р Сируп выступил с отчетом об использовании рабочей силы в случае мобилизации и о распределении рабочих во время войны".

Дальше идет ряд деталей, но я полагаю,что они имеют важное значение, поскольку из всего этого явствует,что общий характер и масштабы мобилизации были определены соответствующими планами за несколько месяцев до начала войны и,кроме того,как мы утверждаем, эти факты указывают на то, что подготовка к войне, носила более серьезный характер, чем это было необходимо для простой стычки с Польшей".

"7. Цифры,которые можно сейчас привести в отношении распределения рабочей силы, носят предварительный характер и на основании их можно дать лишь определенные указания. Распределение исходит из общей численности населения в 79 миллионов, из них 56,5 миллиона находятся в возрасте от I4 до 65 лет. Можно также использовать лиц старше 65 лет и подростков по I3-I4 лет. Из этой цифры 56,5 миллиона следует вычесть физически неполноценных и инвалидов. Большая часть заключенных уже сейчас занята в хозяйстве. Однако наибольшее уменьшение падает за счет исключения II миллионов матерей и детей до I4 лет. После вычета этих групп остается 43,5 миллиона трудоспособных;

26,2 млн.мужчин, за вычетом 7 миллионов военнослужа-

щих - 19,2 млн.

17,3 млн. женщин ~~/~~за вычетом 250.000 медсестер и т.д. 17,1 млн. для всей экономической жизни Германии и для всех гражданских учреждений.

Председатель считает,что женщины старше 60 лет,не трудоспособны.

8/ Общее число рабочих и служащих ~~/~~2/3 самодеятельного населения~~/~~ занятых в настоящее время в 20 крупных хозяйственных отраслях составляет примерно~~(~~ 24 миллиона мужчин /за вычетом 2 млн. военнослужащих/ и 14 миллионов женщин.

9/ Точных данных о количестве рабочих,которые будут призваны,пока нет. Поэтому приблизительно подсчитано,какое число рабочих останется после призыва пяти миллионов мужчин.

Я пропускаю следующий 10-й параграф,как не представляющий интереса и перехожу к 11-му.

"Кроме 13,8 миллиона уже работающих женщин на работах могут быть использованы еще три с половиной миллиона,сейчас не занятых работой женщин, которые учтены по переписи населения. 2 миллиона женщин могут быть переведены со своей работы на другую,например, в сельское хозяйство и на предприятия металлообрабатывающей и химической промышленности с текстильных предприятий, с фабрик готового платья, с керамических предприятий и т.д., с небольших фабрик, из торговых и страховых контор, из банков, а также туда может быть направлена часть женщин, работающих в качестве домашней прислуги.

12/ Дефицит в рабочих в сельском хозяйстве, в связи с призывом оттуда в армию примерно 25% годных в физическом

H1209 – 0260

H1209 – 0261

отношении мужчин, должен быть восполнен за счет женщин /одна женщина вместо двух мужчин/ и военнопленных. На иностранных рабочих рассчитывать не следует. Вооруженным силам предложат в больших масштабах демобилизовывать руководителей предприятий и специалистов, например, рабочих с молочных ферм, трактористов /из которых 35% все еще подлежат мобилизации / и т.д.

I3. Председатель подчеркнул, что руководители предприятий, полиция и вооруженные силы должны принять подготовительные меры для использования военнопленных.

I4. В области сельского хозяйства для освобождения рабочих рук должны быть приняты меры по оказанию помощи соседними фермами, при этом нужно упорядоченно использовать все машины и подготовить склады запасных частей.

I5. Председатель заявил, что сотни тысяч людей, занятых на невоенных предприятиях в протекторате, должны быть размещены в бараках в Германии и использоваться под соответствующим контролем в сельском хозяйстве. Генерал фельдмаршал Геринг запросит решение фюрера по этому вопросу".

Я пропускаю I6-й параграф.

Оглашая это, я позволю себе заметить, что председатель довольно пространно указывает на приготовления, которые были уже закончены к июню I939 года.

I7-а. В настоящее время результаты введения системы рабочих, считающихся незаменимыми и получивших бронь, таковы: из I.I72 тысячи ходатайств о бронировании, 727 тысяч ходатайств удовлетворено и 233 тысячи отклонено".

Я перехожу к пункту "с" в конце страницы.

"Приказы дополнительному персоналу о том, чтобы они приступили к работе готовы, связаны и сложены в пачки в управлениях по труду".

Далее на совещании рассматривался вопрос о премиях в связи со шкалой зарплаты, и я перехожу к параграфу 21, который я оглашаю для того, чтобы показать, что ожидалась длительная война.

При переводе рабочих, особенно квалифицированных, с одного предприятия на другое важно, чтобы рабочие полностью включались в работу на новом месте с тем, чтобы не понизилась их производительность. По истечении нескольких месяцев можно будет заменить большую часть квалифицированных рабочих".

Я перехожу к У разделу.

"Генеральный уполномоченный по вопросам экономики, имперский министр экономики Функ высказал свое мнение о последствиях распределения рабочей силы с точки зрения дальнейшего ведения хозяйства.

24. а/ На основании устного соглашения с ОКВ разработаны специальные правила бронирования рабочих и изданы специальные удостоверения для рабочих, получающих бронь".

Я перехожу к пункту 25 на следующей странице.

"Когда оратор выразил пожелание, чтобы при отборе рабочих для военно-морских верфей учитывались и интересы важных отраслей промышленности, в особенности той, которая работает на экспорт и газетным концернам, председатель указал на необходимость полного выполнения программы строительства военных кораблей, в соответствии с указаниями фюрера".

Я перехожу к разделу, озаглавленному цифрой VI. "Генеральный уполномоченный по вопросам администрации, имперский министр внутренних дел д-р Фрик рассмотрел вопрос об экономном использовании кадров в административном аппарате.

14938

H1209 – 0262

H1209 – 0263

27. Эта задача представляет собой, главным образом, организационную проблему. Как это видно из схемы, розданной участникам совещания, различные власти, а также учреждения экономического и социального характера, содержат в округах примерно 50 совершенно независимых друг от друга учреждений. Такое положение вещей нетерпимо. Раньше в государстве были две основные категории: государственный аппарат чиновников и вооруженные силы. После прихода к власти к ним прибавилась партия и постоянные организации /например, крестьянская организация/ со всем своим многоступенным иерархическим аппаратом. Из-за этого во много раз увеличилось количество официальных инстанций и учреждений. Все это затрудняет гражданскую службу.

28. С началом войны задачи неизмеримо вырастут.

Из контекста ясно, что речь идет о предыдущей войне.

"Подготовка тотальной войны требует, естественно, гораздо больше рабочей силы, даже в административном аппарате, чем в 1914 году. Но невозможно, чтобы этот аппарат вырос в одних лишь низших инстанциях в 20 - 40 раз. Поэтому имперское министерство внутренних дел стремится к унификации администрации".

Была создана небольшая комиссия. Я оглашаю раздел 29 в связи с показаниями Геринга о том, что ее деятельность прекратилась.

"Вместо широкого обсуждения в составе всего совещания рекомендуется создать небольшую комиссию, которая разработает конкретные предложения. Налицо широкая подготовительная работа".

Замечание представителя комитета обороны империи. Комиссия уже создана.

Пункт 30. Председатель просил представить предложени

комиссии. Это важный момент в подготовке войны".

Я сейчас обращаюсь к большому подразделу "С", где говорится об улучшении работы службы связи. Он начинается с сообщения о получении отчета от генерального штаба армии.

"С. Повышение пропускной способности транспортной сети.

Доклад начальника транспортной службы во время войны, полковника Гереке.

31. Проверка работы по концентрации войск полтора года назад показала, что транспорт не может полностью удовлетворить требования вооруженных сил. Министр транспорта согласился с этой констатацией. Часть четырехлетнего плана, падающая на 1938 год будет, очевидно, выполнена к августу 1939 года.

32. Вскоре после составления этой программы к вооруженным силам были пред'явлены требования, совершенно новые по сравнению с обычным использованием вооруженных сил в начале войны. Войска должны были быть доставлены к границе в возможно более короткие сроки в непредусмотренном до этого масштабе. Вооруженные силы могли выполнить эти требования путем организационных мер, а транспорт нет.

33. В области транспорта Германия в настоящий момент еще не готова к войне".

Я представляю дальнейшие подробности как опровергающее доказательство против показаний целого ряда свидетелей о том, что, якобы, оккупация Рейнской области, аншлюсс и все прочее, даже операции против Чехословакии, были для них совершенной неожиданностью.

"а. Во время трех операций в 1938/1939 2.2 не вставал

H1209-0264

H1209 – 0265

вопрос о действительной стратегической концентрации. Войска заблаговременно были переброшены в районы концентрации путем замаскированных мероприятий.

б. Таким приемом совершенно нельзя воспользоваться, если невозможно назначить и заранее узнать сроки, и если вместо этого потребуется неожиданное и очень быстрое решение военной проблемы. При своем состоянии в настоящее время транспорт не может, несмотря на всю проведенную подготовку, обеспечить переброску войск".

Пункт "а" на 18 странице меня не интересует. В пунктах "Б" и "С" предусмотрены меры ликвидации этого прорыва.

На странице 19 я не буду зачитывать пункт 38, касающийся подготовки шоссейных дорог, пересекающих страну с Востока на Запад и с Севера на Юг.

С вашего разрешения я зачитаю пункт 39.

"Председатель отметил, что уже в мирное время некоторые жизненно важные для промышленности и вооруженных сил склады материалов должны быть переведены ближе к важным в военно-промышленном отношении центрам для того, чтобы сократить нагрузку транспорта в будущем".

Я перейду к 41 пункту на стр. 29-й.

"Суммируя, председатель констатировал, что все наиболее важные пункты выяснены в результате этого совещания"

Американская часть обвинения имеет еще несколько документов, которые если Трибунал позволит, будут представлены господином Доддом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал об'являет перерыв.

/Перерыв 10 минут/.

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Додд, у вас еще есть какие-нибудь документы, которые вы хотели бы представить?

ДОДД: Я хотел бы, господин председатель, представить документ № 406-ПС, который является бюллетенем имперского министерства вооружения и боеприпасов. Мы полагаем, что Трибунал может принять этот документ без доказательства. Это - официальное издание, которое будет весьма полезно в связи с рассмотрением программы использования труда, осуществлявшейся Заукелем и Шпеером. Этот документ представляется для того, чтобы выяснить некоторые сомнения, которые могли возникнуть после показаний Шпеера и Заукеля.

Думаю, что нет необходимости зачитывать этот документ; я просто представлю его под № США-902.

Затем я хочу представить документ № I452-ПС. Это отчет о совещаниях начальников отделов с начальником военно-экономического управления. Я хотел бы зачитать краткую выдержку из этого документа I452-ПС, датированного 24 марта 1942 года. Документ гласит:

"Совещание начальников отделов с начальником управления.

Отчет начальника управления о совещании от 23 марта у министра Шпеера в присутствии Мильха, Витцеля, Леба.

Фюрер считает Шпеера главным исполнителем его воли и доверенным лицом во всех областях экономики. Шпеер единственный человек, который может сейчас действовать. Он может вмешиваться в работу всех ведомств. Уже сейчас он ставит себя выше всех других министерств".

Остальную часть я не буду читать, мне кажется, в этом нет необходимости, поскольку дальше нет изменений, противоречащих тому, что мы уже цитировали. Я передаю суду документ под № США-903.

1942

H1209-0266

H1209-0267

У нас есть еще несколько фотографий, господин председатель. Мы представляем их по делу подсудимого Кальтенбруннера. Они переданы нам нашими коллегами из французского обвинения. Первая из фотографий № Ф-894.

Мы передаем ее под № США-904. На этой фотографии изображен Гиммлер, кого-то поздравляющий; за его спиной - Кальтенбруннер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Как можно судить об их подлинности ?

ДОДД. Мне кажется ... Все это - документы, захваченные нашими частями, но ... Вы имеете в виду фотографии, милорд?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Относятся ли они к числу захваченных документов или ... Откуда они получены ?

ДОДД. По моему, все это - захваченные документы. А!.. Теперь я вижу, к каждой фотографии приложены письменные показания, данные под присягой, указывающие на их происхождение.

К первой фотографии приложено удостоверение, подписанное именем Франсуа Буа. В нем говорится, что этот человек - фотограф, находившийся в заключении в лагере Маутхаузен и т. д... Он описывает, при каких обстоятельствах и как была снята эта фотография и т.д. Мне кажется, что этого достаточно для того, чтобы удостоверить подлинность фотографии. Мне кажется, что все фотографии снабжены аналогичными удостоверениями.

Следующий документ № Ф-896, который передается под № США-905. На обратной стороне оригинала имеется также письменное показание, данное под присягой тем же Франсуа Буа.

Следующая фотография Ф-897, которую мы передаем под № США-906. К этой фотографии также приложены письменные показания Франсуа Буа. На ней изображены Кальтенбруннер, Гиммлер и другие чиновники СС.

Затем, наконец, документ Ф-895, который мы передаем под № США-907. На эту фотографию я хочу обратить особое вни-

H1209-0268

H1209 – 0269

мания Трибунала. Она также снабжена показаниями Франсуа Буа. Кальтенбруннер стоит во втором ряду, Гиммлер и Гитлер - в середине между Кальтенбруннером и, очевидно, Борманом. Фотография снята в концентрационном лагере, так как слева видны какие-то заключенные.

Мы хотим также представить в качестве доказательства очень краткие письменные показания № 4033-ПС - мы представляем их под № США-908. Это - показания, данные Освальдом Полем 28 мая 1946 года. Сущность этих письменных показаний такова: "Я могу совершенно точно заявить, что ... "

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Одну минутку, господин Додд! Скажите, Поль вызывался в качестве свидетеля ?

ДОДД. Нет, сэр, Поль не вызывался в качестве свидетеля. Вызывался Пуль, а это - Поль. Его имя пишется - П о л ь. Имена похожи.

"... Я могу совершенно точно заявить, что я сам видел по какому-то служебному делу обергруппенфюрера СС Эрнста Кальтенбруннера в Маутхаузене, в ресторане у входа в лагерь, и я говорил с ним. Это было осенью 1943 года или весной 1944 г. Я присутствовал там на общем обеде".

Затем еще один письменные показания № 4023-ПС, которые мы передаем под № США-908, простите, я ошибся - 909. Я думаю, что нет необходимости читать этот документ. Он перевден. Это - показания, данные неким Карлом Рейф, в которых он заявляет, что видел Кальтенбруннера в мае или июне, в середине дня, в1942 году в концентрационном лагере Маутхаузен.

Это все, что мы хотим представить в качестве доказательства, г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желают ли другие представители Обвинения предъявить в качестве доказательства какие-либо документы ?

/Ответ: нет./

Хорошо. Теперь мы можем перейти к показаниям по делу подсудимого Бормана. Доктор Бергольц, Вы можете вызвать свидетеля, которого Вы желали допросить. Кемпка, не так ли ?

БЕРГОЛЬЦ /защитник Бормана/. Высокий Суд, я вызываю свидетеля Кемпка.

/В зал вводят свидетеля/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Назовите Ваше имя и фамилию, пожалуйста.

СВИДЕТЕЛЬ. Меня зовут Эрих Кемпка.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги: "Я клянусь богом всемогущим и всевидящим, что я буду говорить только чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

/Свидетель повторяет слова присяги./

Вы можете сесть.

БЕРГОЛЬЦ. Свидетель, что Вы делали во время войны, когда Вы принадлежали к личному окружению Гитлера ?

КЕМПКА. Во время войны я был личным шофером Адольфа Гитлера.

БЕРГОЛЬЦ. Находясь на этой должности, Вы познакомились с подсудимым Мартином Борманом, не так ли ?

КЕМПКА. Да. Находясь на этой должности, я познакомился с рейхсляйтером Мартином Борманом, который косвенно был моим начальником.

БЕРГОЛЬЦ. Господин свидетель, когда Вы в последний раз видели подсудимого Мартина Бормана ?

14946

H1209-0270

H1209 – 0271

КЕМПКА. В последний раз я видел рейхслейтера Мартина Бормана ночью с 1 на 2 мая 1945 года у вокзала на Фридрихштрассе, точнее, у Вайдендаммерского моста. Тогдашний рейхслейтер Борман спросил меня, какова общая обстановка в районе вокзала на Фридрихштрассе ? Я сказал ему, что вряд ли возможно ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не говорите так быстро. О чем он Вас спросил ?

КЕМПКА. Он спросил меня, какова обстановка и можно ли пробиться в районе вокзала на Фридрихштрассе. Я сказал, что это почти невозможно, так как там идут очень сильные оборонительные бои. Затем он спросил меня, можно ли пробиться там с помощью танков ? Я ответил ему, что все зависит от того, как будет организована эта попытка. После этого действительно прибыло несколько танков и бронеавтомобилей. Вокруг них образовалось несколько групп. Эти танки продвинулись через противотанковое заграждение после того, как головной танк, рядом с которым шел Мартин Борман, получил прямое попадание. Я предполагаю, что из какого-то окна стреляли противотанковыми снарядами. Танк взорвался. Как раз на той стороне, по которой шел Мартин Борман, возникло пламя. Я также видел ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы все еще слишком торопитесь. Последнее, что я слышал, было то, что Борман шел в середине колонны. Это правильно ?

КЕМПКА. Да, наравне с центральной частью танка, двигавшегося по левой стороне. После того, как танк пробился на 40-50 метров вперед за противотанковые заграждения, в него попал снаряд. Я думаю, что это был противотанковый снаряд,

брошенный из окна. Танк разлетелся в воздухе на куски как раз около того места, где шел рейхслейтер Мартин Борман. Я сам взрывом был отброшен в сторону вместе с шедшим впереди меня штандартенфюрером д-ром Штумпфеккером. Я потерял сознание. Когда я вновь пришел в себя, я не мог ничего видеть, так как меня ослепило пламя. Затем я прополз назад к противотанковому заграждению и с того момента я не видел Мартина Бормана.

БЕРГОЛЬД. Свидетель, Вы при этих обстоятельствах видели, как Мартин Борман упал, когда возникло пламя ?

КЕМПКА. Да. Я заметил одно движение Мартина Бормана. Он как бы падал, вернее, его относило взрывом.

БЕРГОЛЬД. Этот взрыв был таким сильным, что, по Вашим наблюдениям, Мартин Борман погиб от него ?

КЕМПКА. Да, я определенно полагаю, что из-за силы этого взрыва он лишился жизни.

БЕРГОЛЬД. Во что был тогда одет Мартин Борман ?

КЕМПКА. На Бормане было кожаное пальто, шапка фюрера СС и знаки различия обергруппенфюрера СС.

БЕРГОЛЬД. Таким образом Вы считаете, что если бы его тогда нашли раненым, его опознали бы по этой одежде, как одного из руководящих деятелей ?

КЕМПКА. Конечно.

БЕРГОЛЬД. Вы говорили, что рядом с Мартином Борманом или перед ним шел другой г-н, а именно Науман - статс-секретарь министерства пропаганды ?

КЕМПКА. Да, это был тогдашний статс-секретарь д-р Науман.

БЕРГОЛЬД. Он находился также в районе взрыва ?

14948

H1209 - 0272

H1209 – 0273

КЕМПКА. Нет,он был примерно на расстоянии 1-2 метров от Мартина Бормана.

БЕРГОЛЬД. Вы впоследствии видели этого статс-секретаря Наумана ?

КЕМПКА. Нет, я его не видел впоследствии, так же, как и штандартенфюрера доктора Штумпеккера.

БЕРГОЛЬД. Ведь Вы тогда поползли обратно ?

КЕМПКА. Да.

БЕРГОЛЬД. За Вами никто не последовал ?

КЕМПКА. Да, после того, как люди миновали это противотанковое заграждение, они попадали под сильный оборонительный огонь. Некоторые были убиты, а оставшиеся бросались бежать обратно. Я, однако, не видел никого больше из тех, кто был вместе с танками

БЕРГОЛЬД. Высокий суд, у меня нет больше вопросов к данному свидетелю.

ДОДД. У меня нет вопросов к свидетелю, г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хочет ли кто-нибудь еще из защитников допросить свидетеля ?

Свидетель, сколько было танков в этой колонне ?

КЕМПКА. Я сейчас не могу этого сказать, может быть, два или три танка, может быть, и четыре. Больше было бронеавтомобилей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сколько было бронеавтомобилей ?

КЕМПКА. Их было там несколько, некоторые из них уехали обратно. Они пытались совершить там прорыв. Их было там один или два. После того, как на воздух взлетел этот танк, остальные опять укатились.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Откуда вышла эта колонна ?

КЕМПКА. Я не знаю. Эта колонна внезапно появилась, и

я предполагаю, что это были танки, которые находились в центре города и которые пытались совершить прорыв в южном направлении.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Когда Вы говорите "они появились внезапно", что Вы хотите этим сказать, где они появились внезапно ? Где они подобрали Вас ?

КЕМПКА. Меня не подобрали. Я вышел из имперской канцелярии ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Где они подошли к Вам ? Когда Вы впервые увидели эту колонну ?

КЕМПКА. У Вейдендаммерского моста, за вокзалом на Фридрихштрассе. Там они собрались ночью.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Где Борман впервые спросил Вас, есть ли возможность пробиться ?

КЕМПКА. Это было возле противотанкового заграждения за вокзалом на Фридрихштрассе, у Вайдендаммерского моста.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы хотите этим сказать, что Вы с ним встретились на улице ?

КЕМПКА. Да, при выходе из имперской канцелярии Мартина Бормана не было с нами. Он появился у моста между 2-3 часами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы полагаете, что Вы его встретили там случайно ?

КЕМПКА. Да, правильно, я встретил его там случайно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. С ним был кто-нибудь еще ?

КЕМПКА. С ним был статс-секретарь министерства пропаганды доктор Науман, а также доктор Штумпфеккер, который был в последнее время личным врачом фюрера.

14950

H1209 – 0274

H1209 – 0275

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Как далеко они находились от имперской канцелярии ?

КЕМПКА. Расстояние между имперской канцелярией и вокзалом на Фридрихштрассе составляет путь примерно в четверть часа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Затем Вы увидели приближающиеся танки или бронеавтомобили, не так ли ?

КЕМПКА. Да, правильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Немецкие танки и немецкие бронеавтомобили?

КЕМПКА. Да, немецкие танки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы разговаривали с водителями этих автомобилей и танков ?

КЕМПКА. Нет, я не разговаривал с водителями. Мне кажется, там был также статс-секретарь доктор Науман.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы не вошли ни в один из танков и не влезли в бронеавтомобиль ?

КЕМПКА. Нет, ни рейхслейтер Борман, ни статс-секретарь Науман не вошли в автомобиль.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы просто все время шли пешком ?

КЕМПКА. Да, я просто все время шел вместе с ними.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А где находился Борман, ориентируясь от того места, где шагали Вы ?

КЕМПКА. Я шел за танком по левой стороне.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Как далеко от Бормана Вы находились ?

КЕМПКА. Примерно в 3-4-х метрах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Затем снаряд попал в танк. Да ?

КЕМПКА. Нет, мне кажется, не снаряд, а "панцерфауст", выброшенный из окна, попал в танк.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Затем Вы увидели вспышку, и потеряли соз-

ния ?

КЕМПКА. Затем внезапно я увидел пламя и через долю секунды я увидел, как рейхслейтер Борман и статс-секретарь Науман были отброшены от танка. Я сам в тот же момент также был отброшен в сторону и затем потерял сознание.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Затем Вы ползком выбрались оттуда ?

КЕМПКА. Когда я пришел в себя, я не мог ничего видеть. Я стал пробираться ползком и полз до тех пор, пока не наткнулся головой на противотанковое заграждение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Куда Вы пошли в эту ночь ?

КЕМПКА. Затем я сначала пережидал некоторое время там, а потом простился с моими воспитателями. Там их было несколько. Затем я находился в руинах Берлина. На следующий же день я выбрался из Берлина.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Где Вы были захвачены в плен ?

КЕМПКА. Я был захвачен в Плен в Берхтесгадене.

Г-н БИДДЛ. На каком расстоянии Вы находились от танка, когда он взорвался ?

КЕМПКА. Я считаю, что на расстоянии 3-4 метров.

БИДДЛ. А на каком расстоянии от этого танка находился Борман во время взрыва ?

КЕМПКА. Я предполагаю, что он держался одной рукой за танк.

БИДДЛ. Вы говорите: "Я предполагаю". Скажите, Вы видели его или нет ?

КЕМПКА. Я его не видел непосредственно у танка. Чтобы успеть за танком, я также держался за него.

БИДДЛ. Вы видели непосредственно перед взрывом, что Борман пытался влезть в танк ?

14952

H1209 – 0276

H1209 - 0277

КЕМПКА. Нет, не видел. Я не видел, чтобы Борман пытался взобраться в танк.

БИДДЛ. За сколько времени до взрыва Вы видели Бормана?

КЕМПКА. Все это произошло очень быстро. В то время, как я еще беседовал с Борманом, прибыли танки. После этого мы начали пробираться через противотанковые заграждения. В 30-40 метрах за полосой заграждений в танк попал снаряд.

БИДДЛ. Что Вы называете "очень быстро" ?

КЕМПКА. Разговор мой с ним продолжался несколько минут, возможно.

БИДДЛ. Сколько времени прошло между этими разговорами и взрывом ?

КЕМПКА. Я не могу точно сказать, сколько прошло времени. Возможно меньше, чем четверть часа, или полчаса, точно я не могу сказать.

БИДДЛ. А до этого Вы были в имперской канцелярии ?

КЕМПКА. Вечером, около 9 часов, я вышел из имперской канцелярии.

БИДДЛ. Вы рассказывали об этом еще кому-нибудь ?

КЕМПКА. Меня несколько раз допрашивали по этому поводу, и я давал такие же показания.

БИДДЛ. Кто Вас допрашивал ? Офицеры ?

КЕМПКА. Да.

БИДДЛ. Какой армии, какой национальности ?

КЕМПКА. Меня допрашивало несколько офицеров американской армии, в первый раз в Берхтесгадене, во второй раз - во Фрейзинге и в третий раз - в Оберурзеле.

/К микрофону подходит представитель обвинения США Додд./.

ДОДД. Есть два вопроса, которые возникли у меня в результате допроса, произведенного Трибуналом, и которые я

хотел бы задать свидетелю, если это мне будет позволено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Пожалуйста.

ДОДД. Вы были вместе с Борманом в 9 часов вечера в убежище рейхсканцелярии, не так ли ?

КЕМПКА. Да. Около 9 часов я его видел в последний раз. Когда я прощался с доктором Геббельсом, я также видел в бомбоубежище Бормана. В следующий раз я его увидел ночью, между 2 или 3 часами.

ДОДД. Может быть, Вы и сказали так, но я не слышал. Где Вы его увидели в 2 или 3 часа ночи по того, как Вы вместе с ним пошли вслед за танками ?

КЕМПКА. Я увидел его в районе вокзала на Фридрихштрассе между 2-3 часами ночи, а до этого я видел его около 9 часов в имперской канцелярии.

ДОДД. Я знаю. Но разве у Вас с Борманом не было никакого разговора о том, как выбраться из Берлина, когда Вы ушли из убежища в имперской канцелярии в 9 часов вечера ?

КЕМПКА. Я получил приказ от тогдашнего бригаденфюрера Мильонке. Я не получал больше приказов непосредственно от рейхсляйтера Бормана.

ДОДД. Я не спрашиваю Вас о приказах. Я спрашиваю Вас, беседовали ли Вы с Борманом о том, как Вы выберетесь из Берлина. Было 9 часов вечера и положение становилось отчаянным. Вы разве не беседовали о том, как Вы выберетесь из Берлина ? Вас было там лишь несколько человек.

КЕМПКА. Нет, нас было больше. Всего нас было около 400-500 человек в имперской канцелярии. Эти 400-500 человек были разделены на несколько групп, которые поодиночке выходили из

14954

H1209 – 0278

H1209 – 0279

имперской канцелярии.

ДОДД. Я знаю, что в имперской канцелярии могло быть столько людей. Я говорю об убежище, в котором Вы находились, Вы ведь уже давали об этом показания, Вы говорили, что Гитлер умер точно так же, как и Борман. А раз Вы это знаете, то Вы сами должны были находиться в убежище.

КЕМПКА. Я уже давал показания относительно этого.

ДОДД. Я хочу выяснить, разве Вы и Борман и другие присутствовавшие не говорили о том, как Вам выбраться из Берлина в эту ночь до того, как Вы вышли из убежища?

КЕМПКА. Нет, с рейхслейтером Борманом я не говорил по этому поводу. Мы только имели приказ, в котором говорилось, что в том случае, если нам удастся выбраться из Берлина, мы должны прибыть в Мербеллин. Там имеются боевые части, к которым мы должны присоединиться.

ДОДД. Вы являетесь единственным человеком, который может дать показания о том, что Борман погиб и что Гитлер умер, не так ли ? По крайней мере, насколько это Вам известно ?

КЕМПКА. Я могу сказать, что Гитлер умер. Он умер 30-го апреля между 2 и 3 часами после полудня.

ДОДД. Я знаю, но ведь Вы же не видели, как он умер ? Не так ли ?

КЕМПКА. Нет, не видел.

ДОДД. Вы заявили следователю, что Вам кажется, что Вы вынесли его тело из убежища и подожгли его. Разве не Вы это сказали ?

КЕМПКА. Я вынес жену Адольфа Гитлера. Но я видел, как Адольф Гитлер лежал в кровати, завернутый в покрывало.

ДОДД. Вы видели действительно Гитлера ?

КЕМПКА. Нет, я его самого не видел, я видел покрывало, в которое он был завернут, оно было короткое и я видел лишь его ноги, которые выглядывали из-под него.

ДОДД. Хорошо.

Мне кажется, что мне нет необходимости продолжать допрос, г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо.

БЕРГОЛЬД. У меня также нет больше вопросов к этому свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетель может удалиться.

БЕРГОЛЬД. Высокий суд! Здесь, в суде, находится также свидетель Валькенхорст. Мне кажется, между Высоким судом и мной возникло недоразумение. Я в субботу заявил, что я не хочу никого вызывать, кроме свидетеля Кемпка. Я категорически отказываюсь от свидетеля Валькенхорста.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Прежде всего, о чем Вы намеревались его спрашивать ?

БЕРГОЛЬД. Первоначально я ходатайствовал о его вызове для того, чтобы он мог послужить заменой ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У нас есть Ваше ходатайство.

БЕРГОЛЬД. После моей беседы со свидетелем Клопфером, от которого я также отказался, я решил отказаться и от свидетеля Валькенхорста, так как его показания мне кажутся недостаточно компетентными.

Таким образом, пред"явление мною доказательств по делу подсудимого Бормана закончено. Мне лишь осталось представить дополнительно два документа. Высокий Суд удовлетворил мое ходатайство относительно пред"явления этих документов.

14956

H1209 – 0280

H1209 – 0281

Я имею в виду декрет, предписывавший прекратить мероприятия, направленные против церкви, и распоряжение Бормана от 1944 года, в котором он запрещал сотрудникам своей канцелярии быть членами СД. Оба эти документа я еще не получил, когда я их получу, я пред"явлю их суду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо. Доктор Сервациус, у Вас есть какие-то вопросы к этому свидетелю или Вы хотели получить от него какие-то письменные показания. Не так ли ?

СЕРВАЦИУС. У меня имеются письменные показания свидетеля Вальхенхорста, в которых он коротко сообщает о телефонном разговоре, который состоялся у Заукеля, в связи с эвакуацией лагеря Бухенвальд. Заукелю инкриминируется то, что он издал приказ об эвакуации лагеря Бухенвальд при приближении американских войск. Свидетеля Вальхенхорста случайно удалось найти. Оказалось, что он по странному стечению обстоятельств был тем самым человеком, с которым Заукель как раз и говорил по телефону. Свидетель подтвердил в своих письменных показаниях, что Заукель требовал передачи лагеря Бухенвальда американской армии в соответствии с установленным порядком. Вот все, о чем я хочу спросить свидетеля. Но я могу также пред"явить суду его письменные показания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хочет ли обвинение, чтобы свидетель был вызван в суд лично или оно удовлетворится представлением его письменных показаний.

СЕРВАЦИУС. Для меня вполне достаточно ограничиться предъявлением его письменных показаний.

/К микрофону подходит представитель британского Обвинения полковник Филимор./.

ФИЛИМОР. Обвинение удовлетворится письменными показаниями этого свидетеля.

СЕРВАТИУС. Я представляю в таком случае его письменные показания. Номер, под которым я передаю это доказательство суду, я сообщу в общем списке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Есть еще один вопрос, на который я хочу обратить внимание защиты. Трибунал получил сведения относительно об"ема речей некоторых защитников, которые были переданы для перевода. Так, в частности, по делу подсудимого Кейтеля и по делу подсудимого Йодля речи, переданные для перевода, оказались гораздо пространнее, чем ожидал Трибунал, и поэтому совершенно невозможно произнести эти речи в течение одного дня. Я попрошу защитника подсудимого Кейтеля об"яснить Трибуналу, почему его речь так пространна и какие шаги он предпринял для того, чтобы сократить ее ?

НЕЛЬТЕ. Господин председатель, сегодня я передал суду письмо, которое, как мне кажется, еще не поступило в распоряжение суда. В этом письме я просил суд увеличить количество времени для выступления с защитительной речью по делу Кейтеля. Как известно, для отдельных подсудимых, дело которых довольно велико по об"ему, было отведено по одному дню заседания. Когда я по желанию суда заявил, сколько времени потребуется для произнесения моей защитительной речи, ее текст уже был мною составлен. Для оглашения текста потребуется около семи часов. Текст был передан мною в таком же виде в отдел переводов, так как больше не было возможности вносить какие-либо изменения. Я передал первую часть в прошедшую среду, а вторую часть передал в субботу утром. Если Трибунал, согласно его определению, предоставит мне, как максимум, один день, т.-е. пять с половиной

14958

H1209 – 0282

часов, для произнесения речи, и ни в коем случае не захочет сделать исключения по делу подсудимого Кейтеля, которое является особенно сложным, то я буду вынужден не оглашать некоторых частей текста и передать их лишь в письменном виде. Возможно ли это - следует решить Трибуналу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Нельте, Трибунал исходит из того, что, когда Вас спрашивали, сколько времени займет Ваша речь, Вы ответили, как я помню, что она займет примерно семь часов. Правильно?

НЕЛЬТЕ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Согласно подсчету, произведенному для Трибунала, речь, которую Вы передали для перевода, должна занять примерно 13 часов, т.-е. почти в два раза больше, чем Вы сами здесь заявили. Она, примерно, в два раза больше, чем речь, которая была представлена защитником подсудимого Риббентропа, чье дело, примерно, так же велико по об"ему, если не так же важно, как дело Вашего подзащитного. Трибунал считает, что неразумно представлять речь, которая займет, примерно, в два раза больше времени, чем Вы сами потребовали. Речь, которую Вы представили, почти в два раза длиннее речи, которая была представлена защитником подсудимого Геринга.

НЕЛЬТЕ. Я не могу, конечно, знать, какими соображениями руководствовались защитники рейхсмаршала Геринга или министра иностранных дел фон Риббентропа. Я же могу руководствоваться только своим долгом и своей точкой зрения в этом вопросе. Я заверяю, что я эту речь ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Быть может, это действительно лишь сравнение. Но Вы ведь сами сказали, что речь займет семь часов, а теперь Вы представляете речь, которая, возможно, займет

H1209 - 0283

H1209 – 0284

13 часов.

НЕЛЬТЕ. Я полагаю, господин председатель, что я произнесу эту речь за семь часов, если мне будут предоставлены семь часов для ее произнесения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал очень внимательно рассмотрел этот вопрос, как Вам известно, и заявил, что каждая речь должна быть произнесена не более, чем в течение одного дня. И даже в этом случае потребуется довольно значительное время для произнесения речей всеми защитниками.

НЕЛЬТЕ. Господин председатель! Я жду Вашего решения. Если меня ограничат одним днем, то я при произнесении исключу некоторые части из текста моей речи. В этом случае я должен просить суд о том, чтобы остальная часть, которая изложена в полном тексте, была бы принята судом к сведению. То, что я изложил в этой речи, кажется мне минимумом того, что необходимо сказать по данному важному делу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Нельте, мы рассмотрим Ваше ходатайство о том, чтобы Вам разрешили представить суду ту часть Вашей речи, которую Вы здесь не произносите, и мы оповестим защитников, каково будет решение Трибунала по этому вопросу.

Доктор Зимерс, Трибунал получил полный отчет о том, с каким трудом секретариат нашел или пытался найти свидетеля Шульце, Отто Шульце, которого Вы впервые просили вызвать, как мне кажется, в феврале этого года. Трибунал хотел бы знать, какие шаги в то же время предприняли Вы, чтобы разыскать этого свидетеля ?

ЗИМЕРС. Мне кажется, господин председатель, что свидетеля незачем разыскивать. Известно, что он живет в Гамбурге, Бланкенезе. Я неоднократно сообщал этот адрес генераль-

ному секретарю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы знали, какие меры предпринимаются по данному вопросу Генеральным секретариатом. Вы также знали, что этого свидетеля нельзя было отыскать по указанному адресу. Вы знали, что в Вашингтон были отправлены опросные листы, потому что генеральному секретариату сообщили, что свидетель туда перевезен, и в то же время, как нам сообщили, Вы сами находились в Гамбурге.

ЗИМЕРС. То, что опросный лист был послан в Вашингтон, я узнал лишь в пятницу, после своего возвращения из Гамбурга. Я лично не предполагал, что могло возникнуть такое недоразумение. Как оно возникло, я, к сожалению, также не знаю. Я далек от мысли делать какие-нибудь упреки. Я лишь просил, чтобы в том случае, если этот документ поступит, суд разрешил бы мне предъявить его тогда. Сегодня, однако, я еще не могу предъявить этого документа. Я вновь неоднократно сообщил генеральному секретарю адреса, но, кроме этого адреса в Гамбурге, я также ничего не знаю. По моему, адмирал Шульце/не находится в плену. Возможно, однако, что во время моего отсутствия возникло какое-либо недоразумение. Я сам, однако, узнал об этом впервые в пятницу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не могу понять, почему в течение всех этих месяцев, когда Вы были здесь и имели полную возможность видеться с генеральным секретарем, несмотря на всю помощь, которую Вы и другие защитники получали от Генерального секретариата, Вы не хотели помочь генеральному секретарю отыскать этого свидетеля. Это все.

Сейчас мы об"явим перерыв.

/Об"является перерыв до 4 июля 10.00/

ВЖ
ТН

14961

H1209-0285

H1209 – 0286

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 4 июля 1946 года

/ Утреннее заседание/

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Заутер!

ЗАУТЕР. Пожалуйста, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал получил Ваше письмо от 17 июня этого года, подписанное подсудимым Вальтером Функом.

ЗАУТЕР: Так.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал собирается принять его к сведению; если Вы его огласите, оно войдет в протокол.

ЗАУТЕР. Господин председатель, у меня сейчас с собой нет письма.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал желает,чтобы Вы зачитали это письмо в два часа.

ЗАУТЕР. Хорошо, господин председатель, благодарю Вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. То же самое относится и к письму доктора Экснера от 28 июня 1946 г. от имени подсудимого Иодля. Только Трибунал полагает, что это письмо также должно быть подписано подсудимым и зачитано здесь доктором Экснером в 2 часа.

Прошу Вас, доктор Ярайс!

ЯРАЙС. Господин председатель, господа судьи! Большим принципиальным правовым вопросом на данном процессе является вопрос о войне, запрещенной нормами международного права, вопрос о нарушении мира, как о величайшем преступлении против мирового порядка.

Он оставляет в тени ~~все~~ остальные правовые вопросы.

Четыре главных обвинителя в своих вступительных речах рассматривали эту проблему то как центральную проблему своих выступлений, то как отправную точку, причем имелись различия в ее трактовке.

14962

H1209 - 0287

Теперь этот вопрос должна рассмотреть защита. Защитники попросили меня об этом. Однако за каждым из защитников оставлено право останавливаться в своей речи на вопросе о нарушении мира в зависимости от того, в какой степени он сочтет это необходимым после моей речи.

У меня есть основание полагать, что эта возможность будет использована только в том отношении, что осуществится намерение защитников значительно упростить с технической точки зрения начинающуюся моей речью новую стадию процесса.

Я здесь рассматривал только правовой вопрос, а не дал оценку процедуре предъявления доказательств, продолжавшейся много месяцев. Я рассматривал только вопрос о действующих правовых нормах, а не о правовых нормах, которые могут или должны устанавливаться на основании требований морали или человеческого прогресса.

Передо мной стоит чисто научная задача. Наука не требует ничего, кроме истины, сознавая, что ее цель никогда не может быть окончательно достигнута. Путь ее поэтому бесконечен.

Я благодарен г-ну генеральному секретарю Трибунала за то, что он предоставил в мое распоряжение наиболее значительные документы и очень важные литературные источники. Без этой рыцарской помощи, при существующих в настоящее время в Германии условиях, моя работа была бы невыполнимой. Среди литературных источников, которые были мне доступны, превалировали американские. После изучения богатой французской и английской специальной литературы, которой я занимался в течение последней четверти века /русского языка я, к сожалению, не знаю/, - мне кажется, что я все же могу утверждать, что я не пропущу ни одной важной мысли, так как ни в какой другой стране мира дискуссия по рассматриваемому нами вопросу, который стал, собственно говоря, главным общечеловеческим вопросом, не велась более широко и принципиально, чем в Соединенных Штатах. Этот факт также дал мне возможность отказаться от использования научной литературы, изданной в бывшей сфере германского влияния. Таким образом, я

14963

достигав того, что не создается даже внешнего впечатления о развитии аргументации "pro domo" /про домо/.

При том незначительном времени, которое предоставлено мне для речи, и, с другой стороны, при обилии и сложности проблем, которые я должен рассмотреть, невозможно оглашать здесь документы и цитаты из литературных источников, которые я использую. Я оглашу лишь отдельные предложения. Другой порядок изложения также помешал бы аудитории следить за ходом рассуждений. Вследствие этого я передам суду в приложениях к моей речи по правовым вопросам документы и библиографические перечни. Таким образом, то, что я буду излагать, можно будет быстро сверить в течение сегодняшнего, завтрашнего и послезавтрашнего дня.

Устав предусматривает наказания для отдельных лиц, виновных в нарушении мира между государствами.

Суд рассматривает Устав, так по крайней мере кажется, как нерушимый фундамент для всех рассуждений правового характера. Это означает, что суд не рассматривает вопроса о том, может ли быть подвергнут сомнению с юридической точки зрения весь Устав вцелом или его отдельные положения. Однако этот вопрос, тем не менее, продолжает существовать. Если это так,—зачем тогда здесь вообще дискутировать по принципиальным правовым вопросам.

Главный обвинитель от Великобритании сделал даже центральной задачей своей большой речи проверку того, в каком соответствии находится Устав по рассматриваемому нами вопросу с действующими нормами международного права. Он оправдывал необходимость своего выступления тем, что задачей данного процесса является служить человечеству. Эту же задачу процесс смог бы выполнить только в том случае, если бы Устав оказался состоятельным при сравнении с нормами международного права, т.е. если бы наказуемость отдельных лиц, виновных в нарушении мира между государствами, была бы обоснована в существующих нормах международного права.

14964

H1209 – 0288

H1209 – 0289

Действительно, необходимо выяснить, являются ли некоторые положения Устава новыми нормами права и, следовательно, обладают ли они обратной силой.

Такое исследование здесь производится не для того, чтобы сэкономить труд ученым историкам. Они проверят также, как и все положения, выработанные на данном процессе, и данное положение согласно правилам свободной науки, возможно, путем многолетнего труда и, во всяком случае, без ограничений в постановке вопросов, но, по возможности, на основании несравненно большего количества материалов: документов и доказательств.

Такое исследование необходимо просто вследствие того, что от него зависит, или может зависеть, решение - справедливо обвинение или нет, а именно, в том случае, если считать Устав с правовой точки зрения непреложным.

Допустим, например, что дело обстояло бы так: Устав формулировал бы не уже действующие нормы права, а устанавливал бы новые нормы права.

Какое это имеет значение для формулировки приговора?

Разве это не важно для вопроса о виновности?

Возможно, что изданный позже закон, который, например, рассматривает агрессивную войну как преступление, еще не установился и даже не был подготовлен в человеческом сознании долга в момент совершения данного преступления. В этом случае подсудимый ведь никак не может быть виновным в том смысле, что он сознавал, что своими действиями он нарушает правовые нормы, он не может быть виновным ни перед самим собой, ни перед другими.

Или, возможно, что новые правовые нормы были опубликованы в тот момент, когда как раз формировалось новое сознание долга, но оно было еще неясным и не общезначительным. В этом случае возможно, что подсудимый виновен, однако, не в том смысле, что он сознавал, что своими действиями он нарушает свой долг.

14965

Во всяком случае, с точки зрения континентально-европей - ской правовой мысли недостаточное сознание незаконности является обстоятельством, которое суд должен учесть.

Вопрос о том, являются ли содержащиеся в Уставе уголовно-правовые нормы новыми нормами, не представляет трудности, если положения Устава недвусмысленны и состояние норм международного права до этого периода является бесспорным.

Но как поступить, если мы имеем дело с положениями, ко - торые могут быть истолкованы различно, или если трактовка норм международного права является предметом дискуссии.

Предположим первое. Одно положение Устава может быть истолковано различно и поэтому требует интерпретации. Согласно первому истолкованию, которое можно обосновать, это положение является законом "ex-post-facto" /экс-пост факто/; согласно другому истолкованию, которое можно обосновать не менее убедительно, оно не является таковым.

Допустим второе. Положение ясно или разъяснено благодаря определению суда, однако, международное право, как наука, не придерживается единого мнения относительно состояния правовых норм в рассматриваемый период; нельзя с уверенностью сказать, что мы имеем дело не с законом "ex-post-facto". /экс-пост факто/

В обоих случаях следует заслушать подсудимого для того, чтобы он мог показать, что он не сознавал, что своими действиями он нарушал правовые нормы.

Я хочу ясно показать, как необходимы эти соображения для данного процесса.

Теперь я перехожу к исследованию.

Отправные пункты главных обвинителей от Великобритании и Франции принципиально различны.

Главный обвинитель от Великобритании, если я его правильно понял, аргументировал следующим образом:

1. Свободное право ведения войны государствами было частично ликвидировано: пактом Лиги Наций, а позже было в принципе

14966

H1209 – 0290

H1209-0291

ликвидировано пактом Бриана - Келлога, который и в настоящий момент представляет собой неизменно существующую основу мирного порядка в мире. Запрещенная, согласно этому пакту, война является наказуемым нарушением норм права в сообществе государств и по отношению к нему. Должно подвергаться наказанию и отдельное лицо, несущее ответственность за эти действия.

2/ Обвинение отдельных лиц в нарушении мира, хотя и является нововведением, но не таким, которое выдвигается только на основании требований морали; оно давно уже стало необходимым из хода длительного развития права, оно является даже логическим выводом из нового состояния права. Таким образом, существует только видимость того, что Устав создает новые правовые нормы.

И, если я правильно понял главного обвинителя от Великобритании, он имеет в виду следующее.

Со времени заключения Парижского пакта в рассматриваемом нами вопросе существует ясный правопорядок, опирающийся на единые правовые убеждения во всем мире.

Начиная с 1927 года, Соединенные Штаты вели сначала переговоры с Францией, затем с остальными великими державами, кроме Советского Союза, и некоторыми невеликими державами, о заключении договора, который должен был бы раз навсегда освободить мир от ужасов войны. То, к чему стремилось правительство Вашингтона, государственный секретарь Келлог изложил с достойной почитания ясностью. А именно:

Державы должны отказаться от войны, как средства национальной политики, причем без всяких юридических формулировок, а в направленном на практические мероприятия духе, ясно и просто, недвусмысленно и неограниченно, без каких бы то ни было оговорок. Иначе нельзя достичь того, к чему мы стремимся.

Изжить войны, как явление, упразднить как понятие международного права.

Когда переговоры были закончены, Аристид Бриан, другой из этих двух государственных деятелей, по инициативе которых

14912

был создан пакт, широко известний в Германии под именем пакта, объявляющего войну вне закона, заявил при подписании пакта в Париже: "С незапамятных времен ведение такой войны считалось проявлением божественного права и в международной этике занимало место, подобающее ему, согласно прерогативам суверенитета. Теперь, наконец, такая война лишена, в соответствии с правовыми нормами, того, что составляло ее наибольшую опасность: законности. Отныне она объявляется незаконной и изгоняется из области права на основании пакта."

Согласно убеждениям обоих руководящих государственних деятелей, Парижский пакт означал коренной переворот в мировом порядке, если все, или почти все государства мира, в особенности же все великие державы, подписали бы договор или позже присоединились бы к нему, что затем и произошло. Переворот заключался в следующем: до пакта Бриана-Келлога война являлась категорией международного права. После подписания пакта Бриана-Келлога война стала величайшим преступлением против норм международного права.

"Такая война, ведение которой прежде считалось священным правом, рассматривавшаяся с точки зрения норм международной этики, как одна из прерогатив суверенитета, наконец, была юридически лишена того, что составляло главную ее опасность - законности.

Отныне, после того, как она будет провозглашена незаконной, она определяется положениями пакта, который поистине ставит ее вне закона.

Это мнение разделялось многими политическими деятелями и ученными во всем мире. Оно является решающей принципиальной установкой замечательного комментария к статуту Лиги Наций, с помощью которого Жан Рэ оказал влияние, распространившееся далеко за пределы Франции, на последователей идеи предотвращения войны в теории и практике.

Оно является также принципиальной установкой нюрнбергского обвинения.

14918

H1209 - 0292

H1209 – 0293

Дипломатия и теория международного права после первой мировой войны, а именно после неожиданно быстро преодоленной секунды страха, снова стали на старые рельсы, к ужасу всех тех, кто хотел извлечь выводы из катастрофы.

Человечество тогда имело перед собой "великое видение мира во всем мире", как выразился сенатор Брус во время обсуждения в сенате предложения о ратификации Парижского пакта. Я помню, как много споров велось о личности и достижениях Вудро Вильсона.

Но чем больше проходит времени, тем яснее становится, что он, счастливо используя свои труды и труды других авторов, в конце концов, пришел к выводам, которые можно назвать по меньшей мере гениальными; он сообщил их современному ему человечеству и они сегодня также правильны, как и тогда; их лучше всего можно сформулировать следующим образом: необходимо начать сначала; трагическая цель войн и перемирий, которые называются миром, должна быть порвана.

Человечество должно, наконец, увидеть и принять решение о том, чтобы перевести войну, согласно существующим нормам права, не обращая внимания на победу и поражение, на рельсы настоящего, а именно внутренне справедливого мира. И этот внутренне справедливый мир должен быть сохранен путем организации сообщества государств, причем прочно сохранен.

Это сохранение и сохранение прочного мира возможно только в том случае, если будут предусмотрительно устранены наиболее частые причины войны, а именно чрезмерное вооружение, тайные соглашения и безжизненно окостенелые конструкции "статус-кво", созданные в результате того, что их соответствующий властелин не видел перспективы.

Человечество не пошло по этому пути. И не следует удивляться тому, что среди тех, которые в лагере побежденных или победителей боролись против инструментов Версаля, Сен-Жермена, Трианона и Севра, находились как раз и те, кто стремился к настоящему прочному миру. Когда правительства Южно-Африканского Союза и

11969

Канады в своих ответах государственному секретарю Хэллу на его принципы сохранения мира от 16 июля 1937 года в необычно резкой форме объявили изменение навязанных им несправедливых договоров необходимой предпосылкой для установления подлинного мира во всем мире, то они следовали одному из основных принципов великого американского президента.

Человечество не последовало за Вильсоном. Для членов Лиги Наций война также осталась запрещенной только в отдельных случаях, вцелом же, таким образом, нормальным средством урегулирования споров. Так говорил еще в 1930 году Жан Рэ. Лига Наций оказалась неспособной быть руководителем на пути в новый мирный порядок. Она не оказалась даже достаточным тормозом против окончательного возвращения к прежнему состоянию, так как в действительности мир окончательно вернулся в прежнее состояние.

Это и есть факт, имеющий решающее значение в рассматриваемом нами вопросе.

До начала второй мировой войны вся система коллективной безопасности, даже в том зачаточном состоянии, которое тогда было достигнуто, распалась, и этот распад был признан, он был декларирован в категорической форме или путем недвусмысленных действий тремя мировыми державами, имевшими на это полное право.

Великобритания в начале войны заняла в этой связи ясную позицию по отношению к Лиге Наций. Я это сейчас покажу. Советский Союз рассматривал германо-польский конфликт просто, согласно нормам классического международного права о "дебеляции".

Это я скоро докажу.

Соединенные Штаты заявили о строгом нейтралитете. На значении этого заявления я затем остановлюсь.

О системе коллективной безопасности велось много споров. Не может быть безразличным для вопроса, который и на данном процессе является основным вопросом мирового правового сознания, что эта система казалась такому выдающемуся специалисту по международному праву, как американцу Эдвину Горхарду в 1938 году,

14970

H1209-0294

H1209 – 0295

справедливо или нет, враждебной миру; он называл ее детищем истерии нашего века.

Этот распад мог иметь много причин; одно ясно: распад, окончательный распад был признан упомянутыми тремя мировыми державами в начале сентября 1939 года, причем не как следствие германо-польской войны.

1/. 7 сентября 1939 года английское министерство иностранных дел заявило генеральному секретарю Лиги Наций:

"Британское правительство 5 февраля 1930 года взяло на себя обязательство принимать участие в рассмотрении всех жалоб, направленных против Англии в постоянный международный третейский суд в Гааге, таким образом, и тех жалоб, которые могут предъявить другие государства относительно действий Англии во время войны, которые, по мнению подателей жалоб, являлись нарушением международного права. Британское правительство приняло эту процедуру, так как оно полагало, что институт коллективной безопасности, созданный статутом Лиги Наций и Парижским пактом, будет функционировать, так как, если бы это имело место, то коллизии между Англией и теми государствами, которые остались верными механизму безопасности, вообще не могло бы возникнуть на основании действий британской морской державы, поскольку Англия, естественно, не могла вести запрещенных войн, а ее противник являлся бы агрессором. Однако доверие английского правительства не было оправдано.

Со времени заседаний ассамблеи Лиги Наций в 1938 году не могло быть больше сомнений в том, что механизм безопасности не будет функционировать; было ясно, что он фактически окончательно распался; ряд членов Лиги еще перед началом войны объявил о своем строгом нейтралитете.

"Весь механизм, который должен был поддерживать мир, развалился".

Я в дальнейшем еще покажу, как право было английское правительство, делая свое заявление.

14971

Кроме того, английский премьер-министрт Невиль Чемберлен уже 22 февраля 1938 года, таким образом, перед так называемом "аншлюссом" Австрии, заявил в палате общин о полной несостоя - тельности системы коллективной безопасности. Он говорил: " Во время последних выборов еще можно было надеяться, что Лига Наций обеспечит коллективную безопасность. Я также в это верил. Теперь я больше в это не верю. Более того, если я прав, а я глубоко уверен в том, что я прав в своем утверждении, что Лига Наций в данных условиях неспособна обеспечить кому-либо коллективную безопасность, то я скажу, что нам не следовало пытаться об - мануть самих себя, и - это еще важнее - мы не должны были пыта - ться обмануть малые слабые государства в их надежде, что Лига Наций защитит их от нападения, и мы также не должны были пытаться обманывать этих последних в связи с их действиями. Мы же знаем, что на это нечего было расчитывать".

Женевская Лига Наций была "нейтрализована", как выразился позже Ноэль Бэкер в Палате Общин.

Если учесть правильное утверждение английского правительства в его ноте Лиге Наций от 7-го сентября 1939 года, то не будет удивительным, что Советский Союз рассматривал германо-поль - ский конфликт по старым правилам борьбы между государствами. В Германо-Советском договоре о границах и дружбе от 28 сентября 1939 г. и в совместном коммюнике обоих правительств, опублико - ванном в тот же день, Московское правительство стоит на точке зрения "дебеляции" Польши, т.е. исключения правительства и армии Польши.

Здесь нет ни слова о Парижском пакте или Статуте Лиги Наций. Советский Союз принимает к сведению устранение польского государственного аппарата военным путем и делает из этого выво - ды, которые ему кажутся правильными, соглашаясь с имперским правительством, что новое урегулирование положения является исклю - чительно делом обоих государств.

14972

H1209 - 0296

H1209 - 0297

Поэтому было вполне последовательным то, что Советский Союз во время конфликта с Финляндией зимой 1939-1940 г.г. стал на почву классического международного права. Он оставил без внимания реакцию Лиги Наций, когда она, даже не рассмотрев возможности применения механизма санкций, создав лишь видимость применения статьи Статута, которая имела совсем другой смысл, констатировала, что Советский Союз сам исключил себя, как агрессора, из Лиги. Доклад Швейцарского Совета Лиги Ассамблее Лиги Наций от 30.I-1940 г. пытается сохранить престиж Лиги Наций, исключенной из политической действительности.

5 сентября 1939 года президент Соединенных Штатов констатировал, что отдельные государства, с которыми Соединенные Штаты живут в мире и дружбе, находятся в состоянии войны друг с другом: Германия, с одной стороны, Англия, Франция, Польша, Индия и два Британских доминиона, - с другой стороны. Все в Соединенных Штатах обязаны соблюдать самым строжайшим образом положения нейтралитета.

В Соединенных Штатах со времени предварительных переговоров знали, что Европа, и в особенности Англия и Франция, усматривали главную ценность пакта, объявлявшего войну вне закона, в том, что Соединенные Штаты перейдут к действиям в серьезном случае.

Британский министр иностранных дел заявил об этом 30 июля 1938 года, т.е. за 4 недели до подписания пакта. При обсуждении вопроса о ратификации договора в Американском Совете сенатор МОЗЕС обратил особое внимание на это обстоятельство.

Сенатор Ворах заверил в те дни, что совершенно нельзя себе представить, что Соединенные Штаты ограничатся спокойным созерцанием событий. После дискредитирующих неудач политики коллективной безопасности в случаях с Манчжурией и Абиссинией мир воспринял ставшую знаменитой речь "о карантине" президента

14993

Франклина Рузвельта от 5 октября 1937 года и его предостережения "держите Гитлера" до и после Мюнхена, как заявление о том, что Соединенные Штаты при следующем подобном случае начнут действовать. Объявление нейтралитета от 5 сентября 1939 года могло означать лишь следующее: Соединенные Штаты, точно также, как и Англия и Советский Союз, воспринимают крах системы коллективной безопасности как совершившийся факт.

Объявление нейтралитета рассматривалось как смертельный удар по этой системе. Вашингтонское правительство могло бы отклонить такое обвинение, как несправедливое. Ведь система была мертва уже в течение нескольких лет, если вообще верить, что она когда-то действительно существовала. Но что она теперь уже не существует,—многие удостоверились впервые тогда, когда на нее пал яркий свет от объявления нейтралитета со стороны Америки.

Еще задолго до 1 сентября 1939 года сложилось определенное мнение относительно различных попыток, предпринимавшихся со времени 1-й мировой войны, для того, чтобы заменить "анархический мировой порядок" по классическому международному праву лучшим порядком, поистине мирным порядком, т.е. создать в сообществе государств общее урегулирование, по которому существуют запрещенные и незапрещенные с правовой точки зрения войны. По оценке крупнейших держав того времени эти попытки потерпели крах. Крупнейшие военные державы мира столкнулись друг с другом в борьбе, напрягая при этом все свои силы.

Для сторонников исторического материализма это явилось второй фазой неумолимо и закономерно развертывавшегося процесса, в котором история развивалась и проходила с суверенным равнодушием мимо дипломатическо-юридических построений.

Большинство юристов - международников констатировало также: в действующем общем международном праве не существует различия между запрещенными и незапрещенными войнами.

14974

H1209 – 0298

H1209 - 0299

В 1942 году Ганс Кельзен после тщательного изучения литературных источников изложил это в своем труде "Закон и мир в международных отношениях".

При этом он сам относится к тому меньшинству, которое хочет признавать правовое различие между справедливыми и несправедливыми войнами. В связи с этим, его утверждение приобретает еще большее значение.

Но теперь мы должны спросить: справедливо ли говорить о крахе системы коллективной безопасности? На основании этого следует предполагать, что такая система когда-то существовала. Можно ли это действительно утверждать? Этот вопрос для настоящего процесса имеет величайшее значение, так как в основу обвинения в нарушении мира кладется существование правового сознания в мировом масштабе.

Перед нами встает трагедия пакта Бриана-Келлога, та трагедия, от которой мы все так постарели, мы все, которые ликовали при заключении пакта, а позднее, после первого периода депрессии, приветствовали доктрину Стимсона как с давних пор нужный и необходимый для достижения подлинного мира шаг, как радостный признак нового подъема.

Как я уже сказал, в 1927 и 1928 гг. Соединенные Штаты имели в виду большую цель, о которой я уже говорил. В Лиге Наций отнеслись к этой проблеме без особого внимания, не использовав всех возможных средств и принеся тем самым делу истинного мирного порядка, может быть, больше вреда, чем пользы. Женевский протокол провалился. Келлог хотел перескочить все трудности, заключавшиеся в проблеме, и сдвинуть мир с мертвой точки с беззаботной решительностью. Опубликованный договор со своими двумя статьями - отказом от войны и обязательством разрешать все вопросы мирным путем, казалось, удовлетворил заветное желание человечества, которое хотело, наконец, совершать акт освобождения.

14975

Однако трудности, которые хотели перескочить, виждятся частично в самой сути дела. И никакие предписания какого-либо законодателя не могут устранить их полностью, так как, если бы даже имелись и вполне недвусмысленные масштабы, кто из людей, которым свойственно ошибаться, должен был бы иметь право решить вопрос в спорном случае? Ведь не существует непогрешимых масштабов даже для определения понятий агрессии и обороны. Это относится как к так называемому политическому понятию агрессии, которое в определенной степени является естественным, так и к одному или нескольким юридическим понятиям агрессии и обороны.

Но эти моменты не составляли единственной трудности, на которую во время предварительных переговоров в связи с пактом французское правительство указывало прямо и косвенно, указывало с полным правом того, кто знает Европу и ее очень древнее историческое наследие так же, как американское правительство знает Америку и ее, такую отличную от других, историю.

Если кто-нибудь и смог бы перепрыгнуть через свою тень, то европейцу это сделать труднее, так как его тень намного больше, чем у других.

Когда мир познакомился с обменом нот во время предварительных переговоров, где говорилось о всех определениях понятий, толкованиях, ограничениях и оговорках, тогда стало очевидно, как глубоко расходились мнения правительств по одному и тому же контексту. При этом увидели со стороны Советского правительства неприкрытую, прямо таки суровую, критику отказа западных держав от разоружения и, таким образом, от необходимой предпосылки для эффективной политики умиротворения, критику неопределенности формулировки договора и, прежде всего, критику знаменитой английской оговорки относительно свободы рук на отдельных территориях мира. Эта оговорка часто называлась британской доктриной Монроэ или доктриной Чемберлена. После этого уже знали, что в действительности за подписями крылось лишь формальное единство и что две державы не понимали полностью одного и

14976

H1209 – 0300

H1209 – 0301

того же под договором. Только по одному пункту имелось полное единство: оборонительная война разрешалась в качестве неотъемлемого права любого государства; без этого права не может быть и суверенитета; каждое государство является единственным судьей в том вопросе, ведет ли оно в каждом отдельном случае оборонительную войну или нет.

Ни одно государство мира не было тогда согласно принять чужое правосудие по тому вопросу, были ли справедливыми или нет его решения в последнем вопросе, имеющем жизненное значение.

В ноте от 25 июня 1928 года ко всем девяти государствам, участвующим заявившим в переговорах, Келлог заявил:

"... Право обороны ... является составной частью всей сущности суверенитета и само собой предполагается в каждом договоре. Каждое государство ... лишь само призвано решить, обстоят ли дела таким образом, что необходимо перейти к войне по соображениям, обусловленным интересами обороны".

Друзья мира были страшно разочарованы. Что мог вообще дать такой договор? Они были слишком правы.

Очень скоро они с еще большим прискорбием услышали о ходе обсуждения в американском сенате. Ратификация, правда, была принята 85 голосами против 1 при небольшом числе воздержавшихся.

Но если даже за подписями договаривающихся государств не крылось делового единства, то его было еще меньше за результатом голосования в сенате той мировой державы, которая руководила как в духовном, так и в формальном отношении.

Обсуждение в сенате, глубокая серьезность и высокий уровень которого оставят его навсегда достойным памяти, показало /несколько сенаторов [illegible] заявило со всей ясностью об этом/, что мнения сенаторов колебались между двумя противоположными полюсами. Для одних договор означал прямо-таки поворотный пункт, для других он не представлял ничего ценного или в лучшем случае лишь слабый или дружест-

74977

венный жест, меткое народное слово, разновидность международного поцелуя, для третьих - плодоносную почву для всех будущих войн, гигантское по своим размерам ханжество, прямо-таки узаконение войн, или даже узаконение британского мирового господства, гарантия несправедливого Версальского "статус-кво" для Франции и Англии. Еще более остро, чем это было сделано в русской ноте, отдельные сенаторы критиковали полную неопределенность положений договора. И, если заявление Келлога о праве на оборону, которое по воле подписавших договор государств составило существенную составную часть пакта, воспринимать дословно, то возникал вопрос: какая же война в таком случае вообще запрещалась?

Было много горьких и иронических ответов в сенате.

С помощью этого парижского пакта, если бы все осталось так, как было при его заключении, не было бы ничего выиграно. По мнению крупного американского международника Филиппа Маршалла Брауна, пакт своей неспособностью неумышленно породил уродство "войны без объявления". Те, которые боролись против Версаля, немцы и не-немцы, так как прогресс был заторможен, и те, которые критиковали Лигу Наций, немцы и не-немцы, так как она больше приносила вреда, чем пользы, воле к прогрессу, - все они в конце августа 1928 года ликвидировали напрасно.

Решающий шаг не был сделан.

И, прежде всего, не было схвачено одно, что само по себе не является достаточным, но является необходимым для создания подлинной гарантии мира. Это одно, по единодушному мнению всех тех, кто считает, что они имеют дело с человеческими людьми, было необходимо, чтобы создать процедуру, с помощью которой государства могут, вопреки воле имущего, изменить ставшее нетерпимым положение, чтобы в жизни был создан, тем самым, необходимый ей клапан, если она не хочет дать волю своим чувствам с помощью взрыва.

Как отдельное государство только лишь при хорошем законодательстве и своевременном приспособлении существующего порядка

H1209 - 0302

к изменившейся жизни может избежать революции /если оно вообще это может сделать/, ~~то~~ это также относится и к сообществу государств. Вильсон думал как раз об этом основном законе, как мы уже видели. С этим считался также один из крупнейших английских международников, один из горячих, безусловных и прогрессивных поклонников парижского пакта, Мак Неар, когда он в 1936 году, наряду с коллективным насилием, требовал коллективного мирного пересмотра ставших опасными положений.

С этим считались также американские международники Борхард и Фенвик в своих предостерегающих описаниях положения в области международного права незадолго до второй мировой войны. Германское имперское правительство в ноте Штреземана американскому послу от 27-го апреля 1928 года, когда оно без всяких оговорок согласилось на предложение Келлога, указало на эту проблему, оставлявшую в тени все остальные.

К проблеме "коллективного пересмотра" и позднее не отнеслись серьезно. Это уже потому неудивительно, что такое устройство, в силу своей внутренней сущности, предполагает, что государства откажутся от своего суверенитета. Возможно ли в наше время думать о таком отказе? Филипп Браун меланхолически заявляет, что в наше время меньше, чем когда-либо. Поэтому подлинный шаг вперед в том вопросе, как можно, основываясь на правовых началах, объявить войну незаконной, был немыслимым.

Правительство Соединенных Штатов и Лига Наций сделали кое-что для того, чтобы удовлетворить, несмотря на эти неразрешимые противоречия, требования народов. Они пытались придать пакту задним числом вполне уловимое содержание и даже некоторую "зубастость". Наука о международном праве дала к этому толчек и произвела исследование. Это мы должны вкратце обрисовать, хотя оно и не увенчалось никаким успехом, потому что как раз здесь следует искать корень мыслей обвинения, если они приводят аргументы не политического и морального, а правового характера.

14929

H1209 – 0303

H1209 – 0304

Во-первых: Парижский пакт в своем запрещении войны неоспоримо исходит из политического понятия агрессии.Но это определение понятия не ясно.Мотуелл и Брайерли,наряду с другими,пытались помочь устранению этого неясного момента, произведя из второй стадии договора,которая выставляет требование разрешить все конфликты мирным путем,юридическое понятие агрессии.Мы можем оставить неразрешенным вопрос о том,можно ли данному пакту придать такое толкование. Практически этим ничего нельзя выиграть,одни трудности лишь заменяются другими.Не меньше имеется и неясностей: полюбовные средства предполагают на обоих сторонах добрую волю; ну, а что же делать,если ее не окажется на одной из сторон?И что следует считать полюбовным средством,а что нет? Русское правительство в своей уже упомянутой ноте от 31-го августа 1928 года в связи с подписанием пакта Бриана-Келлога было право,когда оно подняло этот вопрос.

Затем,другие попытки оказать помощь были направлены на следующее: средствами логики развернуть совершенно неопределенный пакт до абсолютно новой мировой конституции.Эти попытки связаны с именем американского государственного секретаря Стимсона и работой Будапештского конгресса Ассоциации международного права в 1934 году.

Чтобы понять это,следует встать на ту точку зрения, что пакт Келлога действительно принес вполне уловимый,с правовой точки зрения,недвусмысленный и безоговорочный отказ от войны. Тогда уже не существует больше права вести войну по произвольному желанию кого-либо. Ведение войны, вопреки запрету, является нарушением порядка сообщества государств.

14980

Тот-час же перед нами возникает вопрос.

Может ли правовое положение государства, совершившего противозаконный акт агрессии, быть равным с правовым положением незаконно подвергнувшегося агрессии государства?

Если на это отвечают: нет, как, например, влиятельный французский комментатор Устава Лиги Наций Жан Рэ, то не ликвидируются ли тем самым важнейшие элементы классического международного права?

1/ Служит ли для оценки действий государств, воюющих друг против друга, международное право войны, которое исходит из права свободного ведения войны и характера дуэли, присущего войне, и, во всяком случае, из правового равенства ведущих войну?

2/ Может ли нейтралитет вообще существовать в такой войне?

3/ Может ли быть результат войны законным, если агрессор победит? В особенности тогда, когда этот результат втиснут в форму договора? Или сообщество государств должно лишить агрессора плодов побе ды с помощью непризнания? Следует или, может быть, должно состояться совместному вооруженному выступлению государств против агрессора?

Мы констатируем: даже правовая теория не сделала всех выводов. Однако, государственная практика после нескольких попыток разрешить отдельные вопросы, в конце концов, не решила до конца ни один из этих вопросов.

К первому пункту:

Применение международного права войны без учета происхождения войны до сих пор не оспаривалось серьезно ни одним государством. Все возникавшие сомнения устранялись без каких-либо двусмысленностей и кривотолков. Я ссылаюсь на резолюцию № 3 заседания ассамблеи Лиги Наций для от 4 октября 1921 года и на отчет комитета Одиннадцати Лиги Наций для согласования устава с парижским пактом. Государство-агрессор в войне имеет

14981

H1209 – 0305

H1209-0306

те же права и обязанности, что и государство, на которое напали, то-есть все права и обязанности по международному праву войны.

Господин Главный Обвинитель от Франции, кажется, хочет отойти от этой линии, не сделав при этом всех выводов. Но даже и в новейшей практике государств я нигде не замечаю склонности отойти от прежнего пути.

К пункту второму:

пытались отрицать обязанность придерживаться нейтралитета и, в конце концов, приписать право ненейтралитета, даже, больше того, - право ведения войны со стороны незамешанных государств против агрессора. Отдельные государственные деятели и ученые также страстно выступали за об"явление права нейтралитета незаконным, как другие государственные деятели и ученые выступали за его дальнейшее существование, в неизменном виде. Чем яснее становилось,что вся система коллективной безопас--ности в отдельных случаях, которые имели наибольшее значение, оставалась бездейственной, а именно в тех случаях, где следовало выступить против одной великой державы, тем с большей силой добивалась успехов мысль о нейтралитете. Полная дискредитация Лиги Наций и пакта Бриана Келлога в абиссинском конфликте возвратила и здесь классическое международное право вновь на его старое место.

В 1935 году Швейцария заявила о своем неограниченном нейтралитете; Бельгия, Дания, Финляндия, Люксембург, Норвегия, Голландия и Швеция последовали за ней со своим Копенгагенским заявлением от 24 июля 1938 года. Несостоятельность Лиги Наций была причиной, которая была открыто названа.

К третьему пункту:

политика непризнания стремится к следующему: неучаствовавшие в конфликте государства должны держать себя как члены сообщества государств, охраняя порядок этого сообщества госу-

14982

-дарств и отказывая в признании плодов победы государства - победителя, если последнее явилось агрессором. Его положение, основанное на насилии, не должно получить вида положения, зиждящегося на праве. Этим самым данное государство лишится всего, что оно приобрело, и этим самым будет устранено одно из главных средств подстрекательства к войне. Такая политика непризнания сама по себе не является достаточной для гарантии системы коллективной безопасности, но она является необходимой составной частью такого порядка. В этом вопросе никаких споров быть не может. Представитель Бразилии Брага добился заслуг с помощью того, что он на заседании второй ассамблеи в 1921 году предложил такую политику членам Лиги Наций под названием "Общая правовая блокада". Финский представитель Прокопе в 1930 году перед ассамблеей Лиги дал толкование 10-ой статье статута в этом духе. Ноты американского государственного секрета-ря Стимсона от 7 января 1932 года Китаю и Японии заставили откликнуться на эту мысль мировым эхом. Содержание этих нот обычно называют доктриной Стимсона. Лига Наций приняла эту доктрину в качестве резолюции ассамблеи от 11 марта 1932 года. К этой идее вновь возвращаются в пакте Рио-Де-Жанейро от 10 октября 1933 года и в будапештских статьях от 10 сентября 1934г., как к основному пункту. Конфликт между Италией и Абиссинией в 1935 и 36г.г. стал великим пробным камнем, где решался вопрос о том, быть или не быть системе коллективной безопасности. Лига Наций определила своего члена - великую державу-агрессором и вынесла решения об экономических санкциях; она устрашилась, однако, военных мер насилия и мучилась, в конце концов, после победы Италии во время дебатов о процедуре на 18-й ассамблее Лиги над ответом на вопрос, как можно признать открытое предательство своего устава и вычеркнуть своего члена, подвергшегося агрессии, малую страну Абиссинию, из списка живых государств и как признать ее частью Итальянской империи.

14983

H1209 - 0307

H1209 – 0308

Соединенные Штаты также не довели до конца доктрину Стимсона, наоборот, они держались строго нейтрально.

Все это нужно знать, нужно также знать, что английское правительство 20 февраля 1935 года через лорда - хранителя печати виконта Сэнки отклонилось от логических об"яснений вежливо, но весьма определенно, и почтило тем самым старую истину: не из логики происходит то, что законно и справедливо, а из истории. При более позднем случае, когда государственный секретарь Кордуэлл Хелл вручил всем державам 16.7.1937 года изложение американских принципов, португальское правительство предостерегало от "абстрактной и всеобщающей тенденции отдельных юристов", оно предостерегало от поисков единой формулы и от поверхностного изучения исторических событий.

Мы констатируем:

уже по крайней мере за несколько лет до 1939 года в действительной международной жизни государств не существовало никакого эффективного общего урегулирования вопроса о запрещенных войнах с точки зрения международного права.

В сознании руководящих государственных деятелей и народов такого общего урегулирования не существовало.

Вот в чем состоит внутренняя причина того, что во все более и более сильной и широко охватывающей степени вступали на путь специального урегулирования в международном масштабе: два государства, смотря по обстоятельствам, заключали при учете их исторических особенностей договоры с целью обеспечения мира между ними.

Во время второй мировой войны правительство Соединенных Штатов решило помочь Великобритании. Англия могла приобретать эсминцы, позднее ей оказывалась помощь по ленд-лизу. Американская общественность признавала, что сущность этих вспомогательных актов не могла быть совместима с понятием нейтралитета. Одни сожалели об этом обстоятельстве, другие приветствовали его, одни то нападали

H1209 – 0309

на него, то защищали. Сторонники этих мероприятий, прежде всего Стимсон и Кордуэлл Хелл, с полным правом не пытались оправдывать эти мероприятия, как совместимые с нейтралитетом перед американской общественностью. Они, наоборот, даже ссылались на Парижский пакт в его истолковании, которое было дано ему Будапештскими статьями.

Как мы видели, по бесспорно верному мнению виконта Сэнки относительно источников международного права, уже в 1905 году это было бы неверно с правовой точки зрения.

Со времени победы Италии над Абиссинией эти дискуссии велись вне юридической практики. Они служили основанием внутриамериканской полемики и уже только поэтому не могли иметь непосредственного значения для международного права. И если бы даже отдельные государства обменялись мнениями по этому вопросу, то и тогда эти мнения могли бы в лучшем случае послужить основанием для выработки новых норм права. В самом деле, нужно ли утверждать или даже доказавать, что в ходе напряженной борьбы во время подобных дискуссий не могло быть выработано новое право, которое столь тщетно пытались создать в мирное время, изобличая эти попытки как утопические. В этом зале встречаются представители многих, иногда очень разных, теорий права. Это порождает определенные неразрешимые противоречия. Но ни одна теория права нигде на земном шаре и никогда, начиная с древнейших времен и кончая последним временем, не могла и не может допустить аргументаций, которые противостояли бы существу права, как исторически сложившемуся порядку совместной жизни людей. Когда несколько правительств принимает статьи, содержание которых они понимают по-разному, когда потом эти статьи в практической работе этих правительств не находят себе применения — /в этом ничего удивительного нет/, — когда теоретики истолковывают эти статьи, а правительства в своей практической деятельности отвергают эти толкования, открыто заявляя об этом или обходя их молчанием, то тут ничего не поделаешь, если хочешь остаться верен своей задаче,

которая состоит в том, чтобы дать событиям оценку с правовой точки зрения, несмотря на все желание дать эту оценку с политической и моральной точек зрения.

Но, отвлечемся на время от горькой действительности тех лет, которые последовали после итало-абиссинского конфликта. Предположим, что тогда существовал совершенно четкий договор, причем стороны, подписавшие его, приняли его, согласившись по всем пунктам по существу и суб"ективно. Существовала ли тогда в международном праве норма, позволяющая привлекать к ответственности страны, нарушившие этот договор?

Нет.

К ответственности нельзя было бы привлечь государства, не говоря уже об отдельных государственных деятелях.

По существующим нормам международного права, в случае нарушения подобного договора, поступили бы не иначе, ~~чем~~ как в случае нарушения другой нормы международного права. Государство, нарушившее договор, совершило деликт против норм международного права, но не ~~проступок~~ действие, подлежащее наказанию. Иногда, ссылаясь на слова: деликт, международное преступление и наказание за ведение войны, - делали вывод, что на данном процессе рассматривается дело, подпадающее под нормы международного уголовного права. Такие выводы можно сделать, только исходя из неправильных предпосылок. Каждый юрист знает, что всякое незаконное действие может называться деликтом, притом, не только наказуемое. Слово "crime" /преступление/ употребляется не только в юридической области, напротив, оно употребляется в совершенно других областях. Именно в последнем значении оно употребляется на данном процессе. Когда в 1927 году ассамблея Лиги Наций, по предложению Польши, об"явила войну международным преступлением, ~~то~~ польский корреспондент недвусмысленно заявил, что это об"явление, собственно, не

14986

H1209 – 0310

H1209 – 0311

инструмент права, а акт морального и воспитательного значения.

Попытка организации универсальной мировой системы коллективной безопасности, обоснованной юридически, потерпела крах. Это, однако, не означает, что многочисленные двусторонние договоры стали неприменимы, договоры, задача которых состоит в том, чтобы не допустить агрессивной войны между договаривающимися сторонами. Правда, нужно будет проверить, делали ли договаривающиеся стороны оговорку, что предпосылкой действия их договора является создание ими или наличие созданного ранее общего аппарата коллективной безопасности.

Односторонние заверения о ненападении имеют такую же силу, как и двусторонние договоры.

Было заключено много двусторонних договоров о ненападении, давались некоторые односторонние заверения. Правоту каждого из них определяло то политическое, то юридическое понятие нападения, а то и вовсе несколько юридических понятий сразу. Германская империя тоже заключила много подобных договоров. Обвинение использовало их в качестве обоснования вины. Надо проверить, были ли все эти договоры в силе в критический момент. Осуществление этой проверки следует предоставить отдельным господам защитникам. Если Германская Империя в отдельном случае начала наступление, вопреки еще действующему договору о ненападении, то она совершила международный деликт и должна отвечать за него по нормам международного права.

14987

Но только империя, а не отдельное лицо, будь оно даже главой государства.

Согласно существующим нормам международного права, - это не вызывает никакого сомнения.

Вообще об этом нечего и говорить. Ведь до самого последнего времени ни в манчжурском, ни в итало-абиссинском, ни русско-финском конфликтах, ~~нигде~~ никогда даже не обсуждалась возможность уголовного преследования людей, которые в Японии, Италии или Советском Союзе ведали планированием, подготовкой, началом и проведением войны или просто каким-либо образом участвовали в этих мероприятиях. Против них не было выдвинуто обвинения не потому, что парадоксальным образом эти вещи не были продуманы до конца. Это не сделали потому, что нельзя это сделать, пока суверенитет государства является основным организационным принципом международного порядка. Либо одно, либо другое.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне кажется, что сейчас было бы удобно сделать перерыв.

/Об"является перерыв на 10 минут/.

14988

H1209-0312

H1209-0313

Встать! Суд идет!

ЯРАЙС. Если бы дело дошло до того,что, согласно всеобщему мировому праву,лица,участвовавшие в планировании,подготовке,об'явлении и проведении запрещенной нормами международного права войны,могли бы привлекаться к уголовной ответственности,то конечный вопрос о существовании государства решался бы каким-то надгосударственным контролирующим органом. Конечно,и такие государства можно было бы назвать суверенными,но они не являлись бы таковыми.

В своей уже несколько раз упомянутой работе,написанной в конце 1943 года после Московской конференции от 1/11-43 г.,Кельзен часто повторяет мысль,что по существующим нормам всеобщего международного права в вопросе о нарушении мира не существует уголовной ответственности отдельных лиц,а если принимать во внимание суверенитет стран,то она и не может существовать.

За последние четыре века,и прежде всего со времени распространения идеи о национальном государстве,этому государству придавалось,по крайней мере в сознании европейцев,величие,которое гораздо больше,чем величие отдельных лиц.

Само собой разумеется,что государственные акты являются действиями людей.Но все-таки государственные акты,т.е. акты государства,проведенные в жизнь его органами,а не частные акты господина Моллера или господина Шмидта.

То,что делает обвинение именно то,что оно стремится от имени всего мирового права юридически осудить отдельных лиц за то,что они решали вопрос о том,быть войне или миру,означает в перспективе европейской истории "приватизацию" государства,более того,разрушение

14989

H1209 – 0314

идеи государства.Подобное обвинение,о моральном праве на которое я не говорю,является,как мы уже показали,несовместимым с сущностью суверенитета государства и с чувствами большинства европейцев.Думается,так чувствуют не только европейцы.В 1919 году в Париже в комиссии по расследованию причин войны в связи с юридическим осуждением кайзера резче всех выступили американские представители и как раз по вопросу о том,что подобный метод несовместим с суверенитетом государства.

Вообще нельзя энергичнее подчеркнуть идею суверенитета,чем это сделал 8 лет спустя при переговорах по поводу заключения Парижского пакта Келлог,заявивший,что каждое государство является единственным судьей своих действий в вопросах своего существования.

В некоторые времена суверенитет государства обожествлялся,в другие времена его проклинали,а иногда его обожествляли и проклинали одновременно.Так и теперь.Может быть,мы переживаем какой-то переходной период.Может быть,происходит переоценка ценностей. Может быть,мировая сообщность станет высшим политическим началом народов взамен отдельных государств, как это было по крайней мере до сих пор.Может быть, мы дойдем до того,что факт развязывания войны,которая достойна осуждения с моральной и юридической точки зрения,будет восприниматься правосознанием всех людей,как величайшее преступление против мировой общности; может быть,мы дойдем до того,что граждане будуть иметь право,даже должны будут выдавать свое правительство,развязавшее войну,и это не будет называться государственной изменой. Но пока большинство

14990

народов,не говоря уже о том,что все народы,не придерживаются такой точки зрения.

Наказание отдельных лиц в соответствии с нормами международного права за нарушение мира между отдельными государствами возможно только в том случае, если будут уничтожены основы действующего международного права и представления,в течение веков прочно укоренившиеся в сознании европейских народов; основы и представления,согласно которым государство,само суверенное государство,является непреложной основой существования свободы личности.

Обвинение мысленно уничтожает германское государство и как раз в тот период,когда оно еще стояло полное сил и действовало через свои органы.Обвинение должно поступать так,если оно хочет привлечь отдельных лиц к ответственности за нарушение мира между государствами.Оно вынуждено превратить подсудимых в частных лиц.Затем при помощи правовых норм,заимствованных из англо-саксонского и нам совершенно чуждого права,оно связывает подсудимых,как частных лиц,с заговором,придает им многомиллионные организации и группы,названные преступными,и,таким образом,снова выставляет их только как государственных деятелей.

Все это опирается на положение Устава,который тем самым узаконивает принципиально новое,как это следует из сравнения,сделанного Главным обвинителем от Великобритании,по отношению к действующим сейчас нормам международного права.То,что,зародившись в Европе,распространилось,в конце концов,по всему миру и что называется международным правом,является по существу правом существования наряду друг с другом суверенных государств.

14991

H1209 – 0315

H1209 – 0316

При сравнении положений Устава с этим правом следует сказать следующее: положения Устава отрицают основы этого права, они предвосхищают право мирового государства. Они революционны. Может быть, в надеждах и чаяниях народов им принадлежит будущее. Юрист, а я могу здесь говорить только как юрист, должен здесь лишь констатировать, что они новы, настолько новы, что опрокидывают все старые положения. Право решать вопрос о войне и мире между государствами не входило составной частью в эти положения, оно не могло входить в них. Они становятся уголовными законами, имеющими обратную силу.

Если я правильно понял, господин главный обвинитель от Франции, в своей, с человеческой точки зрения глубоко захватывающей речи, признал суверенитет государств и совершенно верно усмотрел неразрешимое противоречие, существующее между Уставом и действующими нормами международного права, которое заключается в том, что отдельные лица привлекаются к уголовной ответственности за нарушение мира между государствами. Поэтому он переносит рассмотрение дела из плоскости международного права в плоскость внутри-государственного права. Могло бы быть так, что после войны германская государственная власть расчиталась бы с людьми, ответственными за развязывание войны. Но теперь вся жизнь германского народа парализована, и за это взялись иностранные державы, которые, действуя совместно, согласно заключенным договорам, осуществляют в Германии власть. Устав определил нормы, которыми должен руководствоваться Суд в расследовании дела и при вынесении приговора.

Оставим в стороне вопрос, верно это с юридической точки зрения или нет.

14992

Если бы даже это было верно, наш вопрос не меняется. Исходя из этой позиции, как и с позиции международного права, мы должны знать, в какой мере Устав определяет законы уголовного права, имеющие обратную силу. Нам следует сравнить положения Устава не только с международным правом, которое было действительно для германской империи и которое нашло свое отражение во внутригосударственном праве, но и с внутригосударственным уголовным правом, которое ко времени совершения действий подсудимыми было для них обязательно. Очень может быть, что одно государство, член сообщества государств, в своем уголовном праве космополитичнее, чем теперешнее международное право. В этом случае норма Устава, являющаяся новой по сравнению с существующими нормами, соответствует имеющемуся внутригосударственному закону, но это не уголовный закон, имеющий обратную силу. Как рассматривали в соответствии с внутригосударственным уголовным правом, нормы которого были применимы к подсудимым во время подготовки и развязывания войн, нарушение мира между государствами и, в частности, нарушение договора о ненападении?

Могло быть так, что в государстве под угрозой наказания находились люди, которые вопреки обязательствам, данным этим государством по линии международного права, подготовили, развязали и провели войну. Но практически это невероятно, ибо вопрос о привлечении этих лиц к ответственности внутри страны решается исходом войны. Правительству, одержавшему в войне победу, никакой суд не угрожает. В случае поражения, как раз оно, т.е. поражение, определяет степень их наказания.

14993

H1209 - 0317

H1209 – 0318

Во всяком случае положения устава о наказании за нарушения мира между государствами новы по сравнению с внутригосударственным уголовным правом, которое распространялось на подсудимых во времени совершения ими их действий.

Если положение "нулла пена сине леге премиа" понимать не так, как оно понимается на европейском континенте, то есть что закон в смысле "лекс" - это государством установленная норма, государственный закон, а придерживаться той точки зрения, что закон в смысле "лекс" + может быть укоренившейся нормой морали, добрых обычаев, как это принято у англичан, тогда у нас остается один вопрос: чувствовали ли подсудимые, бывшие министры, руководители высших учреждений, когда они совершали свои дела, что они действовали против своего долга, могли ли они вообще предполагать, что за это они будут подвергнуты наказанию по закону, который будет выработан потом?

Ответ на этот вопрос может быть дан только до того, как мы познакомимся с сущностью немецкого государственного порядка, в момент совершения действий.

Германское государство входило в сообщество государств, причем это осуществлялось в той форме, и в том виде, как они складывались в каждый отдельный период времени, так, как это бывает с каждым членом общества государств. Соединенные Штаты и Британская империя, Союз Советских республик и Французская республика, Бразилия и Швейцария входят в правовое сообщество народов с тем государственным порядком, какой у них есть.

С полным правом обвинение предприняло попытку мысленно охватить эту конкретную форму существования империи, ибо без такой попытки никто на данном процессе не может решить, что верно, что - нет. Впрочем, мне кажется, что и по многим вопросам морального порядка, которые здесь поднимались, следовало бы предпринять такую же попытку. Но я

H1209-0319

боюсь,что та картина,которую нарисовало Обвинение,не поможет подойти к истине в такой мере,в какой это необходимо,несмотря на всю сложность дела.

Обвинение исходит из того,что существовал заговор пары десятков преступников,направленный на завоевание всего мира.Если рассматривать дело так,то германское государство превращается только в тень или инструмент. Но это государство существовало уже давно,никто не может сбросить с весов истории огромный вес его.Многое из этой истории,как во внутренней,так и особенно во внешне-политической жизни страны,впервые сделало возможным или облегчило приход Гитлера к власти; многое из этой истории руководило Гитлером при выборе им своих целей и средств,подталкивало его,ограничивало и тормозило его,оказывало влияние на успех или неуспех в его мероприятиях.

Конечно,обвинение право,акцентируя внимание на принципе фюрерства (вождизма).В самом деле: в глазах немецкого народа,как и всей мировой общественности,этот принцип фюрерства,начиная с 1933 года,является основным организационным принципом развития империи.

Правда,однозначащим он не был никогда.В течение времени его сущность изменялась.В жизни людей фюрерство (от слова führer,вести,вождь.Прим.переводчика) и "властвование" представляют собою в корне противоположные вещи.Бывает,я бы сказал,бездушное,механическое управление людьми,властвование,командование,но бывает и другое: руководитель,являя собой образец,идет впереди движения,а за ним идут его добровольные последователи, он ведет их за собой.Это и есть фюрерство (дословно; вождение.Прим.переводчика) или как бы оно ни называлось. Различие этих двух принципиально разных методов управления людьми часто трудно выразить.На немецком языке это

14925

употребляется иногда в смысле "господствовать,властвовать".Кроме того,различие этих двух понятий затрудняется еще и тем,что между одними и теми же людьми на первое место выступает то "фюрерство",то "господство, властвование", или тем,что формы,свойственные "фюрерству", "вождизму",используются при "властвовании" и формы, свойственные "властвованию",используются при "фюрерстве". Любое государство стояло,стоит и будет стоять перед проблемой,как ему увязать эти методы друг с другом,чтобы они друг друга дополняли,развивали,контролировали.Оба эти местода встречаются всегда и всюду.Еще никогда и нигде не было действительно великого властителя,который не был бы одновременно вождем, "фюрером".Этому закону подчиняются и маленькие "властители".А гитлеровский режим,во всяком случае вначале,создал синтез этих двух методов,который имел,по крайней мере, видимость неимоверно большой эффективности.

Этому синтезу приписывали,и,может быть, не без основания,многое из того,чему мир поражался,как результатам неслыханной мобилизации,концентрации и увеличения сил нации,относясь к этому то одобрительно,то,и притом чаще,неодобрительно.

Этот особый синтез вождя и командира нашел себе наиболее полное выражение в личности самого Гитлера,в его действиях вождя,как,например,в его речах и в его приказах.Действия Гитлера как вождя и как командира стали движущей силой всей немецкой государственной жизни того времени.Этому явлению надо отдать должное.Для оценки чудовищного фактического материала,представленного здесь,оно имеет вообще решающее значение.При всей осторожности,само собой разумеющейся для каждого научно-мыслящего человека и обязывающей его испытывать

14906

H1209 – 0320

H1209 - 0321

почти непреодолимое недоверие к каждой попытке охватить и оценить события совсем недавнего прошлого,может быть, будет дозволено осмелиться утверждать следующее: с течением лет Гитлер отдавал все большее и большее предпочтение приказу в ущерб действиям вождя и,наконец,выдвинул его на передний план в такой мере,что именно он,приказ, а не действие,характерное для вождя,стало всерешающим фактором.Из вождя Гитлер превратился в настоящего диктатора.Речи,в которых он повторялся до того,что надоел самым ярым приверженцам,и перекричал себя до того,что начал огорчать этим своих вернейших последователей,стали реже: законодательная машина вертелась все быстрее.Будущее, может быть,узнает,как сильно изменилось отношение немецкого народа к Гитлеру еще до войны,что было причиной и следствием этого изменения.

В то время,как Гитлер в вопросах внешней формы,а именно в вопросе о том,как называть его,настаивал,чтобы его называли не "фюрером и рейхсканцлером",а просто "фюрером",управление государством шло по прямо противоположному пути: метод,характерный для вождя,все более и более исчезал,оставался метод господства,властвования в его чистом виде.Приказ фюрера стал центральным элементом всего германского государственного устройства.

В этой общественной иерархии подобное развитие скорее увеличило,чем уменьшило влияние Гитлера.Немецкие чиновники и офицеры в своем большинстве не видели за тем методом,который должен был быть характерным для вождя и который все организовывал,ничего другого,кроме аппарата власти,к которому приклеили новый ярлык,который сделали по мере возможности еще более бюрократическим и который существовал наряду с государственным аппаратом.Когда приказ Гитлера стал альфой и омегой,они почувствовали себя снова в своей стихии.Чуждое,загадочное исчезло.Они были

снова в своем мире субординации.Это развитие придало приказам фюрера в их глазах какой-то особый ореол.Против приказа фюрера (вождя) возражать было нельзя.Пусть имелись некоторые сомнения,но, если фюрер настаивал на своем, вопрос был решен.Его приказ был чем-то совершенно иным, чем приказ любого другого руководителя иерархии,во главе которой он стоял.

Таким образом,мы подошли к основному для данного процесса вопросу: что представлял собою приказ Гитлера в государственном порядке Германии? Относится ли он к числу тех приказов,отводимых Уставом от настоящего Суда как моменты,которые, несмотря на наличие преступления,освобождают преступника от наказания?

Для юриста,выросшего в обычных условиях так называемого правового государства,было,может быть,труднее, чем для других людей,пережить,как вначале медленно,а потом все быстрее один за другим разрушались элементы, свойственные правовому государству,ибо при новом порядке он так и не почувствовал себя у себя дома,но всегда одной ногой стоял вне этого порядка.И именно поэтому он лучше, чем кто-либо другой,знает особенности этого порядка. Попытаюсь об'яснить его.

Государственные приказы,устанавливающие новые нормы и разрешающие конкретные вопросы,могут всегда сравниваться с уже существующим зафиксированным и незафиксированным правом этого государства,а также с нормами международного права,нравственности,религии.Кто-то,пусть это будет собственная совесть приказывающего,постоянно спрашивает: приказал ли приказывающий что-то,на что он не имел права? Или: он составил и об'явил свой приказ недопустимым образом? Неизбежная проблема,возникающая перед каждым начальником,состоит в следующем: должен или может он

14998

H1209 – 0322

H1209 – 0323

представить членам иерархии, своим чиновникам и офицерам право или даже обязать их проверять каждый приказ, который требует от них повиновения, верен ли он, и в соответствии с этим решать, повиноваться ему или нет?

История не знает еще ни одного начальника, который бы ответил на этот вопрос утвердительно. Только некоторым членам иерархии предоставляется это право; да и им не в полной мере. Так, например, было при крайне демократическом государственном порядке Германской империи в период Веймарской республики или есть теперь в условиях оккупации Германии четырьмя великими державами.

Раз подобное право проверки правильности приказа не представляется членам иерархии, приказ для них всегда правилен.

Каждое государственное право, в том числе и право современных государств, знает государственные акты, которые государственные учреждения выполняли, даже в том случае, когда они были заведомо ошибочными. Определенные нормы, решения по отдельным конкретным вопросам, принявшие силу закона, действуют и в том случае, когда приказывающий выходит за рамки своей компетенции или ошибся в выборе формы.

Уже только потому, что есть предел инстанциям, имеющим право отдавать приказы, в условиях любой формы властвования должны быть какие-то приказы, выполнение которых при всех обстоятельствах для членов иерархии совершенно обязательно, которые, следовательно, для подчиненных правильны, хотя лица, не имеющие к этому приказу отношения, могут утверждать, что, согласно нормам права данного государства или международного права, эти приказы ошибочны по содержанию или по форме.

14999

H1209 – 0324

Например,в последовательно демократических государствах приказ,данный в решении плебисцита,является,вообще говоря,действующей нормой и обязателен для всех.Еще Руссо знал,в какой мере общая воленте де ту может нарушить справедливость,он понимал,что приказы этой общей воли обязательным для всех.

В непоследовательно демократических государствах ту же силу имеют решения конгресса,национального собрания или парламента.

При смешанном,т.е. полупоследовательном демократическом порядке Веймарской конституции Германской империи законы, принятые в рейхстаге большинством голосов,достаточным для того,чтобы внести изменения в конституцию.Эти законы были при всех обстоятельствах верны для всех,в том числе и для независимых судов,они были верны и в том случае,если законодатель в значительной или в незначительной степени нарушил нормы негосударственного порядка,например,церковные или нормы международного права.В последнем случае империя поступала неправильно с точки зрения международного права.Правда,она и не заботилась о том,чтобы ее законы соответствовали этим нормам,согласно которым она должна была бы отвечать за устранение последствий нарушения этих норм.Но,пока данный закон не был отменен по нормам немецкого конституционного права,все должностные лица иерархии должны были следовать ему.Ни один руководящий деятель не имел права,не говоря уже об обязанностях,проверять правомерность этого закона с тем,чтобы в результате этой проверки решить,выполнять его или нет.Нет ни одного государства в мире,в котором бы им дело обстояло иначе.Оно не обстояло иначе и оно не может обстоять иначе.У каждого государства были такие случаи,когда его последние,его высшие приказы, выполнение которых было обязательно для всей иерархии, если государственный порядок вообще должен сохраниться,

15000

иногда находились в противоречии с нормами международного права, божественного права, естесственного права и, наконец, разумного права. Хорошее правительство старается избегать таких конфликтов. К огорчению, даже к отчаянию многих немцев, Гитлер часто создавал подобные тяжелые конфликты и, надо сказать, тяжкие конфликты. И уже только поэтому его правление не было хорошим правлением, хотя в некоторых областях оно на протяжении нескольких лет имело успех. Однако, здесь следует сказать следующее: эти конфликты никогда или по крайней мере не сейчас же не затрагивали интересы всего народа или всю иерархию, причем интересы неизменно важные. Иногда они только касались их,

Не говоря уже о тех конфликтах, которые остались неизвестными подавляющему большинству народа и иерархии, не говоря уже о тех приказах, в которых Гитлер не только в отдельном случае проявил нечеловеческую жестокость, но просто шагнул за пределы человеческого. Это число академический вопрос: укрепилась бы власть Гитлера так сильно и продержалась ли бы она так долго, если бы эти нечеловеческие жестокости стали бы известны значительной части народа и иерархии? О них они не узнали.

В государстве, где вся власть принимать окончательные решения сконцентрирована в руках одного единственного человека, приказы этого единственного человека являются, по крайней мере, обязательными для каждого члена иерархии. Это один человек является их сувереном.

15001

H1209 – 0325

H1209 – 0326

Он для них legibus solutus как это, насколько мне известно, впервые излагалось во французском учении о государстве столь же остроумно, как и красноречиво. Мир сталкивается с подобным явлением не впервые. Прошедшим эпохам такие явления казались даже нормальными. В современном мире, в мире конституций, в мире, где власть разделяется на сферы, контролируемые народом, абсолютное единовластие является принципиально невозможным. И, если сегодня это не имеет места, то все-таки в один прекрасный день мир узнает, что огромное большинство мыслящих немцев думало об этом моменте не иначе, чем большинство представителей других народов в Европе и за ее пределами. Подобные конституции, предусматривающие абсолютное единовластие, возникают все же в результате событий которые ни один человек не может обозреть во всей полноте, а тем более руководить ими по желанию.

Такое положение сложилось в германской империи, начиная с 1933 года. Вот что стало постепенно во многих областях из Веймарской парламентарной республики, превратившейся при Гинденбурге в республику, во главе с президентом в результате процесса, который частично с помощью государственных актов двигал вперед развитие, подчеркивая при этом легальные формы, что можно проследить по государственным документам, частично, однако, создавал обычные нормы по установившемуся обычаю. Имперский закон от 24 марта 1933 года, согласно которому был введен имперский правительственный закон и тем самым практически упразднялось разделение сфер власти по установившимся понятиям, был принят в соответствии с протоколом заседания рейхстага большинством голосов, достаточным для внесения изменений в конституцию. Но все-таки было высказано сомнение

15002

относительно правильности принятия этого закона, так как часть избранных депутатов не была допущена к заседанию полицейским путем, а другая часть присутствовавших депутатов была запугана, так что лишь только мнимое большинство, имевшее право изменить конституцию, приняло закон. Да, при этом говорили, что ни один рейхстаг, даже при подаче всех голосов, в присутствии всех депутатов, не мог бы отменить основной принцип конституции о разделении сфер власти, так как ни одна конституция не может санкционировать свое самоубийство. Нам не нужно исследовать это обстоятельство: введенный имперский правительственный закон так прочно укрепился в результате неоспоримой практики, что лишь только полностью чуждая действительности формальная юриспруденция может пытаться использовать параграфы конституции, вопреки жизненной практике, и пытаться игнорировать происшедшее в конституции изменение. По этой же причине ошибочным является рассуждение, при котором игнорируется то обстоятельство, каким образом правительственный закон, т.е. закон кабинета министров, превратился привычным путем в одну из многих форм законодательства фюрера. В основе любого государственного порядка, как и всякого порядка вообще, лежит традиция. С тех пор, как Гитлер стал главой государства, практика быстро привела к тому, что Гитлер противостоял иерархии и всему народу, как неоспоримый и бесспорный обладатель любого правомочия. Результатом развития однако, явилось следующее: Гитлер стал высшим лицом, устанавливавшим нормы, равно как и издававшим единоначальные приказы.

Он не стал этим лицом в результате неожиданных успехов или в результате того, что в Германии или за границей рассматривалось просто как везение, особенно во время войны. Вероятно германский народ - при большом отличии севера от

15003

H1209 – 0327

H1209-0328

ера, запада от востока - особенно легко подчиняется фактической власти, особенно легко поддается руководству на основе приказа, особенно привык к мысли о верховной власти. Таким образом весь процесс протекал в благоприятных условиях. Не совсем ясным в конечном итоге было лишь только отношение Гитлера к правосудию. Ибо даже в гитлеровской Германии нельзя было изгнать мысль о том, что необходимо, чтобы независимые суды осуществляли правосудие, по крайней мере, в тех делах, которые имели отношение к широким массам в их повседневной жизни. Вплоть до верхушки партийных руководителей - об этом свидетельствуют некоторые из пред"явленных здесь речей тогдашнего имперского рейхсфюрера в вопросах права подсудимого доктора Франка - делались попытки оказать сопротивление, правда, не особенно успешные, когда ~~также~~ и судопроизводство по гражданским делам, а также и по общим уголовным делам должно было подчиняться воле одного человека - *Sic volo sic jubeo.*

Однако за исключением юстиции, фактически также поколебленной в своих принципах, абсолютное единовластие было полностью представлено.

Торжественное заявление рейхстага о правомочиях Гитлера в империи от 26 апреля 1942 г. в действительности было лишь только констатацией того, что давно существовало на практике.

Приказ Гитлера уже задолго до этой второй мировой войны имел силу закона.

Прочие государства относились к германской империи, имевшей такое государственное устройство, как к равной стороне, и именно во всех областях политики. Я не хочу при этом распространяться о том, что так запечатлелось в памяти германского народа и что имеет такое роковое значение для любой оппозиции, о том, что происходило в 1936 г. во время

олимпийских игр, во время такого торжества, явиться на которое Гитлер не мог бы приказать делегациям других наций, подобно тому, как он посылал немцев на Нюрнбергский с"езд партии со всеми его государственными манифестациями. Я, напротив, хочу указать на то, что правительства могущественных держав мира рассматривали слово этого "всемогущего" человека как распоряжение окончательное и обязательное для каждого немца, не допускающее возражения, и при этом принимали свои решения относительно величайших вопросов, основываясь на том факте, что приказ Гитлера считался приказом, не допускающим возражения.

На этот факт ссылались - привожу лишь только самые яркие примеры - когда английский премьер-министр Невиль Чемберлен после конференции в Мюнхене, приземлившись в Кродене, пред"явил известное соглашение, которое должно было обеспечить мир.

На этот факт ссылались, когда началась битва против этой империи, как варварской деспотии одного человека. Еще никогда ни одно государственное устройство не нравилось одновременно всем людям, которые должны жить при нем или испытывать его влияние за границей. Государственное устройство в Германии эпохи Гитлера не нравилось как внутри страны, так и за границей особенно многим людям, число которых все время увеличивалось. Но это нисколько не изменяет того обстоятельства, что это государственное устройство все же существовало, и не в последнюю очередь из-за того признания за рубежом и той эффективности, которая заставила английского премьер-министра в критическую минуту сделать ставшее всему миру известным заявление о том, что демократическому режиму, смотря по обстоятельствам, нужно на 2 года

15005

H1209 - 0329

H1209 - 0330

больше, чем тоталитарным правительствам, чтобы достичь определенной цели. Лишь только тот, кто жил дрожа, будучи словно изгнанным из гущи собственного народа, среди масс, слепо верующих, обоготворящих этого человека, как непогрешимого,—тот знает, как сильно укрепилась власть Гитлера среди следовавших за ним безымянных, бесчисленных людей, ожидавших от него лишь только хорошего и лишь только правильного. Они его не знали лично, для них он был таким, каким его сделала пропаганда и в ее освещении он был таким чуждым любому компромиссу, что каждый, кто мог наблюдать его вблизи и видел его другими глазами, отчетливо понимал, что восставать совершенно бесполезно, и что в глазах других людей этот шаг не будет даже мученичеством.

Поэтому разве не возникает противоречие, если в основу этого процесса будут положены одновременно два следующие утверждения:

1) Империя являлась деспотией одного человека и поэтому представляла собой мировую опасность.

2) Каждое руководящее лицо обладало правом, в этом даже заключался его долг, подвергать рассмотрению приказы этого человека и в зависимости от результатов этого рассмотрения следовать или не следовать им.

Руководящие лица не имели права, а также на них тем более не возлагалась обязанность подвергать контролю с точки зрения законности приказы человека, имя пользовавшегося единовластием.

Для них эти приказы вообще не могли быть противозаконными за одним единственным, правда, лишь мнимым, исключением, о котором будет позже речь, а именно - за исключением тех

15086

случаев, в которых лицо, пользовавшееся единовластием, согласно неоспоримым нормам нашей эпохи, выходило за пределы любого человеческого порядка, в которых действительный вопрос о праве или нарушении права вовсе не ставился и тем самым не возлагалась задача действительного контроля.

Именно воля Гитлера являлась последним критерием при их рассуждениях о том, что следует и чего не следует делать.

Приказ Гитлера пресекал всякое обсуждение. Поэтому тот, кто в качестве руководящего лица иерархии ссылается на приказ фюрера, тот не пытается привести доводы, избавляющие его от судебного преследования за противозаконные действия, тот лишь оспаривает утверждение, что его поведение является противозаконным, потому что приказ, которому он следовал, является неприкосновенным в правовом отношении.

Лишь только тот, кто постиг это, может понять ту тяжелую внутреннюю борьбу, которую в течение этих лет должны были вести многие должностные лица Германии по поводу того или иного указа или решения Гитлера. В таких случаях для них речь шла не о конфликте между правом или нарушением права: споры о законности утратили свое значение. Для них речь шла об узаконивании: земное право и божественное право противостояли друг другу значительно дольше, сильнее и чаще. Поэтому, чтобы ни понимал устав под приказами, которые он отрицает, как причину, исключающую судебное преследование, - можно ли все-таки под этим подразумевать приказ Гитлера? Может ли этот приказ подойти под рубрику, предусматриваемую уставом? Не следует ли рассматривать этот приказ, как то, чем он стал, согласно установившемуся в Германии внутреннему порядку, который открыто или молча признавался сообществом

15007

H1209 – 0331

H1209 – 0332

государств? Многим немцам с самого начала не нравилась власть Гитлера, а для многих, которые сначала приветствовали ее, потому что они стремились к ясным, быстрым решениям, она стала впоследствии кошмаром. Но это ничего не изменяет в следующем положении: разве те лица, которые охотно или неохотно на основе существовавшего порядка выполняли в рядах иерархии свой долг, не должны воспринимать как несправедливость то, что их осуждают за то, что они совершили или не совершили действие, которое повелел Гитлер?

Сообщество государств могло ведь отказаться принять в члены или терпеть в своем составе государства, которые обладают конституцией, устанавливающей деспотический строй. Но до сих пор это не имело места. Если в будущем дела должны обстоять по-другому, то для этого государствам, в которых отсутствует деспотия, нужно принять надлежащие меры против того, чтобы ни один из членов семьи государств не превратился в деспотию и чтобы ни одно из государств с деспотическим строем не вошло ~~бы~~ в круг членов этой семьи. Сегодня становится все более очевидным, что этот момент является решающим в нашем вопросе. Видимо, наличествуют какие-то совершенно особые условия, если целая современная нация позволяет, чтобы ею управляли с помощью деспотических средств, даже если эта нация так склонна к повиновению, как германская. А пока существуют такие условия, ~~то~~ внутри государства не может быть противодействия. В этом случае может помочь лишь окружающий мир. А если этот окружающий мир, вместо помощи, признает существующий порядок, то тогда неизвестно, каким образом внутреннее сопротивление должно быть успешным. Указывая на эти особые условия и на признание со стороны окружающего мира, мы обращаем внимание на те факты, за наличие которых,

15008

например, в нашем случае, не был ответственен ни один немец, но которые не могут уже исчезнуть, если будет поставлен вопрос о том, как все это могло иметь место. Затем нужно обратить внимание на некоторые другие факты, без знания которых нельзя полностью понять, как могло так чудовищно сильно укрепиться абсолютное единовластие Гитлера. Гитлер об"единял в своем лице всю власть по изданию высочайших приказов - приказов, не подлежащих контролю, приказов, обязательных в законодательном и административном отношении. Находясь ~~них~~ непосредственно в его руках, государственная власть распределялась на едва обозримые сферы компетенции. Но эти сферы не всегда резко разграничивались. При современных государственных устройствах, особенно в крупных государствах, этого едва ли можно избежать. Однако склонность к тому, чтобы переоценивать вопросы, охватываемые данной сферой компетенции, была в Германии, безусловно, не слабее, чем в какой-либо другой стране. Тем самым было значительно легче создать границы между отдельными ведомствами. Каждое ведомство ревниво следило за тем, чтобы другие не вторглись в его пределы. Повсюду наблюдались тенденции других ведомств к расширению своих полномочий; при том обилии задач, которыми обременяет себя так называемое тоталитарное государство, нельзя обойтись без двойственных и тройственных полномочий. Борьба между ведомствами была неизбежной. Если существовал заговор, как считает Обвинение, то заговорщики были удивительно неспособные организаторы. Вместо того, чтобы быть заодно и итти вместе сквозь огонь и воду, они боролись друг против друга. Вместо конспирации, - налицо предание гласности.

Еще нужно будет написать историю соперничества и недоверия друг к другу сильных мира сего при режиме Гитлера. И

H1209 - 0333

H1209 – 0334

вот представьте себе, как различные ведомства в отношениях друг к другу и внутри своих аппаратов окружали себя тайной: в отношениях между ведомствами и внутри ведомств от ступени к ступени и на отдельных ступенях все большее число дел носило гриф "секретно". Никогда в Германии не были так сильны элементы "общественной жизни", т.е.не частной жизни, как при Гитлере; но никогда общественная жизнь не была так скрыта от народа и прежде всего от отдельных членов иерархии, как при Гитлере.

Высшая воля была просто технически необходимой. Она являлась механизмом, сдерживающим все строение. Руководящему лицу, один из приказов которого вызывал сомнение или даже отпор со стороны других руководителей, нужно было лишь только сослаться на приказ фюрера и он побеждал в игре. Многие, очень многие среди тех немцев, которые воспринимали режим Гитлера как невыносимый и ненавидели самого Гитлера как исчадие ада, однако, с большой тревогой ожидали ухода этого человека с политической арены лишь только потому, что они призадумывались: что будет, если этот механизм исчезнет? Это был заколдованный круг.

Я повторяю: приказ Гитлера являлся для человека, к которому он относился, обязательным, а именно юридически обязательным, даже если эта директива противоречила международному праву или другим принятым критериям.

Но разве не существовало какой-то границы? Приверженцы Гитлера среди народа, правда, в первые годы, т.е. в период утверждения власти, в эпоху постепенного образования порядка, основанного на единовластии, видели в своем фюрере государственного правителя, стоящего близко к народу, самоотверженного

H1209 – 0336

ориентировавшего, с почти сверхчеловеческой уверенностью и ясно мыслящего, ожидали от него лишь наилучшего и тревожились только об одном: выбрал ли он себе в качестве помощников подходящих людей и был ли он всегда осведомлен о том, что они вершили. Вот этому Гитлеру была предоставлена чудовищная полнота власти, он был наделен неограниченными полномочиями. Последние распространялись, как и в любом другом государстве, на издание также и суровых приказов. Но никогда под этими полномочиями не подразумевались полномочия совершать бесчеловечные жестокости. Здесь вышеупомянутая граница. Но такая граница никогда и нигде с достаточной ясностью не устанавливалась. Германский народ сегодня совершенно разобщен в своих мнениях, чувствах и намерениях, но в одном, за немногим исключением, он может быть единого мнения: он в качестве обвинителя установил бы эту границу не снисходительнее, чем другие народы в отношении своих деятелей. По ту сторону вышеупомянутой границы приказ Гитлера не представлял собою больше юридической основы.

Не следует забывать, что эта граница, по существу дела, является не только расплывчатой, но в мирное время бывает другой, чем во время войны, которая приводит к переоценке такого большого числа ценностей, когда люди всех наций, именно в нашу эпоху, защищая свою честь, совершают действия, от которых бы они при обычных условиях просто содрогнулись.

Решение о ведении войны, несмотря на ее чудовищные последствия, не входит в сферу, находящуюся по ту сторону границы, ни у одного из народов мира.

Сам Гитлер по отношению к своим подчиненным не признавал этой границы для бесчеловечных актов, во всяком случае,

15011

H1209 – 0335

H1209 – 0336

не признавал ее, как границу повиновения; протест в глазах человека, обладающего неограниченной властью для принятия решений и располагающего несокрушимым аппаратом, означал бы преступление, заслуживающее смертной кары. Что должен был делать тот, кто получал приказ из сферы по ту сторону границы? Ужасная коллизия. Нельзя добиться силой ответа, данного в греческой трагедии, ответа Антигоны в аналогичном конфликте. Противоестественно ожидать, чтобы такой ответ был массовым явлением, а тем более требовать такого ответа.

Прежде чем мы перейдем к специальному вопросу относительно того, кто в империи принимал решение о войне или мире, нужно обмолвиться еще одним словом о тех формах, в которых появились приказы Гитлера.

Приказы Гитлера являются решениями этого одного человека, независимо от того, отдаются ли они устно или письменно, и в последнем случае, независимо от того, какая степень официальности им придавалась.

Имеются приказы Гитлера, которые нужно без всяких сомнений признать, как таковые. Они называются "указом" ("Эрласс"), так, например, "Указ о создании протектората Богемии и Моравии" от 16.3.1936г. или "декретом" ("ферордднунг"), как, например, "Декрет о выполнении четырехлетнего плана" от 19.10.1936г. или директивой ("Вейзунг"), а также стратегическими распоряжениями, которые так часто упоминались на этом процессе ("энтшлисунген"), просто "решением" ("бешлусс") или "постановлением" ("анорднунг"). Часто под этими приказами стоит лишь только имя Гитлера; иногда мы устанавливаем, что вместе с ним подписались одно или несколько руководящих

лиц, занимавших высокие или высшие посты в гражданской или военной сфере. Но было бы принципиальной ошибкой предположить, что здесь идет речь о скреплении подписью в духе современного конституционного демократического права государств, управляемых конституционным парламентарным образом, о скреплении подписью, которое заставляет нести ответственность перед парламентом или перед государственным судом. Приказы Гитлера являлись его приказами и только его приказами. Он был слишком фанатическим поборником принципа единоначалия, т.е. принципа, согласно которому любое решение должно приниматься одним и лишь только одним человеком, для того, чтобы он мог допустить что-либо другое, особенно в случае со своими распоряжениями. При этом мы совершенно не принимаем во внимание его самооценки. Какое бы менее или более показное значение ни имело подписание приказов несколькими лицами, никогда не было сомнения в том, что приказы фюрера являлись только его решением, а не решением какого-либо другого лица. При этом следует припомнить те приказы, которые явились к жизни как имперские правительственные законы или законы рейхстага. Если Гитлер подписывал закон имперского правительства, то формально последний представлял собою документ, являвшийся решением кабинета министров. Но в действительности события развивались таким образом, что также и имперские правительственные законы являлись лишь только решениями Гитлера, который предварительно давал части министров возможность изложить точку зрения их ведомств. И, если Гитлер подписывал закон, который, согласно формуле своей вступительной части, был издан рейхстагом, то это было лишь формальностью. В действительности он представ-

15013

H1209 – 0337

H1209 – 0338

лял собою решение Гитлера. Германский рейхстаг самое позднее с сентября 1933 года не являлся больше парламентом, а представлял собою собрание, голосовавшее за заявления и решения Гитлера. Эти сцены законодательства казались многим людям внутри страны и за-границей своего рода попыткой представить демократические формы законодательства в каррикатурном, смешном свете; никто - ни внутри страны, ни за-границей - не воспринимал эти сцены, как события, во время которых собрание в несколько сот человек принимает определенное решение после всяких размышлений и прений. Но имеются также и такие приказы Гитлера, которые были подписаны не им, но которые все-таки могут быть тотчас же признаны, как его приказы. Они изготовлены имперским министром или одним из высокопоставленных руководящих деятелей, который в вступительной части говорит: "фюрер распорядился" или "фюрер приказал". Перед нами не приказ подписавшегося, а извещение подписавшегося относительно устно отданного приказа Гитлера. Так, приказы Гитлера, как верховного главнокомандующего вооруженными силами, часто облекались в такую форму извещения. Наконец, имеются приказы Гитлера, которые остальные могут признать, как таковые, только в том случае, если они знают правовые основы государства. Если главный штаб вооруженных сил (ОКВ) издает приказ, то это всегда приказ Гитлера. ОКВ (главный штаб вооруженных сил)-это Гитлер и его рабочий штаб. Право издавать приказы, распространявшиеся за пределы штаба, находилось лишь только в руках Гитлера.

В наших обсуждениях относительно господствовавшего в гитлеровской империи порядка я, между другими вопросами, также уже рассмотрел вопрос, в чью компетенцию входили

15014

окончательные решения, решения, жизненно важные для существования этого государства, и в особенности решения о войне и мире.

Келзен в своей большой работе, написанной в 1943 году и которую я уже упоминал, говорит: "Очевидно один фюрер" ("The Fuehrer alone "). Мы должны сказать совершенно определенно: "он один".

При Веймарской конституции эти вопросы входили исключительно в компетенцию одного лица: имперского законодателя. Ведь статья 45-я требовала для об"явления войны и заключения мира соответствующего имперского закона. Имперский закон мог издать лишь рейхстаг или германский народ с помощью плебисцита. Таким образом, это не входило ни в компетенцию рейхспрезидента, т.е. главы государства, ни в компетенцию имперского правительства. Они с помощью актов, зиждящихся на их компетенции, могут лишь создавать такие положения (как, например, рейхспрезидент, как верховный главнокомандующий вооруженными силами), которые лишат законодателя полной свободы при вынесении решений, - проблема, которая, как известно, стала практикой в Соединенных Штатах в отношениях между президентом и конгрессом и, которая поэтому подвергалась серьезным дискуссиям. В Германии времен Веймарской конституции она не была практикой. Если бы, однако, законодатель с помощью закона принял решение относительно войны, то тогда бы рейхспрезидент и вся государственная иерархия и, прежде всего, вооруженные силы были бы связаны этим решением без права пересмотра или же права выступить с возражениями, если бы даже все международники мира решили, что этот

13045

H1209 - 0339

H1209 – 0340

закон противоречит международному праву. Веймарская демократия не потерпела бы, как и любое другое государство, чтобы военные лидеры, как таковые, рассматривали бы все решения политических лидеров в таком духе, что при определенных условиях они могли бы даже отказаться от выполнения их. Военные средства власти должны находиться в распоряжении политического руководства государства. В противном случае, они вообще перестанут быть средствами власти. Это было всегда так. Это должно будет определенно стать так тогда, когда государства будут действительно придерживаться долга оказания помощи против агрессоров.

Я уже показал, что в ходе постепенного преобразования, которое подчеркивало легальные формы, Гитлер занял место всех высших руководящих лиц времен Веймарской конституции и воссоединил в себе одном все высшие компетенции.

Его приказ был законом.

В государстве может быть, однако, такое положение, что тот, который в правовом отношении является единственным лицом, решающим вопросы войны и мира, на практике не является единственным авторитетным лицом в этих вопросах. Но если в каком-нибудь государстве оба этих начала воссоединились в одном лице, т.е. когда одно и то же лицо было единственно решающим с правовой точки зрения лицом и одновременно единственно авторитетным на практике, то таким государством была гитлеровская Германия. И если Гитлер по каким-нибудь вопросам и принимал советы третьего лица, то, во всяком случае, не по вопросам мира и войны. За ним было последнее слово при решении вопросов войны и мира между Германией и другими государствами.

Я заканчиваю.

Осуждение отдельных лиц за нарушение мира между государствами является с правовой точки зрения чем-то совершенно новым - тем новым, что вызовет целый переворот.

Посмотрим теперь на эти вещи с точки зрения Главных Обвинителей от Великобритании или Франции.

Осуждение отдельных лиц за нарушение мира между государствами предполагает иные правовые нормы, чем те, которые существовали во время совершения тех действий, которые разбираются сейчас данным судом.

Правовая сторона вопроса о виновности (а я занимаюсь исключительно только этой стороной) представлена тем самым во всей ее полноте, ибо никто из подсудимых не мог иметь хотя бы одной из двух правовых картин мира, из которых исходят господа главные обвинители.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Заутер, может быть сейчас мы до 1 ч. дня займемся тем письмом, если оно сейчас с Вами, а, возможно, у д-ра Экснера имеется с собой его письмо.

ЗАУТЕР (защитник подсудимого Функа). Подсудимый Вальтер Функ, выступая в качестве свидетеля по своему собственному делу, давал здесь показания под присягой. После своего допроса он заявил мне, что в одном пункте его показания не совсем правильны и поэтому он попросил меня исправить его показания. Так как ему не дана возможность сделать это самостоятельно, я 17 июня 1946 года послал господину председателю Международного Военного Трибунала следующее письмо, подписанное как защитником доктором Заутером, так и самим подсудимым Вальтером Функом. Я хотел бы огласить здесь содержание этого письма. Это письмо касается дела Вальтера Функа. Об исправлении одного свидетельского показания.

15017

H1209-0341

H1209-0342

Подсудимый Вальтер Функ во время перекрестного допроса 7 мая заявил, что он, т.е. Функ, только от вице-президента Пуля узнал о вкладах СС в имперский банк. Свидетель Эмиль Пуль во время своего допроса заявил, что именно он, то-есть Функ, был тем человеком, который вначале говорил с рейхсфюрером СС Гиммлером, а затем поставил в известность свидетеля Пуля о том, что следует создать склад для СС. На основании показаний свидетеля Пуля подсудимый Функ пришел к заключению, что показания этого свидетеля в этом пункте являются правильными и, обдумывая этот вопрос, подсудимый Функ пришел к выводу, что вначале он, Функ, имел беседу с рейхсфюрером СС Гиммлером о создании такого склада. После этого Функ известил об этом вице-президента Пуля. То показание, которое было дано подсудимым Функом во время перекрестного допроса, было вызвано пробелом в памяти. Это об"ясняется тем, что вопросы обвинения при перекрестном допросе были для него совершенно неожиданными и очень взволновали подсудимого Функа. Сразу же после допроса свидетеля Пуля подсудимый Функ сказал мне о своей ошибке и попросил меня исправить эту ошибку в своих показаниях по этому пункту, так как он сам, то-есть подсудимый Функ, не имеет возможности сам лично сделать это. Я исполняю эту просьбу и в связи с этим позволю себе, господин председатель, восстановить действительное положение вещей. Подсудимый Функ заявляет о своем согласии с подобным исправлением, поставив под этим письмом свою подпись. Затем далее идут две подписи Вальтера Функа и Фрица Заутера. Это и есть содержание того письма, которое было послано господину председателю 17 июня 1946 года.

Господин председатель, это все, что я хотел сказать относительно внесения поправки в показания подсудимого Функа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Благодарю вас, д-р Заутер.

Доктор Экснер, вы сейчас можете зачитать ваше письмо?

ЭКСНЕР. Господин председатель, я был внизу у генерального секретаря и мне было обещано, что я получу это письмо в половине второго, но, к сожалению, я не получил этого письма. Я очень сожалею о том, что я сейчас не могу удовлетворить просьбу господина председателя.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У Вас письмо будет, вероятно, в 2 часа.

(Об"является перерыв до 14.00).

15019

H1209 - 0343

H1209 – 0344

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 4 июля 1946 года

Вечернее заседание

Встать, Суд идет!

/К микрофону подходит доктор Экснер/

ЭКСНЕР: Господин председатель, я оглашу письмо Международному Военному Трибуналу от 22 июня 1946 года.

Господин председатель, во время перекрестного допроса 6 июня 1946 года г-н Обвинитель от Великобритании пред"явил подсудимому Иодлю документ Ц-139, очевидно, считая, что, согласно этому документу, начало подготовки к занятию Рейнской зоны намечалось уже на 2 мая 1935 г.

Подсудимый Иодль заявил, что он не знал этого документа. После просмотра документа он установил, что из него недвусмысленно явствует, что, во всяком случае, на западе не должно было быть произведено никаких действий с германской стороны. Там говорится лишь об оборонительных мерах. Таким образом, где должна была быть произведена операция "Шулунг" он не мог установить. Он мог выразить лишь предположение. Подсудимый барон фон Нейрат сообщил ему, что в 1934 году летом Муссолини приказал нескольким дивизиям сосредоточиться в районе Бреннера, чтобы в случае аншлюсса занять Северный Тироль. Подсудимый Иодль после этого сообщения вновь просмотрел этот документ и теперь предполагает, что тогда с помощью этого документа должна была быть подготовлена операция для того, чтобы отбросить итальянцев за Бреннерский перевал в случае, если они вторгнутся. Однако он ничего не знает об этом деле. Все это дело вообще не имеет отношения к подсудимому Иодлю. Поэтому я больше не хочу возвращаться

15020

H1209 – 0345

к этому вопросу на заседании. Однако, он придает большое значение тому, чтобы не возникло мнения, что он, якобы, пытался что-либо скрыть. Подпись: Экснер. Имеется также и подпись Иодля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Теперь я попрошу д-ра Штамера.

/К микрофону подходит д-р Штамер/.

ШТАМЕР: Господин председатель, Я сделаю сначала предварительное замечание. Я должен рассмотреть также еще дело о Катыни. Это дело не могло быть включено в представленную мною книгу, так как представление доказательств по этому делу было произведено лишь позавчера и в понедельник. Поэтому я должен представлять его в таком виде. Это короткий доклад. Переводчики получат копию моей рукописи, однако, я не могу, к сожалению, в настоящее время представить Суду перевод этих документов, так как только позавчера закончилось рассмотрение этого дела и я не мог с ним в достаточной степени ознакомиться. Я вставлю их в соответствующее место книги. Я надеюсь, что я, несмотря на это, уложусь в отведенное мне время. Хотя это дело о Катыни не было предусмотрено, я, все-таки, надеюсь уложиться в это время, сократив часть материала, намеченного мной для изложения.

Защитительная речь адвоката Штамера по делу подсудимого Германа Вильгельма Геринга:

Господин председатель, господа судьи!

Этот процесс, имеющий такие масштабы, такое историческое и политическое значение и такое значение для становления норм права, каких еще не знала история права, этот процесс, имеющий значение не только для присутствующих здесь в зале подсудимых, но и для всего немецко-

го народа, вступает в новую фазу. Слово имеет защитник.

Положение защитника на этом процессе особенно затруднительно, ибо слишком неравно соотношение сил Обвинения и защиты.

Обвинение имело возможность за несколько месяцев до начала процесса с большим аппаратом опытных сотрудников обследовать все учреждения и архивы внутри страны и за границей, а также допросить по всем вопросам свидетелей. Таким образом, оно /обвинение/ было в состоянии представить Трибуналу огромное количество документов.

Трудность положения защиты усугубляется еще и тем, что англо-американским процессуальным нормам, которым подчинен этот процесс, чужда одна из норм немецкого уголовного права, по которой обвинение обязано доставлять и представлять доказательства, говорящие в пользу подсудимого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Штамер, я хотел бы Вам сказать, что то заявление, которое Вы только что сделали, совершенно неправильно. Английского кодекса судебной процедуры по уголовным делам не существует, но во всем мире принято, чтобы обвинение сообщало защите о всех документах и свидетелях, имеющихся в пользу защиты; поэтому Ваше заявление совершенно не соответствует действительности; я полагаю, что тот же порядок принят и в Соединенных Штатах. А то, что Вы говорите здесь о том, что защита находится в несколько несправедливом затруднительном положении по отношению к обвинению, это также совершенно неправильно, так как я уверен, что обвинение на настоящем процессе выполняет те же прави-

15022

H1209 – 0346

H1209 – 0347

ла, которым оно следовало бы в Англии; оно сообщило бы защите о всех документах или свидетелях, имеющихся в его распоряжении, которые были бы полезны защите. На этом процессе было уже несколько случаев, когда обвинение сообщало защите о документах, переданных ему и, которые, как ему казалось, могли помочь защите.

Все, или почти все, документы, представленные защитой на этом процессе, были получены обвинением с большим трудом. Были произведены расследования по всей Германии и я могу даже сказать, почти по всему миру, с тем, чтобы помочь защитникам осуществить защиту на данном процессе:

ШТАМЕР: Я благодарю вас за ваши указания, господин председатель.

После оглашения обвинительного заключения рейхсмаршал Геринг на вопрос господина председателя о том, считает ли он себя виновным или невиновным - заявил:

"Нет, я не признаю себя виновным в духе пред"явленных мне обвинений".

Это заявление подсудимого требует рассмотрения всех пунктов обвинения, выдвинутых в Обвинительном заключении. Подсудимый, однако, сам лично уже рассмотрел многие важные для его защиты вопросы во время прямого допроса. Он подробно выразил свое мнение относительно политических и военных событий и при этом детально осветил мотивы своих действий, а также и возникновение и ход событий.

Я благодарен Высокому Суду за то, что подсудимому было разрешено представить все эти события во всей широте так, как он их видел, воспринимал и переживал. Ибо именно непосредственное личное повествование и

только оно дает возможность распознать действительные внутренние мотивы подсудимого и составить справедливое мнение о его личности. Такое знание личности необходимо, если Трибунал хочет принять решение, которое соответствовало бы не только об"ективному праву, но и было бы справедливым,прежде всего,по отношению к индивидуальным особенностям лица, совершившего действия.

После того, как подробные показания подсудимого были заслушаны Трибуналом, я не считаю нужным заниматься каждым вопросом, по которому подсудимый уже дал необходимое раз"яснение. Поэтому я могу ограничить свою защиту следующими положениями.

Мы стоим на рубеже огромной важности. Кончается одна эпоха, которая в большей степени определялась идеей свободы, чем идеей порядка. Это стремление к свободе пробудило могучие силы, настолько могучие, что в конце концов с ними уже нельзя было совладать. Те бесспорные успехи в области науки и техники, которые принесла с собой эта эра, дорого обошлись нам,; они стоили нам нарушения основ всего человеческого порядка и устранения мира на земле.

О более глубоких причинах этого рокового развития почти совсем не говорилось здесь в этом зале. Но для правильного понимания всех тяжких преступлений и заблуждений, на которых здесь строится обвинение, необходимо осветить и исторический фон.

Господин Главный обвинитель от Франции уже указывал на то, что корни национал-социализма следует искать в далеком прошлом. Он проследил это развитие до начала прошлого столетия. В "Речах к немецкой нации" Фихте он

15024

H1209 – 0348

H1209 – 0349

видит первый шаг на пути к ложному направлению развития немецкого характера. Фихте проповедовал дух пангерманизма потому, что он хотел, чтобы мир был бы организован и задуман другими такими, каким он себя его представлял и каким он хотел его видеть. Я не понимаю, что проявилось здесь кроме человеческого желания участвовать в формировании общей судьбы. Только характер этих попыток участвовать в общей судьбе можно иногда по праву подвергать критике.

Для экономии времени я выпускаю следующее предложение и начинаю со следующего абзаца.

Если исходить из исторических позиций, то, оглядываясь назад, нельзя останавливаться на Фихте, ибо его "Речи, обращенные к нации" являются только лишь ответом на "Общий призыв", с которым обратилась к миру Французская революция; их непосредственно породило выступление Наполеона I. Надо пройти в обратном порядке всю цепь причин и следствия до самых истоков. И эти истоки, то-есть зарождение стремления к личной и национальной свободе, которым характеризуется новое время, мы находим в средневековье.

В средневековье было пародолено пестрое переплетение национальных и империалистских те ений и борьбы, характерных для этого периода. Все это было преодолено единой идеей христианской церкви. Таким образом, динамика того времени была заменена статистическим порядком, который по учению церкви был создан самим богом и который поэтому считался "милостью божьей". Этот порядок стремился универсально охватить все человечество

15025

и привести его к миру и покою. Средневековые проповедники первыми сделали попытку подчинить войну правовым принципам. До этого войну всегда воспринимали только как естественное явление, такое, как, например, болезнь или непогоду. Часто войну даже почитали, как Суд божий. Такие люди, как святой Августин и Томас фон Аквино, выступили против этой точки зрения и заявили, что следует делать различие между справедливой и несправедливой войной. И они делали это различие, опираясь на христианскую веру, не выходя за рамки этой веры, которая говорила о том, что человек, по повелению Господа, должен выполнять установленный богом во всем мире и обязательный для всех нравственный порядок, на основании которого и следовало решать вопрос о справедливости и несправедливости войны.

Это развитие, направленное на установление мира во всем мире, обратилось в свою противоположность тогда, когда Ренессансом и реформацией были покобеблены духовные устои средневекового порядка, и жизнь, которая уже начала было входить в рамки статического спокойствия, теперь превратилась в движение, которое с каждым столетием все увеличивалось-и увеличивало свою скорость до момента современной катастрофы. Стремящийся к свободе индивидуум освободил себя от церковных и сословных оков. Государство, само об"являющее себя суверенным, нарушало универсальный порядок, установленный богом и проповедуемый церковью. Не признавая над собой никакой власти, оно по своему усмотрению завоевывало себе жизненное пространство на этой земле и делало это до тех пор, пока более сильная воля другого народа не устанавливала для него естественных преград.

15726

H1209 – 0350

H1209 – 0351

С этого времени мир воцарялся только тогда, когда устанавливалось довольно неустойчивое равновесие сил, которые теперь подчинялись своим собственным законам.

Упоминавшаяся здесь Обвинением теория деликта войны юриста-международника Гротиуса не имела успеха потому, что она противоречила динамике того времени. Она только представляла собой попытку сохранить вышеупомянутое христианское представление о войне, придавая ему светское обоснование. Но из одной только природы нельзя вывести правовой нормы. В природе нет другого масштаба, кроме самих национальных сил. В природе фактически правым оказывается тот, кто сильнее. Только метафизически право может быть рассмотрено как независимая сила, стоящая над естественными инстинктами. Поэтому теория Гротиуса и должна была в конце концов умереть в XVIII веке, так как только светское мышление не могло найти критериев справедливой войны.

Я выпускаю следующий абзац, опять-таки, по соображениям экономии времени.

С того времени мир волнует вопрос об истинном праве. Все социалистические теории являются лишь попыткой разрешения этого вопроса. Люди снова ищут безопасности и порядка, после того, как их слишком уже разочаровала обратная сторона чрезмерной свободы.

Одни хотят возвратиться к христианской истине от Бога, другие хотят итти вперед, чтобы, все-таки, одолеть эту проблему с помощью человеческого разума. Национал-социалисты, самые революционные вожди которых хотели пойти еще дальше назад и одновременно вперед к высшему смыслу жизни в биологическом и политическом мышлении, побеждены и ушли с арены. Однако, пока еще не найдено решения проблемы мирового порядка. Но державы-победительницы надеются приблизиться к этому решению, создавая

H1209 – 0352

дистанцию между собой и побежденными, путем коллективного обвинения и осуждения их как преступников.

Но откуда они хотят взять масштабы, с которыми можно было бы подойти к разрешению вопроса о том, что справедливо и что несправедливо в правовом отношении. Постольку, поскольку эти масштабы заранее даны действовавшим до сих пор международным правом, нет необходимости останавливаться на них. То, что только на основании Устава этого суда был создан особый Трибунал для судебного расследования, я также не буду здесь порицать. Но я решительно должен возразить против применения этого Устава постольку, поскольку он хочет создать существенно новое право, угрожая наказанием за действия, которые в период их совершения не считались преступными, по крайней мере по отношению к индивидууму.

Я снова выпускаю следующий абзац.

Можно ли ожидать, что в соответствии с этим, наказания будут признаны справедливыми, если преступник сам не мог знать об этих наказаниях, ибо в то время они не угрожали ему и он считал себя вправе выводить справедливость своих действий, учитывая только лишь политическую цель? Разве может здесь помочь ссылка на закон нравственности, если этот закон нужно еще найти? Судья Джексон, правда, считает, что нацистское правительство с самого начала не являлось представительством законного государства, которое преследовало бы законные цели, стоящие перед ним, как перед членом международного сообщества. Только, исходя из этого, вообще можно понять обвинение в заговоре, которого я коснусь позже. Действительно, это обвинение, как и вся аргументация судьи Джексона, намного опережает время. Ибо общепризнанные масштабы, с которыми, независимо от позитивного международного права, можно было бы подойти к определению законности госу-

15028

дарств и их целей, вообще не существовали также, как и международное сообщество, как таковое. Все лозунги о законности своих собственных и незаконности чуких притязаний помогали образованию политических фронтов в такой же степени, как и попытки заклеймить своих политических противников, как нарушителей мира. Во всяком случае, они не привели к созданию новых норм права.

Судья Джексон справедливо сказал, что побежденные находятся во власти победителей, и они могут поступать с ними по своему усмотрению. Но, сказал он, огульное наказание без окончательного и точного установления вины было бы нарушением неоднократно дававшихся обещаний и легло бы тяжким бременем на совесть Америки. Поэтому он сам предложил провести судебный процесс. Правда, этот процесс должен был отличаться от обычного уголовного процесса тем, что подсудимые должны были быть лишены обычной возможности обструкции и затягивания хода судебного разбирательства. Но установить вину можно только на основании справедливого и честного допроса. И если подсудимые являются первыми руководителями побежденной нации, которые должны нести ответственность перед лицом закона, то они также являются первыми людьми, которым дается возможность "во имя справедливости" защищать свою жизнь.

Следовательно, Устав может быть применен Трибуналом лишь постольку, поскольку его положения не только формально, но и фактически с чистой совестью могут рассматриваться как нормы права. Сам Устав говорит о том, что в случае нарушения его положений нкто не может ссылаться на приказ своего правительства или своего

15029

H1209 – 0353

H1209 – 0354

начальника. Если это так, то эта логика устава должна быть применена и к самому уставу, то-есть судье должно быть разрешено проверить, совместимы ли его положения с общими принципами правового мышления. Ибо, в конце концов, судья по отношению к законодателю куда более свободен и самостоятелен, чем подчиненный по отношению к начальнику, или подданный по отношению к диктатору.

Другой вопрос заключается тогда в том, действительно ли положения Устава настолько противоречат существовавшим до его появления нормам права и, в особенности, основным принципам всякого правового порядка, что суд не хочет признать и применять их, как нормы права. Практически основная проблема здесь состоит в том, чем руководствоваться в спорных случаях, уставом или положением права: "Нулла пена сине лэге".

В отдельных случаях, когда в качестве исключения не учитывалось это правило, пытались ссылаться на ярко выраженный политический характер этого процесса. Такого рода обоснование, однако, никак не может быть принято. Политическое значение процесса будет выявляться в его непосредственных и далеко идущих последствиях, но никоим образом не на самом процессе, в результате оказания влияния на применяемые на нем правовые нормы. Судья должен осуществлять правосудие, а не делать политику. И он тем более не существует для того, чтобы исправлять ошибки политических деятелей. Показания, в отношении которых своевременно не было сделано предупреждения, он может устанавливать на основании закона, изданного впоследствии, только в том случае, если бы он сделал это и независимо от всего прочего.

Ибо, в основном, следует, очевидно, придерживаться принципа разделения властей. Руководствуясь этим,

15020

H1209 – 0355

Монтескье разграничил первоначально единую власть абсолютного монарха на область законодательства, администрации и правосудия. Эти три различных формы выражения государственной власти должны на основе равноправия уравновешивать чаши весов и, таким образом, помогать контролировать друг друга. Эта система разделения властей является характерным признаком сущности современного правового государства. Несколько преувеличенно можно определить области компетенции и области деятельности этих трех различных форм выражения власти может быть следующим образом: законодательство имеет дело с будущим; администрация–с настоящим, а правосудие–с прошедшим временем.

Законодательство устанавливает нормы, по которым строится жизнь. Время от времени следует изменять и эти нормы и приводить их в соответствие с изменившимися условиями жизни. Но до тех пор, пока эти условия не изменились, они остаются в силе.

Когда установление жизненного порядка чисто нормативным путем становится со временем недостаточным, этот порядок устанавливается администрацией, которая в свою очередь также связана определенными нормами, но в рамках своих задач может обычно действовать свободно, дабы действительно отвечать каждодневно меняющимся потребностям. Администрация так же, как и политический деятель, издающий законы, руководствуется идеей целесообразности.

Судья же не имеет права принимать решения, руководствуясь этой идеей. Он должен руководствоваться нормами права. Вообще, его задача состоит не в том, чтобы создавать новые нормы права, а в том, чтобы выносить приговор. Он следует поступки после того, как они совершены, и условия после того, как они сложились.

15031

Он определяет, соответствуют ли они нормам, насколько они отступили от них, а также какие правовые последствия они влекут за собой. Его взгляд обращен, как правило, в прошлое. В государственной жизни, постоянно изменяющейся в результате деятельности политическх руководителей, взгляд которых обращен в будущее, судья-противоположный статичный полюс. Правда, судья связан законами, изданными политичнескими деятелями, но он не просто их исполнительный орган. Более того, он со своей стороны должен контролировать законодателя, проверяя его законы с точки зрения их соответствия конституции. Он, следовательно, должен также, во всяком случае, следить за тем, соблюдается ли принцип разделения властей. Точно так же, как судья должен вершить правосудие по принципу "де леге лате" и предоставлять решение "де леге форенда" законодателю, так и последний, наоборот, не должен вмешиваться в функции судьи, вводя законы, имеющие обратную силу.

Критика правовых принципов национал-социалистского государства базируется в основном на том, что оно отвергло принцип разделения властей. Выдвинув на первый план политический принцип фюрерства, оно самовольно вмешивалось в компетенции судьи. С помощью полиции, т.е. администрации, оно арестовывало людей, не имея на это юридического права, исходя лишь из соображений политической безопасности, оно подвергало даже повторному аресту тех людей, которые ранее решением суда были оправданы и освобождены. С другой стороны, опять-таки по политическим соображениям, оно укрывало уличенного преступника от судебного преследования. Конечно, это ставило под большую угрозу надежность права и его четкость.

15092

H1209 – 0356

H1209 – 0357

Я могу выпустить следующий абзац, так как я еще вернусь к этому основному принципу в связи с другими вопросами.

При этом некоторая защита от произвола со стороны судей и расщепления права заключалась в том, что национал-социалистское государство было проникнуто одной определенной, обязательной для судей идеологией. О тесной связи правосудия с идеологией еще много лет тому назад высказался швейцарский профессор права Фериз Берна в своей книге "Право и действительность. Зарождение и отмирание форм права".

"Без определенной идеологической базы право парит в безвоздушном пространстве... У кого нет идеологической базы, у того нет и определенной теории права.."

Я могу также выпустить еще несколько абзацев и продолжить на следующей странице.

В противовес этому нельзя установить определенной идеологической основы Устава. Так как лица, подписавшие его, стоят на идеологических позициях, значительно отличающихся друг от друга, как в отношении устава, так и в отношении существовавших до этого норм международного права, необходимо исходить из либеральной идеи свободы идеологии. Тем самы, однако, для него особо священным должно являться положение права: "Нулла Пена сине Леге". Это доказывается, кроме того, также и тем, что Контрольный совет в Германии в ясной форме напомнил о нем всем нецам, издав закон об устранении аналогии в уголовном законодательстве, существовавшей в § 2-а Уголовного кодекса.

Я пропускаю следующий абзац и продолжаю:

Этому не поможет также исследование политической целеустановки, положенной в основу Устава.

75033

H1209 – 0358

Судья Джексон назвал Устав и данный процесс шагом вперед "... в направлении создания права, устанавливающего также и личную ответственность того, кто начинает войну".

Американский комментатор Липпман в другой связи заявил, что система предотвращения войн на основе принципа коллективной безопасности провалилась. Ведь никто не заинтересован в том, чтобы помочь предотвращению войны, не представляющей для него непосредственной угрозы, тем, что он об"явит войну нарушителю мира.

Такое средство для борьбы с болезнью войны является настолько же опасным, как и сама болезнь. Вследствие фиаско коллективных методов в последней войне, у противников Германии возникла мысль обеспечить безопасность в будущем на основе возложения ответственности на отдельных лиц, виновных в нарушении мира. Таким образом и возник Нюрнбергский процесс. Исходя из факта его возникновения, сегодня можно, бросив ретроспективный взгляд, сказать: в период второй мировой войны развитие приняло революционный характер. Оно вывело человечество за границы того, что еще недавно составляло сущность нашего века: первые, но важные шаги к созданию мирового государства уже сделаны.

Указанный здесь Липпманом путь к миру в принципе можно весьма приветствовать, хотя и можно сомневаться в его абсолютной надежности. Судья Джексон даже сам выразил сомнение относительно того, сможет ли угроза наказания и оказываемое ею устрашающее действие в действительности воспрепятствовать нарушениям мира в будущем. Ведь решение о войне так или иначе принимает только тот, кто считает, что он уверен в своей победе, и поэтому он не может серьезно принимать в расчет угрожающее ему наказание, которое грозит ему только в слу-

чае его поражения. Поэтому важнее, чем устрашающее действие, которое может быть достигнуто также уже угрозой наказания в будущем, воспитательное значение данного процесса, достигаемое благодаря упрочению идеи права. Политический деятель должен научиться тому, что принцип распределения властей должен соблюдаться также и им, и что ни один судья не согласится исправлять его ошибки путем рассмотрения его действий также и на основании законов, изданных впоследствии. Приговор, вынесенный на этом основании, значительно повысил бы доверие к международному правосудию, которое сегодня страдает от подозрения в том, что им легко злоупотребить в политических целях.

Таким образом, даже с точки зрения политической целесообразности, нарушение положения "Нулла Пена Сине Леге" не находит оправдания. Однако необходимо установить, что укрепление веры в непреложность права, как в стабильный фактор в невероятной динамике политических сил, лучше всего может послужить делу мира.

Этот вывод не может быть подвергнут сомнению также и на основании отдельных соображений, высказанных представителями Обвинения.

Представители Французского обвинения подчеркивали, что живое международное право немыслимо без международной морали, и что всем претензиям на свободу как индивидуумов, так и наций, должен предшествовать моральный закон. Это, конечно, истины, которые следует весьма приветствовать. Однако, если их правильно истолковать, они говорят только в пользу моей точки зрения, а именно, что укрепления идеи права нельзя достичь, начав с ее нарушения.

15025

H1209 – 0359

H1209 – 0360

Если Главный Обвинитель от Франции заявил, что без наказания главных преступников нацистской Германии в будущем не может быть больше веры в справедливость, то он здесь, очевидно, слишком далеко зашел в пылу своей речи. Справедливость проистекает не из необходимости любой ценой удовлетворить оскорбленное чувство права. В этом случае мы бы быстро вернулись снова к голой расплате, очутились бы перед бесконечной цепью несчастий, вызванных кровавой местью. Нет, - справедливость требует меры и рассмотрения доводов и контрдоводов. А в этом отношении уже односторонние действия только против подданных держав Оси, нарушают идею справедливости. Невозможно, однако, оправдывать ее нарушение ее же самой, а именно общезначимого в других случаях положения: Нулла пена Сине Леге ".

Господин главный обвинитель от Великобритании назвал самую возможность издания законов, имеющих обратную силу, одной из самых отвратительных доктрин национал-социалистского правосудия. Между тем он полагает, что предоставление возможности наказания за действие, которое уже раньше было заклеймено как преступление, не означает изменения норм права, оно означает лишь их дальнейшее логическое развитие и является поэтому допустимым. Однако, я вовсе не собираюсь порицать оправдываемое им на основании этого учреждение Трибунала. Основной вопрос состоит в том, должен ли этот Трибунал карать, хотя он и не найдет ни одного уголовного кодекса, который предусматривает наказание за действия уже в момент совершения этих действий.

При положительном ответе на этот вопрос, мы зашли бы значительно дальше, чем национал-социалистское правосудие, подвергшееся такой резкой критике со стороны господина главного обвинителя от Великобритании.

13036

Далее важно, что Устав, если он хочет не только предусматривать уголовное преследование за указанные в нем действия, но даже и обосновать наказуемость этих действий, должен выразить это вполне ясно и недвусмысленно. Соответствующее положение в § 6 Устава, однако, совершенно неясно. Его формулировка,-

"Следующие действия /или любые из них/ являются преступлениями, подлежащими юрисдикции Трибунала",- может быть истолкована как в смысле простого определения компетенций, так и, кроме этого, хотя и с трудом, одновременно, как положение, обосновывающее наказуемость действий. Поэтому, это положение должно быть истолковано в соответствии со старым правилом права: "Ин дубнопроре" в пользу подсудимых. Следующее за ним положение:-

"Виновный в таких преступлениях несет за них личную ответственность" -

и приведенные в дальнейших параграфах материальные положения уголовного права, не дают по своему содержанию никакого повода толковать их различным образом. Они содержат лишь положения о различных степенях уголовной ответственности, которая сама по себе предполагается. Пусть Трибунал решит, считает ли он их совместимыми с основным принципом "Нулла Пена сине леге превиа", и, если да, то в какой степени.

Труднее всего мне понять точку зрения господина главного обвинителя от США. С одной стороны, он резко выступает против произвола нацистов в области права, с другой стороны, он не собирается удовлетвориться осуждением подсудимых только за те преступления, которые уже во время их совершения были не только достойны наказания, но за которые уже действительно грозило наказание.

15037

H1209 – 0361

H1209 – 0362

С одной стороны, он не хочет казней или наказаний без справедливого установления их вины; с другой стороны, он требует строгого применения устава, также и в том случае, если он содержит новые нормы права, новые также и для подсудимых. С одной стороны, он хочет, чтобы процесс явился для последующих поколений осуществлением стремлений человечества к справедливости. С другой стороны, в ответ на возражения против положений устава, он ссылается на волю победителей, которые вообще могли бы не церемониться с подсудимыми.

Я выпускаю следующую страницу и продолжаю на странице 18,2-й абзац:

Что касается политической стороны этого процесса, то я уже изложил, почему она не должна оказывать влияния на ход процесса.

Здесь я хотел бы указать лишь на то, что политика, проводимая победителями по отношению к побежденным и которая может быть охарактеризована, как политика "наименьшего сопротивления", уже однажды показала свою порочность.

Я перехожу к странице 19, к вопросу о заговоре.

З а г о в о р:

Из всех преступлений, вменяемых в вину подсудимым, самым крупным по своему составу и по времени, которое оно охватывало, является заговор. Профессор Экснер, профессор кафедры уголовного права в университете, особенно подробно разбирал значение этого правового понятия для нашего процесса. Во избежание повторений и в интересах экономии времени, профессор Экснер предоставил в мое распоряжение результат своего исследования. С его согласия я намереваюсь сказать по этому вопросу следующее:

15038

Понятие "заговор" является понятием англо-американского права. Правда, и там это понятие не является бесспорным. Больше того, примечательно то, что и в Англии имеются люди, защищающие ту точку зрения, что это понятие является устаревшим:

"Утверждали, что в Англии этот закон совершенно вышел из употребления".

Для данного процесса важным является нечто иное. Понятие "заговор" в том смысле, в каком его употребляет обвинение, германскому праву совершенно неизвестно.

Поэтому на первый план своего краткого рассмотрения правовых вопросов я хотел бы поставить два вопроса, вызывающих сомнения:

1/Должен ли уголовный процесс, который хочет быть справедливым, использовать правовые понятия, которые абсолютно чужды и всегда были чужды подсудимым и правовому мышлению их народа?

2/Как это может быть согласовано со следующим положением "Нуллум Кримен Сине Леге Превиа", которое было признано главным обвинителем от Великобритании, как основной принцип уголовного права цивилизованных наций?

3/Можно ли честно утверждать, что уже до 1939 года не только развязывание противозаконной войны было признано действием, за которое подвергаются уголовному преследованию отдельные лица, но что даже больше, - "заговор" с целью развязывания таких войн был признан наказуемым действием?

Положительный ответ на этот вопрос, данный Обвинением, вызвал удивление, причем не только в Германии. В этой связи следует раз"яснить одно недоразумение. Утверждалось, что национал-социалистское государство само издавало уголовные законы, которые противоречили принци-

15039

H1209 – 0363

H1209 – 0364

пу: "Нуллум Кримен сине леге" и что поэтому подсудимые не вправе ссылаться на этот принцип. Я ни в коем случае не намереваюсь защищать национал-социалистское уголовное законодательство, но честность повелевает сказать это-заблуждение. Во время существования третьей империи, как это было уже упомянуто, было издано три закона, имевших обратную силу, которые увеличивали меру наказания, Эти законы предусматривали смертную казнь за действия, за которые в момент их совершения было предусмотрено наказание, связанное с лишением свободы. Но ни в одном случае ни за одно из действий не было предусмотрено наказания, согласно закону, имевшему обратную силу, если ранее это действие не было наказуемым и, таким образом, в момент совершения не было преступлением, а становилось им только на основании этого закона. О таком законе здесь как раз и идет речь.

Однако, Устав, из которого я здесь исхожу, предписывает применение понятия заговора. Поэтому я не буду больше рассматривать этих спорных вопросов. Все же из них вытекает следующее: если и применять это понятие по отношению к немцам, то это должно производиться со всеми ограничениями, которые диктуются справедливостью.

По англо-американскому праву заговор означает договоренность нескольких лиц о совершении преступлений. "Сотрудничество или соглашение между двумя или большим количеством лиц для достижения незаконной цели или законной цели незаконными средствами" /Юридический словарь Блэка/.

Подобные определения повторяются. Самым характерным для них являются 2 пункта "Эгримент" /соглашение/ и "Камон плэн" /общий план/.

15040

"Эгримент" означает открыто высказанное или молчаливое соглашение. Если несколько человек, независимо друг от друга, преследуют одну и ту же цель, то это не является заговором. Таким образом, недостаточно, что у них у всех единый план, они должны быть осведомлены об этой общности плана и каждый из них должен добровольно признать этот план своим. Уже в самом слове "конспирирен" /принимать участие в заговоре/ заключен тот смысл, что каждый должен принимать участие в нем по своей воле и знать о нем. Тот, кого заставляют принимать в нем участие, не является заговорщиком, так как насилие не означает соглашение; оно может лишь привести к внешней готовности к оказанию помощи. Таким образом, если кто-либо навязывает другому свою волю, то это не заговор. Поэтому заговор с диктатором во главе противоречит самой сущности заговора. Диктатор не вступает в заговор с исполнителями своей воли, он не заключает соглашения с ними, он диктует.

Заговорщики сознательно стремятся к созданию общего плана. Содержание этого плана может быть различным. В английском праве, например, существует понятие о заговоре для совершения убийства, обмана, шантажа, клеветы, отдельных экономических деликтов и т.д. Во всех этих случаях заговор рассматривается как деликт особого рода; поэтому заговорщики за участие в заговоре несут наказание, при чем не учитывается, было ли в каждом отдельном случае действительно совершено убийство, обман или имела место только попытка совершить подобное преступление. Согласно значению этого термина в

1504

H1209 – 0365

H1209 – 0366

немецком языке, мы бы сказали: заговор является одним из таких случаев, в которых уже подготовка к совершению преступления является наказуемой. То же самое положение существует и в германском уголовном праве. Наказанию подвергается то лицо, которое принимает участие в действиях группы людей, имеющих своей целью покушение на жизнь. Такое лицо наказывается, согласно § 49б, за преступление, которое заключается в подготовке к убийству, если даже задуманное действие не было совершено. В некотором отношении здесь можно также привести § 129: "Соучастие в действии, которое преследует определенные враждебные государству цели, является наказуемым" - в этом случае также независимо от того, было ли совершено действие или нет. Если такое действие будет совершено, каждый привлекается к ответственности в той мере, в какой это соответствует степени его виновности в совершении этого действия. Если отдельный заговорщик не виновен в этом конкретном преступлении ни как исполнитель, ни как сообщник, то он может нести ответственность только за соучастие в антигосударственных действиях, но не за это преступление.

Обвинители на этом процессе идут дальше. Они при определенных условиях хотят наказать заговорщиков также и за отдельные действия, в которых они не принимали участия.

Приведу наиболее характерный пример: они хотят возложить на заговорщика ответственность также и за те преступления, которые были совершены до его вступления в заговор.

С помощью того небольшого количества средств, которые находятся в моем распоряжении, я не мог найти доказатель-

15042

ства того, что это является обоснованным по английскому или американскому праву. Но совершенно точным и определенным является следующее: такой вывод противоречит самым явным образом германскому уголовному праву, так как в последнем действует само собой разумеющийся и никем неоспоримый принцип: за то или иное действие человек ответственен лишь в том случае, если он совершил его или по крайней мере являлся его соучастником.

Обратимся теперь к Уставу. В Уставе приведены два случая, которые об"явлены наказуемыми и отнесены к юрисдикции Трибунала:

I/B § 6а говорится об участии в общем плане или заговоре, направленном к совершению преступлений против мира. Сюда относится планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров или гарантий. Здесь бросается в глаза следующее обстоятельство: понятие внутригосударственного уголовного и частного права Англии и Америки было без долгих размышлений применено в области международного права. Устав делает это с помощью того, что он обращается с лицами, которые планировали или вели противозаконные войны, как с гангстерами, принимающими участие в уличном грабеже. Это - юридическая смелость, так как в данном случае между отдельными лицами и успехом их действий находится суверенное государство; это лишает всякого основания какое-то ни было сравнение с фактами внутригосударственных повседневных событий. Международному праву понятие "заговор" было до сих пор неизвестно.

15043

H1209 – 0367

H1209 – 0368

2. Согласно последнему разделу статьи 6 Устава, соучастники, т.е. лица, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного на совершение преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности, несут ответственность за все действия, совершенные любым из участников при исполнении этого плана. Здесь имеется принципиальное различие по сравнению с случаем, упомянутым в пункте 1. Это означает не только наказание за делик~~т~~ - заговор, но также и ответственность за каждое отдельное действие любого заговорщика. Другими словами - здесь заговор не являет собой особого состава преступления - он представляет собой форму совиновности в действиях заговорщиков. Судья Джексон привел пример: если из трех разбойников, состоящих в заговоре, один убьет жертву, то они все несут ответственность за совиновность в убийстве.

Этот случай, приведенный в пункте 2/, имеет для нашего процесса огромное значение. Отдельный заговорщик должен быть наказан за действия, которые совершил не он, а другой заговорщик. Подсудимый, который не имел ничего общего с уничтожением евреев, должен быть наказан за это преступление против человечности только потому, что он принимал участие в заговоре.

Принципиальный вопрос состоит в следующем: следует ли применять на этом процессе принципы ответственности, которые выходят за границы наших германских принципов уголовного права?

В статье 6 Устава сказано: Все заговорщики несут ответственность за каждое действие, совершенное кем-либо из заговорщиков при исполнении этого плана. Это положение имеет решающее значение для истолкования Устава.

По моему мнению, смысл этого положения заключается в следующем: прочие заговорщики несут ответственность за те действия своих товарищей, которые были совершены в рамках плана, т.е. таких действий, которые ими также обдумывались, совершения которых они также желали или с которыми они по крайней мере согласились. Приведу примеры:

Случай а/ А.Ь.Д. и Д совершают задуманную ими кражу со взломом в вилле. В доме они застают девушку. А. насилует ее. Ь.С. и Д. не могут отвечать за это изнасилование, так как А., когда он насиловал, не действовал во "исполнение плана", а лишь в связи с исполнением плана. Здесь речь шла не об исполнении плана, а об имевшем место случае при исполнении плана.

Это, очевидно, неоспоримо, но тем не менее очень важно, так как отсюда ясно видно, что, во всяком случае, не может быть речи об ответственности каждого заговорщика за все действия заговорщиков.

Случай б/. При совершении кражи в вилле Ь. и Ц. поспорили о какой-то добыче. Ь. убивает Ц. Это действие произошло также не "во исполнение плана", оно не было предусмотрено планом, А.и Д. не ответственны за этот "эксцесс"

Случай в/. При совершении кражи в вилле взломщиков настигает хозяин. С.застреливает его. Здесь уже становится важным особая обстановка, в которой происходит этот

15045

H1209 – 0369

H1209 – 0370

случай. Возвратимся сейчас к примеру судьи Джексона о трех разбойниках, из которых один убивает жертву. Учитывая образ действий американских гангстеров, следует считать вполне нормальным, что отдельные участники разбойничьей шайки осознавали возможность подобного исхода и считались с его возможностью. Если дело обстояло таким образом, то их следует, по нашему мнению, рассматривать как соучастников убийства или сообщников.

При таком положении вещей не было бы никаких возражений против решения вопроса судьей Джексоном. Если же весь случай обстоит иначе, то-есть, если бы смертельный исход не был бы предусмотрен, так как они, например, предполагали, что обитатели дома уехали, то тогда вопрос об ответственности заговорщиков отпадает.

Ведь они могут отвечать лишь за то, что происходит "во исполнение плана"; к общему же плану относится лишь то, что было с самого начала предвидено заговорщиками и одобрено как необходимое для достижения цели; другие пути исполнения не предусматривались планом.

Обманчивое в представленных судьей Джексоном доказательствах заключается в том, что решение, которое является правильным для "нормального случая", который представляет собой его пример о разбойниках, он возводит в общий принцип, который не может распространяться на другие ситуации. После всего этого следует отвечать положительно на вопрос об ответственности за отдельные действия только по отношению к тем заговорщикам, которые предвидели и одобряли действия своего товарища.

Правовой принцип, который распространяет ответст-

75046

венность заговорщиков на случай, в которых они невиновны, чужд германскому праву. Входит этот принцип в круг принципов и понятий англо-американского права или нет,-его применение на нашем процессе стало бы превращать действия в наказуемые, которые до этого не были наказуемыми. Это противоречило бы самым явным образом основному принципу: "Нуллум кримен сине леге превиа", принципу, который был ясно признан английским обвинением. В виду того факта, что статья 6 допускает различные толкования, следует считать из двух возможных толкований ту соответствующей воле авторов, которая не противоречит вышеназванному принципу.

Существует выход из заговора, а также более позднее вступление в него. Тогда возникает вопрос: как обстоит дело с ответственностью за действия, которые были совершены в то время, когда то или иное лицо не входило в состав заговорщиков. Обвинители, кажется, придерживаются следующего мнения: если кто-нибудь вступает в заговор, то он одобряет все, что делал любой из заговорщиков до этого времени во исполнение плана. Это утверждение берет свое начало в гражданской правовой идее о последующем одобрении заключения сделки. В уголовном праве этот момент несостоятелен. В Уставе не имеется ничего подобного, так как общий план, во исполнение которого произошло действие, имелся лишь у старых членов.

Если даже усматривать в самом факте вступления в заговор одобрение всех предшествовавших действий заговорщиков, то это одобрение совершенных преступлений не означает еще участия в этих преступлениях.

15047

H1209 – 0371

H1209 – 0372

Лицо, которое вступило в заговор позже, не имеет ничего общего с прежними преступлениями. Точно также лиц, которые вышли из заговора, можно считать ответственными лишь за то, что произошло в то время, когда они были участниками заговора, если даже успех того или иного действия наступил после того, как данные лица вышли из состава заговорщиков. Всякая другая точка зрения неизбежно приведет к закону "экс пост факто".

Принимали ли 22 подсудимых участие в заговоре в духе обвинения, т.е. в заговоре, направленном на совершение преступлений против мира, человечности и военных преступлений? Если бы такой заговор существовал, то /в этом никто не сомневается/ - Гитлер был бы его главой. Уже обращалось внимание на следующее: заговор с диктатором во главе противоречит самой сущности понятия заговора. Гитлер, вероятно, смеялся бы, если бы ему сказали, что он заключил соглашение со своими министрами, партийными лидерами и генералами, заключил с ними "agreement" о ведении той или иной войны с помощью тех или иных средств. Он был самодержцем. Для него не имело значение согласие тех или иных людей, для него было важно лишь исполнение его решений, независимо от того, встречали ли его решения одобрение или нет.

Но, помимо этих юридических соображений, следует упомянуть, что в действительности окружение Гитлера выглядело иначе, чем какая-то заговорщическая группа, как это представляли себе обвинители перед представлением доказательств.

Если мы оставим в стороне небольшую партийную клику, то нужно сказать, что его окружала атмосфера недоверия.

Он не доверял ни "клубу пораженцев", т.е. своим министрам, ни своим "генералам". Так обстояло дело еще до войны. Как все выглядело во время войны, было описано свидетелями с потрясающей выразительностью.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Штаммер, может быть, следует дать возможность переводчикам обменяться? /Пауза/. Ну, хорошо, продолжайте в таком случае.

ШТАММЕР: Утонченная система засекречивания имела своим последствием то, что планы и намерения фюрера оставались сокрытыми от его окружения в течение самого длительного времени, так что те или иные события заставали в расплох даже его ближайших сотрудников. Даже больше, о некоторых таких событиях они, к своему ужасу, впервые узнали на процессе. Эта система засекречивания имела далее своим последствием изоляцию отдельных сотрудников, так как правая рука не должна была знать того, что делала левая. Разве все это выглядит как заговор? В действительности Гитлер при случаях жаловался, что генералы организовывают "заговоры" против него, причем очень странно, что он употреблял это слово именно по отношению к тем, которые сегодня сидят на скамье подсудимых за то, что они были в заговоре с ним. Во время представления доказательств неоднократно говорилось о заговорах, но это были заговоры против Гитлера.

Если рассматривать с чисто психологической точки зрения, то кажется совершенно невероятным, что 2 десятка человек, ~~которых~~ Обвинение выхватило из числа оставшихся в живых руководителей третьей империи и посадило на скамью подсудимых за то, что они, якобы, организовали банду заговорщиков в духе обвинения. Ведь эта группа лю-

15049

H1209 – 0373

H1209 – 0374

дей лишена всякой единородности мировоззрения, происхождения, образования, положения и социальных функций. Отдельные подсудимые познакомились впервые на скамье подсудимых.

Обвинение считает партию с ее организациями тем зерном, вокруг которого образовался заговор. Но в данном случае следует вспомнить о различном отношении отдельных лиц к этому пункту: некоторые из них вообще не были членами партии, или в течение долгого времени не принадлежали к ней; только немногие из них играли в ней действительно какую-то роль. Некоторые занимали руководящие должности в партии и ее организациях и посвящали всю свою работу этим организациям; другие же делали все, что было в их власти для того, чтобы оградить свою сферу деятельности от влияния партии и СС.

НСДАП была основана в период полного бессилия государства и усталости от войны, в тот период, когда ни один разумный человек не думал о второй войне или какой-либо агрессивной войне.

Но, может быть, у подсудимых были цели, которых нельзя было достигнуть без войны?

Конечно, мечтой каждого хорошего немца было об"единение всех пограничных германских областей в империи. Таким образом, имелись в виду Саарская область, Австрия, Мемельская область, Данциг и, как более отдаленная мечта, также и Судетская область. Когда-то они все входили в состав Германской империи. Они возвратились бы в состав Германской империи еще в 1919 г., если бы торжественно обещанное право наций на самоопределение было

претворено в действительность. Но этих целей, зиждящихся на горячем желании немцев, нельзя было достигнуть мирным путем. В действительности эти цели были достигнуты без единого выстрела или удара меча за единственным исключением - Данцига, причем последняя проблема при наличии хотя бы капли терпения у фюрера и крошечной доли доброй воли у поляков могла бы быть разрешена с равными результатами и мирным путем. Но войны они не хотели, они не верили в возможность войны. Конечно, от Гитлера они могли ожидать блефов большого масштаба, но они не могли себе представить, что он ввергнет себя в катастрофу войны.

Я не могу верить в заговор для совершения преступлений против мира и военных преступлений.

Следует присовокупить лишь два момента общего значения:

I/Первый момент относится к поведению Геринга непосредственно перед началом войны. В то время он был тем лицом, которому Гитлер все доверял, он был вторым человеком в государстве, и теперь он главная фигура среди подсудимых.

Если бы тогда действительно существовал заговор для ведения агрессивной войны, то он был бы вторым человеком в этом заговоре. Здесь же следует сказать, что как раз он в последние дни августа напрягал все усилия для того, чтобы предотвратить нападение на Польшу; даже больше того - он за спиной Гитлера прилагал все старания к тому, чтобы сохранить мир. Как это может быть совместимо с заговором для ведения агрессивных

H1209-0375

H1209 – 0376

войн? Он был также не согласен с ведением войны против России и всячески отговаривал фюрера.

2/Если бы существовал заговор для совершения военных преступлений, то тогда война бы велась уже с самого начала с полнейшей беспощадностью и в нарушение всех правил ведения войны. В действительности же было наоборот. Как раз в первые годы войны, и это никем не оспаривается, международные правила ведения войны в основном выполнялись обеими сторонами. Как раз в первом периоде войну старались вести на началах рыцарства и порядочности.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ СУДА: Трибунал об"являет перерыв до завтра. / до 10.00 5 июля 1946 года/.

----0000000----

АД

15052

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 5 июля 1946 года

/Утреннее заседание/.

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста, доктор Штаммер.

ШТАММЕР: Я продолжаю.

Если бы существовал заговор для совершения военных преступлений, то тогда бы война велась уже с самого начала с полнейшей беспощадностью и в нарушение всех правил ведения войны. В действительности было наоборот. Как раз в первые годы войны...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Штаммер, Трибунал полагает, что вы в вашей речи остановились несколько далее?

ШТАММЕР: Да, я остановился несколько дальше, это правил-но; но, чтобы восстановить связь, я начал с § 2. Но, если суду угодно, я начну с того места, где я вчера остановился.

Я продолжаю.

Как раз в первые годы войны, и это никем не оспаривается, международные правила ведения войны в основном выполнялись обеими сторонами. Как раз в начальном периоде войны войну старались вести на началах рыцарства и порядочности.

Если нужны доказательства тому, то вполне достаточно взглянуть на предписания, которые издавало ОКВ по вопросу поведения войск в Норвегии, Бельгии, Голландии. Далее: каждый солдат при отправке на фронт имел в своей солдатской книжке памятку с "10 заповедями о ведении войны германскими солдатами". Фельдмаршал Мильх оглашал их здесь из своей книжки. Эти заповеди обязывали солдат вести себя лойяльно и не нарушать международных правил ведения войны. Банда заговорщиков во главе государства с

H1209-0377

H1209 – 0378

планом, состоявшим в том, чтобы вести войну, не соблюдая никаких норм права и морали, наверное, не послала бы своих солдат в бой, отдав им письменный детально разработанный приказ, повелевающий прямо противоположное.

Я думаю, что если обвинение считает этих 22 человек заговорщиками и именно заговорщиками против мира, правил войны и человечности, то оно совершенно ошибается.

Защитники отдельных подсудимых покажут, какое отношение имели их подзащитные, каждый в отдельности, к мнимому заговору.

Только что я упомянул, что рейхсмаршал был вторым человеком в государстве; на протяжении всего процесса это неоднократно отмечало и Обвинение, пытавшееся усмотреть в этом обстоятельство, особо уличающее Геринга, и Обвинение указывало, что в силу своего особого положения Геринг должен был знать все, в том числе и самые секретные вещи, и что он имел возможность вмешиваться во все дела правительства, самостоятельно решая важнейшие вопросы.

Эта точка зрения неверна, и она базируется на незнании того, в чем заключалась преимущественность положения Геринга. А заключалась она в следующем: Геринг был вторым человеком в государстве по рангу. Этот ранг закрепился за ним, когда осенью 1934 года Гитлер, составив завещание и секретный указ, назначил Геринга своим преемником в правительстве. В 1935 или 1936 г.г. это было зафиксировано в неопубликованном правительственном законе, подписанном всеми министрами.

1 сентября 1939 года Гитлер об"явил этот закон в рейхстаге; таким путем преемственность Геринга стала известна всему немецкому народу.

В качестве заместителя фюрера в правительстве Геринг выступал только в тех случаях, когда Гитлер был болен или находился в от"езде вне Германии, как это было, например, в марте 1938 года, когда Гитлер несколько дней пробыл в Австрии.

Когда же Гитлер был на месте и сам выполнял свои обязанности, положение заместителя не давало Герингу никаких особых прав и полномочий. Он мог давать указания только по линии ему непосредственно подчиненных ведомств и не имел права давать служебные указания по линии других ведомств.

Из этого факта следует:

Будучи вторым человеком в государстве, Геринг не мог ни отменять, ни изменять, ни дополнять приказы Гитлера. Он не мог отдавать приказы тем учреждениям, которые не были подведомственны непосредственно ему. У него не было возможности давать директивы, обязательные для исполнения, другим ведомствам/пусть то партийным/ органам, органам полиции, учреждениям армии и флота /или вмешиваться в руководство ими.

Таким образом, положение Геринга как второго человека в государстве не может быть использовано против него, как особо уличающий момент; оно не может также служить основанием к утверждению, что существовал заговор.

Подсудимый Геринг никогда не принимал участия в выработке или проведении в жизнь общего плана или заговора, который имел своим содержанием преступления, названные в обвинительном заключении.

Как я уже отмечал, участие в подобном заговоре должно было иметь в первую очередь своей предпосылкой существование такого общего плана вообще и то, что участники его были едины в своем намерении провести в жизнь преступления, вменяемые им теперь в вину. В отношении Геринга такой предпосылки нет.

15055

H1209 - 0379

H1209 - 0380

Надо признать даже обратное. Конечно, Геринг хотел устранить Версальский договор и обеспечить Германии ее прежнее положение крупной державы. Но он думал, что эти цели можно достигнуть, если не при помощи правовых норм Лиги Наций, то во всяком случае только политическими средствами. Вооружение должно было только придать больше веса голосу Германии.

Геринг , равно как и Гитлер, об"яснял безуспешность внешней политики веймарских правительств, которые, защищая право на самоопределение немцев, с 1918 года не могли осуществить его в самой скромной форме германо-австрийского таможенного союза, главным образом тем, что не было должного уважения к основным средствам Германии.

Находя себе поддержку в поразительных успехах Гитлера в первый период, Геринг надеялся, что мощные вооруженные силы Германии уже только одним своим существованием помогут достижению целей Германии мирным путем, пока эти цели не будут выходить за определенные границы. В политической жизни государство может выступать со своим мнением и его будут слушать только в том случае, если за его спиной стоит мощная армия, внушающая другим государствам уважение. Совсем недавно начальник генерального штаба Америки Маршалл в своем втором годовом отчете констатировал: мир не считается серьезно с желаниями слабых.Слабый - это слишком большое искушение для сильных...

Германия вооружалась не для ведения агрессивной войны.

Не для подготовки агрессивной войны осуществлялся и четырехлетний план, назначение и задачи которого точно выявлены в показаниях самого подсудимого и свидетеля Кернера.

Генерал-фельдмаршалы Мильх и Кессельринг единодушно показали, что созданные в порядке вооружения военно-воздушные силы были только оборонительными силами, не годными для ведения агрессивной войны и потому названные ими "Военно-воздушными силами риска". Такое скромное вооружение Германии не дает основания сделать вывод об ее агрессивных намерениях.

После всего вышесказанного ясно:

Геринг не хотел войны.

Всем своим существом он был против войны. На всех переговорах с дипломатами других государств, во всех своих речах он при случае всегда и с предельной ясностью выражал свое отрицательное отношение к войне.

Об отношении Геринга к войне надежнее всего может свидетельствовать показание генерала Боденшаца, который знаком с ним еще со времени первой мировой войны, который был к нему особо близок и который знает об этом из частных бесед с самим Герингом. Боденшац показал, что Геринг неоднократно говорил ему, что по опыту первой мировой войны ему очень хорошо известны ужасы войны вообще. Он стремится к мирному разрешению всех конфликтов, чтобы по возможности охранить немецкий народ от этих ужасов. Война - это ненадежное, рискованное дело. Просто невероятно потребовать от поколения, пережившего ужасы одной мировой войны и ее горькие последствия, ведения второй войны. То же показал и генерал-фельдмаршал Мильх, который из бесед с подсудимым Герингом знает, что последний отрицательно относился к войне, что он не был согласен даже с оккупацией Рейнской области и что он безуспешно отговаривал Гитлера от войны с Россией.

Начиная с 1933 года, в своих выступлениях, в своих многочисленных речах подсудимый Геринг часто подчеркивал, что он очень заинтересован в сохранении мира и что все вооружение

15057

H1209-0381

H1209 – 0382

производится только для того, чтобы повысить авторитет Германии и снова обеспечить ей возможность играть на международной арене определенную политическую роль.

Его серьезное и искренное желание мира ярче всего явствует из его речи, произнесенной им в начале июля 1938 года в Каринхалле на конференции всех гаулейтеров германской империи. В этой речи он со всей энергией подчеркнул, что внешняя политика Германии должна строиться таким образом, чтобы она ни при каких обстоятельствах не привела к войне. Теперешнее поколение еще сейчас чувствует на своем горбу последствия проигранной мировой войны, начало новой войны вызвало бы шок в немецком народе. На этой конференции, на которой присутствовали, исключительно, высшие партийные руководители, у Геринга не было ни малейшего повода скрывать свое истинное мнение. По этой причине данная речь является ценным и надежным доказательством истинного желания Геринга сохранить мир.

Герингу казалось очень важным сохранить добрые отношения с Англией. Об этом говорит его поведение во время его беседы с лордом Галифаксом в ноябре 1937 года в Каринхалле, во время которой Геринг совершенно откровенно сообщил лорду Галифаксу о целях внешней политики Германии, сводившейся к следующему...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: К сожалению, по звуковой системе слышно одновременно два голоса, поэтому совершенно невозможно что-либо понять. Лучше приостановитесь ненадолго, д-р Штаммер.

Трибунал об"являет перерыв.

/Перерыв по техническим причинам/.

а/ аншлюсе Австрии и Судетской области к Германии,

б/ возвращение Германии Данцига и разумное разрешение вопроса о польском коридоре.

При этом Геринг указал, что он не желает войны и готов помочь Англии в мирном разрешении вопросов.

Встреча в Мюнхене осенью 1938 года состоялась по его инициативе. Мюнхенское соглашение обязано своим возникновением в значительной мере его влиянию.

Когда в марте 1939 года, в результате оккупации оставшейся части Чехословакии, значительно ухудшились отношения с Англией, которая очень рассердилась на поведение Гитлера, означавшее нарушение Мюнхенского соглашения, Геринг приложил все усилия для восстановления нормальных отношений. Для достижения этой цели он организовал встречу с английскими промышленниками, которая состоялась в Зенке-Нюссен-Коог в начале августа 1939 года и о которой здесь рассказывал свидетель Далерус. В речи, произнесенной тогда, он указал, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы началась война с Англией. Он просил участников беседы посильно содействовать восстановлению хороших отношений с Англией.

Когда после речи Гитлера, произнесенной им на совещании командующих войсками 22 августа 1939 года в Оберзальцбурге и неоднократно цитированной здесь, возникла угроза войны, Геринг немедленно, т.е. на завтра же, вызвал к себе из Швеции свидетеля Далеруса и, действуя через голову министерства иностранных дел и на свою ответственность, попытался добиться взаимопонимания с Англией для предотвращения войны.

Здесь выдвигалось возражение, что Геринг, мол, не посвятил Далеруса в свои истинные намерения и что его устремле-

H1209 – 0383

H1209 – 0384

-ния были направлены не на сохранение мира, а лишь на то, чтобы побудить Англию отказаться от договора о взаимопомощи с Польшей, т.е. разобщить Англию и Польшу, после чего Германия могла бы оказать на Польшу давление и Польша подчинилась бы ее требованиям, или начать наступление на Польшу и, ничем не рискуя, осуществить свой план в отношении ее.

Сомневаться в серьезном желании Геринга мира несправедливо, приписываемого ему намерения у Геринга не было.

Если это возражение основывается на том, что Геринг не сообщил свидетелю Далерусу содержание речи фюрера от 23 мая 1939года и речи Гитлера от 22 августа 1939 года, то оно не убедительно и ничего не дает.

Ни при каких условиях Геринг не мог сообщить об этих строго секретных речах кому-то третьему, а тем более иностранцу, не подвергая себя обвинению в государственной измене и измене родине. Кроме того, эти речи не имели ровно никакого значения для выполнения того поручения, которое давалось свидетелю, тем более, что налицо была особая ситуация, так как попытки дипломатов остановились на мертвой точке, и Геринг, не найдя другого выхода, решил в качестве крайней меры воспользоваться своими личными связями, своим личным влиянием и своим личным авторитетом.

Для выполнения поручения Далерусу было важно лишь то, что внешнеполитическое положение Германии, в результате известного свидетелю инцидента между Германией и Польшей, угрожающе обострилось и теперь, в результате ее соответствующего отношения со стороны Англии, должно было быть вновь переведено в мирное русло.

Геринг не собирался разобщить Англию и Польшу друг от друга. Это следует, со всей очевидностью, из того факта, что вначале Геринг передал английскому послу в Берлине Гендерсону текст ноты, содержавшей предложения, которые Германия делала Англии и которые были квалифицированы Гендерсоном, как умеренные, и этим он пытался достичь переговоров непосредственно с Польшей.

Но Польша совершенно откровенно не желала соглашения с Германией. На это указывают различные обстоятельства:

а/ Инцидент с Польшей начался почти год назад. Почему Польша не потребовала его разрешения на третейском суде, о котором был подписан специальный договор? Почему Польша не обратилась в Лигу Наций? Очевидно, она не хотела, чтобы третейский суд вынес приговор по вопросу о Данциге и коридоре.

б/ О нежелании Польши установить взаимопонимание с Германией еще яснее говорит заявление польского посла Липского, сделанное им послу Форбесу и переданное здесь свидетелем Далерусом. Липский заявил, что его не интересует какая-либо нота и какое-либо предложение Германии; он уверен, что в случае войны в Германий тотчас же вспыхнет восстание и польская армия триумфально двинется на Берлин.

Это отрицательное и непонятное отношение Польши находит свое об"яснение, повидимому, в том, что, получив гарантии со стороны Англии, она почувствовала себя слишком уж сильной и уверенной.

Указание на предстоящее восстание дает основание полагать, что Польша была осведомлена о планах группы Канариса. Таким образом, ни о каком двусмысленном поведении Геринга или об его фальшивой игре не может быть и речи.

15061

H1209 - 0385

H1209 – 0386

Серьезное стремление подсудимого Геринга к сохранению мира и установлению хороших отношений с Англией признается также послом Гендерсоном, который, зная хорошо положение в Германии и имея связи с руководителями Германии, имеет наиболее верное суждение о Геринге.

Я ссылаюсь здесь на его цитату из его известной книги "Провал миссии", в которой на 83 странице говорится дословно следующее: "Я хотел бы здесь выразить свою уверенность в том, что фельдмаршал, если бы это зависело от него, не затеял бы войны, как это сделал Гитлер в 1939 году, как будет показано ниже. В сентябре 1933 года Геринг решительно стоял на стороне мира".

Лорд Галифакс также заявил, что и у него не было никаких сомнений в том, что все усилия Геринга, направленные против возникновения войны, были искренними.

То, что после начала войны, которой Геринг стремился помешать всеми имеющимися в его распоряжении средствами, но которой помешать он не смог, он, как главнокомандующий ВВС, отдавал все свои силы для победы Германии, не находится ни в каком противоречии с серьезностью его стремления не допустить войны. С этого момента он знал только свой долг солдата по отношению к своей родине.

Гитлер несколько раз выступал перед командующими войсками с речами. Так, например, в ноябре 1937 года, 23 мая 1939 года и 22 августа 1939 года. Во время своего допроса Геринг весьма подробно изложил значение и смысл этих выступлений. Для решения вопроса о том, означает ли факт присутствия на этих выступлениях участие в заговоре в духе обвинительного заключения, важно констатировать, что в этих выступлениях Гитлер односторонне излагал свое мнение о военных и

политических вопросах. Он информировал участников совещания только о том, с каким развитием событий он считается. Мнением участников совещания никогда не спрашивали, им не представлялось возможности сделать свои критические замечания к точке зрения Гитлера. Гитлер не требовал от своих генералов, чтобы они понимали его приказы, он требовал, чтобы они выполняли их.

Его абсолютистское управление государством было полностью построено на принципе: Sic volo sic iubeo pro ratione voluntas., который он проводил везде и во всем.

Насколько упрямо Гитлер придерживался этого принципа, можно заключить из того, что, как показал Мильх, после доклада 23 мая 1939 года он запретил участникам совещания обсуждать речь и между собой.

Из вышеупомянутых докладов участники этих совещаний не могли узнать и так и не узнали о том, имелось ли у Гитлера твердое намерение начать агрессивную войну или нет.

Это подтверждают единодушно все свидетели, присутствовавшие во время выступлений Гитлера.

В то время Гитлер действительно еще не собирался вести войны. В этом отношении очень важны показания генерал-фельдмаршала Мильха. Этот свидетель в личных докладах Гитлеру, после выступления от 23 мая 1939 года, неоднократно указывал ему, что бомбардировщики не готовы к началу военных операций и что не накоплено запаса бомб. Однако, Гитлер отказывался от подписания приказа о производстве бомб, заявляя, что нет необходимости их производить, что это излишне. Гитлер оставался при своем, хотя Мильх обращал его внимание на то, что на производство их уйдет несколько месяцев. Соответствующий при-

15063

H1209-0387

H1209 – 0388

Указ Гитлер издал только 12 октября 1939 года.

То, что излагал Гитлер главнокомандующим, легко об"яснить его особенностью, заключавшейся в том, что он зачастую развивал политические идеи, не думая о конкретных условиях их осуществления.

Его действительная политика определялась в каждом отдельном случае потребностями живого развития.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА.

Подсудимый обвиняется в бесцеремонном грабеже оккупированных Германией областей и тем самым в нарушении гаагских правил ведения сухопутной войны. Это обвинение необосновано.

Во время допроса подсудимый Геринг, приведя совершенно уважительные основания, подробно изложил, что гаагские правила ведения сухопутной войны от 1899 и 1907 г.г. не могут быть применимы к современной войне, так как к началу второй мировой войны они были в некотором отношении устаревшими и недостаточными. Ко времени их возникновения еще не были известны воздушная война, экономическая война и война пропаганды. Не известна была также и тотальная война, на службу которой без остатка ставится весь народ и все народное хозяйство. Прежде всего, в них ни в коей мере не отразилась экономическая война. Вследствие этого проблема для экономической войны не существует никакого неоспоримо действующего международного права. Поэтому экономическая война руководствуется старым положением Гуго Гроциуса, что в войне разрешается все, что необходимо для ведения войны.

Естественно, что этот принцип действует постольку, поскольку не было установлено договором какое-нибудь отклоняющееся от этого правило.

15064

Что касается современного провового положения, то следует сказать следующее:

До начала первой мировой войны, согласно международному праву - во всяком случае, поскольку речь идет о сухопутной войне - было неоспоримо, что война не затрагивала частно-правовые отношения между гражданами воюющих государств, что в принципе частная собственность оставалась неприкосновенной, что война велась только армией и что она не затрагивала гражданского населения противника.

С началом первой мировой войны этот метод ведения войны претерпел принципиальное изменение, когда Англия в области морской войны применила свою точку зрения о войне, как войне народа против народа. Тогда вражеские державы, невзирая на все установленные правила ведения морской войны и правила нейтралитета, начали проводить блокаду с тем, чтобы отрезать подвоз необходимого сырья и продуктов питания и тем самым парализовать все германские народные силы.

Этот новый способ ведения войны соответствовал англосаксонской точке зрения, к которой в начале первой мировой войны присоединилась Франция, а именно, что война должна вестись не только против воюющей армии, но и против всего населения врага. Гражданин вражеского государства является врагом Англии. Его собственность, есть собственность врага и может быть захвачена английской государственной властью.

Вследствие этого морская война была направлена не только против вооруженных сил, но и против мирных членов населения противника в войне.

Эта цель была достигнута путем проведения Англией тотальной блокады. Гаагское согласшение не предусматривало тотальной блокады в той форме, в которой она проводилась

15065

H1209 – 0389

H1209 – 0390

Англией. Вследствие этой блокады, у Германии была отнята возможность всякого снабжения через нейтральные страны.

При этих обстоятельствах нельзя поставить в вину Германии, что она применяла методы ведения морской войны, используемые Англией, для ведения сухопутной войны.

Это положение дел приводит к следующему выводу:

Правила ведения сухопутной войны по своему смыслу относились к сухопутной войне. Там господствовал принцип защиты частной собственности. В войне на море, напротив, частная собственность не защищается. Могут ли правила ведения сухопутной войны со своими ограничениями иметь силу и в отношении комбинированной войны на суше и на море?

По существующему международному праву, как и прежде, имеет силу принцип, что частная собственность в войне остается неприкосновенной. Этот принцип нарушается только постольку, поскольку Гаагские правила ведения сухопутной войны разрешают известное вторжение в область частной собственности, поскольку поводом к этому вторжению могло быть бедственное положение, в котором находилось государство, которое в таком случае оправдано в такой мере, в какой оно кажется необходимым в интересах самосохранения государства. В этих рамках в войне разрешаются также действия, которые бы в принципе не соответствуют военному праву, т.е. сами по себе противоречат международному праву.

Ввиду того, что вражеский способ ведения войны пренебрегал существующими правилами ведения морской войны, Германия оказалась в бедственном экономическом положении.

Если-бы и враждебные государства уважали это право ведения морской войны, то Германия могла бы снабжать себя через нейтральные страны. Германия не очутилась-бы в бедственном экономическом положении во время войны.

15066

Если сами враждебные державы не выполняли существующих правил проведения блокады, разве они могут требовать от Германии, чтобы она ограничилась только положениями о реквизиции правил ведения сухопутной войны?

Вследствие действий враждебных держав Германия очутилась в бедственном положении. Предпосылками для международно-правового бедственного положения по господствующему учению является наличие непосредственной опасности для государства, которая неустранима другим путем и угрожает жизненным интересам, а так же независимости и существованию государства.

т На обсуждении положения 25 марта 1944 года Гиммлер доложил фюреру о побеге 76 офицеров. По этому поводу Гитлер упрекал генерал-фельдмаршала Кейтеля; в этом событии он видел значительную угрозу для общественной безопасности, так как бежавшие офицеры могли поддержать находящихся в Германии 6 миллионов иностранных рабочих в организации вооруженного восстания. Гитлер отдал затем приказ:"Военнопленные остаются у Гиммлера".

Кейтель категорически отказался передать Гиммлеру 15 офицеров, которые уже были пойманы вооруженными силами и возвращены в лагерь; с этими офицерами ничего не случилось.

Приказ о том, что военнопленные, которые должны были остаться у Гиммлера, должны быть расстреляны, не был дан Гитлером на этом обсуждении положения в присутствии Кейтеля. Таких мер ни Кейтель, ни Иодль не ожидали. Иодль полагал, что бежавшие военнопленные будут на некоторое время заключены в концентрационный лагерь.

Итак, там, где жизненные интересы государства поставлены под такую угрозу, имеется бедственное положение государства, из которого вытекает правовое действие, что госу-

15064

H1209-0391

H1209 – 0392

-дарство не нарушает права, если оно прибегает к нарушению международного права, которое необходимо для предотвращения угрожающей опасности.

Вследствие образа действий вражеских держав, экономическое положение Германии в ходе второй мировой войны стало в высшей степени угрожающим. В результате тотальной блокады, у Германии была полностью отнята возможность какой-либо связи с нейтральными странами; поэтому стало невозможно достаточное снабжение сырьем, необходимое для ведения войны, и средств питания, необходимого для снабжения гражданского населения. Германия должна была также заботиться о питании находящегося в оккупированных областях гражданского населения.

Вследствие этого, Германия, в целях поддержания своего собственного хозяйства, которое в противном случае потерпело бы крах, была вынуждена использовать в своих интересах находившиеся на оккупированной вражеской территории запасы сырья и продовольствия, а также предметы, необходимые для продолжения войны, причем она уделяла необходимое внимание интересам находившегося на оккупированной территории населения. При этом учитывались принципы, изложенные в преамбуле к соглашению относительно законов и правил ведения сухопутной войны от 18 октября 1907 года в том виде, в каком они вытекали из обычаев, существующих между цивилизованными народами, из законов человечности и из требований общественной совести. Отказ от использования вспомогательных источников в оккупированных областях означал бы отказ от независимости и существования, означал бы безусловное подчинение. Необходимость, которая заставляет подчиниться себе в войне, является высшим и истинным бедствием в жизни государства.

13018

Во всяком случае, путем ссылки на бедственное положение оправдывались только такие действия, которые были необходимы для устранения опасности, которая не могла быть устранена каким-либо другим способом. Естественно, что границы расплывчаты и поэтому в отдельном случае не всегда легко установить, имеется ли перед нами истинное действие, обусловленное бедственным положением. Здесь Трибунал должен будет учесть в пользу подсудимого особые обстоятельства и условия военного времени, о которых трудно составить себе полное представление.

То, что подсудимый преднамеренно или небрежно пренебрег этими границами, не доказано.

Может ли подсудимый быть лично привлечен к ответственности за возможно преднамеренное или сделанное по небрежности нарушение, которое было совершено им исключительно, как уполномоченным фюрера, или несет ли в таких случаях ответственность только государство - этот вопрос ставится на рассмотрение Трибунала. С нашей стороны мы представляем ту точку зрения, что здесь имеет место только проступок против международного права, который не может служить основанием для личной ответственности.

Особенным является положение на Восточном театре военных действий, так как в России не было частной собственности, а имелось только государственное хозяйство, строго регулируемое центром. Здесь правовое положение было в общем таково, что собственность вражеского государства могла быть используема, как военная добыча. Впрочем, здесь было предпринято особенно тщательное регулирование, что нашло свое отражение в так называемой "Зеленой папке". Изложенные в "Зеленой папке" правила не имели целью грабеж или уничтожение населения, как утверждает обвинение. Скорее об"ектом ее была экономическая мобилизация и пуск хозяйства, охват и планомерное использование запасов, средств связи в областях, которые подлежали оккупации во время войны, причем в особенности было оговорено, что следовало считаться с большими разрушениями, если учитывать отношение русских. В этой папке нигде не содержится приказа или указания, которое был ложилось бременем на определенные группы народа, сверх той необходимости, которая обусловлена войной. Это предписание, за которое подсудимый Геринг взял на себя полную ответственность, не дает повода для обвинения.

15069

H1209 - 0393

H1209 – 0394

При всем этом нельзя не учесть следующее: речь идет о войне такой трудности, такого размаха, такой продолжительности и такой тотальности, о которых творцы Гаагских правил ведения сухопутной войны определенно не только не имели, но и не могли даже иметь хотя бы малейшее представление. Это было войной, во время которой борьба шла за существование или гибель народов. Это было войной, во время которой переоценивались все ценности.

Так подсудимый имел уже правильное представление, когда он ссылался на следующее:

"В борьбе не на жизнь, а на смерть, в конце концов, нет никакого закона".

С точки зрения бедственного положения может быть также оправдан вывоз рабочих из оккупированных областей в Германию.

Подсудимый в качестве свидетеля подробно изложил то, по каким причинам он считал эти мероприятия необходимыми. В остальном защитник подсудимого Заукеля г-н доктор Серватиус подробно остановится на этом вопросе. Поэтому я могу отказаться от дальнейшего его рассмотрения.

Относительно обвинения в ограблении произведений искусства подсудимый сделал подробное изложение, на которое указывается для оправдания действий подсудимого. Дополнительно следует заметить:

К охране произведений искусств в Польше он вообще не имел непосредственного отношения.

Из этих произведений искусства он ничего не взял для своей коллекции. Тем самым в этом отношении никоим образом не возникает обвинения для подсудимого.

H1209 – 0395

Во Франции, по приказу фюрера, произведения искусства, находившиеся во владении у евреев, были конфискованы в пользу империи и причем здесь речь шла об имуществе, не имеющем хозяина, так как владельцы покинули страну. Из числа этих конфискованных произведений искусств Геринг получил небольшую часть с разрешения фюрера не лично для себя, а для галлереи, которую он должен был создать и в которую он намеревался передать произведения искусства, находившиеся в его владении.

Эти произведения искусства он хотел купить по цене, установленной французскими специалистами; выручка должна была быть передана семьям павших на войне французов.

Юридическое положение было таким образом следующее:

Эти предметы были конфискованы на основании приказа фюрера в пользу германской империи. Вследствие конфискации бывшие владельцы лишились своих прав владения; это право перешло к империи. Переданные ему предметы Геринг приобрел от империи, как владельца этих предметов в настоящее время.

Империя, очевидно, видела в этом одно из предварительных условий, вызванное развитием событий к мирному договору, который должен был быть заключен после окончания войны и когда должен был произойти окончательный расчет.

Положение было аналогично тому, которое создается сейчас в Германии из-за конфискаций и отчуждений в счет будущего мирного договора.

Вопрос о том, имела ли империя юридическое право проводить эти конфискации и приобретала ли она в виде этих предметов собственность, может не решаться.

Этот вопрос не требует решения, так как Геринг, приобретая эти предметы, думал, как он подчеркнул это в своих показаниях, что он имеет право на приобретение этих

#5071

предметов, так как они были конфискованы на основании указа фюрера.

При таком положении вещей о грабеже говорить нельзя.

Во всяком случае, совершенно законными являются покупки, произошедшие обычным деловым путем, предметов, которые были добровольно предложены подсудимому и которые были охотно проданы владельцами, так как они получили за них хорошую цену.

То же самое относится к предметам, которые подсудимый приобрел путем добровольного обмена, во время которого партнер был полностью равноправен.

Теперь я хочу рассмотреть обвинение в расстреле 50 английских офицеров военно-воздушного флота, бежавших из лагеря военнопленных в Заган.

В Обвинительном заключении говорится: "В марте 1944 года 50 офицеров королевских военно-воздушных сил, бежавших из лагеря военнопленных "Люфт-III" в Загане, были убиты после их поимки". Судя по более позднему представлению документов обвинением, речь идет здесь о следующем случае:

В ночь с 24 на 25 марта 1944 года из лагеря военнопленных "Шталаг Люфт-III" в Загане бежали 76 офицеров королевских военно-воздушных сил. 50 из этих офицеров были после их поимки расстреляны СД.

Следует установить: кто дал приказ о расстреле? Имел ли рейхсмаршал Геринг какое-либо отношение к этому случаю? В частности, содействовал ли он изданию приказа о расстреле этих 50 летчиков? Одобрял ли он эту меру, хотя она являлась грубым нарушением статьи 50 Женевского соглашения об обращении с военнопленными?

Обвинение утверждает, что подсудимый Геринг содействовал изданию этого приказа. Оно ссылалось, в частности, на заявление генерал-майора Вестгофа и советника по уголовным делам Вилена, составленные в английском плену. Однако допрос этих свидетелей в суде, а также дальнейшее представление доказательств перед судом, проведенное с большой тщательностью, показало, что первоначальные показания Вестгофа и Вилена были неточными и в отношении присутствия Геринга на обсуждении положения и его знания приказа о расстреле основывались на предположениях, которые опирались на то, что здесь речь идет о лагере военнопленных военно-воздушных сил. Представление доказательств привело к следующему результату:

15072

H1209 – 0396

На обсуждении положения 25 марта 1944 года Гиммлер доложил фюреру о побеге 76 офицеров. По этому поводу Гитлер упрекал генерал-фельдмаршала Кейтеля; в этом событии он видал значительную угрозу для общественной безопасности, так как бежавшие офицеры могли поддержать находящихся в Германии 6 миллионов иностранных рабочих в организации вооруженного восстания. Гитлер отдал затем приказ: "Военнопленные остаются у Гиммлера".

Кейтель категорически отказался передать Гиммлеру 16 офицеров, которые уже были пойманы вооруженными силами и возвращены в лагерь; с этими офицерами ничего не случилось.

Приказ о том, что военнопленные, которые должны были остаться у Гиммлера, должны быть расстреляны, не был дан Гитлером на этом обсуждении положения в присутствии Кейтеля. Таких мер ни Кейтель, ни Йодль не ожидали. Йодль полагал, что бежавшие военнопленные будут на некоторое время заключены в концентрационный лагерь.

15073

H1209 – 0397

H1209 - 0398

Геринг, как одинаково показали Кейтель и Иодль в качестве свидетелей, не присутствовал на этом совещании, поэтому невозможно, чтобы генерал-фельдмаршал Кейтель на совещании с генералом Вестгофом мог заявить, что рейхсмаршал Геринг во время обсуждения положения упрекал его за побег военнопленных.

Генерал Коллер показал в качестве свидетеля, что генерал Кортен во время телефонного разговора, приблизительно в конце марта или начале апреля 1944 года, заверил его в том, что военно-воздушные силы, а именно рейхсмаршал и он сам, Кортен, не принимали участия в издании этого приказа и узнали о нем лишь после. Далее, Коллер подтверждает, что рейхсмаршал был сильно возмущен этим расстрелом.

Эти данные полностью согласуются с изложением рейхсмаршала Геринга, который в момент обсуждения этого положения у Гитлера находился в отпуску. О факте побега ему доложил по телефону его ад"ютант. Лишь после своего возвращения из отпуска на рождество 1944 года он узнал от своего начальника генерального штаба Кортена о том факте, что произошел расстрел военнопленных. Этим последним сообщением рейхсмаршал Геринг был страшно возмущен, ибо он осуждал эту меру, как таковую, и, кроме того, опасался репрессалий по отношению к своим собственным летчикам.

На запрос Гиммлера подтвердил рейхсмаршалу Герингу то, что расстрел был произведен им с обоснованием, что ему был дан соответствующий приказ Гитлером.

Благодаря этой беседе, стало ясно, почему был возможен расстрел и почему выполнение его могло быть сокрыто от вооруженных сил. Гитлер в отсутствии Кейтеля и Иодля отдал

15074

Гиммлеру приказ о расстреле, который затем без ведома вооруженных сил передал приказ главному имперскому управлению безопасности - и, судя по показаниям Кальтенбруннера, - непосредственно Мюллеру или Небе.

Рейхсмаршал Геринг из-за этого события не только упрекал Гиммлера, так как он выполнил этот приказ, не посовещавшись с Герингом, но и на более поздних совещаниях с Гитлером резко протестовал против этой меры. По этому поводу между Герингом и Гитлером имели место ссоры.

Так как Геринг осуждал такие случаи, он через короткое время после этого ходатайствовал о передаче лагерей военнопленных ОКВ. На вопросы генерал-фельдмаршал Кейтель в качестве свидетеля подтвердил, что через несколько недель после этого случая он получил письмо от генерал-квартирмейстера военно-воздушных сил, в котором военно-воздушные силы ходатайствовали о передаче своих лагерей ОКВ.

Этот результат представления доказательств, благодаря которому, как подчеркнуто, исправлены некоторые пункты первых отклоняющихся показаний свидетелей Вестгофа и Вилена, а также первого заявления Кейтеля от 10 ноября 1945 года, оправдывает констатацию того, что рейхсмаршал Геринг никоим образом не принимал участия в этом событии, что, узнав о нем, он его категорически осуждал и что он соответственно этому не может быть привлечен к ответственности за этот, в высшей степени прискорбный, приказ, воспрепятствовать которому было свыше его сил.

Далее обвинение говорит о суде Линча, который в [illegible]ельных случаях в 1944 году был произведен немецким населением по отношению к сбитым вражеским летчикам. За эти события

15075

H1209 – 0399

H1209 – 0400

ответственность возлагается на подсудимых, в частности, также на рейхсмаршала Геринга. Обвинение в том, что подсудимый Геринг или вооруженные силы каким-либо образом причастны к этим случаям, что они издали соответствующие приказы или распоряжения, или даже только одобряли такое поведение, оказывается совершенно неосновательным. В этом вопросе с помощью представления доказательств была создана полная ясность в пользу подсудимого.

Для подтверждения своих обвинений против рейхсмаршала Геринга Обвинение в первую очередь ссылается на протокол от 19 мая 1944 года о так называемом совещании об истребителях, которое имело место 15 и 16 мая 1944 года под руководством подсудимого.

В параграфе 20 этого протокола записаны высказывания подсудимого о том, что он предложит фюреру расстреливать вражеских летчиков-террористов немедленно на месте совершения преступления. Подсудимый со всей решимостью оспаривает, что он сделал такое высказывание и с правом указывает на следующие обстоятельства, которые противоречат такому заявлению:

Заседание продолжалось свыше двух дней. Обсуждались многочисленные технические и организационные вопросы. Вопрос, затронутый в § 20, не имеет ни малейшего отношения к об"екту обсуждения и, прежде всего, выходит за рамки цели совещания. Это замечание находится в тексте обсуждения темы, которая относилась к совершенно иным вещам, и в этой связи поэтому является совершенно непонятным.

Кроме того, такой приказ Геринг, если бы он его одобрял и хотел, при известном отношении фюрера мог дать непосредственно сам.

Решающим является то, что это заявление находится в полном противоречии с принципиальным отношением подсудимого. Он всегда придерживался того мнения, что сбитый вражеский

летчик является товарищем и что с ним надо обращаться, как с товарищем, на что мною указывалось также и в другой связи. Также и в вопросе обращения с летчиками - террористами он со всей откровенностью выступал против представляемого Гитлером мнения и не скрывал от Гитлера своего совершенно иного отношения к этому вопросу.

При его всегда одинаковом отношении и последовательном поведении совершенно исключено, чтобы он вдруг неожиданно предложил Гитлеру издать вышеупомянутый приказ против летчиков - террористов - приказ, против которого он боролся со всей энергией и осуществлению которого он пытался воспрепятствовать всеми средствами, как только ему стало известно о нем. И ему удалось воспрепятствовать его осуществлению.

Если на этом заседании действительно говорилось о летчиках-террористах, то это замечание могло быть сделано лишь в том смысле, что фюрер предложил такие меры.

Относительно этого протокола в принципе следует заметить также следующее:

Речь идет о сокращенной записи одного молодого офицера о двухдневном совещании, на котором говорилось очень много и на котором отдельные лица часто перебивали друг друга. Опыт, собранный во многих других случаях, учит, что такие записи часто являются ненадежными, а иногда совершенно извращенно передают содержание переговоров, так как раз автор записи, особенно если присутствуют многие участники, да к тому же перебивают друг друга, не может следить за ходом совещания и поэтому неправильно передает его содержание и к тому же путает отдельных лиц. Этим об"ясняются многие фактические ошибки, а также неполнота и ненадежность таких протоколов.

15077

H1209 - 0401

H1209 - 0402

Этот протокол никогда не был представлен подсудимому. Таким образом, он не мог проверить его содержание и исправить ошибки.

Подобные записи, которые составляются в вышеописанной форме и не представляются участникам для просмотра и утверждения, не имеют ценности для представления их в качестве доказательств.

Сами по себе они не могут служить достаточным доказательством для обвинения подсудимого. Поэтому они могут быть использованы против участников лишь в том случае, если спорные факты подтверждаются другими средствами доказательств, не содержащимися в этом протоколе. В данном случае иным путем не подтверждается, что Геринг действительно сделал высказывания, записанные в § 20, и говорил с Гитлером в этом направлении.

Заметка от 21 мая, также представленная подсудимому, не может служить подтверждением этого утверждения. Замечание: "Генерал Кортен сообщает после доклада рейхсмаршала", по неопровержимым показаниям подсудимого, не имеет того значения, что рейхсмаршал делал доклад Гитлеру об этом вопросе, а имеет лишь тот смысл, что Кортен сделал соответствующий доклад рейхсмаршалу и Кортен сообщил рейхсмаршалу о приказе фюрера.

Остальное представление доказательств ясно показало, что Геринг выступал против этого особого обращения со сбитыми вражескими летчиками - террористами и приказа Гитлера.

Свидетель полковник фон Браухич на своем допросе 12 марта 1946 г. указал на то, что в начале 1944 года потери среди гражданского населения в результате использования бортового оружия вражескими летчиками внезапно возросли.

Эти нападения вражеских летчиков были направлены в глубоком тылу против гражданских лиц, работающих на полях против железнодорожных веток без всякого военного значения, против пешеходов и велосипедистов.

В этом случае имело место грубое нарушение гаагских правил ведения сухопутной войны, согласно которым запрещаются всякие военные действия против мирного населения страны, всякое нападение и всякий обстрел незащищенных городов, деревень, населенных пунктов или зданий.

Это поведение, явно нарушающее международное право, по мнению свидетеля фон Брауxича, побудило Гитлера предусмотреть, наряду с приказами об обороне, также приказы о мерах против самих летчиков. При этом Гитлер, и насколько это известно свидетелю, и выступал за самые строгие меры: должен был быть разрешен суд Линча.

Это отношение Гитлера к нарушениям международного права вражескими летчиками, однако, не встретило одобрения вооруженных сил, в частности, рейхсмаршала Геринга и его начальника генерального штаба генерала Кортена. Оба, правда, строжайше осуждали атаки вражеских летчиков, направленные исключительно против беззащитного гражданского населения. Однако, несмотря на это, они обрасывали мысль о выдаче сбитых летчиков взбешенной толпе для совершения суда Линча и не считали, что эти меры являются подходящим средством для борьбы с этим нарушающим международное право поведением.

В том же духе высказался свидетель генерал Коллер. Генерал Кортен в начале июня 1944 года сообщил этому свидетелю о том, что фюрер намеревается издать приказ о том, что летчиков - террористов следует обрекать на суд толпы.

15079

H1209 – 0403

H1209 -0404

Я цитирую то, что я несколько дней назад со всей подробностью зачитал здесь и, поэтому я могу резюмировать эту цитату в том смысле, что Коллер и Кортен считали жестокими нападения вражеских летчиков на беззащитное население, на находящихся на прогулке школьников и детей из детских садов, но несмотря на это рассматривали намеченный приказ фюрера противоречащим солдатской морали. Вооруженные силы разделяли это мнение и старались путем установления понятия летчика - террориста затянуть это дело.

Это резюме стр.52 и 53. Отдельные подробности я зачитал несколько дней назад и поэтому я их выпустил.Я сейчас продолжаю на странице 54.

В частности, заметка на полях документа 785-Д (док.318-ВБ): "От командующего военно-воздушными силами не получать ответа" допускает тот вывод, что рейхсмаршал намеренно затягивал все дело. Кроме того, рейхсмаршал Геринг, как это ясно следует из письма от 19 июня 1944 года, встал на ту точку зрения, что в любом случае совершенно необходим судебный процесс против летчиков-террористов. Если в более позднем документе от 26 июня 1944 года сказано: "Рейхсмаршал согласен с представленной формулировкой понятия летчик-террорист и предложенным образом действия", то согласие с образом действия относится исключительно к последнему абзацу письма от 15 июня 1944 г., где предлагается опубликовывать сообщения о таких случаях, о согласии на что просили рейхсмаршала Геринга. То, что рейхсмаршал до конца войны стоял на точке зрения старого летчика, по которой вражеского летчика, как только он сбит, следует рассматривать, как товарища, и так же обращаться с ним, категорически ~~подтверждает~~ подтверждает не только свидетель генерал-фельдмаршал Мильх, но и подчеркивает

генерал Коллер следующими словами: Это предложение я также дословно зачитывал несколько дней назад и потому могу суммировать эти слова в том смысле, что Коллер сказал, что: "Позиция рейхсмаршала и его ВВС всегда оставалась корректной и рыцарской, которая показывает образцовое товарищеское отношение ВВС так же и к врагу, в частности, при использовании спасательной службы ВВС на море, которая помогала без различия врагу и другу. Вооруженные силы и подсудимый Геринг отклонили суд Линча, а также всякие иные меры против летчиков-террористов, которые не согласовывались с юридическими постановлениями, и не издали никаких приказов подчинявшимся им войскам; также ни в одном случае военно-воздушными силами или армией вражеские летчики не были расстреляны или переданы СД.

Обвинение ставит в вину подсудимому Герингу то, что он немедленно после 30 января 1933 года, занимая пост прусского министра внутренних дел, а вскоре затем - прусского премьер-министра, создал в Пруссии господство террора в целях подавления всякой оппозиции против программ нацистов.

Для осуществления своих планов он пользовался прусской полицией, которой он уже в феврале 1933 года для защиты нового правительства дал приказ действовать беспощадно против всех политических врагов без учета последствий.

Для обеспечения власти он создал ~~ктим~~ страшную тайную государственную полицию и уже в начале 1933 года - концентрационные лагери.

Относительно этих обвинений следует сказать следующее: Само собой разумеется, что это не может быть поставлено в вину подсудимому, а, наоборот, означало бы тяжелое нарушение порученных подсудимому обязанностей, если бы он со всей

15081

H1209 – 0405

H1209 -0406

силой не выступил на защиту нового правительства и не принял бы все мыслимые меры для того, чтобы с самого начала сделать невозможным любое нападение на это новое правительство. Для достижения этой цели в первую очередь использовались полицейские учреждения.

Расследовать нужно лишь вопрос о том, были ли недопустимыми средства, использование которых подсудимый считал необходимым.

На этот вопрос надо ответить отрицательно по следующим соображениям:

Полиция в любом государстве является внутриполитическим инструментом власти; во всяком государстве она имеет своей задачей поддерживать правительство, защищать его во всех отношениях и, в случае необходимости, силой оружия обезвреживать нарушителей порядка и права. Такие же задачи подсудимый поставил находившейся под его руководством полиции, которую он призывал в упомянутой Обвинением речи действовать энергично и честно исполнять свой долг. Каким образом подобный призыв к выполнению долга может быть недопустимым, остается непонятным.

Во время своего допроса подсудимый Геринг подробно изложил, по каким причинам и на основании каких принципов он считал, что необходимо предпринять реорганизацию полиции. Эти принципы никоим образом не могут быть подвергнуты сомнению.

В этой связи следует указать на то, что, согласно существующим принципам международного права, суверенные государства имеют право урегулировать свои внутриполитические отношения по своему желанию.

15082

Относительно реорганизации полиции, речь идет, однако, исключительно о внутриполитическом деле. Не может быть и речи о том, что здесь, якобы, нарушаются общепринятые правила международного права.

Политическая полиция существовала в Пруссии и до прихода к власти. До 30 января 1933 года это был отдел полиции 1а, в круг задач которого входили наблюдение и борьба с политическими противниками - тогда, в частности, с национал-социалистами и коммунистами. Подобная полиция с аналогичным кругом задач была необходима также и после прихода к власти, чтобы обезопасить новое государство от нападений, которых можно было опасаться, особенно со стороны очень сильной коммунистической партии. В об"яснение того, что этот отдел полиции должен был заниматься исключительно защитой государства от его врагов, он получил название государственной тайной полиции. До тех пор, пока полицией руководил подсудимый Геринг, - фактически это имело место до 1934 года, так как с этого момента руководство было передано Гиммлеру, - она удерживалась в рамках предначертанных задач, не превышала своих прав и не имели мест какие-либо серьезные перегибы. Представление доказательств по этому времени не выдвинуло против подсудимого Геринга каких либо обвинений. Если в более позднее время тайная государственная полиция превышала свои права и совершала незаконные действия, то подсудимый не знал о такой позиции и не одобрял ее. За возможные, неизвестные ему ошибки и преступления своих преемников, он не может нести ответственности.

Здесь выступил один свидетель, представивший обвинение против подсудимого - свидетель, доктор Гизевиус.

Подсудимый категорически отказывается заниматься этим свидетелем и его показаниями. Он хочет указать лишь на то, что показания во всех обвиняющих пунктах являются неверными.

150 83

H1209 - 0407

H1209 – 0408

Доказательственная сила показаний зависит от оценки достоверности показаний этого свидетеля.

Доктор Нельте подробно обсудит этот вопрос, так что я для избежания повторений, не буду обсуждать его.

Захват власти национал-социалистской партией, естественно, натолкнулся на сопротивление и, прежде всего, левые партии не были согласны с положением, создавшимся вследствие этого прихода к власти. Противники вовсе не были слабыми ни в численном отношении, ни в отношении имевшихся в их распоряжении средств. По этой причине новые правители опасались серьезных опасностей для своей власти, если эти враждебные им партии смогут беспрепятственно продолжать свою деятельность, поэтому они должны были своевременно и заранее обезопасить себя от такой угрозы.

Чтобы стабилизировать собственную власть и с самого начала подавить зародыши всяких волнений, подсудимый Геринг, на основании государственной необходимости, считал необходимым одним разом арестовать вождей и деятелей коммунистической партии и смежных с нею об"единений. Причины для таких действий подсудимый подробно изложил. Для устранения опасности и для обеспечения безопасности государства, меры, принятые подсудимым, были государственной необходимостью, вызванной этим беспокойным временем. Так как речь шла о превентивных мерах, то для ареста необходимой предпосылкой не являлось то, чтобы уже было налицо наказуемое антигосударственное действие или то, что оно подготавливалось. Для ареста было достаточно – так как речь шла о политическом акте государственной самозащиты – принадлежности к одной из упомянутых выше групп и активного участия в них.

15884

Эти соображения вскоре после прихода к власти, повлекли к созданию концентрационных лагерей, число которых в то время, когда подсудимый Геринг руководил полицией, составляло 2.

В этих лагерях политически ненадежные лица не могли больше угрожать безопасности нового государства.

Я хотел бы пропустить все, что идет дальше и затем начать на 61-й странице, второй абзац:

Подсудимый Геринг руководствовался мотивами такого же характера, когда он в 1933 году создал концентрационные лагери и издал законы относительно тайной государственной полиции. Они представляли собою средство для чистки и укрепления молодой германской нации в таком плане, в каком он это себе рисовал. При этом он не стремился к окончательному уничтожению политических противников, а после определенного воспитательного срока великодушно выступал за их освобождение и отпустил на свободу на Рождество 1934 года около 5 тысяч, а в сентябре - около 2 тысяч заключенных. Он энергично боролся против неизбежных недостатков и ошибок, которые он открыто признал в своей, предназначенной для английской общественности, книге "Создание нации". Так, например, он разрешил вождю коммунистов Тельману лично передать свои жалобы касательно концентрационного лагеря и сам позаботился об устранении указанных ошибок. Он распустил так называемые дикие лагери в Штеттине и Бреславле, наказал гаулейтера Померании, который создал этот лагерь без его ведома и против его воли и приказал предать суду за перегибы провинившихся служащих диких концентрационных лагерей.
Из этого отношения подсудимого Геринга ясно, что он никогда не думал о физическом уничтожении заключенных.

15085

H1209-0409

H1209 – 0410

Когда обвинение утверждает, что здесь речь идет об осуществлении заговора, ставившего себе целью преступления против человечности, то оно, высказывая эту точку зрения, не учитывает действительную политическую жизнь тех лет. Такой заговор не существовал, у подсудимого не было намерения совершить преступление против человечности и он не совершал этих преступлений. В качестве одного из политических уполномоченных германского правительства он чувствовал себя обязанным защищать последнее от опасных нарушителей и тем самым способствовать дальнейшему существованию национал-социалистского жизненного устройства. Будучи далеким от того, чтобы видеть преступления в этих мероприятиях, он считал их, напротив, неизбежными средствами, необходимыми для того, чтобы укрепить политический порядок, как основу всякого права.

В 1936 году руководство полицией и тем самым концентрационными лагерями перешло также и де-юре от посудимого к рейхсфюреру Гиммлеру. Нельзя приписать подсудимому вину за то, что стало впоследствии из концентрационных лагерей, за то, что они, особенно после начала войны, превратились в отвратительнейшее место пыток и уничтожения людей, за то, что они отчасти намеренно, отчасти в результате хаоса, вызываемого военными условиями, привели к уничтожению бесчисленных людей, чтобы в конце концов в последние дни перед окончанием войны стать массовой могилой.

Конечно, он знал, что все еще существовали концентрационные лагери, что число заключенных увеличилось в результате напряженной военной обстановки и что это число в результате расширения масштабов войны по всей Европе заключало и иностранцев, - но ужасающие эксцессы, разоблаченные на этом процессе, не были ему известны. Он не знал о безответственных экспериментах, которые производились над

05086

заключенными, об экспериментах, являвшихся профанацией истинной науки. Показания свидетеля генерал-фельдмаршала Мильха свидетельствовали о том, что военно-воздушные силы не были заинтересованы в этих экспериментах и что подсудимый лично вообще не узнал ничего более подробно об этом деле.

Создание концентрационных лагерей как таковое, не имело ничего общего с более поздним уничтожением евреев, идея о котором, несомненно, возникла в головах Гейдриха и Гиммлера и которое мастерски скрывалось и лишь после окончания войны было разоблачено в виде ужасов в Освенциме и Майданеке.

Тем самым я перехожу к еврейскому вопросу.

Свою точку зрения по еврейскому вопросу подсудимый Геринг подробно изложил во время своего допроса в качестве свидетеля. Затем он во всех деталях показал причины, заставившие национал-социалистскую партию, а после прихода к власти и государство, занять позицию, враждебную евреям.

Подсудимого обвиняют в том, что он в 1935 году провозгласил нюрнбергские законы, которые должны были послужить сохранению чистоты расы и что он в годы с 1938 по 1939 г., будучи генеральным уполномоченным по четырехлетнему плану, издал постановления, которые были направлены на устранение евреев из экономической жизни.

Затем ему вменяется в вину издание целого ряда законов, которые означали определенно направленное, серьезное вмешательство в права евреев.

Туманной является политическая мотивировка этого обвинения, ибо здесь речь идет о чисто внутригосударственной проблеме - а именно - о правовом положении некоторых подданных государства. Такую проблему германская империя, как

15087

H1209 - 0411

H1209 -0412

суверенное государство, могла урегулировать свободно, в соответствии с признанными международными правовыми принципами.

Если эти меры и были суровыми, а ограничения гражданских прав чрезвычайно большими, они ни в коем случае не являлись преступлениями против человечности. Подобные законы, ограничивающие определенную расу или определенный круг граждан в их правах, принимались и другими государствами, не вызвая недовольства против подобных мероприятий и не побуждая другие государства к вмешательству. Но рейхсмаршал Геринг всегда отвергал любое противозаконное насильственное мероприятие, направленное против евреев. Об этом ясно свидетельствует его отношение к организованному Геббельсом мероприятию, которое проводилось в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года и о котором он узнал лишь после того, как оно имело место, и которое он самым резким образом обуждал. Он сделал Геббельсу и Гитлеру соответствующее серьезное представление. Об этом имеются точные показания свидетелей Боденшатца и Кернера. О том, как резко Геринг осуждал это мероприятие, свидетельствует показание д-ра Юберрейтера. Через несколько недель после этого происшествия подсудимый вызвал в Берлин всех гаулейтеров и в произнесенной им речи в резких выражениях порицал это насильственное мероприятие, которое было недостойно чести нации и повредило престижу Германии за границей.

То, что подсудимый не является фанатическим приверженцем расовой теории, повсюду было известно, благодаря его высказыванию: "Я решаю, кто является евреем". То, что он помогал многим евреям, установлено с достаточной ясностью.

15088

О биологическом истреблении евреев он узнал лишь к концу войны. Такое мероприятие он никогда бы не одобрил и со всей силой противился бы ему, так как у него было достаточно политического чутья, чтобы разгадать все чудовищные и при этом ненужные опасности, которые должны были неизбежно возникнуть для германского народа в результате такой жестокой и отвратительной акции уничтожения.

То, что Геринг не хотел портить отношений с мировой общественностью и повредить себе в мнении всего мира, доказывает упомянутая выше речь, обращенная к гаулейтерам.

Поэтому исключается, что Геринг согласился с таким мероприятием или что он участвовал в нем. Понятно, когда подсудимого обвиняют в том, что он, как второе лицо в государстве, должен был быть осведомлен об этих ужасных мероприятиях. Кроме того, не приходится удивляться, когда заявление подсудимого о том, что он не знал о таких злодеяниях, воспринимается с некоторым недоверием. Несмотря на высказываемые сомнения, подсудимый, однако, настаивает на том, что до него не дошли сведения о подобных деяниях.

Эту неосведомленность подсудимого, которая может быть полностью понятна лишь только тем, кто знаком с германскими условиями, можно об"яснить тем, что Гиммлер, как подчеркнул также и генерал-полковник Иодль во время своего допроса в качестве свидетеля, и только в этом заключается решение загадки, мастерски умел скрывать свои действия, заметать следы своих злодеяний и вводить в заблуждение свое окружение и ближайшее окружение Гитлера.

В этой связи я ссылаюсь на показания свидетеля Хесса, который подтвердил директиву Гиммлера о том, что нужно было соблюдать абсолютную секретность по отношению к каждому человеку.

15089

H1209 – 0413

H1209 – 0414

В таком случае напрашивается следующий вопрос: разве подсудимый не был лицом правообязанным, который должен был расследовать и выяснить, где действительно находятся, якобы, эвакуированные евреи и какова их судьба? Какой юридический вывод можно сделать в связи с тем, что он по халатности нарушил вытекающую из его положения правовую обязанность, заключающуюся в том, чтобы вмешаться?

От решения этого чрезвычайно сложного вопроса о должном и сущем можно отказаться, потому что также и Геринг, хотя он и являлся вторым лицом в государстве, не обладал властью помешать осуществлению вышеупомянутых мероприятий, если их проводил Гиммлер, а повелевал Гитлер, или если последний, во всяком случае, одобрял их.

Господин председатель! Вчера я уже сказал, что я хотел бы осветить здесь также и Катынское дело и я сейчас, прежде чем начать заключение, хотел именно остановиться на Катыни. К сожалению, для меня было совершенно невозможно подготовить перевод, так как представление доказательств происходило в самые последние дни. Доклад не очень велик, у переводчиков имеются копии, так что я думаю, что могу сейчас начать.

В подробном рассмотрении нуждается также и катынское дело, по которому несколько дней тому назад было закончено представление доказательств. Русское обвинение опиралось на результаты исследования, изложенные в документе СССР-54. В этом документе сделано следующее заключение на основании всего материала:

1. Военнопленные поляки, находившиеся в трех лагерях западнее Смоленска, оставались там и после вступления немцев в Смоленск до сентября 1941 года включительно.

15090

2. В Катынском лесу германские оккупационные власти осенью 1941 года произвели массовые расстрелы польских военнопленных из вышеуказанных лагерей.

3. Массовые расстрелы польских военнопленных в Катынском лесу были произведены германской воинской частью, сокрытой под ложным именем "Штаб 537 строительного батальона", во главе которого стоял подполковник Аренс и его сотрудники: старший лейтенант Рекс и лейтенант Ходт".

Спрашивается, доказано ли обвинение свое утверждение?

На этот вопрос следует ответить отрицательно. На основании документа нельзя констатировать этого. Обвинение направлено против определенной воинской части и против определенных, названных по имени, офицеров. В качестве времени совершения преступления указывается осень, сентябрь 1941 года. В качестве места действия указывается Катынский лес. При столь точных указаниях на обстоятельства дела задачей защиты было лишь установить, выдержат ли эти констатации проверку?

Сперва следует сказать о круге лиц. Полковник Аренс, офицеры, имеющийся в виду под подполковником Аренсом, уже потому исключается в качестве лица, совершившего преступление, что действие это, якобы, совершено осенью 1941 года, а Аренс стал командиром 537 полка лишь в конце ноября 1941 года. Лишь в это время он прибыл в Катынь, ранее он никогда не бывал на Восточном театре военных действий. До Аренса полком командовал полковник Беденк, который в августе 1941 года со штабом своего полка прибыл в Катынь. Еще до Беденка старший лейтенант Ходт, непосредственно после взятия Смоленска, а именно в июле 1941 года прибыл в дачу на Днепре с передовым отрядом 537 полка и пробыл там до прибытия штаба полка, к которому он тогда еще не принадлежал. В штаб полка он был пере-

15021

H1209 – 0415

H1209 – 0416

веден лишь в сентябре 1941 года и с этого момента постоянно жил на даче. Особые факты, которые могли бы доказать вину Ходта или Беденка, не явствуют из представленного документа, а другие документы об этом не были представлены. Тем самым не доказано, что Беденк и Ходт [redacted] могут быть лицами, совершившими преступление.

Многие обстоятельства говорят против того, что соединение 537 или какая-либо другая воинская часть участвовала в преступлении.

Польские военнопленные, очевидно, попали в руки немцев в трех лагерях западнее Смоленска. Таким образом, они стали бы немецкими военнопленными. О захвате их в плен необходимо было бы доложить центральной группе армий. Такого сообщения, согласно показаниям свидетеля Эйххорна, не поступало. То, что при таком большом количестве военнопленных донесение по недосмотру могло быть не сделано, совершенно исключается. Кроме того захват в плен 11.000 польских офицеров ни в коем случае не мог остаться неизвестным группе армий. Но группа армий, как это вытекает из показаний генерала Обергойзера, никогда не получала об этом сообщения. Из показаний, данных обоими свидетелями Эйххорном и Обергойзером, следует, что ко времени занятия Смоленска немцами, польские офицеры уже не могли находиться в этих лагерях. Свидетели, которые утверждали бы, что они видели этих офицеров после этого в лагерях, не были допрошены русской комиссией. Допрошенный по этому вопросу служащий железной дороги ничего не знает из своих собственных наблюдений. Утверждают, что эти 11.000 военнопленных были направлены из этих лагерей в Катынь. Переброска такого большого количества польских военнопленных

15092

не могла остаться скрытой от русского населения, если эта переброска даже производилась по возможности незаметно и тайно. Расстрел в таких больших масштабах так же не мог остаться незамеченным для русского населения. Если даже лесок был оцеплен, то ведь на расстоянии 200 метров находилось общедоступное шоссе, которое было без ограничений предоставлено для движения. По нему также передвигалось много русского гражданского населения. То, что происходило в Катынском лесу, можно было наблюдать с шоссе. В непосредственной близости от днепровской дачи находились отдельные крестьянские дворы, в которых во все время оккупации находились жители и которые все время поддерживали связь со штабом полка. Но ни в отношении переброски, ни в отношении наблюдения расстрелов нет надежных данных и показаний. Никогда с немецкой стороны для такой массовой экзекуции не было бы избрано такое место, как то, где были обнаружены могилы. Это место, вследствие своегорасположения между шоссе и местом размещения полка, было совершенно неприспособлено для таких дел. Как уже было сказано, большое движение имело место не только на проходящем вблизи шоссе, но и непосредственно рядом с могилами по дороге к штабу полка. Таким образом даже солдаты, не участвующие в этой операции, должны были бы иметь возможность наблюдать и знать о ней. Также и избранный для проведения операции род войск был крайне неблагоприятен, так как технические войска, к которым относился полк связи, меньше всего был приспособлен для выполнения таких задач. Правда, свидетели Оберхойзер и Эйххорн лишь 20 сентября 1941 г. поселились вблизи от места действия. Поэтому они могут говорить о своих наблюдениях, только начиная с

13093

H1209 – 0417

H1209 – 0418

этого момента, в то время как уже с конца июля на даче сначала находилась команда квартирьера, а с августа - штаб полка. В этот период времени, охватывающий приблизительно 6 недель, такие действия не могли быть приведены в исполнение. Это совершенно исключается. Те немногие люди, которые были вообще в распоряжении полка, были загружены служебной работой и не могли в такой короткий промежуток времени расстрелять 11.000 пленных и, кроме того, убрать их трупы. Правда, по утверждению русского обвинения, русские военнопленные помогали убирать трупы, но это не доказано, и в данном случае никто из русских жителей не видел таких пленных. Ни в коем случае нельзя так быстро устранить следы этого действия и замаскировать место действия так, чтобы свидетели Оберхойзер и Эйххорн, проезжая часто к даче, не могли заметить подозрительных признаков.

Заявлений допрошенных здесь свидетелей совершенно недостаточно. Он из рассказов некоего Меньшагена, которого теперь уже нельзя найти, слышал о таких расстрелах. Сам он этого не видел. Он сам не видел поляков. Студенты сказали ему, что они видели поляков, но количества они не знали, и не узнали также того, где они содержались. Показания, неполные во всех отношениях, не имеют.

Заслушанные здесь показания двух врачей не являются достаточными для оценки данных событий в духе обвинения. В рамках допущенного Трибуналом представления доказательств было бы невозможно произвести полнейшее расследование всех медицинских вопросов, которые имели бы решающее значение для экспертов при вынесении ими решения. Поэтому защита отказалась выставить здесь медицинского эксперта для

15094

оправдания подсудимых. Но не следует забывать следующего. Экспертиза была произведена по инициативе германского правительства комиссией из 12 членов из числа руководящих представителей европейских судебно-медицинских высших заведений, в то время как представленная русским обвинением экспертизма была составлена исключительно русскими экспертами. Первая экспертиза заслуживает предпочтения, поскольку она составлена апробированными экспертами.

Свидетель профессор Марков во время своего допроса отказался от того, что было им самим написано в протоколе от 30 апреля 1944 года. Он утверждает, что уже тогда он считал на основании вскрытого им трупа, что являются неправильным данные о том, что расстрел был произведен в марте - апреле 1940 года.

Эти показания вызывают значительные сомнения. Свидетель не мог дать достаточно ясного раз"яснения, почему они при таком своем отношении не выступил сразу с возражениями против формулировки протокола от 30 апреля 1943 г., почему он не отказался подписать данный протокол и почему он в последующее время...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Штамер, вы, конечно, понимаете, что вы не представили в качестве документального доказательства отчет этой германской комиссии и вы нарочито воздержались, насколько я понял, от представления отчета германской комиссии.

ШТАМЕР. Это ошибка. Я не отказался от этого, мне не было разрешено представить "Белую книгу", но было разрешено представить отчет от 30 апреля 1943 г. Но я не мог сразу же представить его, поскольку этот протокол содержится в "Белой книге" и нужно будет сделать копии этого протокола. Эти копии

15095

H1209 – 0419

H1209 - 0420

сделаны и представлены. Из протокола я зачитал несколько выдержек, и причем с ясного разрешения Суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я знаю, что вы это сделали и, конечно, если вы хотите представить его, мы против этого не имеем возражений, но я определенно понял, что вы представляете в качестве доказательств те части, которые вы зачитали свидетелю. Я полагаю, что именно так Обвинением был поставлен вопрос, когда Вы подвергали свидетеля перекрестному допросу. Я так тогда понял. Но, если Вы поняли по другому и если вы хотите представить как доказательство весь отчет, в таком случае этот вопрос будет рассмотрен Трибуналом, если он его еще не рассмотрел. Вы говорите, что Трибунал уже полностью допустил этот отчет для представления его в качестве доказательства?

(Пауза).

ШТАМЕР. Г-н председатель, я к сожалению...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Штамер, то что вы хотите представить в качестве доказательства - это заключение отчета или протокола, или как этот документ называется? Правильно?

Д-р ШТАМЕР. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Он, я полагаю, представляет собой очень об"емистый документ, не так-ли?

ШТАМЕР. Нет, господин председатель. Разрешите пояснить. Я, к сожалению, не получил протокола заседания, так что я не знаю, что сказано в этом протоколе. Но я помню о следующем, и мои коллеги сейчас только что подтвердили мне правильность этого. В свое время мне было разрешено представить весь т.н. отчет комиссии и я с разрешения Высокого Суда не только из заключения, но и вообще из всего отчета сделал

несколько выдержек, и, с разрешения Суда я хотел пред"явить весь доклад экспертов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не знаю, что Вы именно имеете в виду, говоря "весь отчет" и когда вы говорите - "протокол"?

ШТАМЕР. Господин председатель, разрешите еще раз об"яснить все. Имелся весьма об"емистый протокол, в котором излагались результаты исследования. В нем было описано все положение дел и этот протокол заканчивался общим заключением. Таким образом, он состоит из изложения фактов и заключения. Сперва идет подробное описание положения дела, в котором описываются отдельные факты, которые наблюдали там 11 экспертов, то, что они на месте действия допросили русское население, в каком состоянии находились могилы, что были осмотрены трупы. Все это я уже с разрешения суда пред"явил здесь.

(Пауза. Судьи совещаются).

ШТАМЕР. Господин председатель, разрешите мне сделать замечание? Господин председатель, разрешите мне для раз"яснения положения дел сделать замечание? Я обо всех этих событиях помню потому очень хорошо, что меня тогда, г-н председатель, спросил, есть ли у меня копия протокола, я ответил, что у меня есть только "Белая книга", она была пред"явлена свидетелю. После этого я предложил опросить других свидетелей, чтобы я получил возможность сделать копии этого протокола. Тогда, господин председатель, вы соизволили заметить, что я должен взять книгу обратно, а потом представить копии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал ознакомится со стенограммой для того, чтобы точно установить в чем дело.

ШТАМЕР. Как уже сказано, я сам лично не видел еще протокола. Если то, что я говорю, не содержится там, то

15092

H1209-0421

H1209 – 0422

этот протокол не является полным. Но я точно помню, что все обстояло именно так.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Теперь давайте продолжать.

ШТАМЕР. Эти показания свидетеля вызывают большие сомнения. Свидетель сам не мог дать никакого точного раз"яснения, почему он при таком своем отношении ко всему этому делу не выступил немедленно с возражением против формулировки протокола от 30 апреля 1943 года, почему он не отказался подписать этот протокол, также почему он в последующем никогда не говорил, по крайней мере, остальным экспертам, которые участвовали в этом, о своем действительном научном заключении.

Из-за этого заявления германская экспертиза не теряет своего значения, тем более, что все остальные 11 экспертов полностью и очевидно одобрили содержащиеся в данной экпертизе утверждения. При таком положении вещей вовсе не будет необходимым излагать отдельные причины во всех деталях, которые говорят за правильность содержащегося в "Белой книге" заключения от 30 апреля 1943 года. Установленный русскими экспертами момент расстрела, а именно осень 1943 года, и определен совершенно произвольно и не может быть ни при каких обстоятельствах верным, поскольку трупы были одеты в зимнюю одежду, как это установил также свидетель Марков на трупе, который он вскрывал сам. Тот факт, что в могилах были обнаружены револьверные патроны германского изготовления, не допускает вывода, что расстрел был произведен немцами. В германской "Белой книге" указано на то, что германский завод, который производил эти патроны, в очень большом размере поставлял их в другие страны и больше всего на восток.

В заключение следует сказать, что задачей данного процесса является установить, были ли одиннадцать тысяч польских офицеров расстреляны после занятия Смоленска немцами и мог ли этот расстрел быть произведен немцами. Обвинению не удалось доказать этого. Поэтому это обвинение выпадает из Обвинительного заключения.

Господин председатель, я перехожу сейчас к заключению. Мне кажется, господин председатель, что в десять минут я не уложусь, а мне не хотелось бы прерывать заключительной части. Или я должен говорить еще свыше часа, или Суд сделает сейчас перерыв, осмелюсь я предложить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Если вы сможете закончить в течение десяти минут, мы будем заседать до тех пор, пока Вы не кончите, д-р Штамер.

ШТАМЕР. Господин председатель, в десять минут я не закончу, и я хотел бы особо указать на то, что я не хотел бы прерывать заключительной части.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В таком случае, если вам это удобнее, и мы поступим так, как Вы пожелаете - мы можем сделать сейчас перерыв, тем более, что сегодня такой жаркий день. Мы можем об"явить перерыв, если это Вас устраивает.

ШТАМЕР. Поэтому я просил бы вас об"явить сейчас перерыв. Я несколько устал от жары.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо.

(Перерыв до 14.00).

25099

ап-мс.

H1209 - 0423

H1209 – 0424

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 5 июля 1946 года

/Вечернее заседание/.

Встать! Суд идет!

ШТАМЕР: Перехожу к заключению.

Если в свете всего сказанного рассматривать личность и жизнь подсудимого Геринга, то решающими для оценки его действий окажутся следующие моменты:

Получив в родительском доме хорошую основу для дальнейшего формирования его характера и приобретения знаний; личность его определилась окончательно во время первой мировой войны, когда он, молодой офицер, летчик-истребитель, за исключительные заслуги получил высшую военную награду - орден "За заслуги". Он пережил военное поражение Германии, которое он считал следствием предательства внутри страны.

После того как империя кайзера была свергнута, немецкий народ хотел создать новую конституцию на демократической основе, надеясь, что в дальнейшем он сможет снова подняться путем прилежания и терпения. При этом большую роль играло доверие к дальновидности тогдашних держав-победительниц и, в частности, к I4 пунктам Вильсона.

После горького разочарования, принесенного Версальским договором, веймарская демократия вступила в период жестокого кризиса, от которого ей не суждено было оправиться. Этот кризис вместе с наступившим позднее мировым экономическим кризисом, бесспорно, послужил предпосылкой захвата власти Гитлером.

"Борьба против Версаля", в первую очередь, сделала возможным его взлет в качестве руководителя партии. В своих свидетельских показаниях Геринг говорил о том, что с первой встречи его об"единило с Гитлером их общее убеждение в том, что путем бумажных протестов ничего достигнуть нельзя.

Бессилие германского демократического режима к тому времени стало очевидным для всего мира. Геринг, как и Гитлер, были убеждены в том, что Германия неизбежно станет жертвой мирового революционного большевизма, если не удастся пробудить в ней достаточную энергию к сопротивлению путем возрождения веры в свои силы. Само собой было понятно, что эти силы следовало решительно направить на борьбу с державами, подписавшими Версальский договор. При этом Гитлер, безусловно, исходил из того, что Германия в основном составляет с Западом единое целое в культурном, экономическом, а также политическом отношении. Он считал, что большевистская опасность, направленная, в первую очередь, против Германии, угрожает также и западным странам. Поэтому он надеялся, что, об"явив идеологическую борьбу против Востока, сумеет постепенно добиться ее признания и поддержки.

Только в свете этого основного положения должна рассматриваться вся его политика в целом вплоть до фактического крушения. Сейчас можно вполне справедливо осуждать ее как ошибочную с самого начала, но все же нельзя игнорировать того, что тогда в процессе ее развития многое, казалось, говорило о ее правильности. Этим об"ясняется тот факт, что Гитлеру удавалось превращать в своих приверженцев все большее количество немцев.

Геринг твердо верил в то, что спасение может принести только Гитлер. Он видел в нем прирожденного народ-

15104

H1209 – 0425

H1209 – 0426

ного вождя, который умел влиять на народ и руководить им и удивительная сила воли которого не отступала ни перед какими препятствиями. Он понимал, что при демократической конституции выдвинуться мог лишь такой человек, обладавший поистине дьявольскими демагогическими способностями. Поэтому он и примкнул к нему.

Поскольку Геринг был немцем, проникнутым искренней любовью к отечеству, он не думал о том, чтобы использовать Гитлера лишь как орудие для своего собственного возвышения. Напротив, он с самого начала признал его "фюрером" - человеком, которому принадлежало решающее слово; сам он решил довольствоваться подчиненной ролью. Поэтому он, знаменитый летчик, кавалер ордена "За заслуги", без колебаний принес еще неизвестному Гитлеру присягу на верность, присягу, которую он не должен был нарушить и в действительности не нарушил в течение всей жизни.

Трагично, что такая борьба, какую вел Геринг вместе с Гитлером, могла быть понята в самой своей основе таким образом, что ее уже с самого начала рассматривают как заговор, направленный на совершение преступлений.

Целью этой борьбы являлось, прежде всего, освобождение Германии от цепей Версальского договора. Правда, веймарское правительство неоднократно предпринимало попытки к избавлению от особенно обременительных условий этого договора. Однако Германии не удалось осуществить свое стремление к его пересмотру.

Не создавалось ли впечатления, что международное право является лишь орудием в руках версальских побе-

дителей, постоянно используемых для того, чтобы все время не дать Германии подняться? Не одержала ли снова сила верх над правом и могли ли немцы достичь чего-либо иначе, как, набравшись мужества, с силой ударить кулаком по столу?

Такие размышления были вполне понятными в свете тогдашнего положения. Считать их доказательством заговора, о котором говорит Обвинение, - это значит совершенно не понимать их. Действительно, развитие событий после 1933 года, казалось, полностью подтверждало правоту Гитлера. Он, играл, достигал власти во много раз больше ~~того~~, чем веймарское правительство, опиравшееся на принципы добровольности.

Из готовности, с которой иностранные государства не только заключали с Гитлером договоры, как, например, морское соглашение от 1935 года, и Мюнхенское соглашение от сентября 1938 г., но и до последнего времени принимали участие в имперских партийных с"ездах, - немецкий народ мог лишь заключить, что Гитлер избрал правильный путь для достижения взаимопонимания между народами.

Такое впечатление и такой вывод были вполне верными вплоть до осени 1938 года. Если бы Гитлер в дальнейшем лояльно придерживался Мюнхенского соглашения, он лишил бы силы аргументы политики торможения, которая велась против него. Не только был бы сохранен мир, но Гитлер смог бы спокойно собрать плоды своей всеми державами признанной внутренней и внешней политики.

В настоящее время спор идет в основном лишь о

15703

H1209 – 0427

H1209 – 0428

том, является ли он один виновником дальнейших событий, приведших к катастрофе, или ответственность должна быть возложена также и на кого-то еще. Обвиняют всех немцев, которые когда-либо оказывали Гитлеру какую-нибудь поддержку, и, как говорят обвинители, в первую очередь тех, кто с самого начала не ожидали от него ничего хорошего и даже отрицали законность его правительства, говоря теперь: "Ведь можно было предвидеть, что он именно так кончит". Значит, все, кто когда-либо поддерживали его каким-либо образом, должны также считаться виновными.

В противовес этому обвинению следует указать на то, что они делают выводы теперь и на основании печального опыта, оглядываясь назад, констатируют такую закономерность, которая должна была бы свести на нет всякую веру не только в свободу, но и в способность человека смотреть в будущее.

Разумеется, и сам Гитлер не желал такого конца. В начале он достаточно часто заявлял о том, что не стремится к военным лаврам, а хотел бы посвятить остаток своей жизни мирному строительству.

Сохраняя полную об"ективность, его можно упрекнуть лишь в том, что он не наметил определенных границ своим целям, когда он уже не мог рассчитывать на достижение их с помощью одних лишь мирных и гуманных средств. Если под такими средствами понимать средства, которые вообще исключают всякое применение силы в любой форме, то ему бы не понадобилось итти своим соб-

15104

ственным путем и искать новых решений. Надо признать за ним право пользоваться силой, которое было за ним до тех пор, пока он не перегнул палку. Момент, когда это началось, можно определить по фактическим результатам его политики- за отсутствием других отправных пунктов. Конечно, он не предвидел и не желал дурных последствий. Однако, его виной надо считать, что он никогда не извлекал уроков из неудач, а наоборот, увлекался еще более, не чувствуя меры.

Какую же часть этой вины можно и нужно возложить на приближенных к нему лиц?

Тому, кто не отвергал с самого начала методов Гитлера, как незаконных, было очень трудно определить, где кончались политические стремления Гитлера найти оправдание своих мероприятий и где его политика становилась преступлением. С точки зрения чисто немецкого правосознания эта граница проходит совсем не там, где она проходит в представлении других народов и даже всего человечества, потому что все они едва ли были заинтересованы в сохранении Веймарской конституции и представляемых ею основных правах. Поэтому нарушение ее никогда, вплоть до второй мировой войны, не побуждало другие государства обратиться к германскому правительству. Напротив, когда началась война, немцы сочли себя вынужденными ради германских интересов пренебрегать сочувствием к подданым других, в том числе, враждебных, государств. Каждый из них считал, что он делает вполне достаточно, если он в пределах своей компетенции заботится о том, чтобы избе-

15105

H1209 – 0429

H1209 – 0430

жать ненужных трудностей. Сопротивление приказам, исходившим от высших немецких инстанций, было не только совершенно бессмысленно и бесперспективно, но и рассматривалось до самого последнего времени как нарушение закона и тем самым как уголовно наказуемое преступление. Поэтому обвинение в отсутствии такого сопротивления могло бы быть пред"явлено лишь в том случае, если бы можно было установить право нарушать законы без непосредственных практических результатов этого, а только лишь во имя принципа, т.е. требовать поведения революционера.

Вытекающие отсюда выводы настолько абсурдны, что их даже нельзя обсуждать серьезно, ибо до сих пор международное право основывалось, прежде всего, на принципе неограниченного суверенитета государства. Ни одно государство не соглашалось подчиняться чьему-нибудь решению в жизненно важных для себя вопросах – будь то решение большинства или же решение независимо действующего суда. И вдруг отдельный гражданин такого суверенного государства не только должен иметь право, но и быть обязанным по отношению к другим народам и человечеству выступить против законного аппарата власти своего собственного государства на том основании, что оно нарушает права человека и человечества? Подобное предположение, имеющее обратное действие, уничтожает само себя. Таким путем автономия отдельного индивидуума была бы поставлена выше суверенитета государства. Это не только означало бы огромную переоценку каждого отдельного человека, но и привело бы к ликвидации последних основ порядка,

15106

к анархии. Идейные установки Геринга представляют собой полярную противоположность такому образу мышления. Подобно тому, как иные идут на войну, чтобы уничтожить войну, как таковую, так он стал революционером для того, чтобы возвысить идеал верности. Поэтому он оставался верным однажды избранному им фюреру даже после того, как он утратил его доверие и даже тогда, когда он был приговорен Гитлером к смерти. Он остается ему верным до сих пор, находя для него все новые оправдания. Пусть многим это покажется непонятным, пусть некоторые усмотрят в этом скорее слабость, чем силу, но в этой верности виденивесь человек. Геринга иногда рисовали как тип человека нового ренессанса. В этом, пожалуй, много верного. Обладая высоко развитым интеллектом, он, тем не менее, руководствовался в своих действиях не столько аргументами рассудка, сколько движениями своего горячего сердца. Такой человек неизбежно проявляет себя, главным образом, суб"ективно. Окружающий мир и других людей он не воспринимает со спокойной деловитостью как постоянные величины, с которыми надо считаться, напротив, он, прежде всего, исходит из того, как они действуют на него самого и вызывают с его стороны положительное или отрицательное отношение:, таким образом, свою личную реакцию он, в конце концов, делает даже основой своего общего суждения.

При всем этом, как видно из показаний генерал-полковника юстиции д-ра Леманна, он всегда старался оставать ся справедливым и прислушиваться к доводам ума. Он всегда был свободен от доктринерской предвзятости. По-сол-

15107

H1209 – 0431

H1209 – 0432

датски прямо он старался найти самое верное решение в каждом отдельном случае. Его решения, как верховной судебной инстанции, а также и его социальная позиция, о которой говорил свидетель генерал Боденшатц, показывают его серьезное моральное сознание ответственности. Его отношение ко всем преступлениям против женской чести, свидетельствуют о его рыцарстве. Однако решающим во всем этом для него являлось не какая-нибудь догма, а непосредственное чувство, т.е. не дух, а жизнь. Из нее он черпал свои идеи и определяющие ее ценности.

Поэтому фюрер и принесенная ему клятва в верности означали для него все, они стали содержанием его жизни. Посол Гендерсон правильно определил Геринга, написав о нем:

"Он был совершенным слугой своего господина, и я никогда не встречал большей верности и преданности, чем у него по отношению к Гитлеру. Он был, по общему признанию, второй величиной в стране и всегда давал мне понять, что он является естественным преемником Гитлера, как фюрера. Люди, занимающие второе место, часто бывают склонны подчеркивать свою собственную значимость. Во всех откровенных беседах, которые происходили между мною и Герингом, он никогда не говорил о себе или о той большой роли, какую он сыграл в нацистской революции: все сделал Гитлер, все доверие было доверием к Гитлеру, каждое решение принадлежало Гитлеру, сам он был ничто".

Эта оценка сохраняет свою силу и теперь. Но его верность стала для него роковой. В его представлении мир превращен в развалины. Правда, он признал некоторые

ошибки прошлого. Но он не проявил раскаяния, которое многие хотели бы в нем обнаружить. Этим он сохраняет верность и самому себе. Это завершает его облик.

В эпоху, когда над миром витает угроза хаоса и когда ищут твердых жизненных принципов, нельзя не признавать положительную ценность такой верности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, насколько я понимаю, у Вас нет перевода вашей речи ни на один из языков. Это правильно?

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, я уже вчера сообщил господину генеральному секретарю о причинах, сделавших невозможным перевод моей речи. Однако, я передал переводчикам текст на немецком языке, так как мне было сказано, что он поможет им переводить лучше и быстрее.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Несколько дней тому назад Трибунал уже указывал Вам на то, что членам Трибунала очень неудобно не иметь перед глазами экземпляра речи, которая произносится.

15109

H1209 – 0433

H1209 – 0434

Если вы все же намереваетесь произносить сейчас свою речь, то Трибунал постарается сделать все возможное, чтобы понять ее, хотя нам будет значительно труднее и неудобнее слушать ее, не имея перед собой ее перевода.

ЗАЙДЛЬ: Я приму меры к тому, чтобы перевод речи по делу подсудимого Франка был сделан как можно быстрее.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, Вы можете приступать .

ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПО ДЕЛУ ПОДСУДИМОГО ГЕССА.

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, господа судьи ! Когда в 1918 году немецкая армия после более чем четырехлетней героической борьбы сложила оружие, она поступила так, доверяя заверениям президента Вильсона, который неоднократно делал их в 1918 году. В своей речи на конгрессе 8 января 1918 года президент Соединенных Штатов Америки требовал в 14 пунктах открытых, согласованных мирных договоров.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Зайдль, как Вам известно, Трибунал неоднократно указывал, что вопрос о четырнадцати пунктах Вильсона и о справедливости Версальского договора не имеет никакого отношения к данному делу. Трибунал не намерен заслушивать никаких выступлений по этому поводу. Вам говорили об этом раньше. Вы знаете, что отклонено представление многих документов, в которых освещаются эти вопросы.

ЗАЙДЛЬ: Господин Председатель, я не собираюсь говорить о том, является Версальский договор справедливым или нет. Для меня важно следующее: обвинение пред'явило Версальский договор в качестве доказательства. Оно поставило Версальский договор в центр обвинительного заключения, особенно к его первому разделу.

Мои исследования имеют своей целью показать следующее:

1) Версальский договор был заключен на основе существовавшего тогда права или нет?

2) ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я говорил только о вопросе несправедливости Версальского договора. Но еще менее относится к делу вопрос о том, является Версальский договор законным документом или нет? Мы не желаем выслушивать Ваши утверждения о том, что Версальский договор не является таковым. Имеется масса вопросов весьма существенных для защиты Вашего подзащитного. Вот именно на них то Вы и должны остановиться. В то время, как данный вопрос не имеет никакого отношения к вашему подзащитному.

ЗАЙДЛЬ: Господин Председатель, я не могу оставлять Суд в неведении относительно того, что Версальский договор и вызванные им последствия, в частности приход национал-социализма к власти, являются существенной частью всей моей речи, и для меня...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, я уже сказал Вам, что Трибунал не будет заслушивать Ваших утверждений о том, что Версальский договор не представляет собою правомерного или справедливого документа. Мы не намерены слушать Вас по этому вопросу.

ЗАЙДЛЬ: Следовательно, мне следует понимать позицию Суда так, что мне не разрешено говорить о последствиях Версальского договора и в частности о связи, которую имеют эти последствия с ростом национал-социалистской партии и с приходом к власти Адольфа Гитлера и подсудимых на данном процессе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Версальский договор является историческим фактом и Трибунал не может Вам запретить делать на него ссылки как на исторический факт. Но что касается вопроса о справедливости и законности этого договора, подписанного Германией, то об этом Трибунал не будет Вас слушать. Вы не дали заранее вашей речи, и мы не знаем, о чем Вы будете говорить. Но такую речь, какую Вы произносите сейчас, мы не будем заслушивать.

H1209 – 0435

H1209-0436

ЗАЙДЛЬ: Тогда я начну с шестой страницы немецкого оригинала, со второго абзаца.

Таким образом, борьба за ревизию Версальского мирного договора началась уже в момент его подписания. В программе национал-социалистской рабочей партии Адольфа Гитлера эта борьба занимала во много раз более важное место, чем все другие требования. Она была основной идеей, соответственно которой проходила вся внутриполитическая деятельность партии и которая после прихода Гитлера к власти должна была быть основой всей внешней политики.

Одним из первых сподвижников Адольфа Гитлера был подсудимый Рудольф Гесс. Как и Гитлер, Рудольф Гесс был фронтовиком во время первой мировой войны. В начале войны он добровольцем вступил в армию и до своего ранения в Румынии получил чин лейтенанта пехоты. Ранение сделало для него невозможным дальнейшее пребывание на фронте в пехоте и он перешел в авиацию. После перемирия он принимал участие в различных боях свободного корпуса. В 1919 году, после заключения Версальского мирного договора, он должен был признать, что победители не хотели мира, справедливости и уравнивания интересов.

Как и следовало ожидать, условия Версальского договора, в особенности бремя репараций, оказали опустошающее действие на германское народное хозяйство и без того подорвавшееся...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, возможно, Вам будет трудно исключать из Вашей речи различные моменты, касающиеся тем, о которых я сейчас говорил, но я Вас очень прошу постараться сделать это, ибо, если Вы будете продолжать ссылаться на вопросы о законности и справедливости Версальского договора, то Трибунал будет вынужден оставить Вас и перейти к речи защитника следующего подсудимого.

15112

H1209-0437

ЗАЙДЛЬ: Господин Председатель, то, что я рассматривал сейчас, является не вопросом о справедливости и законности Версальского договора, а вопросом о его последствиях и связи их с последующим развитием. Представители Обвинения в течение многих недель пред'являли доказательства того, как возникла национал-социалистская партия, почему так быстро увиличилось количество ее членов. Я хочу...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, все это является фактами, подтвердить и доказать которые Обвинение имеет полное право. Ваше заявление, которое Вы сейчас сделали, о том, что некоторые пункты в Версальском договоре были несправедливыми, является аргументом, а подобные аргументы Трибунал не желает заслушивать. Это не констатация факта, а аргумент.

ЗАЙДЛЬ: Само собой разумеется, это - аргумент...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я сказал, что это является аргументом и мы не хотим слушать его. Если Вы не понимаете, что я имею ввиду, то Вам придется прекратить произнесение своей речи. Вы это понимаете ?

ЗАЙДЛЬ: Я попрошу открыть стр.8-ю. Когда в 1925 году партия возродилась, Рудольф Гесс был одним из первых...

Господин Председатель, я не могу продолжать свою речь, так как все последующие соображения относятся к вопросу о том, что делал подсудимый Гесс до прихода Гитлера к власти. Я должен констатировать, и я констатировал, что основной руководящей мыслью всей его деятельности было, выступая на партийных собраниях и перед германским народом, бороться за ревизию невыносимых условий. Этот вопрос, был вопросом всего национал-социалистского движения до 1933 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если Вы ограничитесь тем, что Вы будете излагать факты, относительно того, что делал Ваш подзащитный подсудимый Гесс, то мы не будем возражать. Но, как я уже сказал, если Вы будете высказывать свои соображения о том, что

15113

H1209 – 0437

H1209 – 0438

Версальский договор является незаконным или несправедливым, то Трибунал не будет Вас заслушивать.

ЗАЙДЛЬ: Я буду продолжать.

Я не представляю себе границ дозволенного, поэтому я прошу Вас, господин Председатель, прерывать меня, если я опять буду рассматривать вещи, которые по мнению Суда относятся к вопросу о справедливости Версальского договора...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, Вы прекрасно знаете те границы, которые были установлены Трибуналом много недель тому назад в отношении допустимости обсуждения вопроса о справедливости или несправедливости Версальского договора. Было отклонено очень много документов на том основании, что в них дискутируется именно этот вопрос. Вы должны были прекрасно знать об этом.

ЗАЙДЛЬ: Тогда я прошу Суд сказать, разрешается ли мне говорить относительно того, что явления экономического упадка, в частности, большая безработица, были вызваны репарациями, возложенными на Германию Версальским договором и отказом держав победительниц соответственно изменить политику репараций.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы, конечно, можете говорить о том, в каком состоянии находилась тогда Германия, Это по существу является фактическими данными.

ЗАЙДЛЬ: В таком случае я еще раз начну с 8-й страницы.

Когда в 1925 году партия возродилась...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, Трибунал очень хорошо знаком с подобными аргументами; я хочу сказать, что мы будем принимать во внимание эти аргументы. Но дело в том, что нам уже о они известны и мы не хотим снова выслушивать их. Мы считаем,

что все это совершенно не относится к делу. Не можете ли Вы перейти к следующим разделам Вашей речи, которые являются важными для защиты подсудимого Гесса? Как я уже сказал, имеется очень много моментов, которые были доказаны Обвинением и на которые защита уже дала ответ; именно по этим вопросам мы и хотим заслушать вас.

ЗАЙДЛЬ: Тогда я начну со второго абзаца 10-й стр. На выборах в рейхстаг 14 сентября 1930 года национал-социалистская партия достигла большой победы, получив не менее 107 мандатов. Это было следствием царившего тогда экономического кризиса, большой безработицы и выплаты репараций, возложенных на Германию, согласно Версальскому договору, следствием положения, противоречащего экономическим интересам, а также отказа держав - победительниц пересмотреть установленные размеры репараций, несмотря на настоятельные предупреждения из об этом. Правда, правильно...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, это Ваше заявление опять является аргументом. Вы вновь говорите о том, что Версальский договор был несправедливый и что державы - победительницы не хотели справедливо обращаться с Германией. Если Вы не сможете построить свою речь таким образом, чтобы она отвечала тем требованиям, которые я изложил, то мы вынуждены будем попросить Вас полностью переделать ее.

ЗАЙДЛЬ: Тогда я перехожу к 11 стр. 2-й абзац... Нет, я перехожу к 12 стр.

Когда немецкий народ во исполнение условий мирного Версальского договора разоружался, он мог по праву ожидать, что и державы победительницы соответственно...

Я хотел бы, господин Председатель...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту, доктор Зайдль.

15115

H1209 – 0439

H1209 – 0440

Доктор Зайдль, как видимо, Вы не можете переделать свою речь находу в соответствии с установленными Трибуналом правилами, поэтому Трибунал не будет заслушивать дальше Вас сегодня. Мы перейдем к защитительной речи по делу следующего подсудимого. Таким образом, Вы получаете возможность переделать свою речь и передать ее для перевода прежде, чем будете ее произносить.

Я должен сказать, что причиной, по которой Трибунал не хочет заслушивать Вас по этим вопросам, является следующее: они не имеют никакого отношения к тому делу, которое рассматривает Трибунал. Если бы то, что Вы говорили, в какой-либо степени относилось к обвинению, выдвинутому против подсудимых в Обвинительном заключении то, ~~которых~~ без сомнения, Трибунал заслушал бы Вас. Но эти вопросы, по общему мнению членов Трибунала, не имеют к нему никакого отношения. Поэтому Трибунал не желает их заслушивать.

Вопрос о справедливости Версальского договора не стоит ни в какой связи с вопросом о том, была ли война, которую вела Германия, агрессивной. Он также не об"ясняет военных преступлений, в совершении которых обвиняются подсудимые; он совершенно не относится к делу. На этом основании мы не желаем останавливаться на нем. Как я уже сказал, поскольку Вы не можете переделать свою речь находу, Вам будет дана возможность переделать ее неспеша, передать ее для перевода и после этого произнести ее.

А теперь мы перейдем к защитительной речи по делу подсудимого Риббентропа.

Доктор Хорн, Вы готовы к своему выступлению, не правда ли?

ХОРН. Да, господин председатель. Я слышал сейчас, что переводы речи будут принесены наверх. Разрешите мне подождать до тех пор, пока переводчики получат переводы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я думаю, что Вы можете приступить к речи, ведь она будет записываться.

ХОРН. Господин председатель, господа судьи! Все великие потрясения в мировой истории, и в особенности в современной Европе, являлись одновременно войнами и революциями.

Мы сейчас переживаем как раз период таких потрясений. Этот период ни в коей мере не закончен. Вырывать из общей связи отдельные события для того, чтобы давать им юридическую оценку, не только почти невозможно, но связано с опасностью вынесения поспешного приговора. Не будем обманывать себя: мы рассматриваем вопрос не о каком-то локальном кризисе, причины возникновения которого ограничиваются определенной частью Европы. Мы должны создать себе представление о катастрофе, которая затронула глубочайшие корни нашей цивилизации.

Обвинение применило строгий критерий при оценке определенных государственных событий и явлений, имевших место в отношениях между отдельными государствами. Германия полностью заинтересована в развитии идеи права, если последняя, будучи повсюду воплощенной в жизнь, приведет к совершенствованию международной морали. Перед настоящим судом стоит благородная задача, заключающаяся в том, чтобы не только вынести решение относительно отдельных подсудимых и вскрыть причины происшедшей катастрофы, но также и в том, чтобы одновременно создать нормы, которые должны стать обязательными повсюду. Недопустимо, чтобы создавалось право,

15117

H1209 – 0441

H1209 – 0442

которое будет применяться лишь в отношении слабых. В противном случае возникнет опасность, что все усилия государств будут опять направлены на то, чтобы превратить сопротивление во всеобщее и тем самым сделать войну еще более ожесточенной, чем та, о которой здесь должно быть составлено суждение.

Кладя вышеизложенное в основу, я предлагаю Трибуналу на рассмотрение представляемое мною дело.

Г-н фон Риббентроп считается лицом, несущим среди заговорщиков главную ответственность за внешнеполитическую, дипломатическую сторону мнимого заговора, который, якобы, ставил себе целью подготовку и ведение агрессивных войн. Прежде всего, моя задача заключается в том, чтобы, базируясь на результатах представления доказательств, установить, когда с точки зрения международного права перед нами агрессия и в каких случаях она велась.

Понятие агрессивной войны не исчерпано тем формально-юридическим определением, которое было предложено господами Главными обвинителями от США и Великобритании. Оно имеет прежде всего реальные предпосылки.

Лишь знание этих предпосылок допускает точку зрения, которая может служить основой для решения Суда. Поэтому я откладываю обсуждение понятия агрессии и агрессивной войны до тех пор, пока не представлю Суду соответствующий материал, изложив германскую внешнюю политику и участие в ней г-на фон Риббентропа.

Трибунал намеревается рассмотреть положение вещей с точки зрения уголовного права. Соответственно этому я особо остановлюсь на вопросе о том, насколько тормозящим или поддерживающим было влияние господина фон Риббентропа на внешнеполитические решения во время его политической деятельности.

15718

Успешным был первый шаг господина фон Риббентропа в деле примирения интересов, а, следовательно, и в борьбе международных сил, когда он в 1935 г. добился заключения морского соглашения между Германией и Англией.

Обстоятельства, сопутствовавшие подписанию этого соглашения, столь же показательны для политических проблем тех лет, как и характерны для фон Риббентропа и его дальнейшего политического развития. Это соглашение было заключено через голову официальной германской дипломатии. Просвещенные круги знали об этом. Тогдашний германский посол в Лондоне фон Геш и Вильгельмштрассе отнеслись к проекту этого соглашения с огромнейшим скептицизмом. И Геш и Вильгельмштрассе, не верили в то, что Англия склонна к заключению такого договора, который нарушал положения части У Версальского договора и который противоречил предыдущей позиции Англии на различных конференциях по разоружению. Они не верили в то, что такое соглашение может быть заключено через несколько недель после того, как ассамблея Лиги наций назвала восстановление германским обязательств и после того, как представители Англии, Франции и Италии собрались в Штрезе, чтобы ответить на этот шаг Германии. Они совсем уже не верили в то, что такому стоящему в стороне от дел человеку, как господину фон Риббентропу, удастся заключить договор, имевший колоссальное принципиальное значение.

Последствия подписания этого договора были столь же очевидными, как и важными. Престиж господина фон Риббентропа, вышедшего из рядов партии, увеличился в глазах Гитлера. Отношения между господином фон Риббентропом и консервативной дипломатией все более обострялись. Все сильнее росло недове-

15119

H1209 – 0443

H1209 – 0444

рие к этому титулованному послу, который сумел завоевать доверие Гитлера, избежав того, чтобы его деятельность подвергалась контролю со стороны министерства иностранных дел.

После заключения морского соглашения Гитлер стал видеть в господине фон Риббентропе человека, который сможет эффективно помочь ему осуществить свое заветное желание - можно вполне сказать, также и желание германского народа, - заключающееся в заключении общеполитического союза с Англией. В основе стремления к осуществлению вышеупомянутого намерения лежали как реальные причины, так и причины идеалистического характера.

Реальные причины состояли, кратко говоря, в несчастьи нашей нации и всей Европы, выражавшемся в том, что Германия и Англия никогда не могли достичь взаимопонимания, несмотря на серьезные попытки обеих стран в течение последних 50 лет.

Причины идеалистического характера кроются в бесспорной симпатии Гитлера к некоторым испытанным внутригосударственным порядкам Британской империи.

В политическом отношении морское соглашение представляло собой первую значительную брешь в политике Версаля, что санкционировалось Англией при последующем одобрении со стороны Франции. Таким образом, после многих лет безрезультатных переговоров было достигнуто первое соглашение об ограничении вооружений, имеющее практическое значение. Одновременно создалась благоприятная общая политическая атмосфера. Морское соглашение и его последствия явились, видимо, основанием того, что после смерти Геша Гитлер на следующий год назначил фон Риббентропа послом при Сен-

15720

Жерменском дворе.

Насколько неожиданно быстро удалось господину фон Риббентропу добиться морского соглашения, настолько же мал был успех его предложения о заключении общего союза с Англией. Была в этом виновна дипломатия господина фон Риббентропа, или причина заключается в абсолютном расхождении интересов? Кто знаком с психологией англо-саксонов тот знает, что не рекомендуется сразу осаждать этих людей предложениями и просьбами. Если немцам удается в первый момент установить нечто общее а сангличанами, то при более близком ознакомлении с предметом выясняется, что наличествуют глубоко идущие расхождения. Два народа живут в различных условиях.

Различные источники питают их духовную жизнь. Чем глубже проникают немцы и англичане в душу друг друга, тем сильнее выясняется разница их верований и их духа. Чем глубже проникают англичане и французы в натуру друг друга, тем больше общего находят они. Эта общность, соединяющая англичан и французов, еще больше углубилась в течение последних 50 лет в результате переплетения политических интересов.

На протяжении современной истории Англия постоянно испытывала потребность в союзе с какой-либо континентальной военной державой и, учитывая свои интересы, в зависимости от преследовавшихся ею целей, она искала и находила себе союзника, либо в Вене, либо в лице Берлина, а с начала XX столетия в Париже.

Интересы Англии фон Риббентропа не допускали отклонения от этой линии и во время деятельности господина . К тому присоединилась принципиальная точка зрения Великобритании, состоявшая в том, что она не желает укрепляться на континенте. С берегов Темзы наблюдали за осложнениями, намечавшимися на континенте. Руководящие лица в английском министер-

15121

H1209 – 0445

H1209 – 0446

стве иностранных дел еще слишком сильно придерживались политики конца X1X и начала XX столетия, заключавшейся во французской ориентации.

Голоса тех, которые выступали за более тесную связь с Германией, были незначительными в своем политическом весе, они уступали оппозиции. Кроме того, существовали трудности, возникшие в связи с участием Германии в комитете по невмешательству, который заседал в Лондоне, решая вопрос об изоляции держав от участия в гражданской войне в Испании.

Обвинение затронуло вопрос о том, как господин фон Риббентроп оценивал германо-британские отношения, когда он покидал пост посла в Лондоне.

Ответ даст нам лучше всего документ ТС-75, который содержит точку зрения господина фон Риббентропа относительно международного положения Германии в тот период, и относительно того, как в будущем могут сложиться германо-британские отношения.

Господин фон Риббентроп исходит из той предпосылки, что Германия не желает связывать себя существующим положением в Европе. Он убежден, что преследование поставленных целей неизбежно приведет Германию и Англию в "разные лагери". Он советует создать систему союзов с державами, интересы которых совпадают с интересами Германии.(Италия и Япония)
Такой политикой он надеялся, с одной стороны, связать Англии руки, ставя под угрозу наиболее слабые места Британской империи, а, с другой стороны, сохранить за ней возможность установления взаимопонимания с Германией.

Затем господин фон Риббентроп переходит к австрийскому и судетскому вопросам. По его тогдашнему убеждению, Англия не должна была согласиться на изменение статус-кво

15122

по этим двум вопросам, но под давлением обстоятельств ей придется допустить их разрешение.

Напротив, изменение статус-кво на Востоке, затронув жизненно - важные интересы Франции, превратит Англию в противника Германии. Этой точки зрения господин фон Риббентроп придерживался не только в 1938 году, когда был написан этот документ, но и в течение всего периода вплоть до начала второй мировой войны. Вопреки утверждениям Обвинения, он предупреждал Гитлера об этой опасности.

Из приведенного документа не следует, что господин фон Риббентроп изображал Гитлеру англичан, как здесь утверждалось, вырождающимся народом; он ясно заявлял, что Англия станет суровым и упорным противником, если Германия будет продолжать преследовать свои цели в Центральной Европе.

Эта изложенная в документе ТС-75 точка зрения относительно международного положения Германии в тот период, очевидно, совпадала с точкой зрения Гитлера, поскольку господин фон Риббентроп в связи с кризисом, связанным с фамилией Фрича, стал во главе министерства иностранных дел вместо ушедшего в отставку господина фон Нейрата.

Согласно показаниям господина фон Риббентропа, когда он вступал на свой пост, Гитлер просил его, чтобы он помог ему решить четыре проблемы. Речь шла об австрийском, судето-германском, мемельском вопросах, а также о вопросе Данцига и Польского коридора. Как выяснилось из представления доказательств, это не было тайной договоренностью двух государственных деятелей.

Программа партии в § 3 содержит требование ревизии мирных договоров 1919 года. Гитлер в ряде своих речей всякий

H1209 – 0447

H1209 – 0448

раз указывал на необходимость удовлетворения этих германских претензий. Рейхсмаршал Геринг показал здесь, что в ноябре 1937 года он раз"яснял лорду Галифаксу необходимость решения этих вопросов, заявив, что они представляют собой неот"емлемую составную часть германской внешней политики. Так же открыто он изложил эти цели и французскому министру Бонне. Таким образом господин фон Риббентроп, исходя из своего убеждения, помогал достижению целей, о которых было известно и которые неизбежно вытекали из динамики обстановки в Центральной Европе, обусловленной усилением империи.

Вопрос о том, насколько широко пользовался господин фон Риббентроп свободой действий или насколько он был лишен ее в качестве министра, когда решались вышеупомянутые проблемы, я изложу в связи с рассмотрением вопроса об участии подсудимого в заговоре, которое инкриминируется ему. Пока нужно лишь упомянуть, что, как следует из представления доказательств, вместе с отставкой барона фон Нейрата решение проблем внешней политики полностью сосредоточилось в руках Гитлера. Господин фон Нейрат был последним министром иностранных дел, который при режиме национал-социализма сохранил в области внешней политики значительное влияние, которое он по мере усиления упомянутого режима, утрачивал, уступая тоталитарным устремлениям Гитлера.

15124

С назначением господина фон Риббентропа министром иностранных дел ~~стал~~ появился, наконец, человек, которого Гитлер избрал по своему вкусу.

Несомненно, наряду с различными формами государственного права и компетенцией различных государственных органов, важным элементом управления государством являются чисто личные взаимоотношения правящих лиц. Рассматривая некоторые действия и исторические события с этой точки зрения, стоит коснуться вопроса об отношении Гитлера к господину фон Риббентропу.

Господин фон Риббентроп, как состоятельный человек, принадлежавший к лагерю националистов, видел в Гитлере и его партии выразителей тех стремлений, которые отвечали его взглядам и мыслям. Мнения фон Риббентропа относительно тех стран, в которых он побывал, вызвали у Гитлера интерес. Личность Гитлера и его политические воззрения превратили господина фон Риббентропа в его приверженца, корни чего, в конечном итоге, надо искать в воздействии силы внушения и гипноза Гитлера.

Мы не должны скрывать от себя того факта, что жертвой этого воздействия стал не только господин фон Риббентроп, но и огромное количество людей в Германии и за ее пределами.

Те явления, которые в этом зале должны найти правовую формулировку, могут быть объяснены с точки зрения психологии и массового внушения, если даже оставить в стороне патологические формы этого феноменального явления, изучение которого предоставим соответствующим наукам.

Как адвокат,- и исключительно в качестве такового, я

15125

H1209 – 0449

H1209 – 0450

должен остановиться на рассмотрении результатов представленных доказательств. С разрешения Трибунала, я перейду к вопросу о роли Риббентропа в так называемом заговоре, целью которого было планирование агрессивных войн и других актов агрессии, осуществлявшихся нарушением существовавших договоров.

Прошло менее 10 дней со времени назначения фон Риббентропа на пост министра иностранных дел, как Гитлер пригласил его участвовать в переговорах с австрийским канцлером и австрийским министром иностранных дел, состоявшихся в Берхтесгадене 12 и 13 февраля 1938г. Представленные доказательства устанавливают, что вопросы, связанные с Австрией, входили в компетенцию исключительно Гитлера. Тогдашний посол фон Папен представлял свои доклады непосредственно главе государства. Господин фон Риббентроп не оказывал никакого влияния на деятельность партии в Австрии, как и вообще в Юго-восточных странах. Мой подзащитный утверждает, что он лишь изредка и неофициальным путем узнавал о той деятельности, которую партия там проводила.

Бывший австрийский министр иностранных дел, д-р Гвидо Шмидт, вызванный сюда в качестве свидетеля, показал, что г-н фон Риббентроп не участвовал в наиболее важных переговорах, происходивших между Гитлером и Шушнигом в Берхтесгадене. Во время остальных переговоров он вел себя иначе, чем того требовал тогдашний стиль Гитлера, и у свидетеля создалось впечатление, что он не располагал необходимой информацией, так как до этого он находился в Лондоне и еще совсем недавно был назначен на пост министра иностранных дел.

15126

Из этого безупречного поведения г-на фон Риббентропа обвинение делает вывод, что оно было маневром, заранее условленным между ним и Гитлером. Вообще обвинение видит в поведении г-на фон Риббентропа типичный признак того, что оно характеризует как двойную игру. Разве неоспоримые даты и факты, относящиеся к личности фон Риббентропа, впечатление, вызванное ими у свидетеля Шмидта, мои доводы относительно позиции, которую занимал фон Риббентроп в качестве министра, его неосведомленность о давно составленных планах, касавшихся Норвегии и Дании, а также другие доказанные факты, - не заставляют нас поставить такой вопрос: не принимал ли фон Риббентроп в решении внешнеполитических вопросов несравненно меньшее участие, чем это утверждает Обвинение?

Во всяком случае, представленные доказательства с очевидностью подтверждают, что в решении об аншлюссе он не принимал решающего участия. Для него Австрия являлась страной, изувеченной Сен-Жерменским договором, едва жизнеспособной, прожившей в составе германской империи значительный отрезок исторического пути. Национал-социалисты не были первыми, кто посеял в Австрии мысль об аншлюссе. Эта мысль зародилась среди немецких элементов габсбургской монархии после революции 1848 г., демократической по своему характеру и направленной на объединение Германии. После падения монархии социал-демократия продолжала развивать эту мысль, руководствуясь принципами идеологического и практического порядка. Она видела в Веймарском государстве нечто вроде своего духовного детища. Тяжелое экономическое положение, создавшееся после мировой войны в результате раздробления дунайского бассейна,

15727

H1209 – 0451

H1209 – 0452

как единого хозяйственного целого, увеличивало стремление к присоединению Австрии к империи, находившейся в более благоприятном экономическом положении. Национал-социалисты сумели использовать эту благоприятную для аншлюсса почву. Предпосылки к аншлюссу были налицо полностью, когда отпала возможность оказания поддержки Австрии со стороны Италии, благодаря сближению этого государства с империей на абиссинской почве/ конфликта. Дальнейшие причины, способствовавшие осуществлению аншлюсса и явившиеся обоснованием его, изложит подробно мой коллега д-р Штейнбауэр.

Рейхсмаршал Геринг показал, что аншлюсс в его первичной форме, как он был сформулирован в законе о воссоединении от 13.3.1938 г., подписанном также г-ном фон Риббентропом, не только отвечал намерениям Гитлера, но был достигнут им.

В качестве дальнейших примеров нарушения договоров в связи с австрийским вопросом. Обвинение ссылается на нарушение 80-й статьи Версальского договора, соответствующей статьи Сен-Жерменского договора, а также германо-австрийского договора от 11.7.1936 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Согласно поступившему переводу, Вы сказали, что аншлюсс не только отвечал намерениям Гитлера, но был "достигнут", очевидно следовало сказать "достигнут самим Герингом".

Д-р ХОРН. Да, г-н председатель. Здесь, очевидно, вкралась ошибка.

- В качестве оправдания нарушений этих договоров можно было бы указать на то, что сами эти договоры представляют собой нарушение права на самоопределение, которое кладется в основу мирных договоров. Во всяком случае, результаты вы-

боров, происходивших после аншлюсса, с очевидностью под - тверждают тогдашнюю позицию Австрии.

Далее, нарушение этих договоров может быть оправдано с точки зрения "clausula rebus sic stantibus ". Можно было бы сослаться на заявление, сделанное в Палате Общин заместителем статс-секретаря Батлером, который после осуществления аншлюсса констатировал, что Англия не принимала на себя никаких особых обязательств в отношении гарантий независимости Австрии, предоставленных ей Сен-Жерменским договором.

Действительность выше этих правовых оценок. Позитивное право всегда отстает от идеала справедливости. Это верно не только в отношении внутригосударственного права, но и в отношении международного права. Если договоры не оставляют никакой отдушины для изменения их, то историческое развитие революционным путем заставляет выходить за их рамки для того, чтобы впоследствии они были вновь заключены на принципиально новой основе.

Можно ли, с точки зрения права, оправдать участие в таком ходе событий? Это, пожалуй, спорно. Позднее я еще вернусь к общему взгляду на приспособление права к власти фактов.

Один англичанин констатировал:

"Мы должны взглянуть в глаза тому упрямому факту, что в Центральной Европе существует уже почти скрепленный блок 80-милионного высокоодаренного, высокоорганизованного народа, обладающего высшей степенью самосознания. Большинство его питает сильное и, повидимому, неискоренимое желание объединиться в рамках единого государства".

15129

H1209 - 0453

H1209 – 0454

Аншлюсс Австрии и национальные теории национал-социализма привели в движение этот блок, искусственно раздробленный мирными договорами 1919 года. Ни один внимательный наблюдатель не мог бы отрицать действия, которое аншлюсс произвел на соседние государства.

Я не намереваюсь отнимать у Трибунала время подробным изложением того, как усилилось стремление к воссоединению среди немецких меньшинств различных соседних стран. Факты, ставшие уже достоянием истории, достаточно известны. Мне надлежит проанализировать следующий момент: свидетельствуют эти факты о наличии плана, составленного заранее одним человеком или группой лиц, или здесь действовали давно искусственно сдерживавшиеся силы, которые помогли достижению целей, обрисованных Гитлером фон Риббентропу при назначении его на пост министра.

Аншлюсс Австрии послужил для партии судетских немцев сигналом к тому, чтобы форсировать свое присоединение к Германии.

Обвинение вменяет г-ну фон Риббентропу в вину то, что он, будучи министром иностранных дел, занимался инсценировкой трудностей. Его обвиняют в том, что он подстрекал партию судетских немцев к тому, чтобы она вместо вступления в чехословацкое правительство, шаг за шагом расширяла свои требования, мешая тем самым общему решению вопроса, причем внешне германское правительство осталось совершенно в стороне.

Представленный Обвинением документ 3060-ПС доказывает обратное. Правда, г-ну фон Риббентропу было известно, что

партия поощряла стремление судетских немцев к присоединению с Германией. Однако он не имел подробных сведений об этой партийной политике и не оказывал на нее влияния. На основании трудностей с чехословацким правительством, возникших в результате сепаратистских стремлений судетских немцев и их частично бесконтрольной политики, г-н фон Риббентроп видел себя вынужденным позаботиться о достижении целей судетских немцев предоставленными ему политическими средствами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Хорн, я думаю, сейчас удобно об"явить перерыв.

/Об"является перерыв на 10 минут/.

Встать! Суд идет!

ХОРН: Мюнхенское соглашение внесло временное успокоение в международную обстановку. Она осложнилась вновь в результате совершенно неожиданного для фон Риббентропа шага Гитлера, заключавшегося в посещении Берлина Гахой и связанных с этим событий.

Как показал рейхсмаршал Геринг, Гитлер, наперекор всем предостережениям, после разрешения словацкого вопроса решил создать протекторат Богемии и Моравии. Трудно на основании имеющегося материала определить конечные причины этого шага Гитлера. По словам подсудимого Геринга, корни их надо искать в постоянном опасении Гитлера, что чешский офицерский корпус примкнет к России и этим создаст новое осложнение на юго-востоке. Видимо, эти и вытекающие отсюда стратегические и исторические соображения побудили Гитлера к шагу, сделанному им 13/III-1939 года и явившемуся неожиданностью также и для г-на фон Риббентропа.

15131

H1209 - 0455

H1209 – 0456

Это решение, об"яснимое лишь склонностью Гитлера к внезапным решениям, принесло с собой полное изменение внешнеполитического положения Германии.

Господин фон Риббентроп предостерегал тогда Гитлера, указывая ему на ту реакцию, какую это вызовет со стороны западных держав, и, в частности, Англии.

Последствия сказались на вопросах Данцига и Польского коридора, поставленных еще в октябре 1938 года. Если до того поляки не отказывались от переговоров по этим вопросам, основываясь на политике Германии, которую последняя вела с 1934 года, и на том факте, что Тешинская область снова перешла к ним, то в конце марта дала о себе знать реакция на образование протектората. Англия видела в создании протектората нарушение Мюнхенского соглашения и начала консультации с рядом государств. В то же время министр Бек вместо того, чтобы еще раз приехать в Берлин, отправился в Лондон и возвратился оттуда с заверением, что Англия будет выступать против всякого изменения существующего положения на Востоке. Это же заявление было сделано в палате общин после предварительной консультации с французским правительством. 26/III-1939 года на Вильгельмштрассе явился польский посол Липский и заявил господину фон Риббентропу, что дальнейшие стремления к ревизии в отношении Польши и, в частности, в вопросе о возвращении Данцига империи, означают войну.

Таким образом, польский вопрос стал вопросом европейским. Господин фон Риббентроп заявил тогда польскому послу, что Германия не может удовлетвориться таким решением.

Только полное присоединение Данцига к империи и экстер-

15132

H1209 – 0457

риториальная связь с Восточной Пруссией могут привести к окончательному разрешению проблемы.

Я сделал Трибуналу обзор польского кризиса в форме представления документальных доказательств. Поэтому я могу считать, что фактический ход событий, в том числе и присоединением Мемельской области, которая по договору с Литвой снова отошла к империи, всем известен. Чтобы зря не занимать времени Трибунала, я ограничусь тем, что выделю только те факты, которые помогут выяснять роль господина фон Риббентропа.

Господину Риббентропу пред"является обвинение в том, что в период судетского кризиса и во время образования протектората Богемии и Моравии он усыпил Польшу, разыгрывая перед ней дружеские чувства. В опровержение этого утверждения я должен указать на то, что со времени соглашения в 1934 году отношения между Германией и Польшей были хорошими и даже дружественными и что факт передачи Польше Тешинской области, которым она обязана внешней политике Германии, оказал на них еще более благотворное влияние. Таким образом, Польша имела все основания к выражению дружественных чувств по отношению к Германии, для этого не нужно было никакого ложного поведения господина фон Риббентропа. Как показали представленные здесь доказательства, господин фон Риббентроп продолжал придерживаться дружественной политики по отношению к Польше и после раздела Чехословакии, так как не было никакой причины отказаться от этой политики.

Господину фон Риббентропу пред"является далее обвинение в том, что он знал, что уже весной 1939 года Гитлер принял решение воевать с Польшей и что Данциг послужил только

15733

H1209 – 0457

H1209 - 0458

поводом к этому конфликту. Такой вывод делается на основании документов США-27 и США-30, в которых говорится об известных речах Гитлера от 23/У и 22/УШ-1939 года. Я должен обратить Ваше внимание на то, что господин фон Риббентроп не присутствовал на этих совещаниях, на которых присутствовали только военные лица.

Здесь подробно говорилось о целом ряде основных документов. Я назову только самые известные, как, например, документ Госсбаха, оба документа Шмундта и вышеупомянутые речи. Ряд заявлений относительно этих документов стал содержанием пред"явленных здесь доказательств. Люди, знавшие Гитлера, говорили, что они привыкли к его экстравагантным идеям, выражавшимся в форме поражающих докладов; и что, зная его особенности, они не принимали их всерьез.

Этим документам можно противопоставить ряд речей, в которых Гитлер утверждал обратное. Тут возразят, что в таких случаях Гитлер преследовал определенную цель, так как эти речи произносились для всех. Это, конечно, верно. Но также верно и то, что даже те немногие основные документы, представленные в доказательство того, что война была агрессивной, содержат в себе так много противоречий, что только критики, оценивающие все события прошлого, могут усмотреть в них эти планы. Кстати говоря, содержание этих документов было известно только тем, кто принимал участие в совещаниях, как того и требовали строгие наставления о сохранении их в тайне.

Таким образом, я могу заявить, что господин фон Риббентроп впервые узнал о них здесь, в зале суда.

Директивы по вопросам внешней политики, которые он в

свое время получал от Гитлера, относились к вопросу о воссоединении Данцига и о строительстве экстерриториальной дороги через коридор с тем, чтобы иметь наземную связь с Восточной Пруссией. Как помнит Трибунал, Гитлер, назначая фон Риббентропа на пост министра иностранных дел, указал на это, как на цель, которой надо добиться. Эта цель с исторической точки зрения была в такой же мере справедлива, как и неизбежно было предшествующее присоединение к Германии областей с немецким населением. Устав совершенно немецкого города Данцига, созданный по Версальскому договору в связи с образованием польского государства, всегда служил поводом к трениям между Германией и Польшей. Польша добилась в Версале такого решения, основываясь на том, что ей нужен выход в море. По тем же причинам, но вопреки всем соображениям этнологического порядка, был создан Польский коридор. Еще Клемансо в одном меморандуме указал, что это искусственное образование может явиться источником опасностей и, в частности, что об"единенные на этой территории народы разобщены друг от друга долголетней упорной враждой. Не трудно было предвидеть, что следствием этого обстоятельства явится не только тот факт, что в Лигу Наций и Международный Суд в Гааге систематически будут поступать жалобы на Польшу о нарушении ею соглашения о нацменьшинствах. Тем же обстоятельством определялось отчуждение немецких крупных земельных владений в один миллион гектаров и изгнание в течение 20 лет более миллиона немцев. Не зря лорд д"Авернон говорил о проблеме данцигского коридора, как о пороховом складе Европы.

И если теперь стремились к разрешению этих вопросов,

15735

H1209 – 0459

H1209 – 0460

признавая польские претензии на сохранение выхода в море, то это стремление было настолько же разумным, насколько и исторически обоснованным.

В порядке представления доказательств не было представлено никаких данных, свидетельствующих о том, что в этом вопросе был хоть один повод, который должен был быть известен господину фон Риббентропу. Не было представлено доказательств тому, что господин фон Риббентроп знал о целях Гитлера, которые значительно превышали бы эти требования. Также мало доказано утверждение Обвинения о том, что еще до I-го сентября 1939 года господин фон Риббентроп сделал все, что только мог, чтобы нарушить мир с Польшей, хотя он знал, что война с Польшей вовлечет в конфликт Великобританию и Францию. Утверждая это, Обвинение базируется на документе ТС-73, представляющем собой отчет польского посла в Берлине Липского министру иностранных дел Польши. Но документ вообще не содержит ничего, что могло бы служить обоснованием этого утверждения.

Кроме того, я не думаю, что после представленных доказательств Липский может считаться особенно хорошим свидетелем. Я должен напомнить о том, что именно Липский был тем человеком, который на решительной стадии переговоров, до начала войны, говорил, что у него нет ни малейшего повода интересоваться предложениями и нотами со стороны Германии. Он говорил, что за те пять с половиной лет, когда он был посланником в Германии, он хорошо изучил положение там, и что он убежден, что, в случае возникновения войны, в Германии начнутся беспорядки и польская армия победоносно двинется на Берлин.

По показаниям свидетеля Далеруса, во время решающего со-

вещания в польском посольстве именно Липский вызвал у шведов такое впечатление, что Польша саботирует всякую возможность начать переговоры.

Против вышеуказанного утверждения Обвинения говорят и другие выводы из представленных доказательств, например, тот факт, что господин фон Риббентроп, узнав о подписании англо-польского договора о гарантиях, добился от Гитлера отмены данного войскам приказа на наступление, потому что по его мнению в конфликт с Польшей были бы вовлечены западные державы. Это мнение совпадает с теми выводами по оценке положения в Европе, которые господин фон Риббентроп высказал в уже рассмотренном документе ТС-75.

Посланник Шмидт сообщил здесь, что как раз господин фон Риббентроп послал его 25 августа 1939 года, то-есть после встречи Гитлера с сэром Невилем Гендерсоном, к последнему с вербальным коммюнике /документ 72/69-ТС/, в котором кратко были изложены предложения Гитлера. Одновременно господин фон Риббентроп увязал настоятельную просьбу немедленно и лично передать правительству Великобритании эти предложения Гитлера. Согласно английской Синей Книге, сэр Невиль Гендерсон не мог не квалифицировать эти предложения, а также предложения, представленные позже, как разумные и чистосердечные. Это были не обычные предложения Гитлера, а "предложения Лиги Наций".

Тот, кто изучал переговоры последующих решающих дней, не сможет отрицать, что со стороны Германии было сделано все, чтобы по крайней мере начать переговоры и повести их на приемлемой основе. Но другая сторона сорвала их, потому

15137

H1209 – 0461

H1209 – 0462

что она твердо решила на этот раз действовать. Добрая услуга Англии окончилась прекращением всяких переговоров; представители Польши так и не сели за стол, за которым эти переговоры должны были бы вестись.

Против господина фон Риббентропа выдвинуто обвинение в том, что практически он сорвал последние, решающие переговоры с английским послом Гендерсоном, зачитав предложения, которые Германия делала Польше, в такой форме, которая противоречила всем дипломатическим правилам и нормам международного этикета, и так быстро, что сэр Невиль Гендерсон не мог их понять и, стало быть, не мог передать. На этой решающей встрече присутствовал переводчик посланник Шмидт. Здесь под присягой он показал, что это утверждение не верно. Можно считать неумным приказ Гитлера сообщить сэру Невилю Гендерсону только суть меморандума. Но факт остается фактом, господин фон Риббентроп не только прочел английскому послу вслух нормальным темпом все содержание, но и благодаря присутствию переводчика предоставил сэру Невилю Гендерсону возможность полностью познакомиться с его содержанием и спросить пояснений. Впрочем, по инициативе рейхсмаршала Геринга в ту же ночь меморандум был передан по телефону советнику британского посольства Форбсу. Таким образом, правительство Великобритании было в состоянии выполнить им же самим предложенную услугу по организации переговоров на основе положительных предложений Германии.

На основании описанных фактов можно, пожалуй, усомниться в верности того утверждения, что подсудимый сделал все, чтобы избежать мира с Польшей.

15138

В начале своей защитительной речи я подчеркнул, что невозможно рассматривать агрессивную войну с юридической точки зрения, не зная предпосылок, которые привели к ее началу. Прежде, чем перейти к юридической оценке конфликта с Польшей, я просил бы разрешения остановиться несколько на тех причинах, которые привели к нему.

Период между обеими мировыми войнами характеризуется реакциями удовлетворенных стран на поведение неудовлетворенных и, наоборот. Повидимому, существует закон, по которому после крупных военных потрясений страны-победительницы стремятся к восстановлению довоенного состояния как в материальной, так и в духовной жизни, в то время, как побежденные страны, прибегая к новым средствам и методам, вынуждены искать выхода из положения, явившегося следствием поражения. Так, после войны Наполеона создался "Священный Союз", который под руководством Меттерниха пытался игнорировать последствия Французской революции, действуя под знаком законности.

Чего не достиг "Священный Союз", того не добилась и Лига Наций. Созданная в минуту горячей веры в человеческий прогресс, она быстро превратилась в орудие удовлетворенных государств. Каждая попытка "укрепить" Лигу Наций означала возведение нового больверка для сохранения статус кво.

15139

H1209-0463

H1209 – 0464

Под утонченными выражениями юридических форм продолжалась политика сильных. Идея безопасности, овладевшая всеми, вскоре лишила недавно созданный орган всяких следов свежести и жизненности. Таким образом, никогда, конечно, нельзя было найти разрешения проблем, возникших в результате первой мировой войны. В международной жизни к все большему столкновению приходили интересы консервативных стран, которые были довольны статус-кво, и революционных стран, пытавшихся изменить существующее положение вещей. Вопросом времени был вопрос о том, когда в этих условиях политическая инициатива перейдет в руки неудовлетворенных стран. Создание фронтов зависело исключительно от силы революционного духа, созревшего в противовес политическому самодовольству и тоске по прошлому.

15140

На этой почве выросли доктрины национал-социализма, фашизма и большевизма, программы которых содержали много мракобесных, эластичных, а иногда и противоречащих друг другу пунктов. Эти направления вербовали себе приверженцев не своими программами. Их сила состояла в том, что они предлагали что-то новое и не требовали от своих приверженцев поклонения старым политическим идеалам, оказавшимся в прошлом несостоятельными.

Экономические кризисы послевоенного периода, споры относительно репараций и оккупации Рура, неспособность демократических правительств добиться у других демократических стран чего-либо для своих народов, испытывающих нужду, неизбежно привели к проверке еще непроверенных доктрин. Практические последствия такой революции, пережитые нами в Германии после 1933 года, наряду с социальной программой, могли состоять только в устранении мирных договоров 1919 года, представляющих собой классический пример непонимания революционного характера мировой войны.

Эти задачи не были для революции вопросами права. Это были для нее доктрины в такой же мере, в какой для удовлетворенных стран уже давно стало доктриной сохранение "~~статус~~ статус-кво" любой ценой, даже ценой новой мировой войны. Только тот, кто не прячется от фактов, может судить о политических кризисах прошедшего десятилетия.

У каждой революции есть только две возможности: или она встречает настолько незначительное сопротивление, что со временем появляются консервативные тенденции и создается амальгама со старым порядком; или контрсилы настолько велики, что революция разбивается, в конце концов, о свои же

15141

H1209 - 0465

H1209 – 0466

собственные чрезчур заостренные средства и методы.

Национал-социализм пошел вторым путем, начав с мирного развития и поддержания традиций. Но и он не мог противостоять исторической закономерности развития. Цели, поставленные им себе, были слишком велики, чтобы их могло достигнуть одно поколение, его революционная эссенция слишком крепкой. Первые успехи произвели ошеломляющее действие. Они заставляли умолкать критику, направленную против его методов и целей.

Очень вероятно, что процесс слияния всех крупных немецких групп в центре Европы - я имею в виду создание протектората Богемия и Моравия и разрешение вопроса о Данцигском коридоре - закончился бы удачно, если бы под конец революционные темпы и методы не были бы слишком уж преувеличены на основании прежних успехов. Каждый человек, трезво оценивающий события, не будет оспаривать права требовать разрешения вопроса о Данциге и Коридоре, как бы труден этот вопрос ни был.

Когда Обвинение утверждает, что в действительности Данциг явился только поводом, то, рассматривая события с точки зрения 1939 года, это едва-ли можно доказать. Безусловно, для другой стороны речь шла о чем-то ином, чем о сохранении "статус-кво" на Востоке. Национал-социализм, а вместе с ним и усилившаяся германская империя, стали в глазах других такой опасностью, что после Праги твердо решили превратить всякое дальнейшее действие Германии в какой бы то ни было области в повод для действия.

Я уже говорил, что революционный процесс, происходивший в Центральной Европе, в первую голову был вызван

15742

экономическими причинами, обусловленными Версальским договором, возложившим на Германию мир, который, как все знали, в своих экономических пунктах не мог быть выполнен ею, как побежденной страной.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Хорн, Трибунал считает, что последнее предложение вызывает возражение по тем же мотивам, о которых я уже говорил.

ХОРН: Г-н председатель, я хотел остановиться не на самом Версальском договоре и его подписании, а на некоторых неизбежных последствиях, которые являются всем известными фактами. Но я уже кончил, по этому вопросу мне больше нечего сказать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте, пожалуйста, д-р Хорн.

ХОРН: /продолжает/ - Здесь говорили о выражении "жизненное пространство". Я уверен, что это понятие никогда бы не стало политической программой, если бы после первой мировой войны вместо того, чтобы экономически душить Германию, предоставили бы ей возможность вновь выступать на мировых рынках. Систематическое отстранение Германии от сырьевых баз мира, якобы, в интересах безопасности, усиливало стремление к автаркии и поискам выхода из экономической блокады. При создавшемся тяжелом экономическом положении крик о жизненном пространстве пал на плодородную почву.

Сталин прав, когда он говорит:

"Было бы неверно думать, что вторая мировая война возникла случайно или как следствие ошибок тех или иных государственных деятелей, хотя эти ошибки, без сомнения, делались. В действительности, война возникла как неизбежный

15743

H1209 – 0467

H1209 – 0468

результат развития международных экономических и политических сил на основе современного монополистического капитализма".

Как уже подробно показал профессор Яррайс в своей основной речи в пункте об юридическом и фактическом значении пакта Келлога, защита не может признать то значение этой программы предотвращения войны, какое ей придает Обвинение.

Раньше война рассматривалась, как международное преступление. Это отметила, в частности, восьмая ассамблея Лиги наций в 1927 году. Как доказано документами, представленными здесь во время предшествующих переговоров, всем было ясно, что преступление надо понимать не в юридическом конкретном смысле этого слова, а как выражение пожелания избежать в будущем катастроф в масштабах первой мировой войны. Впрочем, резолюции Лиги наций от 1927 году США и Россия не подписали.

Как должен был признать господин представитель Обвинения от Великобритании, все иные попытки заклеймить войну, попытки, имевшие место в период с первой по вторую мировую войну, остались проектами, потому что практическая политика не могла следовать этим моральным постулатам.

Из всех этих попыток - а их было немало - ясно, что трудность юридического определения агрессивной войны заключается в том, что невозможно охватить политическое событие, зависящее от целого ряда компонентов, юридическим понятием, которое могло бы соответствовать всем многогранным случаям практической жизни.

15144

Неудачи в формулировке приемлемого определения агрессора привели к тому, что вместо выработки общих признаков, применимых в каждом отдельном случае, эту задачу переполучили органу, стоящему над заинтересованными сторонами.

Вопрос определения агрессора стал, таким образом, вопросом quis judicavit , т.-е. "кто определяет агрессора". Возникла новая трудность проблемы: что предпринимать против агрессора ?

До того, как начали пытаться выработать определения агрессии и те меры, какие должны быть применимы в наказание агрессора, решающим в обязательствах отдельных партий прибегнуть к войне были политические союзы. Чтобы улучшить неудовлетворительное анархическое положение, Соединенные Штаты в ряде договоров, заключенных при state-секретаре Бриане ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн, мне кажется, это относится к тем же вопросам, о которых уже говорил доктор Яррайс, не правда ли ?

ХОРН. Господин председатель, я старался выпустить те вопросы, о которых говорил профессор Яррайс. Профессор Яррайс ограничился, главным образом, пактом Келлога. Я рассматриваю те вопросы, которые относятся к юридическому понятию агрессивной войны.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, но Трибунал дал только одному защитнику право говорить об общих правовых вопросах с тем, чтобы другие защитники более бы не затрагивали их. Правда, Вы не используете тех выражений, которые употреблял д-р Яррайс, да я от Вас и не ждал этого, но Вы говорите относительно тех же самых вопросов.

15145

H1209 – 0469

H1209 – 0470

ХОРН. Господин председатель, сперва договорились о том, - и это изложил профессор Яррайс, как специалист, - что каждый защитник имеет право занять иную позицию по отношению к проблемам, которые он затрагивает. Профессор Яррайс остановился, главным образом, на пакте Келлога и его последствиях. Я лично высказываю свою точку зрения относительно агрессивной войны и, как подчеркнул г-н председатель ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Одну минуту. В таком случае Трибуналу пришлось/бы заслушать соображения 20 защитников по поводу общих правовых вопросов. Защитники, конечно, не могут предположить, что Трибунал сможет заслушать их всех, а также и доктора Яррайса, поэтому было разрешено одному из защитников изложить здесь общие правовые вопросы с тем, чтобы другие уже более не касались их.

ХОРН. Господин председатель, разрешите еще раз подчеркнуть:...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Одну минутку. /Трибунал совещается./

ДИКС. Ваша честь, разрешите мне просить Трибунал сделать короткое раз"яснение к вопросу, которым только что занималася Трибунал и который имеет общее и принципиальное значение для большинства из нас, защитников.

Разрешите мне напомнить, что инициатива выделения определенных общих юридических тем и предварительного освещения их в речи профессора Яррайса в свое время исходила от защиты, причем эта инициатива имела своим основанием исключительно то пожелание Трибунала о сокращении времени разбирательства, которое он выражал неоднократно. Я очень прошу Трибунал не допустить того, чтобы предложения, в

свое время сделанное нами и принятое Трибуналом, стало для нас самих ловушкой, которой оно становится, если применять его так строго. У меня нет перед глазами решения Трибунала, да я и не намерен говорить о нем. Я хочу сказать лишь одно - Яррайс говорил и должен был говорить лишь о двух важных темах, правда, очень общего характера, а именно: а/ индивидуальная ответственность за развязывание агрессивных войн, т.-е. nulla poena sine lege и б/ правовая природа приказов фюрера. Только об этих двух проблемах он должен был говорить и говорил. Однако этот процесс затронул ряд других правовых проблем, которые имеют общий характер и в той или иной степени касаются посторонних. Я напоминаю лишь о толковании состава преступления заговора, я напоминаю о различных вопросах международного права: вопрос о заложниках, о насильственном труде, о спасении экипажей потопленных судов, о других общих вопросах. Имеется большое количество общих вопросов и в первую очередь вопрос, на котором остановился наш уважаемый доктор Хорн, вопрос: "Что такое агрессивная война?" Существуют крупные и принципиальные различия между определениями агрессивной войны, сделанными с военной, политической, юридической и т.д. точек зрения. Об этом профессор Яррайс не сказал ни слова и не должен был говорить. Пожалуйста, не сердитесь на меня, но я так его понял; такова вообще исходная точка всего его изложения.

Я не намерен выдвигать юридические аргументы и ссылаться на решения Трибунала. Я прошу Трибунал не ставить нас в такое положение, при котором мы, желая сослужить службу

15147

H1209 - 0471

H1209 – 0472

целу, желая сэкономить время, перецали профессору Яррайсу комплекс правовых вопросов и теперь не можем нести за это положение ответственности, так как будем лишены возможности высказаться на темы, имеющие очень важное юридическое значение для подсудимых, но совершенно не затронутых профессором Яррайсом.

Еще одно слово. Конечно, г-да судьи, Вы понимаете, что можно придерживаться абсолютно иного мнения, чем то, которое изложил профессор Яррайс. Я говорю не о себе, я не имею возражений, но чисто теоретически... А если профессор Яррайс, рассматривая очень важную проблему, изложил ее в таком смысле, что защитник такого-то подсудимого никак не может согласиться с ним, так разве он должен промолчать? Не может быть, чтобы Трибунал требовал этого.

Итак, коротко говоря.

Речь профессора Яррайса служила целям сокращения процесса. Пусть так и останется. Мы,—я думаю, я могу сказать "мы", так как вряд ли кто из защитников придерживается иного мнения,—мы просим не истолковывать наше предложение так формально и, если кто-нибудь из нас скажет: "Я должен остановиться на том-то по тем-то причинам" или затронет вопрос, о котором говорил профессор Яррайс, истолковав его по другому, предоставить ему возможность говорить и не ставить нам формальные преграды.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал рассмотрел этот вопрос. Трибунал прекрасно понимает те трудности, которые могут возникнуть в случае разногласия в мнении между различными защитниками по поводу тех вопросов, которые были затронуты профессором Яррайсом. Мы немного забежали вперед, отдав

15148

H1209 – 0473

распоряжения, согласно которому ц-р Ярвайс получил право говорить об общих правовых вопросах, вытекающих из обвинительного заключения и Устава и являющихся общими для всех подсудимых. При отсутствии разногласия в мнении подсудимых должны были принять его аргументы. В решении Трибунала так и сказано. Трибунал считает, что правовые вопросы могут быть различными и довольно сложными и что единственное правило, которого следует придерживаться на данной стадии, заключается в избежании защитниками повторений по одним и тем же вопросам. Трибунал считает, что защитники поймут необходимость вынесения такого решения. В интересах быстрейшего окончания процесса невозможно допустить повторения одних и тех же аргументов. Трибунал желает указать защитникам, что подобное повторение по общим вопросам отвлекает внимание Трибунала от вопросов, связанных с действительной защитой их подзащитных. Трибунал надеется, что в будущем защитники постараются договариваться и ограничиваться в своем изложении правовых вопросов, которые они считают нужным представить Трибуналу , только теми, которые еще не были затронуты ни ц-ром Ярвайсом, ни каким-либо другим защитником.

Это все, что я хотел сказать по данному поводу. Сейчас уже пять часов и Трибунал об"является перерыв.

/Перерыв до 10 часов 8 июля 1946 г./

15749

H1209 - 0473

H1209 – 0474

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 8 июля 1946 г.

Утреннее заседание

Встать! Суд идет!

Комендант суда. Господа судьи, подсудимый Фриче отсутствует на заседании суда.

/К микрофону подходит защитник Горн./

ГОРН /защитник подсудимого Риббентропа - бывшего министра иностранных дел/.

С разрешения Трибунала я продолжаю со страницы 34 своей защитительной речи. Мне кажется, что нумерация в английском тексте соответствует нумерации немецкого текста.

Перед попыткой установить в общих масштабах такое понятие, как агрессия, и то, какие меры должны применяться против агрессора, решающими в обязательствах отдельных партий готовиться к войне были политические союзы. Для того, чтобы улучшить это неудовлетворительное анархическое положение, Соединенные Штаты в целом ряде договоров, заключенных при статс-секретаре Бриане, взяли на себя инициативу установления сроков "перемирия". Эти сроки должны были оттянуть возможные конфликты и утихомирить страсти.

Устав Лиги Наций использовал эту точку зрения, но пошел в этом отношении дальше, установив, что следует провести расследование, в результате которого союзными органами было бы определено, допустима или недопустима война.

Это решение должно было установить, разрешена или не разрешена война по Уставу /Лиги Наций/. Целью этого упорядоченного расследования было ударить по нарушителю международного порядка. Однако, понятие "нарушитель" не должно

было обязательно означать понятии "агрессор". То государство, которое начинало войну, сообразуясь с решениями органов Лиги Наций, действовало дозволенным образом, причем даже в том случае, если оно первым начинало военные действия и, таким образом, превращалось в агрессивную сторону с военной точки зрения.

Следовательно, выявилось, что разграничение таких понятий, как агрессор и подвергающийся агрессии, было еще недостаточным для того, чтобы справедливо упорядочить международные отношения.

Несмотря на то, что эти положения устава, а также и то расследование, которое было проведено на основании этих положений, показали, что такие уравнения, как справедливо - несправедливо, дозволено - недозволено, нападающий /агрессор/ - подвергающийся агрессии, решить невозможно, в дальнейшем старались заклеймить нарушителя международного порядка таким понятием, как агрессор; так как в виду только что упомянутых трудностей фактическое определение создать было невозможно, попытались сделать из юридического понятия, которого нельзя было сформулировать, политическое решение тех органов Лиги Наций, которые были призваны охранять международный порядок. Так это и было сделано в проекте договора о взаимопомощи, который был разработан в 1923 году по поручению ассамблеи Лиги Наций. Женевский протокол, который должен был дополнить то, чего недоставало в уставе по вопросу о разрешении конфликтов, также передавал Совету Лиги Наций право принимать решение относительно того, кто нарушил договор и является, таким образом, агрессором.

Все остальные попытки заклеймить войну и упадить конфликты, упомянутые здесь господином главным обвинителем от Великобритании, остались лишь проектами, за исключением одного только пакта Келлога.

15151

H1209 - 0475

H1209 – 0476

Этому факту следует приписать и то, что на конференции по разоружению еще раз обсуждался вопрос об юридическом определении понятия агрессора. В 1933 году комитет по вопросам безопасности при генеральной комиссии конференции по разоружению под руководством грека Политиса создал такое определение. В виду того, что эта конференция по разоружению не увенчалась успехом, это определение в том же самом году на Лондонском совещании вошло в целый ряд договоров. Из великих держав только один Советский Союз принял участие в этих договорах. Обсуждение определения этого понятия на конференции по разоружению состоялось по инициативе Советского Союза. Этим определением воспользовался и господин главный обвинитель от Соединенных Штатов, построив на нем обвинение в совершении преступлений против мира на данном процессе. Оно является ни чем иным, как предложением обвинения в рамках устава, который не говорит ничего более точного относительно понятия агрессивной войны. Необходимо подчеркнуть, что господин судья Джексон при этом не может сослаться на общепризнанные нормы международного права.

Сообщение комиссии от 1933 г. не стало предметом общего договора, как это было предусмотрено, а, напротив, только некоторые государства заключили между собой подобные соглашения, которые были обязательными только для участников. Практически здесь имела место договоренность между некоторыми государствами, сгруппировавшимися вокруг Советского Союза, и между самим Советским Союзом. Ни одна другая великая держава не приняла этого определения. В особенности же Великобритания держалась в стороне, несмотря на то, что эти соглашения были заключены именно в Лондоне. Для того, чтобы создать норму международного права, которая имеет такое большое значение, было бы, по крайней мере, необходимо, чтобы все великие державы приняли ~~бы~~ в этом участие.

15152

Независимо от этих чисто юридических соображений, высказывания господ Главного обвинителя от Великобритании и главного Обвинителя от Соединенных Штатов показывают, что и с фактической стороны это предложение неудовлетворительно. В важном вопросе 4-го пункта этого определения Британское обвинение отклоняется от американского обвинения. Старое противоречие в интересах, а именно противоречие между /маре либерум эт маре клаузум/ mare liberum et mare clausum, в обвинении привело к тому, что сэр Хартлей Шоукросс не упомянул о морской блокаде побережья и портов какого-либо государства, как об агрессивных действиях.

Если это определение 1933 года и содержит некоторые ценные положения для установления того, кто является агрессором, все же нельзя обойти тот факт, что формально - юридическое определение не дает возможности удовлетворить все требования политической действительности.

Пытаясь по-новому организовать мир, Хартия Объединенных Наций учитывает этот факт и, очевидно, возвращается к идее разрешения этой проблемы через международный орган, не желая втискивать его точку зрения в Прокрустово ложе этого негибкого определения. Мирная Хартия в Сан-Франциско говорит в главе VII, стр.39:

"Совет безопасности будет решать вопрос о том, существует ли угроза для мира во всем мире, или факты нарушения мира, или опасность вооруженного нападения, и будет выдвигать свои предложения или решать вопрос о том, какие мероприятия необходимо будет провести для того, чтобы сохранить или восстановить мир и безопасность во всем мире".

В 1939 году не было ни общепризнанного определения такого понятия, как агрессор, ни органа, который был бы

15153

H1209 - 0477

H1209 – 0478

призван решить вопрос о том, кто является агрессором. Лига Наций, как орган устранения конфликтов, совершенно не определила себя. Внешне это выразилось и в том, что три великих держави ушли из Лиги Наций. Насколько мало прислушивались к голосу почти-что распавшейся Лиги Наций, показывает поведение Советского Союза в финском вопросе. Он /Советский Союз/ не посчитался с решением Лиги Наций относительно этого конфликта, а, напротив, преследовал свои собственные интересы в Финляндии.

И, если я, после этих рассуждений, сделаю Трибуналу предложение относительно того, что следует понимать под понятием "агрессия" в статье 6-а Устава, то эта квалификация не может быть присоединена к тому определению, которое было принято в международном праве. Не остается ничего другого, как исходить из того условия, которое всегда связывалось с этим в практике государств и в традициях дипломатии.

Согласно существовавшей в 1939 г. точке зрения, начало войны с правовой точки зрения не расценивалось, независимо от того, чем оно было обусловлено. Пакт Келлога и последовавшие вслед за ним переговоры не могли устранить этого факта, который сложился в результате развития, продолжавшегося целые столетия. Об этом приходится искренне сожалеть. Но нельзя пройти мимо этого факта. То, что эта точка зрения находилась в соответствии с принципами международного права по вопросу о начале войны, которые разделялись державами, подписавшими устав, явствует из того факта, что признанные во всем мире специалисты по международному праву придерживались того мнения, что если пакт Келлога и коллективная система безопасности оказались несостоятельными, то в силе оставалось традиционное правовое восприятие войны.

Разве г-н фон Риббентроп в 1939 г. должен был придерживаться мнения, что его действия, рассмотренные под углом

H1209 – 0479

зрения об=ычной дипломатической игры, будут расценены как международно-наказуемое преступление?

Я уже указывал на то, что вообще и поэтому и в частности самим г-ном Риббентропом тогдашняя граница на Востоке считалась неустойчивой. Поэтому-то он придерживался мнения, что ее надо изменить.

Конференция в Версале, удовлетворив польские требования во время воссоздания этого государства, создала такие проблемы, которые не могли быть разрешены никаким международным сотрудничеством в период между двумя мировыми войнами. С помощью и в рамках европейской системы пактов нельзя было добиться гарантии этих границ. В рамках локарнских договоров в виду противоречивых интересов, участвовавших в них держав, не было создано гарантии восточной границы, той границы, которая была установлена Версальским договором, в то время, как для западных границ оказалось возможным создание подобной гарантии. Все, что было создано в результате бесконечных усилий, представляет собой связанную с локарнской системой договори о третейских судах между Германией и Польшей и Германией и Чехословакией. В этих договорах не было никаких гарантий границ. В них была лишь предусмотрена процедура урегулирования возможных конфликтов. Я буду о них говорить при рассмотрении всех тех нарушений договоров, которые вменяются в вину г-ну фон Риббентропу.

После того, как Гитлер, уйдя из Лиги Наций и с конференции по разоружению, выразил, таким образом, свое недоверие к коллективной безопасности, он перешел к системе двухсторонних соглашений. При этом на предварительных переговорах, которые велись перед заключением соглашения между Польшей и Германией в 1934 году, было ясно высказано

15155

H1209 – 0479

H1209 – 0480

то, что между данными двумя государствами должна быть разрешена эта проблема в духе предстоящего договора. И не следует здесь забывать, что для разрешения этой проблемы были предусмотрены лишь мирные средства, что имелась также место договоренность о заключении пакта о ненападении, который должен был действовать в течение 10 лет. Для оценки поведения г-на фон Риббентропа сейчас не имеет значения, верил ли Гитлер в возможность такого разрешения этой проблемы или он надеялся путем эволюции добиться изменения положения на Востоке. Он не брал на себя инициативы в этом вопросе, он просто столкнулся с этой договоренностью, как с уже совершившимся фактом.

Опыт урегулирования государственных интересов показывает, что соглашения являются только тогда устойчивыми, когда они соответствуют политической действительности. Если этого нет, то сама сила фактов побеждает первоначальное устремление держав, заключивших этот договор.

Великий государственный деятель 19-го столетия выразил эту истину следующими словами: "Для письменных договоров элемент политических интересов является необходимой подпарой".

Таким образом, восточный вопрос не был снят с повестки дня в результате заключенного в 1934 г. договора, напротив, он продолжал тормозить развитие международных отношений. Как показало представление доказательств, в ходе политического развития все яснее и яснее становилось то, что рано или поздно следует притти к какому-либо решению. Противоречащий этнологической, культурной и экономической ~~деятельности~~ действительности устав свободного города Данцига, а также и изоляция Восточной Пруссии путем создания коридора дали пищу конфликтам, необходимости разрешения которых некоторые государственные деятели опасались еще и в Версале.

15156

Данные Англией гарантии Польше 31.Ш.1939 г., которые привели к заключению пакта о взаимопомощи 25.УШ.1939 г., способствовали бы в случае возникновения конфликтов с этим государством с самого начала отрицательному отношению поляков к любому пересмотру, причем даже к пересмотру в самом ограниченном размере.

Эти гарантии опять-таки показали, какие значительные выводы сделала Великобритания из того реального наблюдения, политических событий, которое позволило ей установить распад системы коллективной безопасности; эти гарантии показали, как мало доверяла она практическому значению морального осуждения войны в пакте Келлога.

Следовательно, г-н фон Риббентроп должен был на основании позиции Великобритании сделать вывод, что польское правительство, от которого Германия могла ожидать взаимопонимания, не изменит ни в чем своей неуступчивости. Развитие событий в последующие месяцы показало, что это предположение оправдалось.

То, что надвигающаяся опасность будет развиваться в рамках обычных принципов политики и реализации интересов своего собственного государства, особенно ярко показало вступление Советского Союза в этот конфликт. И он, таким образом, расстался с основами, на которых зиждилась система коллективной безопасности. Он /Советский Союз/ рассматривал надвигающийся конфликт только с точки зрения русских интересов. Учитывая такое положение вещей, г-н фон Риббентроп старался, в случае неизбежности конфликта, по крайней мере, локализировать его. Он с полным правом мог надеяться на то, что эти его стремления увенчаются успехом, ибо две державы - Советский Союз и Германия ,

15157

H1209 – 0481

H1209 – 0482

в первую очередь заинтересованные в Восточной Европе, заключили между собой перед началом вооруженного столкновения не только пакт о ненападении, но и пакт о дружбе. Одновременно путем заключения тайного договора они пришли к соглашению о будущей судьбе польской территории и Прибалтийских государств.

Но, несмотря на все это, весь механизм пактов о ненападении был выключен; это привело к тому, что локальный конфликт в Восточной Европе превратился в мировой пожар.

Если Обвинение хочет создать правовой масштаб для этих событий, то этого нельзя сделать, если не учитывать соучастия Советского Союза.

Конфликт в Восточной Европе превратился в европейский конфликт, который в свою очередь неизбежно вызвал за собой впоследствии мировой конфликт, и все это благодаря тому, что Великобритания и Франция приняли в этом участие. Вступление этих держав в войну последовало по форме, предусмотренной третьим Гаагским соглашением относительно начала военных действий, а именно в форме ультиматума с обусловленным в нем об"явлением войны.

Г-н Судья Джексон на заседании от 19 марта 1946 года /стенограмма, стр.6135/ уточнил обвинение в том направлении, что расширение театра войны западными державами не являлось наказуемым агрессивным действием Германии. Эта точка зрения соответствует его общим заявлениям, сделанным при определении понятия агрессии. Если бы он /судья Джексон/ захотел бы быть последовательным, он должен был бы об"явить Великобританию и Францию агрессорами по отношению к Германии, ибо они привели к состоянию войны с помощью ультиматума.

Мне кажется, что никакого противоречия между мной и

Обвинением не возникает, если я здесь выражу предположение, что такой результат не соответствует истинному мнению обвинения. Обвинение представляло такие доказательства, которые касаются политико-исторического фона войны. Итак, обвинение, следовательно, не ограничилось формально-юридическим определением и не стало опираться на отдельные критерии этого определения. Тем самым оно подтвердило мой окончательный вывод, который я уже высказал перед Трибуналом, а именно то, что определение, предложенное обвинением, не представляет подходящей базы для квалификации неопределенного понятия агрессии.

Я хочу констатировать результаты событий, имевших место перед началом войны. Пакт Келлога и понятие агрессии, т.е. столпы обвинения, не могут удержать ими этого обвинения. Пакт Келлога не имел такого содержания, которое можно было бы уловить с юридической точки зрения; он не имел такого содержания для государства и, безусловно, не имел его также и для отдельных лиц. Попытка придать ему жизненность с помощью формального понятия агрессии разбилась о политическую действительность.

В распространении конфликта на Скандинавию г-н фон Риббентроп участвовал в такой незначительной степени, что это действие нельзя вменить ему в вину как отдельное имеющее законченное действие. Как показали допросы свидетеля гросс-адмирала Редера и свидетеля генерал-фельдмаршала Кейтеля, г-н фон Риббентроп несомненно, был, предупрежден об этом мероприятии лишь за 36 часов до начала его проведения. Его соучастие состояло лишь в том, что он составил ноты, которые по форме и по содержанию были ему заранее предписаны.

Относительно фактической стороны, а именно о предстоя-

15159

H1209 – 0483

H1209 – 0484

щем нарушении скандинавского нейтралитета западными державами, ~~то~~ сведения по этому вопросу он черпал из получаемой им информации. Как показало представление доказательств и как позднее покажу я при рассмотрении правовой стороны вопроса, он/ Риббентроп/, будучи министром иностранных дел, не имел полномочий для проверки этих информаций и никаких необходимых для этого вспомогательных средств. Если считать, что эти информации были правильными, то он с полным правом мог предположить, что германская империя, намеревалась провести подобное мероприятие, действовала в соответствии с международным правом. Более точное освещение этих правовых вопросов, я представлю моему коллеге , г-ну д-ру Зипмерсу, осведомленному в этой области, подзащитный которого, гроссадмирал Редер, представлял Гитлеру большую часть вражеских сообщений и который также выступил перед последним с предложением оккупировать Скандинавию.

Что касается Бельгии и Нидерландов, то в ходе представления доказательств было выяснено, что эти державы не могли обеспечить неограниченного соблюдения нейтралитета бельгийско-нидерландской территории. Еще до войны между генеральными штабами западных держав и генеральными штабами этих двух нейтральных государств имелись соглашения, между ними состоялся также постоянный обмен мнений по вопросу об оккупации в случае конфликта с Германией и о позиции, которую должны занять данные государства в случае конфликта. Детальные планы выступления и построения под руководством офицеров западных держав системы укреплений должны были подготовить принятие союзных воинских частей. Эти планы распространялись не только на сотрудничество участвующих армий, но и на включение определенных гражданских учреждений для обеспечения снабжения и успешного продвижения союзных армий.

15760

Существенным моментом в этих подготовлениях является тот факт, что они были задуманы не только для обороны, но и для наступления. По этой причине Бельгия и Швейцария не хотели или не могли воспрепятствовать постоянным перелетам британских боевых авиасоединений, которые ставили своей ближайшей целью разрушение Рурской области, Ахиллесовой пяты германской военной промышленности. Эта область, в случае наступления на суше, являлась бы основной целью союзников.

Эти намерения, а также и интенсивная подготовка наступательных действий со стороны западных держав были точно установлены всевозможными источниками информации. В результате группировки сил для наступления Бельгия, Голландия, Швейцария территории были включены в область военных действий. Эти сообщения, как уже говорилось при описании предшествовавшего конфликта, все время доводились до сведения г-на фон Риббентроп самим Гитлером или его уполномоченными. И здесь г-н фон Риббентроп должен был доверять правильности этих сообщений, не имея права и не считая своим долгом проверять данные информации. И он, на основании этих сообщений, пришел к выводу, что для предотвращения смертельной опасности, т.е. для предотвращения наступления союзников на Рурскую область, необходимо принять контрмеры. Исходя из этих соображений, Люксембург, учитывая масштабы современных военных операций, просто не мог быть исключен.

Обвинение, в связи с этими мероприятиями, вменяет в вину германской внешней политике и, таким образом, г-ну фон Риббентропу то, что был проведен ввод войск и мероприятие, которое противоречит пятому Гаагскому соглашению относительно прав и обязанностей нейтральных держав и

15761

H1209 – 0485

H1209 – 0486

нейтральных лиц в случае войны.

Оно /обвинение/ не учитывает при этом, что этот договор не имеет отношения к вовлечению в войну нейтрального государства, в войну, которая ведется другими государствами, и что договор существует лишь для установления прав и обязанностей нейтральных государств и государств, ведущих войну, до того момента, пока нейтралитет существует. Обвинение сделало ошибку, используя свою, как я уже показал, неправильную интерпретацию пакта Келлога, и соглашение, которое было заключено 20-ые годами ранее. Нет сомнения в том, что во времена второй Гаагской мирной конференции начало войны было фактом, возникшим в результате исторических событий, фактом, который с правовой точки зрения не был оценен. Все соглашения относительно прав во время войны, в особенности, относительно порядка ведения сухопутной войны, а также соглашение о нейтралитете в области сухопутной и морской войны, строились, исходя из того, что военное положение как бы существует, они, следовательно, упорядочивают не *jus ad bellum, a jus in bello* /ус ад беллум, а ус ин белло/.

Это установление уничтожает ссылку обвинения на пятое Гаагское соглашение во всех случаях расширения театра военных действий за счет территорий нейтральных государств, которые ратифицировали это соглашение.

Далее вообще сомнительно, можно ли, как это делает обвинение, упоминать Локарнский договор в связи с включением Бельгии в войну. Локарнская система после отказа от нее Германии в 1936 году совсем развалилась, как это показал защитник барона фон Нейрата. Все попытки добиться нового соглашения, которое должно было встать на место этой системы, исходили из того факта, что созданное Германией действи-

H1209 – 0487

тельное положение должно послужить исходной точкой нового соглашения. Об этом особенно свидетельствуют британские, французские планы, составленные в связи с предусмотренным новым соглашением. Согласия добиться не удалось. Однако, длительные и детальные переговоры показали со всей ясностью, что Локарнский договор ни одним из участников не рассматривался как действующий. Напротив, западные державы перешли к обсуждению вопроса от о том, какови будут последствия обязательств, гарантирующих западные границы.

Не учитывая того, как можно расценить поведение Германии в 1935 году, остается установить, что система договоров, таким образом, стала устаревшей. В 1940 году, следовательно, у Германии не было тех обязательств, которые имелись у нее по западному пакту от 1925 года.

О соглашениях о третейских судах и так называемых сравнительных соглашениях, которые находятся в связи с Локарнскими договором и которые были заключены с Бельгией, Польшей и Чехословакией, я буду говорить позднее, когда буду рассматривать обязательства германской империи относительно мирного разрешения конфликтов.

Что касается Люксембурга, то само обвинение не ссылалось на нейтралитет этой страны. Очевидно, при этом оно исходило из того факта, что германская империя была вынуждена по Версальскому договору отказаться от своих прав, вытекающих из Локарнского соглашения от 1867 года.

ЮГОСЛАВИЯ. Когда 24.3.1941 г. югославское правительство заявило о своем присоединении к пакту трех держав, г-н фон Риббентроп не мог предполагать на основании всех имевшихся в его распоряжении сведений, что через несколько дней после этого присоединения в силу политических причин необходимо будет военное вмешательство Германии на Балканах. Эта обстановка была создана в результате насильственной смены правительства в Белграде. Реакция на присоединение прави-

H1209 – 0488

тельства Стоядиновича к пакту трех держав имела своим последствием то, что в Югославии произошел новый политический переворот под руководством Симовича, цель которого заключалась в установлении тесного сотрудничества с западными державами против идеи пакта трех держав.

Учитывая эту ясную обстановку внутри Югославии, которая усугубилась в результате мобилизации югославской армии и развертывания ее вдоль германской границы, Гитлер внезапно принял решение о военных операциях на Балканах. Он принял это решение без ведома г-на фон Риббентропа, думая, что он устранит серьезную опасность, угрожавшую итальянскому союзнику.

Допрос свидетеля, генерал-полковника Йодля, с очевидностью показал, что г-н фон Риббентроп после принятия решения Гитлером и после путча Симовича прилагал серьезные усилия для того, чтобы до начала военных операций попытаться исчерпать дипломатические возможности. Генерал-полковник Йодль здесь подтвердил, что эти усилия г-на фон Риббентропа были отвергнуты так резко, что, учитывая характер Гитлера и господствовавшие методы, было невозможно оказать на него влияние.

Если учесть тот факт, что уже с 4.8.1941 г. крупные английские соединения начали наступление из южной Греции на север, то станет ясно, что дальнейшая локализация итало-греческого конфликта была невозможна. Он начался, правда, осенью 1940 г., вопреки желаниям Германии, но Гитлер не мог согласиться с предстоящим поражением итальянского союзника, при учете общей военной обстановки.

Когда 23.8.1939 года фон Риббентроп в Москве подписал заключенный между Германией и Советским Союзом договор, включая тайное соглашение о разделе Польши и передаче Балтийских государств России, на ближайший период идеоло-

гические противоречия между национал-социализмом и большевизмом, которые были частично очень резкими, были исключены как элемент опасности из международной сферы.

Эта система договоров, которая в течение последовавших месяцев была дополнена, оказала благоприятное влияние на оценку внешней политики Гитлера со стороны широких кругов германского народа, обеспокоенных противоречиями в мировоззрении.

С того времени, как Бисмарк заключил с Россией договор о взаимных гарантиях, в Германии все были убеждены, что сохранение дружественных отношений с Россией всегда должно быть целью нашей внешней политики.

Г-н фон Риббентроп тогда, исходя из только что упомянутых традиционных соображений, видел в этих договорах прочную опору германской внешней политики. Следуя этим убеждениям он зимой 1940 года дважды пригласил комиссара иностранных дел Советского Союза Молотова в Берлин, чтобы разрешить возникшие в тот период вопросы. К сожалению, второй беседа не привела к желанным результатам.

У Гитлера результаты этих переговоров и тайные сообщения вызвали большие опасения относительно позиции Советского Союза по отношению к Германии. В частности, Гитлер рассматривал образ действий России в Прибалтийских странах, а также вступление советских войск в Бессарабию и Буковину как акты, которые представляли собой угрозу германским интересам в пограничных государствах на побережьи Балтийского моря и в румынских нефтеносных районах. Кроме того, он видел в политике СССР возможность приобретения влияния на Болгарию. Он мог усмотреть подтверждение своего недоверия в заключении 5.4.1941 г. пакта о дружбе с Югославией, который был подписан в тот момент, когда Югославия, после смены правительства, угрожала перейти в лагерь западных держав.

15165

H1209 – 0489

H1209 – 0490

Несмотря на то, что Гитлер неоднократно высказывался перед г-ном фон Риббентропом о своих опасениях, подсудимый все же пытался разрядить создавшуюся атмосферу. Суд разрешил мне пред"явить показания, которые подтверждают, что г-н фон Риббентроп еще в декабре 1940 года пытался во время одной подробной беседы с Гитлером склонить последнего дать ему полномочия для осуществления присоединения России к пакту трех держав. Это доказательство подтверждает, что г-н фон Риббентроп после этой беседы должен был стать того мнения, что этот шаг он смог бы осуществить только с согласия Гитлера. В последующее время у Гитлера эти опасения появлялись все чаще и чаще; они подкреплялись исходящими от его тайной разведки сепротивными данными о военной подготовке, имевшей место по ту сторону Восточной границы. Весной 1941 г. г-н фон Риббентроп пытался привезти тогдашнего посла в Москве и одного из его помощников к Гитлеру, в Берхтесгаден. Оба дипломата к Гитлеру допущены не были. Этим, при существовавшем режиме, все возможности г-на фон Риббентропа, в рамках его должности, были исчерпаны. Он не видел возможности и дальше не признавать доводимых до его сведения данных.

Как сообщил генерал-полковник Йодль, у него, как и у всех главнокомандующих, принимавших участие в первых операциях похода на Россию, создалось впечатление, будто немецкие войска застали русские войска в самый разгар их сосредоточения для ведения наступательных операций, которое уже было в полном разгаре. Это же, между прочим, доказывают и найденные карты с обозначением пространства по нашу сторону русско-германской границы государственных интересов. Разве можно предположить, что такое поведение Советского Союза находилось в соответствии с положениями пакта о ненападении.

К этому времени симптомы превращения европейской войны в войну мировую стали явно заметными. Соединенные

H1209 – 0491

Штаты вступили в войну с законом о нейтралитете, подчинив себе нерушимый закон, установленный на случай возможной войны. Закон о нейтралитете вступил в силу после отказания его президентом. Он одновременно указал на зоны опасности, находясь в черте которых, американские пароходы не могут рассчитывать на помощь со стороны своего правительства.

Эта позиция в начале войны подтверждает, что инициаторы пакта Келлога-Бриана /Соединенные Штаты/ не придерживались того мнения, что исконное право нейтралитета в какой-либо мере было бы этим модифицировано.

По мере расширения театра военных действий и обострения методов ведения войны в Европе, Соединенные Штаты все больше и больше отказывались от своих прежних позиций по отношению к Германии, несмотря на то, что со стороны Германии не было сделано ничего такого, чтобы могло привести к этому конфликту.

Опыт первой мировой войны вызвал у всех немцев, а также и у г-на Риббентропа решимость всеми силами противиться вмешательству со стороны США. Со времени речи Рузвельта о "карантине" в 1937 году, стали особенно заметны сильные разногласия в идеологическо-политическом мышлении мировой общественности. Ситуация еще более обострилась происшествиями, имевшими место в 1938 году в Германии, которые затем послужили причиной, по которой посол Соединенных Штатов в Берлине был вызван в Вашингтон для отчета и затем не вернулся обратно на свой пост.

Если, несмотря на это, политика нейтралитета все же продолжала подготовляться в Соединенных Штатах, что нашло свое выражение в законодательных актах, и к началу войны эта политика нейтралитета вступила в силу, германская внешняя политика, а с ней и г-н Риббентроп, могли сделать вывод, что разногласия во мнениях по вопросу внутренне-

15767

политического устройства государства не нарушат нейтралитета Соединенных Штатов по отношению к Германии. Руководствуясь этим, Германия в начале войны не только отклонила все, что могло бы послужить во вред Соединенным Штатам, но даже целый ряд действий со стороны Соединенных Штатов, направленных против Германии и не вяжущихся с нейтралитетом Соединенных Штатов в отношении Германии, был оставлен германским правительством без внимания.

В августе 1941 г. Соединенные Штаты стали пропагандировать атлантическую хартию в качестве программы нового порядка сожительства народов, и мировой общественности стало ясно, что политические цели нейтральной Америки и ведущей войну Великобритании - общие. Атлантическая хартия носила явно враждебный характер по отношению к странам оси, не оставляя больше сомнений в том, что Соединенные Штаты выступают на стороне противной нам партии.

Следуют инциденты на море, которые, как показали предъявленные доказательства, доказали, что США оказывают материальную помощь Великобритании.

Занятием Исландии, Гренландии летом и осенью 1941 года Соединенные Штаты взяли на себя охрану важнейших коммуникаций для находящейся в тяжелом положении Великобритании. Таким образом здесь имело место военная интервенция еще до начала официально объявленной войны. Так называемый приказ президента об открытии огня по лодкам с тонущих кораблей (примечание переводчика) вызвал опасность вооруженного конфликта, наступление которого можно было ожидать каждый день. Значит, еще за несколько месяцев до 11 декабря 1941 г. со стороны США были приняты меры, которые обычно проводятся только во время войны. Начало войны было лишь звеном, и то не самым главным, в целой цепи следовавших один за другим происшествий. Война началась на-

15168

H1209 – 0492

H1209 – 0493

нападением японцев на Пирл-Харбор, которое, как было доказано в процессе представления доказательств, Германией не предусматривалось и не подстрекалось.

Согласно формальному определению агрессии, факт об"явления войны является одним из критериев для определения агрессора, но, как я уже говорил в связи с развитием войны в Европе, одно это мерило без вещественной основы не является единственной уликой, определяющей агрессора. В ответ на многочисленные нарушения нейтралитета со стороны Соединенных Штатов, которые могли быть приравнены к военным действиям, Германия давно была вправе ответить на это такими же военными действиями. Было ли это право ответа на подобные действия использовано до об"явления войны или после об"явления войны,- не играет роли.

До сих пор я осветил изложенные обвинением агрессивные действия с начала польской кампании до вступления в войну Соединенных Штатов. Остается еще осветить с юридической точки зрения заключенные Германией договоры, предусматривавшие мирное разрешение политических конфликтов.

Г-ну фон Риббентропу ставится в вину не только то, что он принимал участие в агрессивных действиях, но, оказывается, и то, что он был обязан привести в действие механизм этих договоров, прежде, чем дело дошло до вооруженных конфликтов. Обвинение считает, что предусмотренные в договорах пути мирного урегулирования не были испробованы, и это упущение г-на фон Риббентропа может считаться уголовным преступлением. Такое мнение является ошибочным с юридической точки зрения.

Если мы станем на точку зрения Обвинения, то, во-первых, увидим, что сделанные им выводы, не могут быть состоятельными, несмотря на фундамент, на котором они зиждутся.

Если отдельный министр будет нести уголовную ответственность за незаключенные договора, то Обвинение должно спросить, был ли вообще этот министр в состоянии с помощью своей деятельности достичь значительного влияния с юридической точки зрения. Согласно присущему природе всякой уголовной системы основному положению, обвиняемый может быть наказан за свое упущение лишь в том случае, если он фактически был в состоянии и был обязан действовать с юридической точки зрения. Насколько незначительны были реальные возможности г-на фон Риббентропа оказывать влияние, я упомянул в своем докладе о заговоре. Решающим при этом является то, что он юридически не был в состоянии делать обязательные заявления иностранным державам от лица германской империи, если он не был уполномочен на это Гитлером.

Гитлер,как глава государства,являлся представителем германской империи на международной арене.Только он мог делать обязательные заявления внешнему миру.Все остальные лица могли это делать лишь на основании полномочий,полученных от главы государства.

Это не является особенностью только германского государства,построенного на принципе фюрерства,что министр иностранных дел самостоятельно не может выступить перед иностранными державами с обязательной силой.Это в большей степени является общим правилом международных отношений,когда представлять государство может лишь уполномоченный на это дело орган. Разница между положением Германии и демократическими государствами состоит лишь в том,что в демократических государствах министр иностранных дел имеет большое влияние на формирование воли главы государства.

Подсудимый,таким образом, никогда не мог достичь юридического влияния,если бы он и попробовал против воли фюрера самостоятельно использовать предусмотренную в многочисленных договорах о третейских судах и сравнительных договорах возможность разрешения споров.Только Гитлер мог пользоваться таким приемом.Подсудимый был бы в состоянии сделать это лишь по его поручению.Он не имел права давать советы,если Гитлер его игнорировал.

Эта точка зрения применима к следующим приведенным Обвинением договорам:

Конвенциям о мирном разрешении международных спорных вопросов от 1899 и 1907 г.г.,

Третейскому договору от 1929 года между Германией и Люксембургом.

Кроме того,нужно отметить,что эти соглашения никак не предусматривают обязательное улаживание политических споров.Для третейских и сравнительных договоров с Польшей,

15170

H1209 – 0494

H1209 – 0495

Чехословакией и Бельгией, заключенных в связи с Локарнским договором, + помимо только что приведенных юридических соображений, + действительна одна точка зрения, что они представляют одно политическое целое с Западным пактом. Отчасти это находит свое выражение в том, что эти соглашения и Локарнский пакт являются приложениями к общему заключительному протоколу великих держав, участвовавших в локарнской конференции. Поэтому можно было бы спросить, разделяют ли сравнительные договоры судьбу главного договора, т.е. Западного пакта.

В частности, я хотел бы указать на то, что предусмотренная в этих договорах процедура заканчивалась, в случае несогласия в Совете Лиги Наций, где со времени заключения Западного пакта четыре участвовавших в нем великих державы заняли постоянное место или должны были занять их (это касается Германии). С выходом Италии и Германии из этой организации политическая база, на которой покоились сравнительные договоры, была основательно потрясена. Кроме того, группировка держав складывалась таким образом, что часть локарнских великих держав, а именно Великобритания и Франция, с помощью гарантий, данных Польше, уже в 1939 году образовали единый блок на случай возможных конфликтов. Что касается третейских и сравнительных договоров с Данией и Нидерландами от 1926 года, то я должен заметить, что прибегать к предусмотренной там процедуре вообще не было необходимости, так как не возникало никаких споров Германии с этими странами.

Мероприятия Германии были направлены больше против вражеских государств, ведущих войну, которых хотели опередить в деле оккупации этих стран.

Обвинение далее говорит о заверениях, которые Гитлер давал некоторым государствам, с которыми впоследствии Германия вступила в войну. Г-н фон Риббентроп давал их не от

своего имени и,поскольку речь шла о передаче высказываний фюрера, вопрос о его соучастии мог бы возникнуть лишь в том случае,если бы он давал Гитлеру в этом направлении советы.Никаких доказательств этому в процессе пред'явления доказательств представлено не было.Большая часть этих заверений содержалась в речах,которые Гитлер держал перед немецким народом как на митингах,так и в рейхстаге.

Сомнительно,чтобы такие заверения,поскольку они давались в первую очередь перед германской общественностью, давали бы основание для обязательных действий в части международных взаимоотношений.

До сих пор я говорил об актах, относящихся к развязыванию войны и ее ведению,сейчас же я перехожу ко второму большому разделу обвинительного заключения,разбирающему преступления во время войны.

Гл. 6 п. "б" статута об'являет наказуемым нарушение законов и обычаев войны. Она освещает это понятие путем перечисления ряда примеров,как депортация,расстрел заложников и т.д.Эти примеры,однако, не исчерпывают данного понятия.

Мы так же,как это указано в главе 6 "а",должны представить суду квалификацию,которая может стать основой для его решения.

Я согласен с предложенным французским обвинением методом.Оно высказалось,что ему не возбраняется квалифицировать неисчерпаемые определения преступлений,перечисленных в статуте.

Что для обвинения правильно,то для защиты справедливо.

Употребление выражения "законы и обычаи войны" так же,как и перечисление примеров,заставляет предполагать,что статут хочет уничтожить классическое военное право.То-есть я квалифицирую военные преступления,как отречение от устано-

1571-2

H1209 – 0496

H1209 – 0497

вленного договорами между воюющими государствами или как отречение от общепризнанного обычного права,не установленного договором. Отдельные факты,которые подпадают под совокупное понятие военных преступлений, должны каждый раз в отдельности расследоваться в том направлении, предусмотрены ли они как таковые традиционными правилами вооруженных столкновений между государствами.В то время,как классическое международное право делает ответственным лишь государство в целом,военное право испокон веков являлось исключением,допускающим ответственность отдельных действующих лиц.Насколько эта ответственность отдельных лиц может после войны привести к уголовному преследованию,сделалось предметом многочисленных обсуждений.Можно будет установить как господствующую государственную практику,что та воюющая страна,против которой были совершены военные преступления,может после войны привлечь к ответственности виновника. Если многие государства,воевавшие бок-о-бок,устроят единый суд над военными преступниками побежденного противника,то они воссоединят в себе компетенцию всех государств,принимавших участие в создании трибунала и примкнувших к его уставу государств.

Когда говорят о наказуемости отдельных лиц за преступления,совершенные по отношению к противнику во время войны,то в первую очередь имеют в виду лиц, принадлежавших ранее к составу вооруженных сил.Уже в Версале возникли трудности при рассмотрении вопроса о привлечении к ответственности военных командующих.Мысль о привлечении к уголовной ответственности специального министра еще никогда не возникала. И в Версале комиссия по военным преступлениям занималась вопросом привлечения к ответственности невоенных лиц только с политической точки зрения. Она делала ясное различие между военными преступлениями,за которые приговор должен быть вы-

15173

несен Союзническим Трибуналом, и виновностью за начало войны, для расследования и осуждения которой должен был быть создан особый политический Международный Трибунал.

Таким образом, существующих предпосылок недостаточно для того, чтобы возложить ответственность за нарушение военного права на министра - специалиста. Обвинение достигло такого результата лишь обходным путем, выставив обвинение в заговоре. Если следовать этому истолкованию понятия, то имперский министр иностранных дел должен нести ответственность за уничтожение деревни Орадур. То-есть он должен страдать за действия, которые не имеют ни малейшего отношения к внешней политике империи и представляют собой лишь отдельные действия каких-либо инстанций.

Как показало представление доказательств, имперский министр иностранных дел не только не ведал ведением войны, но и фактически не имел ни малейшей возможности оказывать сдерживающее или какое-либо иное влияние на военные мероприятия.

Если хотят рассматривать отдельных специальных министров, как группу заговорщиков также и в отношении совершения военных преступлений, то надо доказать, что военные инстанции, призванные вести войну, действовали с согласия, по крайней мере, с ведома этих министров.

Воссоединение военных командных инстанций и министров в одно целое, которое было направлено на совершение уголовных действий, внушающих омерзение всякому порядочному человеку, является чуждой действительности конструкцией обвинения, воздвигнутой задним числом. Это целое, не существовавшее во время совершения этих действий, получает свое определение, как понятие, лишь сейчас. Задним числом с этим понятием приводятся в соответствие факты. Ясно, что уголовный процесс не может строиться на таком методе.

15174

H1209-0498

H1209 – 0499

Таким образом, г-н фон Риббентроп не может быть наказан без разбора за все военные преступления, которые в течение последней войны были совершены германской стороной. Подобное несение ответственности было бы прямо-таки гротескным. Наоборот, на него может возлагаться ответственность за отдельные действия лишь в том случае, если он сам принимал участие в определенных конкретных отдельных действиях.

Господину фон Риббентропу обвинение ставит в вину то, что он, согласно показаниям генерала Лахузена, дал адмиралу Канарису "указания" сжигать украинские деревни и уничтожать живущих там евреев. В первую очередь я констатирую, что министр иностранных дел не мог дать военному учреждению никаких указаний. Далее, было бы совершенно неразумно давать подобные указания о сожжении украинских деревень. Украинцы поддерживали немцев в их борьбе против поляков. Поэтому едва ли кто поверит, что г-н фон Риббентроп советовал тогда уничтожать собственных союзников. Мой подзащитный утверждает далее со всей категоричностью, что на том совещании не было сказано ни единого слова также об убийствах евреев, тем более, что к этому не было никакого повода в тот момент.

Я прошу Суд при вынесении решения о военных преступлениях и преступлениях против человечности, в которых обвиняется г-н фон Риббентроп, взять за основу общую позицию подсудимого в вопросе гуманности. Господин фон Риббентроп, как это полностью доказано представлением доказательств, спас жизнь 10.000 союзных военнопленных своим энергичным вмешательством. Он, как я далее покажу,-

при рассмотрении заговора, добился того, что английские военнопленные не связывались . Г-н фон Риббентроп ратовал за выполнение Женевской конвенции. Он выступил против клеймения русских военнопленных. Пусть на основании этих примеров Суд оценит принципиальные установки подсудимого в вопросах гуманности.

Мне кажется, что этот масштаб можно использовать также при характеристике позиции подсудимого в вопросах человечности, при решении которых он не принимал действенного участия.

Далее, г-ну фон Риббентропу в качестве военного преступления инкриминируется его позиция в вопросе обращения с летчиками - террористами.

Мой подзащитный так же, как и подсудимый Геринг, оспаривает то, что действительно состоялось упоминаемое в документе 735-ПС совещание в замке Клессхайм. Я хотел бы подчеркнуть, что генерал Варлимонт, сделавший эти записи, сам не принимал участия в этом совещании. Приписываемые в документе г-ну фон Риббентропу высказывания вообще противоречат его обычной позиции в этом вопросе. Статс-секретарь Штейнграхт показал здесь, что г-н фон Риббентроп после опубликования пресловутой статьи в "Рейхе" о суде Линча немедленно выступил с энергичными протестами.

Дальнейшее представление доказательств по вопросу о летчиках - террористах в ходе допроса свидетелей генерал-полковника Йодля и генерал-фельдмаршала Кейтеля показало, что не только министерство иностранных дел, но и г-н фон Риббентроп лично в принципе выступали за выполнение положений Женевской конвенции и что г-н фон Риббентроп вместе с другими руководящими лицами выступал перед Гитлером даже в самое жестокое время

H1209 – 0500

H1209 – 0501

его правления за сохранение последних человеческих принципов. Несмотря на все происшедшее, следует рассматривать, как успех то, что конвенция расторгнута не была в результате этих шагов. При этом, именно в случае с летчиками-террористами, нельзя не учитывать того, что в вопросе о так называемых террористических воздушных налетах речь идет о такой форме воздушных бомбардировок, которая, бесспорно, представляет собой военное преступление в том случае, если речь идет о налетах на города, когда подвергаются нападению не только исключительно военные об"екты. Если принять во внимание реакцию в Германии на ведение воздушной войны Западными державами, то следует учитывать, что воздушные налеты на гражданское население запрещены, согласно установившимся представлениям о вооруженных конфликтах между государствами. Эта мысль нашла свое выражение не только в Гаагской конвенции о ведении сухопутной войны, она является особой нормой обязательного для всех международного права, которое имеет силу не только в отношении наземных театров военных действий. Признавая это, гаагские правила ведения воздушной войны от 1923 года разрешают нападение с воздуха на военные об"екты в незащищенных населенных пунктах, однако, не бомбардировку жилых зданий гражданского населения. Гаагские правила, правда, не ратифицированы, но на практике они выполняются воюющими сторонами; тем самым они получили признание обычного права.

Особенно актуальной эта тема стала, прежде всего, после завоевания полного господства в воздухе союзниками и начавшихся затем постоянных атак на

H1209 – 0502

бреющем полете с воздуха на гражданское население с применением бортового огня. Лишь эти явления привели к дискуссии о том, имеет ли смысл при таком методе ведения войны, который, без сомнения, противоречит международному праву, соблюдать Женевскую конвенцию. Эти рассуждения и соответствующие исследования привели к созданию документов, которые явились об"ектом представления доказательств; но как показал процесс, эти документы представляли собой лишь проекты к решениям, а не готовые решения по тому или иному вопросу. Поэтому они не могут представлять собой основы для оценки тех или иных событий, так как, само собой разумеется, что всякое государство имеет право, чтобы его учреждения, компетентные в тех или иных вопросах, давали свое заключение по данным вопросам.

С разрешения Трибунала я изложил, какова была роль г-на фон Риббентропа до войны, в начале войны и во время войны.

Наряду с этим обвинение возлагает ответственность на всех подсудимых за все преступления, о которых на процессе шла речь. Для обоснования этого своего общего утверждения оно использует понятие заговора.

Если сделать соответствующие выводы из этого колоссального обвинения, то каждый из защитников должен был бы высказаться по всем деталям, которые были упомянуты обвинением. Уже очевидная невозможность столь долго занимать время Суда показывает, насколько сомнительным является исходный пункт обвинения.

Поэтому я должен ограничиться разбором вопроса об участии в заговоре только с точки зрения фактического и юридического положения министра иностранных дел третьей империи.

15178

H1209 – 0502

H1209 – 0503

В духе Устава и обвинения под заговором понимается определенная форма соучастия в уголовных действиях.

Такой род преступлений до сих пор был неизвестен германскому и континентальному праву. Он существовал только в англо-саксонском праве. В этих юридических кругах под заговором понимается соучастие в наказуемом действии, для доказательства которого в качестве минимального признака необходимо об"единение для совершения преступления.

Дальнейшей предпосылкой является то, что общий план должен повлечь за собой осуществление определенного наказуемого действия.

Из этой формы соучастия в преступлении исходит также Устав, устанавливая наказание за все уголовные действия, перечисленные в параграфе 6-м, при взятии за основу существования заговора или общего плана в качестве особой формы соучастия в этих преступлениях. В параграфе 6а Устав устанавливает еще одну специальную форму заговора, устанавливая наказание за участие в общем плане или заговоре для осуществления агрессивных войн и войн в нарушение международных договоров.

Под понятием "общий план" Устав и обвинение, очевидно, понимают что-то выходящее за рамки заговора. Г-н судья Джексон сам признал, что в этом случае вышли за рамки наказуемого состава преступления заговора, согласно англо-саксонскому праву, и тем самым создали понятие, не поддающееся формулировке с юридической точки зрения.

Оба вида заговора обосновывают ответственность за все действия, которые были совершены каким-либо лицом во исполнение обоих видов заговора.

Чтобы представить участников этого, якобы, существовавшего заговора как какое-то единое целое, обвинение пользуется примером пиратства. Все заговорщики находятся

на пиратском корабле, который, в нарушение всех законов и прав наций, отправляется на разбой и поэтому совершенно свободен. Всякий, кто наказывает экипаж данного корабля, вносит свою лепту в дело восстановления права.

Эта картина подкупает на первый взгляд. Однако, при ближайшем рассмотрении становится ясным, что здесь мы имеем дело с метким словом, которое пытается перенести факт наличия единых целей у экипажа корабля, связанного со своим судном в горе и радости, на несравненно более сложные условия, существующие в современной государственной организации.

Бороться с пиратами в открытом море по традиционному общепризнанному и неоспоримому воззрению имеют право корабли всех наций, встретившие пиратское судно. В уголовном праве почти всех наций существуют положения о борьбе с ними. Особым в этом преступлении, отличающим его от других, наказуемых в любой стране, независимо от того, совершаются ли они подданными данного государства или нет, - как-то: торговля женщинами, преступления с деньгами и т.д., - является то обстоятельство, что правосудие творится в открытом море. Вследствие этого ошибочным образом может возникнуть предположение, что здесь речь идет о международных преступлениях. Однако, это не так. Пиратство является общим преступлением, преследование которого разрешается международным правом не только в прибрежных водах, но и в море, принадлежащем всем нациям. В Соединенных Штатах уже в начале прошлого столетия под эту концепцию был заложен фундамент с помощью правосудия, творимого Верховным Судьей Маршаллом.

15180

H1209 – 0504

H1209 – 0505

Действия, которые вменяют в вину г-ну фон Риббентропу, были совершены в то время, когда германская империя и ее противники выступили друг против друга на международной арене в начале в мирное, а затем и в военное время. Таким образом, пример из сферы внутригосударственного общего уголовного права не подходит для того, чтобы создать ясное представление о заговоре всего государственного аппарата. Больше того, стрела попадает в самого же стрелка. Сперва разбивается понятие государства, которое по общим положениям международного права является единственным носителем прав и обязанностей, для того, чтобы иметь возможность подвергнуть наказанию отдельных лиц, стоящих за этим государством и действовавших от его имени. Но так как в инкриминируемых действиях непосредственное участие лишь обычно принимали небольшой круг лиц, обвинение искусственно об"единяет основное большинство этих людей в какое-то единое целое, чтобы иметь возможность возложить на них ответственность также на те действия, которые они сами не совершали.

Здесь должно быть представлено место для критики юриста. Согласно нашему восприятию права и согласно восприятию права всех цивилизованных государств, уголовная ответственность основывается на принципах, очень мало отличающихся друг от друга. Так, по континентальному праву обвинение в совершении уголовного действия может быть предъявлено лишь такому лицу, которое преднамеренно или по попустительству сделало свой вклад в совершение определенного действия. Таким образом, преступник по всем воззрениям должен знать план, который он поддерживает, предвидеть действия, связанные с его осуществлением, и одобрять их.

15181

Соучастие в заговоре считалось преступлением лишь в ограниченных юридических кругах. Оно имеется в правовых нормах лишь части тех государств, которые ведут настоящий процесс или присоединились к нему. Оно было совершенно неизвестно германскому праву, а тем самым и господину фон Риббентропу во время его политической деятельности.

Эта форма соучастия затрагивает несравненно более широкий круг наказуемых действий, чем это мог предполагать г-н фон Риббентроп во время своей деятельности на поприще дипломата.

Но даже если эту форму соучастия принять, согласно Уставу, в качестве основы правосудия, то ни официальный пост министра иностранных дел, который занимал г-н фон Риббентроп, ни отдельные действия, которые он совершил во время этой деятельности, не могут представить его членом какого-либо заговора.

Дело фон Риббентропа показывает, в частности, что, вследствие введения понятия заговора, между собой связываются действия, которые по служебному положению, служебным правам и личным качествам отдельных заговорщиков совершенно не могут быть приведены в соответствие друг с другом.

Чтобы все-таки добиться своей цели, Обвинение, несмотря на это, об"единяет произвольное количество действий и лиц, не составляющих естественного единства и в большинстве случаев не имеющих никакого отношения друг к другу, в искусственное и созданное задним числом единое целое. Если следовать за Уставом и Обвинением, то напрашивается вывод, совершенно чуждый действительности и праву, что господин фон Риббентроп, хотя он, как это доказано представлением показательств, лично и в делом отношении не имел никакого влияния на оккупированные восточные области, должен нести

15182

H1209 – 0506

H1209 – 0507

ответственность за все совершенные там военные преступления и преступления против человечности, тогда как, с другой стороны, например, подсудимый Штрейхер несет, несмотря на свою особую область действий, ответственность за внешнюю политику.

Если дать положительный ответ на вопрос о существовании заговора для совершения преступлений против человечности и военных преступлений, то на практике это приведет к тому, что, например, г-н фон Риббентроп и министерство иностранных дел были ответственны за военные преступления, преступления против человечности, хотя из представленных доказательств ясно, что именно это ведомство постоянно старалось соблюдать предписанные международным правом правила ведения войны и выступало в ожесточеннейшей борьбе с Гитлером за соблюдение Женевской конвенции.

Заговор для совершения военных преступлений и преступлений против человечности может иметь отношение только к конкретным нарушениям военного права, будь то индивидуальные действия, как, например, расстрел безоружных английских офицеров военно-воздушного флота, будь то определенные меры, нарушающие военное право. Во всяком случае, единство заговорщиков должно быть направлено на определенное действие или на определенную группу однородных действий. Невозможно, чтобы на подсудимого возлагали ответственность за действия, которые он сам не одобрял или которые он старался предотвратить.

При этом я думаю, что Обвинение будет согласно с моим утверждением, что заговора, направленного на нарушение законов и обычаев войны, по меньшей мере, не могло существовать ибо это понятие настолько спорно и настолько мало разграничено в государственной практике и международном праве, что отдельные действия, которые во время войны могут быть рассматриваемы

как военные преступления, вовсе не могли быть включены заговорщиками в их план. При этом нельзя не учитывать того, что, вследствие развития боевых средств и методов, содержание понятия военного преступления изменяется. Таким образом, существует лишь заговор для совершения определенных или подобных военных преступлений. Тем самым нельзя на каждого из тех кто, заговорщиков возлагать ответственность за все действия, которые при об"ективном рассмотрении после войны следует назвать военными преступлениями. В частности, это не будет соответствовать идее о наказании виновных, если только на основании общего неестественного понятия заговора подсудимые будут наказаны за те военные преступления, воспрепятствовать которым они стремились всеми средствами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас удобно об"явить перерыв.

/Перерыв на 10 минут./

15184

H1209 - 0508

H1209 - 0509

Встать ! Суд идет !

ГОРН: С разрешения Трибунала я буду продолжать со страницы 79-й.

В особой мере относится к г-ну фон Риббентропу. Военное ведение войны не только не относилось к его ведомству, но он был, как показало представление доказательств, полностью отстранен от этого по приказу Гитлера. Военные преступления лишь в той степени затрагивали его ведомство, в какой они вели к переговорам с другими державами. Кроме того, пример предотвращения расстрела 10.000 союзных военнопленных после ужасного воздушного налета на Дрезден по инициативе фон Риббентропа, выступившего перед Гитлером, показывает, что, зная о предстоящих военных преступлениях, он сделал все, что было в его власти. Рассмотрение этого вопроса и результат представления доказательств показывают, как мало оснований разделять точку зрения Обвинения и возлагать, например, ответствен на министра иностранных дел с ограниченной компетенцией ответственность за военные преступления и преступления против человечности, тем более, что ясно установлено, что он не оказывал никакого влияния на ведение войны.

С разрешения суда, я хочу перейти к рассмотрению заговора, который, якобы, имеет отношение к планированию и подготовке агрессивных войн и нарушений договоров. В рамках этого заговора подсудимый должен, как министр иностранных дел, а также, как лицо, занимавшее дипломатические посты до этого времени, быть привлечен к ответственности.

Такого рода заговор имеет, очевидно, что-то общее со всеми действиями и планами, которые находятся в какой-либо связи с войной, с подготовкой, началом и ходом войны. Так как эти отдельные действия, которые охватываются этим не-

обычайным комплексным понятием, сами по себе не относятся к делу с точки зрения уголовного права и до сих пор никогда не охватывались с точки зрения уголовного преступления - "развязывания войны", то такая разновидность заговора не содержит в себе того состава преступлений, который охватывался бы средствами какой-либо уголовно-правовой системы мира. Поэтому мне не остается ничего другого, как рассмотреть этот комплекс с точки зрения положения Риббентропа как министра и его отношения к германской империи, которая вела отдельные войны.

Господин фон Риббентроп с 4 февраля 1938 г. занимал пост министра иностранных дел германской империи. Как показали результаты представления доказательств, господин Риббентроп был назначен на этот пост в то время (4 февраля 1938 г.), когда фактическое руководство внешней политикой перешло уже к Гитлеру, занимавшему одновременно в то время два поста - рейхсканцлера и главы государства.

Гитлер в своей речи от 19.УП.1940 г., произнесенный в Кроль-опере, подчеркнул (я пред'явил эту речь в качестве документального доказательства), что господин фон Риббентроп уже тогда в течение лет должен был проводить внешнюю политику, согласно политическим директивам Гитлера. Таким образом господин фон Риббентроп не занимал такого положения министра, которое обычно связывается с этим понятием в современных конституциях государств. Он не занимал такого положения ни фактически, как об этом говорится в только-что упомянутой мной речи, ни юридически.

Рассмотрение государственного права третьей империи подтверждает правильность этой точки зрения.

По конституционному праву, которое развивалось в течение X1X и к началу XX века, в современных государствах ведомство министра иностранных дел принадлежит к исполнительным органам.

15186

H1209 - 0510

H1209 - 0511

Министр иностранных дел должен вместе с министр-президентом быть ответственным за руководство внешней политикой.

Эта ответственность при системе парламентской демократии осуществляется перед народным представительством, при монархистском или президентском устройстве - перед главой правительства.

Проявление этой ответственности имеет только политическое значение. Оно имеет своим последствием то, что, если министр не пользуется больше доверием парламента или доверием главы правительства, то он должен оставить свой пост. Согласно большинству конституций, против мира, кроме того, может быть выдвинуто обвинение со стороны народного представительства за нарушение служебного долга. Если даже производится осуждение данного министра конституционным судом уголовным порядком, то все равно министр не наказывается; в данном случае лишь констатируется, что его действия были неудачными.

Германской конституцией, существовавшей при Веймарской республике, предвиделись две возможности привлечения министров к ответственности.

На практике ни один случай обвинения министра не имел места.

В государственном праве 3-й империи и в этих вопросах произошло принципиальное изменение. Вскоре после прихода Гитлера к власти парламент, при ссылке на имеющиеся трудности во внутренних делах, побудили (заставили) дать согласие на издание закона о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству. Германский народ и его представители ожидали в то время, что такое предоставление чрезвычайных полномочий будет в течение определенного коли-

15187

чества времени использовано для того, чтобы покончить с действительно имевшимися тогда затруднениями.

Однако этот закон стал основой для полнейшего преобразования конституции.

Возможность ответственности перед парламентом отпала. Она перешла в ответственность перед фюрером и рейхсканцлером, который воссоединил в себе полномочия, с которыми расстался с того времени парламент. С того времени существовал уже только один вид ответственности: ответственность перед главой государства. Помимо этих чрезвычайных парламентских полномочий в лице Гитлера во все возрастающем масштабе концентрировались все функции, являвшиеся ответвлениями государственной власти. Переданное распределение сфер власти, результат более чем столетней конституционной борьбы, с помощью об'единения всех средств власти оказалось подрытым и вышедшим из употребления. Все сферы власти были сконцентрированы в руках фюрера, который, со своей стороны, осуществлял ее через своих уполномоченных. Государственно-правовая теория 3-й империи охарактеризовала это как преобразование реального распределения сфер властей в функциональное.

Отдельный министр в процессе этого преобразования действовал уже не в силу собственной ответственности, а в силу полученного поручения от главы государства. Что относилось к каждому отдельному лицу, то же относилось и к тогдашнему имперскому кабинету. Последний уже не имел больше влияния на руководство государства, он был лишь

15188

H1209-0512

H1209 – 0513

собирательным понятием для отдельных технически разрозненных управлений. Так как политические задачи, которые при нормальных условиях имеются у всех министров в целом, т.е. у кабинета, отпали,—задачи совета министров разрешались с помощью значения тех или иных фактов сами по себе.

Поэтому во время деятельности фон Риббентропа, как это было ясно показано во время представления доказательств, он никогда не собирался. Даже само наименование "министр" не означало уже больше начальствующего отдельным имперским ведомством; оно стало титулом, который выражал чин, ранг. Вследствие этого преобразования министр иностранных дел также не имел уже больше права определять основную линию внешней политики. Во время представления доказательств этот факт был также освещен с помощью речей и высказываний Гитлера, в одной из которых , например, Гитлер после занятия Рейнской области и присоединения Австрии заявил, что он добился этих "великих решений", как он их называл, вопреки воле своих советников, по собственному почину, сославшись на свою ответственность перед германским народом и историей. Если смотреть именно на это с государственно-правовой точки зрения, то это значит, что ни один министр не имел возможности воспрепятствовать вынесению тех или иных решений. С государственно-правовой точки зрения это также значит, что он не имел полномочий проверять законность решения фюрера, так как только что описанное об'единение всех функций государственной власти в лице Гитлера имело своим последствием то, что в его руках накопились как законодательные полномочия, так и руководство исполнительной властью. Кана-

15189

либо форма законодательного акта в третьей империи не была предусмотрена. Точно также не было никакого масштаба для определения того, действовал ли он как законодатель или как лицо, имеющее в своих руках исполнительную власть. Понятие материального закона, которое существовало в Германии, как и в других континентальных государствах, до взятия власти Гитлером, потеряло полностью свое содержание; отдельные указания производились также в форме закона.

В конституциях всех госуларств инстанциям, которым поручено применение законов, запрещено контролировать содержание законов. Это относится даже к судопроизводству, в значительно большей степени и к административным инстанциям. Ни одна государственная инстанция не может отказаться от применения закона, изданного надлежащим, предусмотренным конституцией, порядком. Проверка их, далее, со стороны ему суда ограничивается проверкой того, был ли соблюден предусмотренный конституцией порядок. То же самое имеет место в Великобритании и Соединенных Штатах, где декреты исполнительной власти подлежат проверке (т.е. их содержание подлежит проверке), однако, такой проверке не подлежат законы, вынесенные парламентом.

Согласно государственному праву 3-й империи, лишь одна инстанция была компетентна за все проявления государственной воли: фюрер. В качестве кого он действовал, часто распознать было нельзя, вследствие упразднения государственно-правовых понятий. Государственно-правовая теория третьей империи опустилась поэтому до теологии откровений фюрера. Старые отличия полностью испарились

15120

H1209 – 0514

H1209 – 0515

из министерского мышления. Единственный вопрос, который еще мог всплыть в государственном праве третьей империи, заключается в следующем: была ли воля фюрера выражена в такой конкретной форме, что она содержала в себе государственную волю.

В основании этой конституционной практики находился перенос псевдовоенного мышления на политический сектор, при-чем в весьма значительной степени. Понятия "послушание" и "дисциплина" были перенесены на ту область, где они не имели никакого права на существование.

В процессе упразднения обычного распределения сфер власти следует указать еще на один факт, который также характерен для (деспотиа суи генерис), как и показателен для отрицания возможности существования заговора или общего плана.

despotia sui generis

Во время представления доказательств было ясно показано, что при главе государства не было никаких совещательных или контрольных органов. Ни кабинет, ни имперский совет обороны, ни какое-либо другое совещательное учреждение не имели на Гитлера никакого влияния в деле вынесения решений. Важнейшие документы и показания свидетелей показывают лишь монологи перед все возрастающим кругом лиц.

Все, что имеет вид совещания, в действительности является приемом приказов. На основании представленных доказательств ясно видно, что попытки оказать влияние на Гитлера приводили лишь к реакциям, которых нельзя предвидеть.

Господин фон Риббентроп и другие из подсудимых несомненно владели значительной властью в их собственной, интересующей Гитлера, сфере.

От участия в вынесении великих решений о войне и мире они были совершенно удалены.

На посту министра иностранных дел, каким был господин фон Риббентроп, не нужен был самостоятельный человек. Господин фон Риббентроп чувствовал это, как об этом показал здесь статс-секретарь Штеенграхт. Он высказался следующим образом: Гитлеру был нужен самое большее секретарь по внешнеполитическим вопросам, но не министр иностранных дел. Это развитие конституционной и правительственной практики едва ли можно совместить с мыслью о совместном планировании и заговоре. Заговор требовал, как мы это видели, единства или согласованности в вопросе целей, причем участники его свободно формулируют свою волю. Политика же третьей империи всегда лишь приветствовалась.

В своих прежних исследованиях, я в основу ~~клал~~ вкладывал нормы материального уголовного права, изложенные в статье 6-й. Но я не хотел бы закончить своей защитительной речи, не обратив внимание суда на соотношение политики и права.

Основная сущность политики суверенных государств заключается и будет заключаться в сохранении интересов собственного народа. Чтобы такая точка зрения в отношении политики не привела к полной беспринципности, жизнь народов между собой создала понятие уравновешивании интересов, которые представляются дипломатией. Как раз последняя явилась

15192

H1209 - 0516

H1209 – 0517

тем, которая приняла участие в определении принципов межгосударственного сношения и тем самым принципов международного права. Соседство многих государств, которые находились в равном положении друг с другом, обуславливает несовершенство международного порядка. Его ахиллесовой пятой было отсутствие верховной власти, которая была бы в состоянии обеспечить оценку правопорядка таким же образом, как это делает государственная власть в своей сфере господства. Вследствие этого, с давних пор свободной игре сил в международной сфере было предоставлено несоразмерно большое пространство. Государственные деятели обязаны соблюдать интересы своих народов. Если их политика приносит неудачи, то государства, за которые они действуют, несут ответственность. Над ними же самими история творит суд. В правовом отношении за действие, которое со стороны других государств квалифицируется как международный деликт, они несут лишь внутригосударственную ответственность. Другое государство, которому данное действие принесло ущерб, в принципе не могло протянуть руку на отдельное лицо, вызвавшее своими действиями такие последствия.

Завеса, которая была создана международным правом в уважение государственного суверенитета между отдельными действующими лицами и чужими державами, устранялась лишь в исключительном случае, а именно в случае с военными преступниками, о которых я говорил.

Во всяком случае к началу второй мировой войны это, несмотря на все противоположные попытки, было несокрушимым положением международного права.

Господин главный обвинитель от Франции обосновал

15793

вмешательство в вопросе относительно руководящих деятелей ушедшего режима тем, что германского правительства, ~~к~~ юрисдикции которого это могло бы принадлежать, больше не существует.

При всем уважении к этому отточенному представлению доказательств от критического наблюдателя не ускользнет, что эта острая логика разбилась об ошибочные заключения.

С полной победой над германскими вооруженными силами и занятием всего германского государственного пространства со стороны союзников всякое организованное сопротивление под руководством государства было закончено. Четыре главных державы - победительницы, которые также образуют данный Трибунал, с помощью фактической силы приобрели международно-правовой титул для определения судьбы германских государственных территорий. Они могли бы разделить Германию. Они же выбрали иной путь. В Берлинской Декларации от 5.6.1945 г. говорится о том, что они „взяли на себя высшую власть в Германии, включая все полномочия германского правительства, верховного командования вооруженных сил и всех государственных и местных правительств и инстанций". На этом определение исчерпалось. Декларация ясно подчеркивает, что переход этих полномочий не означает аннексии Германии.

Отправление взятых на себя прав было передано ~~конт~~ контрольному совету, который состоит из командующих 4-ая оккупированными зонами.

Со времен Берлинской декларации Германия находится в переходном состоянии, которое продолжается до сих пор.

15194

H1209 - 0518

H1209 – 0519

Четыре державы подписали между собой дальнейшие соглашения на Потсдамской конференции в июле 1945 г., о которых мы узнали из коммюнике от 2.8.1945 г. Подписанное в Потсдаме "Соглашение об учреждении совета министров иностранных дел" поручает данному совету подготовку регулирования мирных вопросов, которое должно быть принято правительством Германии, "если будет создано пригодное для этой цели правительство". Во втором соглашении говорится о действующих в Германии во время контроля союзных держав положениях.

Из этих формулировок видно, что Германия должна остаться государством, что она будет подлежать контролю со стороны союзников и что предполагается создание германского правительства. Это правительство должно будет принять условия мирного договора. Таким образом, в данном случае речь должна итти о правительстве, которое в состоянии взять на себя обязанности по отношению к другим государствам какие обычны в общении государств друг с другом. Таким образом, победители использовали свое право выбора, которое было дано им завоеванием, таким образом, что они не хотят уничтожить германского государства. В переходное время они выполняют функции не имеющегося сейчас германского правительства. Поэтому мы вправе использовать Потсдамскую декларацию как исходный пункт для оценки положения Германии с юридической точки зрения.

Германское государство, таким образом, не погибло. С юридической точки зрения было бы неправильным (нас бы, кроме того, обвинили в недостаточном понимании истории), если бы стали рассматривать государство, создание правительства которого было обещано, как нечто совершенно новое. Гер-

15195

мания обременяется обязательствами, которые возникли из ее прошлого. Это же возможно только в том случае, если государство, обязательства которого основываются на его поведении, и государство, которое должно отвечать за это, рассматриваются как равные юридические лица.

Германское государство в настоящий момент не может действовать через свои органы в международно-правовом масштабе, но оно также не исчезло из сферы международного правопорядка.

Так как предпосылка господина де Ментона является несостоятельной, то его выводов принять нельзя. Юрисдикция держав-победительниц над германскими гражданами вследствие их действий, связанных с политикой, не может быть, таким образом, обоснована на существовавшем до нынешнего времени международном праве. Поэтому Устав отходит от международного правопорядка. Кроме того, он ставит себя в противоречия с основными уголовно-правовыми принципами. Если господин главный обвинитель от Франции придерживается той точки зрения, что Трибунал хранит уполовную власть не существующего в настоящий момент, по его мнению, германского государства, то он логически должен отнести к существующему в Германии уголовному праву принцип "нуллюм кримен сине лэге". За отдельное действие можно лишь тогда выносить наказание, если оно, согласно германскому праву, было наказуемым в момент его совершения. Это не относится как к личной уголовно-правовой ответственности за нарушение международных договоров

15196

H1209 – 0520

H1209 – 0521

и заверений, так и к форме участия в заговоре или общем плане.

Контрольный Совет в Германии в своем постановлении № 3, основываясь на этом правильном убеждении, распорядился о введении двух государственно-правовых принципов в систему германского уголовного права, от которых германский режим уклонился в свое время: запрет обратного действия и аналогии.

Уголовно-политические понятия Устава создают новые правовые нормы, которые следует рассматривать как зародыш мирового правопорядка. В то время, когда разыгрывались инкриминируемые ныне события, у господина фон Риббентропа отсутствовало сознание, что подобного рода мировой правовой порядок существует.

В немногих случаях можно будет отказаться от требования предудыщего нормирования уголовного деяния, если в данных случаях нечеловечный характер этого действия настолько очевиден, что не может быть никаких сомнений относительно наказуемости данного действия. Это могло бы относиться к тем действиям, которые вследствие аморальности определенных мероприятий гитлеровского режима не были наказаны в Германии в последние годы.

До сих пор при обсуждении результатов представления доказательств я ссылался на существующее международное право и Устав, которые Вы, господин председатель, охарактеризовали еще раз на заседании от 20/6 1946 г., как основу правосудия на этом процессе. До сих пор международный правопорядок не мог разрешить проблем, которые должны быть разрешены здесь.

H1209 – 0522

По причинам этой несостоятельности возникла вторая мировая война.

Нельзя охватить сегодня всех последствий катастрофы, которую этот правопорядок не мог предотвратить. Предотвращение подобной катастрофы в будущем является величайшей целью всего человечества, которая лежит в основе Лондонского соглашения от 8.8.1945 г. Что это не могло быть еще достигнуто, показывает с ужасающей ясностью тот факт, что в тот день, когда Устав данного Трибунала был провозглашен миру как новое право, между Советским Союзом и Японией началась война. Советский Союз обещал это союзникам уже полгода назад. В качестве обоснования, наряду с другими причинами, было приведено то, что Россия должна свести с этой страной старые счеты. Таким образом здесь имел место типичный случай неспровоцированного нападения.

Я изложил, что невозможно дать общее определение агрессора и агрессии, которое охватило бы все события действительности. Только международная инстанция может заклеймить то или иное государство как агрессора. Эта верховная инстанция человечества должна иметь не только фактический, но и моральный авторитет. Должно быть внушено общее доверие к ее беспристрастной оценке. Должен быть создан ареопаг, который возвышается над всеми партиями и у которого спорящие партии должны искать правосудия, но не видеть в качестве судей в нем.

Сейчас мы находимся в переходном периоде от старого права, при господстве которого мир покрылся развалинами, к новому мировому праву, контуры которого становятся видными,

15198

H1209 – 0522

H1209 – 0523

но которое еще не укреплено достаточно в моральном отношении.

В этот период становления и ухода прошлого очень трудной, почти превышающей человеческие возможности, задачей является взвесить и оценить с уголовно-правовой точки зрения действия, совершенные бывшим имперским министром иностранных дел фон Риббентропом, его участие в происшедшем, его несостоятельность и его личную вину.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я вызываю к микрофону доктора Нельте, защитника подсудимого Кейтеля.

НЕЛЬТЕ (Защитник подсудимого Кейтеля).

Защитительная речь адвоката Нельте по делу фельдмаршала в отставке Кейтеля.

"Мы должны подойти к своей задаче так рассудительно и с такой духовной неподкупностью, чтобы когда-нибудь в будущем этот процесс выглядел как выполнение мечты человека о справедливости".

Эти слова из главной обвинительной речи судьи Джексона должны быть лейтмотивом для всех тех, кому выпала высокая задача помочь установлению истины на этом процессе. То, что эта истина не может быть абсолютной, высказали уже представители обвинения - судья Джексон и г-н Дюбост. Обвинение не преследует цели получения исторической картины мира, не говоря уже об истории развития этой кратковременной, но такой трагической эпохи; оно стремится установить, участвовали ли и какое участие принимали подсудимые, сидя-

щие на этой скамье подсудимых, в тех событиях, которые своими последствиями затронули весь мир и принесли такое невыразимое несчастье, причем не в последнюю очередь и немецкому народу.

Обвинение во время этого процесса высказало через своих избранных представителей, что его задачей является доклад материалов для обвинения подсудимых и именно только обвинительных материалов. Тем самым оно, в противоположность принципу об'ективного обвинения, господствующему в германском уголовном судопроизводстве, выявило свою чисто одностороннюю позицию обвинения , которая обязывает защиту доложить обо всех обстоятельствах и соображениях, необходимых для об'ективного оправдания...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Нельте, я хочу спросить Вас относительно того заявления, которое вы включили в свою речь, когда разбирался вопрос о заключительных речах других защитников подсудимых. Обвинение не собиралось скрывать какие-либо факты или доказательства.

НЕЛЬТЕ: Я боюсь, что я Вас не слышу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я уже внес поправки в ту часть Вашей речи, которая касается заключительной речи одного из защитников.Обвинение никогда не пыталось скрывать какие-либо доказательства, представленные в пользу подсудимых.

НЕЛЬТЕ: Господин председатель, судья Джексон заявил здесь однажды: "Мы не можем служить двум господам" , когда он ответил на показание о том, что по германскому уголовному судопроизводству Обвинение может предъявлять и оставлять и смягчающий вину подсудимых материал. Говорю же я здесь об этом

15200

H1209-0524

H1209 - 0525

не потому, что я хочу упрекнуть в чем-то Обвинение, наоборот, с той точки зрения, которой придерживается Обвинение, оно сделало все возможное, но мы, как защитники, хотели изложить справедливость нашей точки зрения, так как...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я перебил Вас только из-за одного предложения в Вашей речи, где говорится: "Ясно, что обвинение определенно придерживается этой точки зрения". И во втором предложении второго параграфа Вы говорите: "В противоположность принципу об'ективного обвинения, господствующему в германском уголовном судопроизводстве, Обвинение явно придерживается точки зрения, изложенной в Обвинительном заключении".

НЕЛЬТЕ: Я сказал "односторонне" в следующем контексте: "Тем самым оно, в противоположность принципу об'ективного обвинения, господствующему в германском уголовном судопроизводстве, выявило свою чисто одностороннюю позицию, которая обязывает защиту положить обо всех обстоятельствах и соображениях, необходимых для об'ективного правосудия".

15201

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Вы можете продолжать. Может быть, здесь была некоторая неточность в переводе.

НЕЛЬТЕ: Для этого необходимо выяснить вначале определенные понятия, которые имеют значение для определения ответственности и виновности.

Понятия международного и государственного права были исследованы и изложены здесь г-ном профессором Ярайсом.

Мне же хотелось бы коснуться нескольких принципиальных рассуждений по вопросам, касающимся солдата; здесь неоднократно упоминались понятия: солдатство, повиновение, верность, выполнение долга и патриотизм. Мне кажется, что эти понятия всеми людьми признаются как положительные. Но можно ведь также сказать, что все эти понятия неопределенны. Так, например, противостоят понятия: "Солдатство в его лучшем проявлении" и "милитаризм", "само собою разумеющееся повиновение" и "достойная презрения покорность трупа", "категорический императив выполнения долга" и "преувеличенное чувство ответственности", "глубокий патриотизм" и "шовинизм".

Мы видим, что все эти понятия могут пройти всю шкалу доброго и злого. Происхождение и зерно этих понятий повсюду одно и то же, создание же традиций и организация воспитания, а тем самым и их последствия совершенно различны.

Но если это так, то кто-же должен находить разницу и решить, находится-ли еще восприятие понятия в сфере добра, или оно уже перешло в сферу зла?

Мы живем в такое время, когда вековое стремление человечества направлено на создание порядка. Правда, порядок является также относительным понятием, но повсюду он

15202

H1209 – 0526

H1209 – 0527

является выражением взаимоотношений между людьми, которое гарантирует наилучшие добрососедские отношения при учете особенностей каждой страны.

Это относится как к внутригосударственной жизни, так и к взаимоотношениям между народами.

Кто-же при таком порядке должен определять, что является справедливым и что является несправедливым? Масштаб для этого по сегодняшним понятиям должен быть только государственным, т.е. национальным. Сближение государств в процессе общения друг с другом и общая цивилизация повлекли за собой ассимиляцию отдельных национальных понятий, несмотря на некоторое различие, существовавшее до этого между ними. Следует признать, что этой ассимиляции известными национал-социалистскими учениями и методами был нанесен страшный удар. Тем не менее принцип остается неприкосновенным, что масштаб для определения справедливого и несправедливого должен быть обусловлен национальными моментами, если порядку суждено существовать. Стремиться следует только к одному: ассимилировать отдельные нации и основные национальные понятия, к чему сейчас как раз и стремится организация безопасности.

Если национальный масштаб, т.е. национальная оценка добра и зла, справедливого и несправедливого, во всяком случае до сих пор оставался неизменным, то понятия никогда не теряли своей относительности и, в частности, тогда, когда между нациями возникали национальные противоречия по другим причинам. Убедительным примером для этого является оценка движения сопротивления. Всеми странами превозносится как высшее выражение патриотизма, если кто-либо отдает свою жизнь родине в момент наибольшей опасности. Но по гаагским правилам ведения сухопутной войны такое движение сопротивления запрещается. Здесь

15203

мы имеем ясный пример противоречия между этической и правовой оценкой. Это доказывает, что не существует абсолютных понятий добра и зла, справедливого и несправедливого. Это доказывает, что помимо всех писанных законов существуют неписанные законы, оправдывающие виновного, так как он подчинялся высшим законам. Но эти высшие законы обусловлены суб"ективными и национальными моментами, т.е. коллективно суб"ективными. Если люди считают что-то хорошим или правильным, то эта вера может родиться от действительно высшего права, от действительно высшей идеи, но она может также возникнуть из заблуждения, из ошибочной идеи. Кто хочет, или кто может судить о том, была ли мысль или идея правильной или неправильной? История учит, что правильной в большинстве случаев признавалась идея, добивавшаяся успеха, победы, потому что в известной степени это является судом божьим. Всегда ли это правильно, я судить не хочу. Но здесь важно следующее: действовали ли люди, о вине которых здесь будет вынесен приговор, от чистого сердца, в силу такой идеи, в силу такой веры. Если суд божий признал эту веру неправильной, то тогда остается открытым вопрос, имели ли люди право верить по понятным или об"яснимым причинам, что эта идея была хороша.

Этот вопрос является проблемой, касающейся не только подсудимого Кейтеля, но и всего германского народа. Согласно изложенному французским обвинением, действительно виновными являются не только подсудимые на этом процессе, но и весь германский народ. Этот тезис имеет чрезвычайно важное значение. Если суд при рассмотрении основных моментов, необходимых для вынесения приговора, придет к решению, что весь германский народ виновен, то тогда каждый немец будет заклеймен на продолжительное время клеймом Каина, что в конечном итоге должно будет

15204

H1209 – 0528

H1209-0529

привести к уничтожению этого народа, к его растворению.

С избранной стороны было высказано мнение, что не существует намерения уничтожить весь германский народ. Безоговорочной капитуляцией мы отданы на милость держав-победительниц. Однако было сказано, что приговор этого Суда должен быть справедливым. Здесь, на данном процессе, лейт-мотивом не должны быть милость или немилость, им должна быть справедливость. Справедливость не значит-мягкость. Однако, справедливым приговор может быть только в том случае, если он примет во внимание все обстоятельства, анализирующие образ действия и поведение подсудимого. Для того, что произошло и что составляет об"ект обвинения, не может быть извинения. Я могу лишь попытаться сделать анализ. Горе, несчастье, постигшие все человечество, так велики, что их нельзя выразить ~~на словах~~ словами. Как раз германский народ, после того, как он узнал, какая катастрофа разразилась над народами запада и востока и над евреями, чувствует сострадание к жертвам, сострадание, полное ужаса. Германскому народу известно, что значит это несчастье, так как он разбит, как никакой другой народ, не только в военном отношении, но и вследствие ужасных воздушных налетов, вследствие миллионных потерь в рядах своей молодежи, оставшихся навсегда на поле битвы, вследствие эвакуации, вследствие бегства в мороз и стужу. Итак, мы знаем, что такое несчастье, мы знаем, что значит страдать

15205

Но в то время, как другие народы могут рассматривать все эти ужасы и все это несчастье как страницу своего прошлого и под защитой государственного порядка питают счастливую надежду возвратиться снова к упорядоченному существованию и к счастливому будущему,-над германским народом довлеет еще тьма безнадежности. Приговор этого Трибунала, если бы он подтвердил вину всего германского народа, увековечил бы эту безнадежность. Германский народ не ожидает для себя оправдания. Он не ожидает, чтобы надо всем, что произошло, было-бы распростерто покрывало христианской любви к ближнему и забвения. Весь германский народ готов нести на себе всю тяжесть последствий. Он хочет согласиться с этим, как со своей судьбой и сделать все возможное для устранения последствий. Но он надеется также, что души и сердца остальных людей не так закостенели, что существующие напряженные отношения останутся существовать и дальше, он надеется, что ненависть остального человечества к нему тоже не будет существовать вечно.

Ваша задача, господа судьи, чрезвычайно трудна. Мы не только говорим на различных языках, но и каждый из нас всей душой сочувствует своей Родине. Многое из того, что произошло в этой стране, покажется Вам непонятным. Чувства германского народа ви их различных категориях не являются Вашими чувствами. Одним из самых основных пунктов, в особенности в случаях с солдатами, кажется мне оценкой того, что является свободой. В этой стране также прокламировался идеал свободы. Всем нам известно, что самым крайним понятием свободы является анархия. Ни одно из государств не хочет анархии, так как она означает его отказ от самого себя. Итак, если все государства имеют единое убеждение в том, что никогда абсолютное понятие свободы не может быть желательным и не может найти одоб-

15206

H1209-0530

H1209 – 0531

рения, то из этого поневоле вытекает относительность понятия свободы.

Никаким другим понятием не злоупотребляли так много, как понятием свободы, и все-не каждая политическая система заявляет, что свобода является высшим из всех благ.

Я ни в коем случае не хочу этим сказать, что понятие свободы в той форме, в какой ее провозглашал национал-социализм, было правильным. Я хочу только сказать, что национал-социализму было известно понятие свободы и он путем пропаганды об"яснял народу, что его понятие свободы является правильным. При этом ему помогало то обстоятельство, что Германия под действием Версальского договора фактически не могла претендовать на истинную свободу для себя. Ограничения ее суверенности были так сильны и так очевидны, что национал-социализму было легко прокламировать борьбу за свободу родины. До тех пор, пока мир будет признавать родину высшим земным благом, необходимо будет признавать стремления сохранить это благо; что касается противной стороны, то она также никогда не сможет не одобрить этого. Можно придерживаться различного мнения относительно методов реализации этих стремлений и способов достижения свободы. Однако решает этот вопрос не отдельный индивидуум, а тот или те люди, которые имеют власть в государстве.

Каждый человек хочет иметь в жизни опору; он должен ее иметь, если он не хочет отчаяться или погибнуть в анархии. Государственный порядок - наряду с моральным порядком - является твердой основой и опорой его существования, которая обеспечивает ему чувство уверенности в жизни и в работе.

15207

В государственных институтах находит свое высшее выражение глубокая тоска всего цивилизованного человечества по порядку. Поэтому гражданин государства должен чувствовать доверие к государству за то, что оно, т.е. его органы, блюдет порядок и право. При этом нельзя придавать значения тому, какая партия дает хранителей этих неприкосновенных принципов. Как раз в этом и выражается доверие народа как единого целого, что оно, это единое целое, поручает руководство тому или иному большинству. Не оставляет сомнения, что национал-социализм стремился и добился того, что широкие круги германского народа поверили, что его стремления поддерживаются большинством народа. Благодаря этому он обеспечил себе алиби законности.

Руководство вооруженными силами, далекое от всех политических соображений, верило, как здесь засвидетельствовали все генералы и адмиралы, в законность правительства Гитлера. Оно рассматривало себя как инструмент законного правительства, также, как оно делало это, когда кайзер, Эверт и фон Гинденбург были верховными представителями Германии.

Так же, как и все задатки, все формы выражения чувства, чувства патриотизма и солдатства несут в себе тенденцию обострения, а, следовательно, и вырождения, если внешние обстоятельства создают для этого актуальные предпосылки. Мы пережили превращение здорового патриотизма в национальный шовинизм. Оглядываясь назад, мы можем констатировать, как здоровая солдатская мысль, вследствие чужеродных влияний, превратилась в милитаристскую форму вырождения.

15208

H1209 – 0532

H1209 – 0533

Все это развитие не скачкообразно, благодаря чему его легко распознать и урегулировать. Однако для тех, кого это касается, движущие силы в большинстве случаев незаметны. Они,-как яд, действующий медленно и незаметно, но который однажды дает о себе знать в самой ужасной форме. Излишне особо обосновывать такое явление, что человек - солдат или милитаристски мыслящий человек, настроенные на возможную войну, имеют в себе что-то суровое; это суровое в своем дальнейшем развитии превращается в жестокое. Среди известных, не только германских, полководцев встречаешься с той точкой зрения, что жестокая война чаще всего является самой мягкой, если она приводит к быстрому окончанию. Этого окончания, естественно, хочет каждый полководец. Если же война устранила препятствия мирного характера, то остается жестокость.

Здесь обнаруживается причина тотальной войны и источник ужасного несчастья, который из этого возник.

Задача защиты на этом процессе трудна. Германский народ относится к Нюрнбергскому процессу по-разному. Одни относятся к нашей задаче скептически и частично враждебно, так как они считают защиту подсудимых пощёчиной людям, которых они рассматривают, как военных преступников, и думают, что защитники хотят увести этих подсудимых от справедливой кары. Другие называют этот процесс зрелищем, на котором защитники выступают в роли статистов, чтобы придать этому процессу вид процесса правосудия. Согласно этому, мы в глазах этих немцев оказываемся виновными в покровительстве врагу.

15209

У нас нет повода оправдываться, так как мы, будучи верными заповеди нашей профессии, участием на этом процессе, выполняем задачу, значение которой не нуждается в оправдании. Она состоит в выяснении истины, значения и последствия которой для нашего народа сейчас еще нельзя оценить, она состоит в обосновании причин и в ответе на вопросы в той мере, в какой это понадобится.

Только ясное понимание причин, сил и людей, приведших к разразившемуся над миром несчастью, обеспечит нашему народу возможность в будущем вновь найти путь к остальному миру.

Задача этого Трибунала состоит не в обосновании политических, экономических и метафизических причин этой второй мировой войны, не в изучении всего течения событий, а скорее только в принятии решения о том, принимали ли и какое участие принимали подсудимые в том, что державы-победительницы сделали об"ектом данного процесса.

Задача защиты в рамках ее участия в установлении истины должна состоять в изучении вопроса о том, можно ли дать фактическое или правовое обоснование и какое именно в пользу представляемых подсудимых. В связи с этим следует сказать, что при всей предупредительности, с которой Трибунал пошел навстречу защите в отношении представления доказательств, фактическая возможность подбора материала для защиты подсудимого была чрезвычайно ограничена. Судья Джексон в своей главной обвинительной речи заявил...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы, очевидно, вновь пытаетесь подвергать нападкам порядок данного судебного процесса. Вы не должны этим здесь заниматься. Вы должны защищать дело подсудимого Кейтеля.

15210

H1209 – 0534

H1209 – 0535

Вы далее в своей речи жалуетесь на то, что вам якобы не были переданы для рассмотрения ряд документов, и Вы ссылаетесь на то, что этот вопрос обсуждался в феврале 1946 г. Поэтому я от имени Трибунала заявляю, что французское обвинение может передать Вам их документы или предоставить такую возможность с тем, чтобы Вы ознакомились с ними. Начиная с февраля и вплоть до июня месяца, Вы не обращались к Трибуналу ни с жалобами и не подавали никаких ходатайств по поводу того, что Вам не передавали для ознакомления документы, а теперь же в своей защитительной речи Вы жалуетесь на то, что Вам не разрешали ознакомиться с целым рядом документов, несмотря на то, что в феврале месяце я от имени Трибунала заявлял о том, что Вы можете ознакомиться с подобными документами. Мне кажется, что мы сейчас даром теряем время, разрешая Вам после нескольких месяцев заявлять Трибуналу о своих жалобах, помимо того, что Вы уже бесполезно потратили некоторое время на зачитывание 11 страниц Вашей защитительной речи и совершенно не затронули вопросов, действительно имеющих отношение к делу подсудимого Кейтеля.

КЕЛЬТЕ: Господин председатель, мне кажется, что вы тогда /это было в феврале/ сказали представителям обвинения, что они должны предоставить в мое распоряжение эти документы. Во всяком случае, так сказано в протоколе. Обвинение, к сожалению, не предоставило в мое распоряжение этих документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но почему же Вы ранее не обратились к Трибуналу и не заявили об этом? Вы прекрасно знали, что я высказал мнение Трибунала, и если Вы чем

либо были недовольны, то Вы имели полное право заявить о своих претензиях в любое время, начиная с февраля и и по сегодняшний день. И мне, кажется, что сейчас подавать эту жалобу совершенно бесполезно.

НЕЛЬТЕ: Я надеюсь, господин председатель, что Трибунал обратит внимание на факты, изложенные в моих записях. Вы увидите, что я к этому вопросу хочу возвратиться еще раз. 1-го февраля на заседании был затронут этот вопрос, а 11 февраля я обратился к французскому обвинению.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я именно об этом и говорил Вам, доктор Нельте. Почему же Вы не обратились к Трибуналу со своими жалобами, если у Вас на то были основания? Я уже говорил и сейчас вновь повторяю, что, по-моему, подавать сейчас жалобу после истечения нескольких месяцев, - совершенно бесполезно. Это только попытка высказать какое-то предубеждение.

Я был бы рад, выслушать Ваши об"яснения по данному поводу.

НЕЛЬТЕ: Господин председатель, я пытаюсь об"яснить сейчас, что я вовсе не намереваюсь выступать здесь с жалобами против обвинения, если я говорю, что обвинение не хочет мне помочь. Я вообще никогда за свою жизнь не был склонен жаловаться на высшие инстанции, я этого не делаю также и сейчас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Нельте, Вы сейчас сделали совершенно несправедливое заявление и Вам, как защитнику, не подобает этого делать. Я считаю, что выступление с подобной жалобой, как я уже сказал, является просто попыткой высказать предубеждение против французского обвинения и против справедливого ведения данного процесса.

H1209 – 0536

H1209 - 0537

НЕЛЬТЕ. Господин председатель, я просто хотел изложить, как тяжело было обеспечить подбор материала для оправдания подсудимых.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может быть, Вы перейдете к вопросам, которые являются более важными и действительно интересуют Трибунал.

НЕЛЬТЕ: Я прошу позволить мне обратить ваше внимание на страницу 15-ю, где в пункте 3-м я говорю о документах.

Документ играет главную роль в процессе пред"явления доказательств этому Трибуналу. По сравнению с ними - свидетели отступают на задний план. Тем более велико значение изучения этих документов с точки зрения возможности их использования и их доказательной ценности.

Обвинение при пред"явлении доказательств представило Трибуналу большое количество официальных отчетов, допущенных на основании ст.21-й Устава в качестве доказательства.

Я намеревался на основании ряда документов изложить условную доказательную ценность таких отчетов. Однако, я ограничусь несколькими принципиальными заявлениями, веря в то, что вы, господа судьи, при рассмотрении доказательств такого рода, примете во внимание мои заявления.

Эти официальные отчеты, пред"явленные здесь в таком большом количестве, содержат данные, основывающиеся в большинстве случаев на показаниях свидетелей. Эти свидетельские показания не всегда изложены в форме протоколов, они часто представляют собой обоб-

H1209 – 0538

дающие сообщения. Я не хочу оспаривать, что эти свидетельские показания соответствуют изложенному в отчетах. Но я не поступлю несправедливо ни с одним свидетелем, который неизвестен Трибуналу или которого трудно проверить в виду отсутствия личного впечатления, если я скажу, что здесь часто речь идет об очень суб"ективных заявлениях. Имеется ряд документов, в которых это весьма заметно, в отдельных документах об этом прямо говорится, имеются даже такие документы, в которых неприкрыто выражена ненависть. Мне понятна ненависть этих так тяжело пострадавших людей. Страдания, пережитые ими, были так велики, что от них нельзя ожидать об"ективности. Однако, я могу сказать, что такие личные чувства делают показания этих, испытавших несчастье людей, неподходящими для установления действительной истины. Я имею в виду произносимое здесь так часто свидетелями клятвенное заверение:

"Клянитесь, что вы будете говорить без ненависти и страха, что скажете всю правду, чистую правду, и ничего, кроме правды".

Свидетель: "Клянусь".

Однако, эти официальные отчеты часто содержат не только фактические данные, но и выводы и суждения. Поэтому нельзя признавать за этими официальными отчетами доказательной силы в такой степени. Частично эти суждения заходят так далеко, что они, выходя за рамки суждения о непосредственных участниках, содержат в себе упреки инстанциям, как например: ОКВ и Кейтелю, причем из самого документа нельзя заключить, на чем основан такой вывод. Поскольку речь идет об обвинении отдельного лица, как например, подсудимого Кейтеля, поэтому ~~то~~ от документа следует требовать, чтобы он сам давал конкретные факты относительно ответственности, или,

по меньшей мере, чтобы на основании его можно было ~~бы~~ установить причинную связь. Для того, чтобы считать доказанной ответственность подсудимого Кейтеля, нельзя удовлетвориться, прежде всего, тем, что в таких сообщениях говорится о преступлениях солдат и офицеров армии или вооруженных сил, нельзя из одного этого факта сделать заключение об ответственности подсудимого Кейтеля, поскольку он был начальником штаба ОКВ.

Сюда присовокупляется то обстоятельство, что в таких отчетах часто бывают ошибочно названы, а также спутаны военные учреждения, как, например, когда говорят о подсудимом Кейтеле как о "главнокомандующем вооруженными силами", а "ОКВ" заменят понятие "ОКХ". Не всегда можно решить, идет ли здесь речь об ошибочном представлении обвинения или о неправильном переводе. С тем, чтобы выяснить вопрос о порядке подчинения и компетенции таким образом, чтобы это не оставляло никакого сомнения при выяснении ответственности подсудимого Кейтеля, я передал Трибуналу два письменных показания под присягой.

а/"Порядок подчинения на востоке" /Книга документов "Кейтель-10"/ и

б/"Внутреннее положение во Франции за 1940-45 г.г. и военная компетенция". /Книга документов ПК-13/.

Последнее названное мною письменное показание подписано также и подсудимым Иодлем.

Я ссылаюсь на эти письменные показания и делаю их содержанием моего доклада, не оглашая их.

15-215

H1209 – 0539

H1209 – 0540

Я пыпускаю следующий абзац и перехожу к обвинению против фельдмаршала Кейтеля. Я хотел бы здесь сократить кое-что на страницах 19-21. Можно не зачитывать общего обвинительного заключения и индивидуального обвинения, содержащихся в судебных выдержках, т.к. за исключением еврейского вопроса и преследования церкви нет ни одного пункта в обвинительном заключении, который бы не вменялся в вину Кейтелю. Я хотел бы сейчас указать на следующее.

В первоначальном обвинительном заключении обвинение против Кейтеля охватывало только период с 1938 года. Во главе этого обвинения стоит следующий пункт: Кейтель был начальником верховного командования сухопутных сил германской армии.

Во время представления доказательств обвинением, инкриминируемый Кейтелю период стал охватывать время с 1933 года. Во всяком случае явно, что американское, английское и французское обвинения оставили в покое утверждение, что Кейтель был начальником верховного руководства германскими сухопутными силами.

Обвинение против фельдмаршала Кейтеля распадается на два периода: с 1933 года по 4 февраля 1938 года и с 4 февраля 1938 года до конца. Тем самым подсудимый обвиняется не только как соучастник заговора, он обвиняется также за личное участие во всех преступлениях. Этому обширному обвинению соответствует также место, отведенное обвинением в его высказываниях подсудимому Кейтелю.

Ни одна фамилия подсудимых не употреблялась обвинением так часто, как фамилия Кейтеля. Все время мы слышим "приказ Кейтеля", "указ Кейтеля" и также часто "приказ ОКВ", "директивы ОКВ" и т.д. в связи с именем Кейтеля, как "начальника ОКВ" с 4 февраля 1938 г.

Из этого вытекает зерно обвинения, а именно, положение, которое занимал подсудимый Кейтель с 4.П 1938 года. Но из этого вытекает также возможность его оправдания. При этом не должны играть роль отдельные обстоятельства, которые могли возникнуть в конечном итоге в связи с так называемыми "приказами Кейтеля" или "распоряжениями ОКВ"; нельзя рассматривать эти обстоятельства с точки зрения участия подсудимого в них, а нужно их рассматривать с точки зрения того положения, которое он занимал, и того, какое участие он принимал в планировании и осуществлении этих приказов и распоряжений, и, наконец, это самое главное, в выяснении того, является ли его участие причинным и преступным в смысле права, которое до сих пор находило свое применение.

Мне кажется важным с самого начала обратить внимание на некоторые точки зрения, которые имеют значение для рассмотрения случая и его оценки...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас удобно об"явить перерыв.

/Перерыв до 14.00/.

15217

H1209 - 0541

H1209 - 0542

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

"8" июля 1946 г.

Вечернее заседание

Переводчики: Гофман,
Рузская.

Встать, Суд идет!

Д-р НЕЛЬТЕ. Подсудимый заявил, что он принимает как доказанное объективное, т.е. фактическое положение дел об - щего обвинения /следовательно, не каждого отдельного случая/ причем он учитывает господствующее на этом процессе право ведения судопроизводства. Таким образом было бы бессмысленным предпринять попытку нанести удар всему обвинению, несмотря на то, что имеется возможность опровергнуть многие документы или отдельные факты. Поэтому я, главным образом, ограничусь вопросами субъективного состава преступления и заговора и рассмотрю лишь отдельные случаи, которые в связи с их особым значением для защиты подсудимого Кейтеля, тре - буют этого рассмотрения. Несоответствие между событиями и судьбой подсудимого так разительно, что подсудимый Кейтель, если он уже не сделал этого по настоянию своей совести, должен будет пожелать этого исхода из того соображения, что такая позиция возбудит подозрение, что он хочет бороться за свою жизнь. Однако подсудимый пояснил уже предъявленными им доказательствами, что он борется не за свою голову, а за свое лицо.

Подсудимый относится к числу людей, которые в связи со смертью Адольфа Гитлера попали под свет рампы общественности. С 1938 года он находился в его непосредственном ок - ружении и был его почти что постоянным спутником. Ему ясно,

какое значение это имеет для данного процесса. Обвинение неоднократно утверждало, что подсудимые, указывая на мертвых, хотят свалить на них свою собственную ответственность. Если целью этого процесса является установление возможно более правдивой картины всех событий и их связи между собой, необходимо с самого начала упоминать тех мертвых, которые, как известно и самому Обвинению, являются главными преступниками, и это не должно служить дискредитацией тех, кто делает это. В особенности это относится к подсудимому Кейтелю, положение, влияние и действия которого невозможно правильно оценить, не осветив личности Адольфа Гитлера и его отношения к Кейтелю.

Как уже видно из обвинительной речи судьи Джексона, здесь речь идет об обвинении всей национал-социалистской системы. В действительности обвинение является всеобъемлющим обвинением против этой системы, состоящим из 21 отдельного обвинительного акта. Отдельные подсудимые являются в известной степени символическими фигурами сфер власти этого государства, в котором господствовала эта система: партии, правительства и вооруженных сил.

Если я правильно понимаю судью Джексона, то он идет еще дальше; он говорит:

"Над всем личным стоят безымянные и безличные силы, столкновение которых играет большую роль в истории человечества .... Каковы же истинные силы, борющиеся здесь перед Вами?".

Следовательно, здесь выдвинута проблема, которая господа судьи, не может остаться неупомянутой на этом процессе, проблема, на которую также указал господин де-Ментон: значение и влияние сил судьбы. Судьба и вина не являются

15219

H1209 – 0543

H1209 – 0544

двумя полюсами, сферы действия которых исключают одна дру - гую; это сферы действия, пересекающие друг друга, так что имеются области жизни и действия, в которых эффективными являются обе эти движущие миром силы. Коротко здесь можно упомянуть только то, какие силы действуют объективно, действуют также как судьба, т.е. какие моменты у отдельных подсудимых можно рассматривать как несознательные и невольные: принад - лежность к народу, исторические события, традиционно-закоренелые взгляды и жизненная среда. Поэтому я должен буду остановиться на этих основах в той степени, в какой это относится к подсудимому Кейтелю, как к человеку и представителю одной из обвиняемых групп, ибо Вам только таким образом предоставится возможность получить правильную картину участия подсудимого Кейтеля в произошедших событиях.

Мне хотелось бы также заявить, что все, о чем я буду говорить, происходит с полного согласия подсудимого Кейтеля и, поскольку здесь будет идти речь о точках зрения и фактах, которые смогут оправдать подсудимого Кейтеля, это явится вкладом в дело выяснения событий и ответом на вопрос о том, как это могло случиться. Он не хочет, чтобы его положение и роль, которую он играл в этой драме, были преуменьшены, но он хотел бы предотвратить искажение его характера. Подсуди - мый уже заявил со свидетельского пульта, что он благодарен за то, что он благодаря этому процессу имеет возможность отчитаться перед мировой общественностью и германским народом в том, что он делал и-в том почему он это делал. Он хочет помочь установить историческую истину.

Я считал себя обязанным объявить об этой позиции подсудимого Кейтеля, так как такая и так обоснованная позиция значительно облегчает мне проведение защиты. Подсудимому

Кейтелю было ясно и ясно и сейчас следующее: Если вспомнишь об ужасных последствиях и обо всем чудовищном, что несомненно /не ставя здесь вопрос о виновности/ совершено немцами и что неоспоримо следует отнести за счет приказов и распоряжений, с которыми Кейтель в той или иной форме соприкасался, - то чувствуешь себя виновным, не размышляя о том, идет ли здесь речь о виновности в правовом смысле или о трагическом чувстве судьбы связанной с причинами, а, следовательно, и с последствиями этих причин.

Обвинение утверждало:

"что все подсудимые в какой-то период времени об"единялись с нацистской партией для осуществления плана, который, как это было им известно, мог быть осуществлен только путем начала войны в Европе".

Относительно подсудимого Кейтеля было сказано, что он с 1933 года активно участвовал в этом заговоре.

В доказательство своего тезиса Обвинение высказало следующее:

а/ что национал-социалистская программа сама по себе, т.е. согласно ее точному тексту и смыслу, могла быть реализована только с применением насилия;

б/ что подсудимый Кейтель понял это или должен был это понять;

в/ что он, зная это, вместе с другими, в частности, с другими подсудимыми, составлял планы и проводил подготовку агрессивных войн.

15221

H1209 – 0545

H1209 - 0546

В связи с этим, я хотел бы в первую очередь обратить внимание Трибунала на основную часть обвинительной речи судьи Джексона, где он рассматривает программу партии. Там он перечисляет ряд пунктов программы, и говорит о них следующее:

"Естественно, что в правовом отношении все эти цели были неприкосновенны".

В другом месте он говорит:

" Я не критикую эту политику, мне хотелось бы, чтобы она была всеми признана".

Такая признанная критика, естественно, подлежит одному ограничению:

"До тех пор, пока эти цели должны были/быть/ достигнуты без агрессивной войны".

Судя по этому, Обвинение само не предполагает, что текст и смысл партийной программы может дать понять нормальному человеку, что эти партийно-политические цели могли быть осуществлены только с применением насилия.

Я не хочу повторять того, что говорили здесь отдельные подсудимые во время дачи показаний. Особенно убедительным мне показалось то, что говорил доктор Шахт по этому поводу. Он заключает свою критическую оценку существенных пунктов партийной программы следующими словами:

"Таково в основном содержание национал-социалистской партийной программы и я не считаю, что в ней заложено что-либо преступное".

15222

H1209 - 0547

Я привожу как-раз это показание, так как оно показывает, как действовала эта программа и ее легко узнаваемая целеустановка на человека, который охарактеризован как умный, реально мыслящий, свободный от порывов чувства в политике, человек широкого кругозора и правильного суждения.

Если такой человек не понял, что партийные цели должны были быть осуществлены с применением насилия, то как же солдат Кейтель мог прийти к такому заключению?

Кейтель был кадровым офицером. В качестве такового он не мог быть членом партии. Офицерам была запрещена всякая политическая и партийно-политическая деятельность. Руководство вооруженными силами заботилось о том, чтобы не допустить влияния политики партии на вооруженные силы. Это относилось как к периоду до 1933 года, так и к позднейшему периоду. Гитлер сам подтвердил этот принцип ясно сознавая, что не пришло еще время приобщать офицерский корпус к политике, не говоря уже о генералитете. Эти высшие офицеры по традиции и благодаря своей профессии были "настроены националистически", как было принято говорить, и приветствовали выдвинутые Гитлером на передний план националистические пункты программы, они были обрадованы участием армии и, без опасений, стали на сторону руководимого Гитлером правительства, когда оно об"явило борьбу с Версальским договором, в частности с военно-политическими формулировками.

Не было общего согласия, которое бы выходило за рамки этих целей, или даже общей политической целеустановки.

15223

H1209 – 0547

H1209 – 0548

Генералы, а среди них и Кейтель, никогда не думали иначе, чем миллионы немцев, которые не были ни членами партии, ни ее противниками, но считали национальные цели само собой разумеющимися.

Итак, нельзя не признать, что есть разница в том, поддерживают ли ту часть программы, которая освещала национальные цели, миллионы невлиятельных немцев, или ее поддерживает высший генералитет, который руководит вооруженными силами.

Нельзя не учесть также и того, что осуществление этих национальных целей несло в себе опасность войны. Однако, мне кажется, что дело обстоит таким образом, что генералы усматривали опасность войны не в том, что Гитлер хотел добиться этих национальных целей путем агрессивной войны, а скорее в том, что осуществление этих целей привело бы к санкциям со стороны бывших "держав - противников". Генералы ввиду вынужденных причин абсолютного военного бессилия были далеки от мысли о проведении агрессивной военной подготовки.

Я остановлюсь более подробно на этой проблеме, тесно связанной с возобновлением вооружения, несколько позднее... Здесь важно только то, что круги, к которым принадлежал подсудимый Кейтель /я добавляю в период между 1933-1938 гг./:

1/ не имели соприкосновения с партийной программой,

2/ не имели связи с партийными кругами,

3/ симпатизировали одной части партийной программы, так как это соответствовало их национальной позиции,

4/ не думали об осуществлении этих национальных пунктов программы путем агрессивной войны, так как с военной точки зрения это не имело бы перспективы.

Можно было бы возразить, что если даже сами генералы и не думали об агрессивной войне, то они все-таки поняли или должны бы были понять, что Гитлер намеревается, если не сейчас, то в ближайшем будущем вести агрессивную войну.

Обвинение считает возможным предположить, что подсудимый Кейтель сознавал это с 1933г. Аргумент обвинения, что это понимание равнозначно знанию национал-социалистской программы, опровергнут, то же самое действительно и для ознакомления с книгой "Моя борьба", даже если считать, что эта книга имелась у подсудимого. Поэтому здесь речь может итти только о том, знал ли Кейтель по другим причинам об агрессивном намерении Гитлера. Что касается периода, предшествовавшего 1938г., то получение таких сведений от самого Гитлера исключается, так как Кейтель говорил с ним первый раз только в конце января 1938г.

Речи, произносимые Гитлером до этого периода, также как и прочими партийными руководителями, были недвусмысленно направлены на сохранение мира. Оглядываясь назад, это можно назвать пропагандистской маскировкой противоположного намерения.

Если бы это было так, тогда эта маскировка успешно ввела бы в заблуждение не только многие миллионы немцев, но также и иностранные государства, настроенные по отно-

15225

H1209 – 0549

H1209 – 0550

шению к национал-социализму, частично - критически, частично- враждебно.

Кейтель верил в мирные заверения. Он видел, что их правдивость подтверждается официальными предложениями о разоружении и договорами с Англией и Польшей. Он верил в это тем более, что, как уже было сказано, агрессивная война казалась ему невозможной.

Подсудимый фон Нейрат также неоднократно заявлял, что все его сведения и знания политики Гитлера до 5 ноября 1937 года оправдывали его глубокое убеждение в том, что Гитлер осуществляя свои политические цели, не хочет прибегать ни к насилию, ни к агрессивным войнам. Только вследствие обращения от 5 ноября 1937 года это убеждение фон Нейрата было поколеблено.

При пред"явлении доказательств защитой д-ра Шахта, на которые я ссылался, говорилось о фактах, вскрывавших противоречия между прежней позицией держав-победительниц и тем тезисом, который был выдвинут в этом вопросе Обвинением.

Державы - победительницы своими официальными отношениями и независимо от этого показали, что они, несмотря на понимание всех обстоятельств, которые здесь поставлены в вину Обвинением, не верили в намерения Гитлера или не признавали его намерения осуществить эти цели путем агрессивной войны.

Обвинение ставит сейчас подсудимому в вину то, что он знал о таком намерении Гитлера или должен был знать о нем. Это звучит неубедительно, и япредоставляю Трибуналу решить, учитывая все возможности, кто имел большие возможности быть в курсе дела относительно двусмысленных намерений Гитлера. Мне кажется, что подсудимый Кейтель имеет право претендовать на такую же добрую веру и на такое же неведение - пусть даже исходя из других причин

вытекает такая осведомленность или даже участие его.

В качестве таковых других обстоятельств в период с 1933 по 1938 г.г. могут быть приняты во внимание: деятельность Кейтеля в связи с вооружением и в комитете по вопросам обороны империи.

В О О Р У Ж Е Н И Е

Обвинение в противозаконном вооружении охватывает два момента, которые были об"единены Обвинением. Первое - тайное вооружение с нарушением Версальского договора и второе - вооружение в целях планирования агрессивных войн.

15224

H1209 - 0551

H1209 – 0552

Однако, для рассмотрения этого с точки зрения оценки эти два состава преступления должны быть строго разграничены, ибо по своей причине и своим последствиям они различны и поэтому и в правовом отношении должны быть рассматриваемы с различных точек зрения.

Период с 1933 до 1938 года является периодом формирования судьбы, периодом развития и реорганизации. Борются силы старого порядка с еще неоформировавшимися окончательно новыми силами. Все находится в брожении. Целеустановки остаются неясными. Они маскируются принятием существующих тенденций. С помощью ловкого пропагандистского использования этих тенденций создается психологическая основа для достижения целей, преследуемых новыми властителями, причем те, кого это касалось, ничего не замечали.

В этом заключается проблема руководства вооруженными силами и подсудимого Кейтеля в этот период. Эту проблему я и хочу сейчас рассмотреть.

Тайное вооружение с нарушением Версальского договора.

Эта проблема неразрешима, если мы должным образом не учтем положения Германии в военном отношении. Для характеристики Кейтеля, который был в то время полковником, важно добавить и то: каким образом это положение отражалось в той специальной области, к которой он принадлежал. Кейтель воспринимал Версальский договор и, в особенности, его военные формулировки, как унижение Германии. Он считал долгом по отношению к своей стране содействовать устранению такого положения. Он был убежден в том, что Версальский договор, вследствие своих невыносимых в военном и территориальном отношении положений должен быть когда-либо пересмотрен. Это

15228

казалось ему заветом справедливости, а также и заветом разума, если длительное время хотели сохранить мир во всем мире. На основании этого убеждения, он, как немец и солдат, считал себя вправе на том служебном посту, который он занимал в это время, дословно истолковывать военные формулировки версальского договора, даже если это противоречило цели данных формулировок. Он для себя оправдывал это тем, что эти пункты были невыносимыми, т.е. были совершенно недостаточными для эффективной обороны и ограничивали возможности развития.

Не будучи сам к этому причастен, он при существующем положении вещей не считал несправедливым, то что Германия строила в Финляндии подводные лодки, не для себя, а с целью тем самым приобрести опыт и обучить специалистов; что она финансирована конструкторское бюро в Амстердаме для того, чтобы наблюдать прогресс в области авиации и воспользоваться новшествами не строя самолетов.

Симптоматичным для того, что думала демократическая Германия того времени, без различия сословий и партий, - было заявление доктора Брюнинга, которое 15 февраля 1932 г. было передано всеми радиостанциями США по случаю созыва конференции по разоружению. Я процитирую несколько предложений: "Внутриполитическая борьба в Германии в своих внешних формах правда очень обострена, обостренность, однако не должна заслонять того, что несмотря на наличие множества тенденций существует неоспоримая общность /единство/. В обоих решающих внешне-политических вопросах современности, в вопросе о разоружении и в вопросе о репарациях, в германском народе господствует единое мнение. Требование

15229

H1209 – 0553

H1209 – 0554

равноправия и одинаковой безопасности разделяется всем немецким народом. Любое немецкое правительство должно будет представлять эти требования. То, что спор между партиями о тех путях, по которым должна итти наша политика, в Германии сегодня может быть более обострен, чем в других странах, является следствием тяжелой ноши, которая сейчас тяжким бременем лежит на Германии и глубоко затрагивает психику народа".

По этому вопросу я ссылаюсь также на показания подсудимого фон Нейрата от 22 июня 1946 года.

Слова Брюнинга доказывают, что существовало требование, которое без различия партий поддерживалось всем народом: требование равноправия и равной безопасности.

Возражение состоит в следующем. Требование, если даже оно представляется всем народом, еще не дает права нарушать или обходить договорные обязательства, противоречащие этому требованию.

В принципе это верно. Однако в этом случае положение вещей было не столь простым. Я не хочу апеллировать к "основному праву" всех государств, по которому всякий народ должен иметь право создать для себя известные предпосылки для обороны. Но, если даже такое "основное право" не хотят признавать, то может быть поймут то затруднительное положение, которое фактически существует в том случае, если какое-либо государство в своем военном потенциале настолько сильно ограничено, что оно должно поставить себя под удар каждого нападающего на него соседа и в политическом отношении обречено на бессилие.

15230

H1209 – 0555

Трибунал в ходе представления доказательств имел возможность убедиться в том, что это как раз и имело место в Германии в 1933 году.

Я обращаю Ваше внимание на следующие фразы из представленного Трибуналу доклада Маршала. Эти высказывания знакомого-ся солдата следующим образом реанимируют опыт патриотической и военной жизни в отношении того, что здесь следует назвать "вооружение".

"Природа склонна уничтожать слабых. Закон о том, что только сильные остается в живых, повсюду признается..."

Я цитирую дальше. "Мирное воспринимает серьезно желание слабых. Слабость является слишком большим искушением для сильных". И далее я цитирую: "Мне кажется, что мы должны в первую очередь исправить ошибочное представление о том, что оборонительная политика является милитаристической политикой".

Лучшим свидетелем в этом столь важном для последующего Кейтеля вопросе является книга английского генерал-майора А.К. Темперли (издана в 1938 году), "Кулуари Европи", в которой английский министр иностранных дел Антони Идек во время второй мировой войны написал очень дружественное одобрительное предисловие....

15231

H1209 – 0555

H1209 – 0556

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Нельте, можете ли Вы не зачитывать эти выдержки из книги генерал-майора Темперли? Трибунал приобщит их к делу без доказательства. Ибо из этой книги Вы приводите целый ряд очень больших выдержек.

НЕЛЬТЕ. Я хочу лишь спросить Трибунал, примет ли он эти цитаты без доказательства, если я их представляю Трибуналу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, конечно, продолжайте, пожалуйста.

НЕЛЬТЕ. Может быть Трибунал разрешит мне огласить только одну цитату на 38-й странице под пунктом № 4.

"Я называю также генеральные штабы, так как не существует большей иллюзии, как та, что они в общем и целом настроены милитаристски. Я хорошо знаю генеральные штабы многих стран и я не знал ни одного, который окружал бы войну ореолом и желал бы ~~этой~~ войны. Они слишком хорошо ее знают. И,если они выступали и за то, чтобы быть сильными, то лишь потому, что они верили, что с помощью вооруженной силы можно избежать войны".

Я продолжаю; на странице 40-й, абзац 3-й. Я здесь также ссылаюсь на высказывания Поля Бонкура, Гендерсона, Бриана, Сесиля и Виктонта Ротермира, которые были представлены защитником доктора Шахта, но мною не цитировались. Трибунал учитывая освещенные здесь факты должен будет проверить и решить действительно ли подсудимый Кейтель преступным образом нарушил военные статьи Версальского договора, в духе предъявленного ему обвинения. Во всяком случае Обвинение не предъявило ему конкретных обвинений в связи с этим пунктом.

Бесспорно то, что с 1933 года в империи началось вооружение. Подсудимый Кейтель признал это и заявил, что на постах, которые он занимал до 30 сентября 1934 года и с 1 октября 1935 года он соответственно своим вышеназванным функциям участвовал в этом вооружении. Как все, что делают немцы, так и вооружение, было тщательно продумано и организовано. Обвинение собрало относящиеся к этому документы, в частности, документ 2353-ПС и

протоколы заседаний имперского комитета обороны.

В ходе представления доказательств, общая картина этого периода с 1933 по 1938 г.г. не была ясно обрисована. Обвинение представило свои доказательства ретроспективно и на основании последствий войны сделало заключение о мотивах вооружения и одновременно на основании того неоспоримого факта, что это вооружение не могло быть вызвано в жизнь и проведено одним человеком заключило, что здесь речь шла об общем планировании в целях ведения агрессивных войн.

В чем же заключается решающий признак вооружения или какой-либо другой подготовки на случай войны, на основании которого можно заключить, что эти мероприятия носят агрессивный характер, то-есть направлены на ведение агрессивной войны? Само вооружение не дает еще принципиально права заключить, что существовало такое намерение. Наоборот, вооружение может и даже должно при подготовке к обороне и сохранению безопасности выглядеть точно так же, как и в случае подготовки к агрессивной войне.

Поэтому в том случае, если нужно установить намерения осуществления вооружения в целях планировки, то надо различать:

а) Вооружение и подготовка мер, которые должны быть приняты в случае возникновения необходимости мобилизации для того, чтобы быть готовым к обороне в любой момент;

б) вооружение и проведение мер, которые в количественном или качественном отношении настолько превышают потребности для указанных в пункте "а" задач, что из этого можно

15233

H1209 – 0557

H1209 – 0558

заключить о наличии намерения политического руководства начать войну, причем политический вопрос – является ли эта война агрессивной, оборонительной или превентивной – может не рассматриваться.

Таким образом, в конце концов, важно, было ли в связи с вышеназванными мерами высказано намерение спланировать агрессивную войну, или же эти меры по своему характеру и об"ему приводят к выводу, что в данном случае речь идет о подготовке к агрессивной войне.

Если оглянуться назад, то события кажутся логической цепью планомерно подготовленного развития. В действительности фактическому развитию событий, которые кажутся об"ективно связанными своего рода причинностью, подчиняются не только далеко идущие намерения и планы Гитлера, но и знания и одобрительная поддержка круга участников. Нельзя оспаривать, что экономический потенциал страны, который в совокупности следует рассматривать как вооружение на случай войны, когда-то придет к такому моменту, который нужно рассматривать как решающий в вопросе о том, когда вооружение, т.е. состояние всей военной промышленности, превышает мощность оборонительного вооружения.

В связи с этим нужно особенно в отношении подсудимого Кейтеля, как военного, учитывать то, что до вступления на пост начальника ОКВ 4 февраля 1938 года он не занимал руководящих постов.

Какую роль играл подсудимый Кейтель в этот период? а) в области материального и личного вооружения; б) в области административного и, как утверждает обвинение, военно-

политического вооружения, которые рассматриваются как комплекс задач, входящих в сферу деятельности "имперского комитета обороны".

ПЕЛЬТЕ. Я выпускаю страницы 43-46, они освещают историческое развитие организационных принципов. Я прошу, если это возможно, учесть их при вынесении приговора. Я продолжаю на странице47.

Современная война имеет своей предпосылкой не столько использование и организацию людских резервов какой-либо страны в военное формирование, сколько совершенно явно представляет собой проблему производственной мощности и ее целесообразного использования для производства всех необходимых видов материалов.

Этот процесс, безусловно, должен предшествовать всякому вооружению и требует расхода денег и еще больше - времени (создание машинного парка).

Германия, когда она заявила о своем равноправии в военных вопросах, не обладала средствами для материального вооружения, которых она была лишена в результате осуществленного и признанного разоружения.

Но только для того, чтобы снабдить армию мирного времени, о которой было сообщено миру в заявлении от 1935г. в материальном отношении всем до того запрещенным современным оружием и припасами, в частности, боеприпасами, требовалось и было предусмотрено 10, а позже 7-8 лет, как это было подтверждено здесь, на процессе, различными сторонами. Это понятно, если вспомнить, что даже США со своими неограниченными и непотерпевшими ущерба от войны средствами, затратили для необходимого переустройства и вооружения в этой

15235

H1209 - 0559

H1209 – 0560

войне 4-5 лет. Из этого следует, что вооружение, задачей которого является перейти границы оборонительного вооружения в государствах, которые, как Германия 1934 года, не располагают собственной промышленностью, может быть осуществлено лишь постепенно.

1-я стадия. Создание промышленных и сырьевых предпосылок (мощностей) для удовлетворения военных нужд.

2-я стадия. Распределение заказов промышленности вооружения для первоначального оснащения мирного состава вооруженных сил и выполнение этих заказов в рамках годового бюджета.

3-я стадия. Создание резерва боеприпасов и оружия для оснащения создаваемой, соответственно личным качествам народа, на основе постоянного мирного состава и мобилизуемой в случае войны армии, включая сюда необходимый подвоз во время войны.

Если вспомнить, что Германия 1934 года не имела в своем распоряжении современного оружия, ни одной подводной лодки, ни одного военного самолета, то кажется правдоподобным, что всякий способный мыслить солдат, должен был полагать, что при существующих условиях нельзя думать о войне, не говоря уже об агрессивной войне.

В соответствии с этим следует рассматривать те задачи, которые были возложены на подсудимого Кейтеля в качестве начальника штаба военного управления, как чисто подготовительные и организационные задачи. Конечно, Кейтель несет ответственность за действия генерала Томаса, как начальника военно-экономического штаба. Технические подробности и об"ем деятельности вытекают из документа ПС-2353, который в основном правилен, хотя Томас в заявлении, подшитом к

15236

тому историческому документу, хочет теперь изложить дело так, что он якобы, опасаясь ареста, изменил свои первоначальные записи в более благоприятном с точки зрения Гитлера направлении, т.е. в сторону преувеличения. Это не соответствует фактам. То, что писал Томас, доказывает, по мнению подсудимого Кейтеля, что вооружение в целях войны при мобилизации промышленных мощностей и их переоборудование для нужд военного хозяйства началось лишь в начале октября 1939 г. Далее это доказывает, что показания допрошенных здесь подсудимых, поскольку они имели отношение к этому вооружению, в особенности, доктор Шахт до 1937 года, совпадают в том, что в этот момент агрессивных войн никто не хотел и в соответствии с состоянием вооружения в то время они казались невозможными.

Но и личное вооружение показывает для этого периода такую же картину. В ходе предъявления доказательств выяснилось, что до начала 1938 года было с трудом вооружено только 27 дивизий мирного времени, а 10-12 резервных дивизий подготавливались; запасов вооружения и боеприпасов, кроме этого, в распоряжении вооруженных сил тогда не было.

Однако, если все же удалось до осени 1938 года создать армию из почти 40 дивизий для нападения на Чехословакию без проведения мобилизации при одновременной охране границ на Западе, то отсюда вытекает, что это был наивысший

15237

H1209 – 0561

H1209 – 0562

возможный в то время военный потенциал.

При таких обстоятельствах, зная состояние вооружения и военный потенциал соседних государств, связанных между собой союзами и пактами о взаимопомощи, ни один из генералов старой школы не мог думать о том, чтобы развязать войну. Тот факт, что уже годом позже – в 1939 году состояние германского вооружения было значительно лучшим, в первую очередь, об"ясняется оккупацией Чехословакии.

В заключение следует указать еще на то, что стратегическое планирование какой-либо агрессии в этот период не имело место. Генерал-полковник Йодль, давая свидетельские показания, заявил, что, когда он в 1935 году стал работать в военном управлении, там не существовало никаких планов и чего-либо подобного, за исключением плана на случай внутренних беспорядков.

Занятие демилитаризованной зоны в Рейнской области не было запланировано, оно было импровизировано Гитлером.

"Директивы о наступлении и ведении боя" от июня 1937 года являются общими наставлениями на случай возможных военных осложнений.

Для полноты картины я должен указать также и на документ EC-194. Это – приказ верховного командующего вооруженными силами фон Бломберга, говорящий об авиаразведке и наблюдениях за передвижениями подводных лодок во время оккупации Рейнской области. Кейтель подписал этот приказ и препроводил его дальше. Это единственный документ, относящийся к этому периоду.

15238

Рейхсвер состоял из 100 тысяч человек, что было установлено Версальским договором. Несомненно, что это количество, учитывая размеры империи, ее незащищенные границы и в особенности обособленное положение Восточной Пруссии, было абсолютно недостаточным для того, чтобы породить являющееся основным правом каждой страны и народа чувства безопасности внутри страны и возможность обороны против нападения извне.

При таком созданном военными условиями Версальского договора неудовлетворительном положении обсуждались - уже до 1933 года - возможности улучшения этого положения без использования профессиональных солдат. Было проверено и установлено, что ряд задач в случае мобилизации может осуществляться гражданскими министерствами. Здесь речь идет о задачах чисто оборонительного характера, которые не могут быть рассмотрены как агрессивные, о задачах обороны страны, главным образом, о следующих. Я перечислил их в своем манускрипте и прошу суд принять их к сведению без оглашения. Я просил бы Высокий суд официально принять их. ~~Этих~~ Которых Совершенно ясно, что это - моменты, которые, безусловно, можно использовать только для защиты.

Органом, который должен был давать советы относительно проведения этих задач, до 1933 года был комитет референтов. Он состоял из референтов отдельных гражданских министерств, которые с согласия министерства внутренних дел (до конца 1933 года Зеверинг) собирались на совещания в имперском

15239

H1209 - 0563

H1209 – 0564

министерстве. Имперский министр обороны поручил тогда полковнику Кейтелю руководить этими совещаниями. Они заключались в том, что референты рассматривали положения имперского министерства обороны в отношении уже упомянутых задач, исполнение которых в случае мобилизации могли взять на себя отдельные министры. Это сотрудничество при министре Бломберге происходило без всяких трений и в духе возможного удовлетворения желаний имперского министерства; такое же положение оставалось и после 30 января 1933 г. Круг задач и состав этого комитета оставались теми же. Когда 4 апреля 1933 года решением нового правительства Гитлера был создан имперский совет обороны, комитет остался, он лишь изменил название: из комитета референтов он превратился в имперский комитет обороны, однако, он не изменил своего круга задач и не получил новых прав. Только постепенно расширялось поле его деятельности, особенно с момента введения всеобщей воинской повинности. Как и прежде, имперский комитет обороны оставался учреждением, которое должно было обсуждать те задачи обороны страны, которые затрагивали гражданский сектор и должны были быть подготовлены гражданскими министерствами, а частично также выполнены ими. В отношении этого пункта обвинения должно быть точно выяснено, что и после 4 апреля 1933 г. положение Кейтеля не изменилось, что он, в частности, не

15240

был членом имперского совета обороны.

Имперский совет обороны, которому в выступлениях Обвинения уделяется столь много места, судя по результатам предъявления доказательств, фактически не существовал (к периоду после 1938 г. я вернусь позже); во всяком случае Обвинение не смогло доказать, что в течение этого периода имело место хоть одно заседание имперского совета обороны. Представленные протоколы все без исключения относятся к заседаниям имперского комитета обороны, члены которого докладывали своим соответствующим министрам, которые в свою очередь имели возможность в рамках кабинета придать законченную форму предложениям, обсуждавшимся в имперском комитете обороны. Именно поэтому дело не доходило до заседаний юридически существующего имперского совета обороны, так что свидетели с полным правом могли сказать, что имперский совет обороны существовал только на бумаге.

15241

H1209 - 0565

H1209 – 0566

Кейтель до 30 сентября 1933 года находился в качестве полковника и руководителя отдела в военном ведомстве ~~а~~ позже с октября 1935 года, как генерал-майор (начальник отдела вооруженных сил имперского военного министерства), являлся членом имперского комитета обороны.

Таким образом с 30 сентября 1933 года до 30 сентября 1935 года он не был в военном министерстве и тем самым не имел тех функций, которые подходят под этот пункт обвинения; в этот период он не принимал участия в заседаниях имперского комитета обороны, протоколы которого были представлены обвинением, как имеющие особо большую доказательную ценность. Заседание от 22 мая 1933 года, называемое вторым заседанием рабочего комитета референтов, было последним заседанием, в котором принимал участие Кейтель перед своим назначением в армию. Первое заседание после его перевода в имперское военное министерство состоялось в сентябре 1935 года; оно именуется одиннадцатым заседанием имперского комитета обороны. Хотя тем самым для расследования ответственности Кейтеля эти протоколы, как и вообще вся работа имперского комитета обороны с третьего по десятое заседания, в течение двух лет должны быть исключены, я разбираю их, так как именно эти протоколы показывают, чем занимался имперский комитет обороны.

Ознакомление с этими протоколами об'ясняет, почему учреждение, существующее в той или иной форме во всех государствах и служащее признанной всеми государствами законной цели обороны страны, было представлено в качестве важного аргумента в представлении доказательств об агрессивных планах и приготовлениях.

Протоколы заседаний имперского комитета обороны за 1933, 1934 и 1935 гг. показывают, что его работа носила характер подготовки на случай войны. Но также ясно, что здесь речь идет о

предварительных работах, которые должны обеспечить лучшее состояние обороны страны на случай мобилизации. Если два раза упоминается "политическое положение", то эти упоминания показывают боязнь военных санкций со стороны соседних государств (указывается на пример конфликта в Абиссинии, который повел к санкциям против Италии).

Вся деятельность исходила из мысли о том, чтобы преодолеть состояние военного бессилия, которое отнимало всякую возможность обеспечения безопасности открытых границ империи.

Постоянно упоминаются обязательства сохранения тайны при учете тогдашней ситуации, они могут быть рассмотрены лишь как опасение, что разглашение этих мер, хотя они носили чисто оборонительный характер, вызовет превентивные меры со стороны держав-победительниц.

То, что эти опасения были обоснованы, явствует из непримиримой позиции некоторых государств в их требовании полного разоружения Германии. Этот вопрос важен для позиции Кейтеля, так как он вообще утверждает, что сделанный из предписаний секретности вывод о том, что содержание в тайне доказывает нечистую совесть, а нечистая совесть - знание нарушения права, - ошибочен.

Имперский комитет обороны никогда не принимал решений. Это было совещательное учреждение для целей обороны страны, постольку поскольку мобилизацией затрагивался гражданский сектор. Он никогда не проводил совещаний, касавшихся личного или материального вооружения или планирования агрессий.

Обвинение в одном случае попыталось представить доказательства того, что имперский комитет обороны занимался разработкой агрессивных планов.

Я не буду зачитывать дальнейший текст. Речь идет об известном случае с очисткой Рейна; под этим подразумевалась лишь тех-

15243

H1209 – 0567

H1209 – 0568

ническая очистка русла реки.Об этом шла речь в показаниях Геринга.

Я продолжаю на странице 56, абзац 3:

Истинный характер деятельности имперского комитета обороны ясно виден из "Инструкции о мобилизации гражданской администрации" (документ 1639-ПС и 1639a-ПС). Речь идет о результате совещания всех референтов в имперском комитете обороны и этот документ является приложением в плану мобилизации вооруженных сил м плану мобилизации военной промышленности.

Эти три плана мобилизации вместе взятые представляют собой основу Вашего решения.Из них вы можете видеть,верно ли утверждение обвинения - общий план с целью ведения агрессивной войны - или же прав подсудимый Кейтель,когда он во время своего вопроса сказал:

"То,что обсуждалось и планировалось здесь,является тем же самым,что вправе делать любая страна и что должны делать ответственные учреждения,если они не хотят нарушить свой высший долг,заключающийся в обеспечении обороны своей страны".

Решение от 4 февраля 1938 года оказалось роковым как для генерала Кейтеля,так и для германских вооруженных сил:

Для Кейтеля,который не мог еще расценить должным образом вновь созданную инстанцию "Верховное командование вооруженных сил" (ОКВ).

Для вооруженных сил,которые в этот день потеряли свою (относительную) самостоятельность.

Гитлер устранил последний барьер между собой и вооруженными силами - народом под ружьем - путем устранения главнокомандующего военно-вооруженными силами и имперского военного министра,который по конституции должен был быть ответственным лицом.Это решение судьбы было для Кейтеля и для всего германского народа роковым,причем в момент вынесения этого решения участники этого не заметили.Сейчас,оглядываясь назад,легко

сказать, что такая непроницательность была преступной. В тот момент каждый, кто не был скептиком или пессимистом, давая оценку происходящему, должен был быть зависимым от развития событий и от силы и значения участвующих в них личностей. 4-го февраля 1938 года нельзя было достаточно ясно предвидеть и распознать ни того, ни другого.

Для подсудимого Кейтеля, который в то время лично не знал Гитлера и впервые познакомился с ним во время предварительных переговоров по поводу данного решения, это не было его собственным решением. Гитлер назначил его на вновь созданную должность начальника ОКВ. Кейтель принял эту должность. Если мы оставим без внимания человеческие чувства, то и тогда для тогдашнего начальника военного управления в имперском военном министерстве не было никакого обоснованного повода отклонить это предложение, тем более, что оно было сделано самим фон-Бломбергом. Какое значение придавал Гитлер этой должности Кейтелю было неизвестно.

Я перехожу к следующей странице и цитирую из включенных в текст моей речи показаний доктора Ламберса и из аффидевита фон Бломберга (на стр. 59, предпоследний абзац).

"Я не хочу иметь в будущем военных министров, а также не хочу иметь впредь командующего военно-вооруженными силами, которые бы стояли между мной, как верховным главнокомандующим, и главнокомандующими отдельными частями вооруженных сил".

На стр. 60 из аффидевита фон-Бломберга цитирую ответ на 24-й вопрос: "Он потребовал кандидата на пост "начальника бюро", который должен был вести дела под его начальством, т.е. Гитлер должен был нести ответственность".

На вопрос 27-й:

Я предложил Кейтеля на должность "начальника бюро" и мне казалось, что он будет там на своем месте.

15-245

H1209 – 0569

H1209 – 0570

На вопрос 29-й:

(Не намеревался ли Гитлер сделать Кейтеля своим орудием, используя его организаторские способности и его трудоспособность, качества, которые ему казались весьма ценными для выполнения своих решений и приказов?)

Ответ: "Я со всей категоричностью даю положительный ответ на этот вопрос.

В первоначальные намерения Гитлера входило совершенно точно следующее: иметь в своем распоряжении надежное подчиненное ему учреждение, но ни в коем случае не советника, облеченного ответственностью".

Декрет о руководстве вооруженными силами от 4 февраля 1938 года известен Трибуналу. Мне не нужно поэтому оглашать его здесь. Положение подсудимого Кейтеля, а также и круг его компетенций и его ответственность ясно вытекают из этого документа и из целого ряда других документов:

1) Гитлер не хотел иметь ответственное имперское военное министерство, он также не хотел, чтобы кто-нибудь другой, кроме него, имел верховную власть над всеми вооруженными силами. Он в себе об'единил оба этих института, заявив по поводу верховной власти следующее: отныне он лично и непосредственно будет осуществлять эту верховную власть и функции имперского военного министерства, которым должен по его поручению управлять Кейтель.

2) Таким образом, Гитлер создал военный штаб для того, чтобы получать консультацию по военно-техническим вопросам. Это штаб назывался "Верховное командование вооруженных сил" и (ОКВ)

15246

H1209 – 0571

и был ничем иным, как военной канцелярией фюрера и верховного главнокомандующего. Такие канцелярии уже существовали в виду имперской канцелярии, президентской канцелярии и партийной канцелярии. Начальником этой военной канцелярии был назначен подсудимый Кейтель, его назвали "Начальником штаба верховного командования вооруженных сил". (сокращенно: начальник ОКВ).

3) Из этого следует, что ОКВ не должно было быть промежуточной инстанцией между верховным главнокомандующим вооруженных сил и тремя частями вооруженных сил. Противоположная точка зрения Обвинения, которая связана с графическим изображением, покоится на ошибочной оценке. Между верховным главнокомандующим и тремя главнокомандующими, т.е. главнокомандующим сухопутных войск, главнокомандующим военно-морских сил, главнокомандующим военно-воздушных сил, не существовало промежуточной инстанции, со своими собственными полномочиями, как это имело место до 4-го февраля 1938 года. ОКВ, начальником штаба которого был подсудимый Кейтель не было самостоятельным военным учреждением или ведомством, а было лишь военно-техническим штабом Гитлера и его военным министерским ведомством. ОКВ не имело никаких самостоятельных полномочий, оно не имело также полномочий издавать приказы и не имело полномочий командного характера. ОКВ не могло поэтому издавать своих собственных приказов. Больше того, все распоряжения, декреты, директивы или приказы, которые поступали из ОКВ, были выражением воли верховного главнокомандующего вооруженных сил. Главнокомандующие тремя частями вооруженных сил всегда сознавали то, что между ними и верховным главнокомандующим не существует никакой промежуточной инстанции. Они никогда не рассматривали и не признавали ОКВ такой промежуточной инстанцией. Это было подтверждено письменными показаниями подсудимых гросс-адмирала Деница и гросс-адмирала Редера, так же, как и свидетельскими показаниями рейхсмаршала Геринга и доктора Ламмерса.

15247

Мнение, что ОКВ, или подсудимый Кейтель, как начальник ОКВ, были полномочны издавать собственные распоряжения или приказы, является неправильным. Всякое устное или письменное служебное общение с другими военными учреждениями, выходящее за рамки обмена мнений, было полностью зависимо от решения верховного главнокомандующего лично.

ОКВ являлось всего навсего рабочим штабом верховного главнокомандующего.

4. Поэтому, если на документах, которые исходили от верховного главнокомандующего или ОКВ, имеется подпись или инициалы подсудимого Кейтеля,/или какого-нибудь начальника управления или отдела ОКВ/, то из этого еще нельзя сделать вывода о том, что ОКВ имело полномочия издавать самостоятельно приказы. В каждом отдельном случае дело заключается лишь в ознакомлении, препровождении или передаче приказов верховного главнокомандующего. Учитывая то, что Гитлер был очень занят будучи главой государства, рейхсканцлером,руководителем партии и верховным главнокомандующим военно-вооруженных сил, понятно, что было невозможно заполучить от него во всех случаях собственноручную подпись, даже если дело подчас касалось особо важных или имеющих принципиальное значение вещей. Следует, однако, обратить внимание и на то, что во всех случаях необходимо было получить решение или согласие Гитлера.

Если Обвинение при таком положении вещей придерживается той точки зрения, что ввиду наличия его /Кейтеля/ подписей на документах или наличия его инициалов,/~~[illegible]~~/ Кейтеля можно считать ответственным и за деловое содержание ~~документов~~ данных документов, то такая точка зрения не может быть одобрена. Было бы юридически формально подсудимого Кейтеля, как начальника военной канцелярии, считать ответственным за приказы, распоряжения и т.д.,которые он подписывал и препровождал дальней-

15-248

H1209-0572

H1209 - 0573

ним инстанциям; мне кажется, что ответственным за это может быть только тот, кто имея соответствующие полномочия, издает или разрешает издать подобний приказ. Подсудимий Кейтель должен был бы нести материальную ответственность только в том случае, если было бы доказано, что он по доброй воле принимал участие в создании этих приказов и распоряжений, и являлся их инициатором.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Нельте, я думаю, сейчас удобное время для перерыва.

/Объявляется перерыв на 10 минут/.

Встать! Суд идет!

Г-н ДЮБОСТ. Господин председатель, защитник Нельте подал ходатайство французскому Обвинению относительно предоставления ему некоторых документов. Это ходатайство разделяется на 2 части: Первая часть касается вопроса об инциденте происшедшем в Скопини, вопрос этот возник при оглашении одного из документов во время изложения мною доказательств. Я могу сообщить защите ответ, который дало французское правительство на это ходатайство, так как французское правительство нашло в документах, оставленных немецкими властями ответ, данний на протест против убийства французских пленних. Но этот ответ, между прочим, только оттягивал время. Немецкие власти ответили, что комиссия по перемирию не была компетентна в этих вопросах; и что ходатайство должно было подаваться послом в Скопини. Я передал этот документ защите, и считаю, что в этом отношении данный инцидент исчерпан.

Вторая часть ходатайства касается заявления, сделанного моим коллегой господином Эдгаром Фауре, который в начале своего изложения доказательства сообщил Трибуналу, что он рассмотрел приблизительно 2.500 документов, причем из них он

отобрал только 200. Естественно, я не могу отвечать за господина Эдгарда Фауре. Я знаю, что французская делегация имеет всего 800 документов и все они представлены Трибуналу и защите. Итак, я полагаю, что мой коллега хотел здесь сослаться на некоторые письма, которые не имеют особого значения. Во всяком случае, я еще ранее заявлял защитнику, господину Нельте, что все документы, которые имеются у нашей делегации, находятся в его распоряжении и он может сам убедиться в том, что у нас нет больше документов, помимо тех, которые мы огласили.

С другой стороны, запрос, который мы направили в Париж о том, чтобы нам представили дополнительные документы, которые, возможно, были забыты, - остался без ответа. Отсюда мы можем заключить, что это именно все те документы, которыми мы можем располагать на этом процессе.

Д-р НЕЛЬТЕ. Господин председатель, я очень благодарен французской делегации за то разъяснение, которое здесь было дано по поводу той жалобы, которую я сегодня утром изложил здесь. Если бы я получил это разъяснение несколькими днями ранее, то, конечно, мои заявления сегодня утром не были бы сделаны. Я очень сожалею, что это так получилось.

Итак, я продолжаю на странице 64.

Вопрос об участии в создании распоряжений. Чтобы разъяснить полностью этот вопрос, я хотел бы указать на следующее: Указания, которые имели принципиальное значение для планирования военных операций, являлись оперативными приказами, которые отдавал верховный главнокомандующий главнокомандующим отдельных частей вооруженных сил. Прежде, чем отдать эти указания, Гитлер совещался о военно-технической стороне приказа с компетентными референтами в ОКВ, а также и с подсудимым Кейтелем. Эти указания не принимали во внимание того, что говорили отдельные референты, они являлись выражением лич-

15250

H1209 – 0574

H1209 – 0575

ной воли верховного главнокомандующего, и направлялись не в ОКВ, а главнокомандующим тремя частями вооруженных сил, которым ОКВ препровождало эти приказы. 3 части вооруженных сил,со своей стороны, издавали приказы на основании общего полученного указания, они издавали приказы для осуществления того, что содержалось в основном указании. В этой связи я поэтому не буду ссылаться на положение устава, согласно которому проведение приказа не рассматривается как причина, исключающая уголовно-правовую ответственность, т.к. препровождение приказа не является приказом ОКВ отдельным частям вооруженных сил, оно является лишь передачей воли верховного главнокомандующего, нашедшей свое отражение в приказе. Направленный в ОКВ приказ, если уже это так угодно назвать, во всех случаях относился к разработке каких-либо выражений воли верховного главнокомандующего и к чисто внешнему акту дальнейшего препровождения законченного выражения воли верховного главнокомандующего, не имея права даже высказаться по этому поводу.

Следует предположить, что Обвинение неправильно оценило положение Кейтеля и что на точку зрения Обвинения в данном случае оказал влияние фельдмаршальский ранг подсудимого. Этот ранг не имел никакого отношения к командным полномочиям подсудимого носящим военный характер. Склонны представлять себе генерал-фельдмаршала, как главнокомандующего. Как мы уже видели, подсудимый Кейтель, однако, не имел никаких полномочий издавать приказ.

Фельдмаршал фон Бломберг, письменные показания которого Обвинением были представлены Трибуналу, охарактеризовал положение подсудимого Кейтеля, как начальника бюро /"Chef du Bureau"/. Эта характеристика по существу является правильной. Начальник бюро должен заботиться о том, чтобы бюро, начальником которого он является, работало надлежащим образом,

H1209 – 0576

чтобы соответствующие референты правильно и в срок выполняли свою работу. Но он не принимает никакого участия в окончательном оформлении документа, который его начальник, в данном случае верховный главнокомандующий вооруженными силами, считает правильным. Если это вообще действительно, то это в особенности действительно в данном частном случае. Известно, что Гитлер не позволял Кейтелю давать советы при вынесении военных решений. Это было доказано во время предоставления доказательств, в частности, свидетельскими показаниями генерал-полковника Йодля.

Подсудимый Кейтель в своем аффидевите №8, озаглавленном "Координирование в государстве и военно-вооруженных силах", изложил в очень ясной форме деятельность ОКВ, и свою собственную деятельность. Письменные показания дают ясную картину тяжелой и неблагодарной работы подсудимого Кейтеля. В основном она сводилась к координации желаний и потребностей отдельных частей вооруженных сил. Она также состояла в смягчении и устранении появлявшихся разногласий и в борьбе против стремлений Гитлера мешать отдельным ведомствам разрешать должным образом соответствующий круг вопросов.

Каждая часть военно-вооруженных сил имеет свои собственные интересы, которые отличаются от интересов других частей военно-вооруженных сил, и во всей своей совокупности, не могут быть удовлетворены и иной раз даже противоречат друг другу. Это относится в особенности к вопросу замены кадров, но и к вопросу снабжения всем тем, что необходимо для ведения войны.

Точкой пересечения всех этих личных и деловых разногласий во мнениях было ОКВ.

Если правильно расценить неоспоримый тот факт, что подсудимый Кейтель имел почти повсюду врагов и получал плохую личную оценку, то тогда нужно будет констатировать, что этот факт явился непроизвольным следствием столкновения деловых противоречий и личных разногласий во мнениях, которые Кейтель пытался устранить координированием и посредничеством, т.е. почти во всех случаях путем обоюдных уступок. Не нужно быть особенно опытным в жизни человеком, чтобы знать, что беспристрастный посредник всегда пожинает неблагодарность обеих сторон.

15252

Та же картина наблюдается во взаимоотношениях с многочисленными инстанциями, облеченными официальными особыми полномочиями или пользующимися особым партийным доверием и симпатиями Гитлера.

Нужно представить себе эти противоречия и это переплетение интересов для того, чтобы правильно расценить ту трудовую нагрузку, которая обуславливалась занимаемой Кейтелем должностью и я добавляю для того, чтобы правильно оценить позицию Кейтеля.

Понимание особых взаимоотношений, существовавших между руководством военно-вооруженных сил и политическим сектором, осложняется тем обстоятельством, что Гитлер соединял в своем лице функции верховного главнокомандующего военно-вооруженных сил, имперского военного министра и главы государства с 4 февраля 1938 г. Поэтому с 4 февраля 1938г. политическое руководство и высшее руководство военно-вооруженными силами было единым, так как у них был один руководитель.

Можно считать, и Обвинение это так и делает, что начальник военного штаба Гитлера был очень тесно связан со своим начальником - Гитлером, и что он должен нести ответственность и за политический комплекс, если не как виновник, то в какой-либо другой форме, которая предусматривается статьей 6 устава. Это предположение является ошибочным. Здесь вовсе не нужно заниматься рассмотрением существовавшей иерархии в государстве фюрера и принудительного характера приказа фюрера. Военная иерархия более стара, чем национал-социалистская идео-

15253

H1209 – 0578

логия; несмотря на все это, однако, следует сказать, и вы должны обратить на это соответствующее внимание, что введение абсолютного принципа фюрерства в армии означает окончательное исключение всех стремлений, которые можно было бы рассматривать как демократические в определенном смысле, во всяком случае как стремления тормозящие диктаторские прихоти Гитлера. В этой связи я ссылаюсь на письменные показания Кейтеля, книга документов № 2, документ № 9 "ОКВ и генеральный штаб". Если мы оглядываясь назад будем давать оценку жесткому проведению в жизнь принципа фюрерства, то надо сказать, что это постепенно обострило здоровый солдатский принцип послушания до чрезмерного милитаризма. Это нашло между прочим свое выражение в запрещении всякой критики снизу вверх,/Я ссылаюсь на речь Гитлера в опере Кроль в 1936/1937 г.г., и на несовпадающую запись на документе 1938г. показания генерала Винтера/, в запрещении генералам подавать прошение о выходе в отставку и, наконец, в устранении главнокомандующего военно-вооруженными силами и военного министра.

Нельзя и не следует оспаривать того, что подсудимый Кейтель был ярым приверженцем принципа фюрерства в руководстве вооруженными силами и что работу "Основы организации германских вооруженных сил", документ Л-211, следует рассматривать, как изложение точки зрения Кейтеля относительно руководства в будущей войне, но в тот момент не рассчитывали на какую-либо войну, и это

не было поводом для написания работы.

Что это означает для подсудимого Кейтеля? Тот, кто признает правильность принципа фюрерства с военной точки зрения, тот должен действовать в соответствии с этим принципом. Профессор Яррейс говорил уже, что принцип фюрерства, как и всякая другая политическая система, не является абсолютно хорошим или дурным принципом, что все зависит от характера проведения данного принципа в жизнь и от метода его осуществления.

Кейтель происходит из военной среды и одобряет принцип фюрерства в армии. Согласно этому принципу, вся ответственность ложится на того, кто уполномочен издавать приказы. В то время, как принцип фюрерства в гражданском секторе, в котором он также действовал, исчерпывался в большинстве случаев формальностями, и фактически почти что не внес никаких изменений, в военном секторе этот принцип должен был оказать более сильное и очевидное влияние, в особенности же он должен был отразиться на взаимоотношениях командующих и начальников их генеральных штабов.

Раньше начальники генеральных штабов несли материальную ответственность за издание приказов, теперь они были лишь оперативными помощниками командующего, они, говоря обычным языком, были "сотрудниками", консультантами по стратегическим оперативным вопросам, для этого они и получали соответствующую подготовку.

15255

H1209 – 0579

H1209 – 0580

Кейтель, как установлено, не был ни командующим, ни начальником генерального штаба, он был начальником военной канцелярии Гитлера, солдатом и управляющим по всем военно-министерским вопросам, т.е. "министром", как здесь говорит Обвинение.

На этом процессе не следует ссылаться на различия, которые являются чисто формальными, в том случае, если фактическое распределение функций выглядит совсем иначе. Это особенно важно при рассмотрении дела Кейтеля. Следует установить, чем он был в действительности, как он действовал.

Созданное указом от 4 февраля 1938г. двойственное положение привело к ошибочному восприятию функций Кейтеля. Следует исходить из того, что Гитлер ликвидировал имперское военное министерство, так как он не хотел иметь больше военного министра. Хотя 4 февраля 1938г. значительный круг компетенций бывшего военного министерства был передан частям вооруженных сил, целый ряд задач остался в ОКВ. Чтобы правильно расценить строгий охват воедино всех функций, которые относятся к руководству войной, следует сказать, что Кейтель не мог имея такую власть и по собственному усмотрению осуществлять эти функции. Он должен был докладывать о всех нуждах и требованиях армии и согласовывать интересы вооруженных сил с задачами остальных министров. Нельзя и не следует отрицать, что такая концентрация задач у Гитлера практически не могла быть осуществлена. Таким образом, во-

енный рабочий штаб Гитлера, начальником которого был Кейтель, должен был проводить большую предварительную работу и подготовку необходимую для выполнения этих задач. В соответствии с этим на него легло и часть ответственности. Но эта ответственность не относилась к важным, имеющим принципиальное значение вопросам. Конечно, вопрос о том, следует ли считать те или иные дела важными и следует ли о них докладывать, этот вопрос решался Кейтелем. Но, как показало представление доказательств, Кейтель при возникновении у него сомнений был более склонен докладывать о таких вопросах после самой тщательной проверки их, чем самому заниматься разрешением этих вопросов. Учитывая то, что в распоряжении Гитлера были и тайные источники информации, надо сказать, что Кейтель не мог знать, узнавал ли Гитлер то, что ему казалось важным, через своих ад"ютантов, Гиммлера, Бормана или каким-нибудь другим путем. Чтобы предотвратить неизбежные об"яснения с Гитлером, который вследствие своего недоверия ко всем, предполагал, что от него преднамеренно утаиваются те или иные вещи, Кейтель мучительно старался делать все для того, чтобы не заслужить упрека в халатности. Очень показательным примером является случай массового бегства 80 английских королевских офицеров военно-воздушного флота из лагеря Саган.

В данном случае важно только установить, что

15257

H1209 – 0581

H1209 - 0582

Кейтель будучи руководителем осуществления военно-материальных задач, оставленных за ОКВ не был министром. Он и здесь был начальником бюро, руководителем военной канцелярии, т.е. он занимал положение, равное положению начальника министерского управления или статс-секретаря. В связи с этим, я хотел бы сослаться на уже упомянутые мной показания доктора Ламмерса и на письменные показания гросс-адмирала д-ра Редера и гросс-адмирала Деница, на которые я здесь неоднократно ссылался.

То, что Гитлер также хотел ясно выразить это, видно из текста декрета фюрера от 4 февраля 1938 года /1915-ПС/. Если бы Гитлер не имел совершенно определенного намерения исключить третье лицо и устранить его от всякого ответственного и порой неудобного для него положения в высшем военном секторе, то тогда он, по крайней мере, предоставил бы Кейтелю полномочия принимать участие на заседаниях кабинета. В декрете фюрера, в котором главнокомандующим сухопутными силами и военно-морскими силами точно также, как и Кейтелю был предоставлен "ранг" имперского министра, совершенно ясно сказано, что оба главнокомандующих должны иметь право принимать участие в заседаниях кабинета. Тот факт, что эти распоряжения были даны одновременно, является убедительным аргументом, доказывающим то, что дело обстояло совсем иначе. Это доказывает, что Гитлер не желал, чтобы его начальник штаба ОКВ имел бы возможность излагать свое собственное мнение или свои опасения на засе-

дании кабинета.

То, что Гитлер дал подсудимому Кейтелю ранг имперского министра преследовало следующие цели: предоставить последнему возможность вести непосредственные переговоры с министрами. Если бы Кейтель не имел ранга министра, то ему пришлось бы ограничиваться переговорами со статс-секретарями и подобными лицами, что повлекло бы за собой определенные трудности в деле выполнения заданий фюрера.

Поэтому Обвинение совершает ошибку, когда оно характеризует Кейтеля, как имперского министра, хотя и "без портфеля". Он не был министром. Он не был членом имперского правительства. Статс-секретарь Штуккарт в пред"явленном Обвинением документе перечислил всех членов имперского правительства. Кейтеля нет в этом списке; он значится в этом документе лишь как лицо, занимавшее высшую должность.

Обвинение не ограничило понятия имперского правительства принадлежностью к имперскому кабинету. Оно рассматривает и другие институты, как части имперского правительства. Получается так, что Обвинение, якобы, рассматривает правовую структуру, согласно германскому праву, как не имеющую значения и не относящуюся к делу. Согласно приложению "б" общего Обвинительного заключения, имперское правительство, по мнению Обвинения, состоит из:

1. членов постоянного кабинета после 30 января 1933г., т.е. того дня, когда Гитлер стал канцлером гер-

H1209 – 0583

H1209 – 0584

манской республики. Употребляемое здесь выражение "постоянный кабинет" означает: имперские министры, т.е. руководители ведомств центрального правительства; имперские министры без портфеля, государственные министры с функциями имперских министров и другие чиновники, которые имели право принимать участие в заседаниях кабинета.

2. Членов Совета министров имперской обороны.

3. Членов тайного совета министров.

Не затрагивая индивидуальной ответственности каждого подсудимого, Трибунал должен проверить, является ли правильным понятие "имперского правительства" в изложении Обвинения, т.е. на практике это значит, что следует проверить, справедливо ли об"единение групп под общим понятием "имперское правительство", так как это сделало Обвинение. Во всяком случае, является совершенно недостаточным в данном случае предположить, что утверждение Обвинения по данному вопросу является правильным.

Я предполагаю, что мой коллега доктор Кубушок еще вернется к этому вопросу, выступая по делу защищаемой им организации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Нельте, Трибунал считает, что Вы очень много времени посвящаете вопросу в отношении того, какой пост занимал Кейтель.

НЕЛЬТЕ. Я думаю, господин председатель, что занимаю я на это время потому, чтобы доказать какое положение занимал фельдмаршал Кейтель, он здесь ведь не как фельдмаршал, а как начальник ОКВ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Если это действительно так, то я должен признаться, что я забыл об этом. Но как я, так и Трибунал считаем, что Вы слишком много времени занимаетесь этой темой в то время как имеется целый ряд других вопросов весьма важных для Вашего подсудимого; а Вы в течение нескольких часов говорите только о том, какой пост занимал Кейтель. Мне кажется, что Вы можете изложить этот вопрос более кратко.

H1209 – 0585

НЕЛЬТЕ. Да, я попытаюсь.

Я уже говорил, что подсудимый Кейтель не принадлежал к первой группе.

В ходе представления доказательств было доказано, что, несмотря на декрет фюрера от 4 февраля 1938 года, никогда не было тайного совета Министров и никогда не было его заседаний и решений. Таким образом, доказано что подсудимый никогда не был членом Тайного Совета министров. Правильным ни является то, что Кейтель был членом совета министров имперской обороны. Доктор Ламмерс, выступая в качестве свидетеля, подтвердил, что после того, как Кейтель стал членом совета министров имперской обороны, его служебное положение не подвергалось никаким изменениям, и что, в результате этого он после этого не стал министром. Подсудимый доктор Фрик в своих письменных показаниях от 25 ноября 1945 года говорит, что Кейтель в Совете министров имперской обороны был "связующим звеном".

Для выяснения ответственности и круга компетенций подсудимого Кейтеля необходимо анализировать понятие ОКВ. Я прошу господин председатель, не рассматривать это как теоретическое и поэтому излишнее раз"яснение. Я перехожу к следующему абзацу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Нельте, могу ли я спросить Вас, что Вы, собственно, делали, если Вы не анализировали понятие ОКВ?

НЕЛЬТЕ. Я до сих пор выяснял положение Кейтеля, как начальника ОКВ. Я хотел этими заявлениями на странице 74-й показать, что обвинение, а также другие лица все время говорят об "ОКВ", но "ОКВ" является сокращением, имеющим 3 различных значения. Господин председатель, если

H1209 – 0585

H1209 – 0586

Вы разрешите, представить это в письменной форме и если Вы будете считать, что эти раз"яснения представлены суду, то я готов перейти к 77 странице и представить Вам пропущенные страницы в письменной форме. Во всяком случае, мне кажется, что это является важной частью всего об"яснения значения сокращения "ОКВ" и особенно важно показать, что ОКВ не идентично Кейтелю. Можно ли мне так сделать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да.

НЕЛЬТЕ. Я перехожу к стр. 77, чтобы понять какую в действительности роль играл Кейтель и какая часть всего происшедшего выпадает на долю его личной ответственности, я после исследовани_я его, предоставленного ему законом круга компетенций, хотел бы теперь перейти к рассмотрению вопроса о том, какое фактическое влияние оказывал Кейтель на развитие и проведение мероприятий, последствия которых, являются основой разбираемого на данном процессе дела.

Мы, из опыта нашей повседневной жизни знаем, что не столь важно каким должен быть тот или иной человек, занимая определенную должность, а важным является то, что он сделал из этой должности в силу свойственных ему личных качеств.

Мне кажется, что я имею право сказать, что на этом процессе личность ни одного из подсудимых не получала таких различных и противоречивых оценок, как личность подсудимого Кейтеля.

Основным в материальной ответственности Кейтеля является его действительная позиция в той игре сил, которую вел сам Гитлер и которая происходила вокруг него, его эффективное влияние в этом кругу и отсюда совокупность обстоятельств, которые могли быть решающими для осуществл

-ния намерений Гитлера в военной области.

Этот основной комплекс я рассмотрю в разрезе обви-нений, выдвинутых представителями обвинения по делу Кейтеля и других подсудимых на основании перекрестного допроса д-ра Гизевиуса, т.е. после представления доказательств по делу Кейтеля;

Показания д-ра Гизевиуса приобрели для подсудимого Кейтеля решающее значение ввиду самой постановки вопроса судьи Джексона и самих ответов д-ра Гизевиуса.

Если бы то, что д-р Гизевиус показал о Кейтеле, было правдой, т.е. то, что он в своих показаниях облек в форму в основном осуждающего констатирования, то подсудимый Кейтель значит не сказал ~~ни~~ правды в своих показаниях: значение этого обстоятельства становится совершенно ясным, если учесть, что отрицательное решение по поводу достоверности показаний Кейтеля должно нарушить всю защиту Кейтеля, которая основывается в сущности на суб"ективных фактах. Это обстоятельство и значение, которое показания свидетеля Гизевиуса имеют и для других подсудимых, обязывают меня сделать все возможное для выяснения противоречий между показаниями Кейтеля и заявлениями свидетеля Гизевиуса. Опыт показывает, что лучшими свидетелями являются мертвые, так как передача, якобы, их высказываний не может быть непосредственно опровергнута. Другим видом почти неопровержимых доказательств являются показания свидетелей, данные на основании получаемой ими информации.

В показаниях Гизевиуса скомбинированы обе эти возможности, так как он дает показания на основании информаций, полученных в большинстве от свидетелей, которые теперь умерли.

15263

H1209-0587

H1209 – 0588

Судья Джексон использовал д-ра Гизевиуса как главного свидетеля в своих нападках на подсудимого Кейтеля; по окончании пред"явления доказательств против Кейтеля он развернул не одно фактическое обстоятельство, а все обвинение и дал оценку показаниям Кейтеля. Приведение контр доказательств строится на том, чтобы по возможности об"активно доказать неправильность фактов, основанных на информациях, полученных от определенных лиц, а также на доказательства того, что сами документы неправдоподобны. Я напомню о словах, сказанных подсудимым Кейтелем в заключение данных им под присягой свидетельских показаний:

"Мне можно было бы поставить в вину ошибки и заблуждения, неправильные действия и слабость по отношению к фюреру Адольфу Гитлеру, но меня нельзя обвинить в том, что я был малодушен, что я был лжецом и не хранил верности".

Я, по возможности коротко, резюмирую обвинение, пред"-вленное подсудимому Кейтелю, представителями Обвинения, ее следующим образом:

1/ для того, чтобы Гитлер ничего не узнал, Кейтель создал вокруг Гитлера непроницаемое кольцо.

2/ Кейтель не передавал доклады, представленные Канарисам, Гитлеру; если в этих докладах говорилось об зверствах, преступлениях и т.п. или же он давал распоряжение внести в них изменения.

3/ Кейтель оказывал большое влияние на ОКВ и на армию.

4/ Кейтель грозил своим подчиненным, если они высказывались по политическим вопросам, что он их не будет защищать и даже обещал передать их гестапо.

Д-р Гизевиус в одном месте своих показаний говорит, что Кейтель, якобы, не имел никакого влияния на Гитлера. Он оправдывает Гитлера, заявляя, что Кейтель создал вокруг него кольцо, чтобы последний ничего бы не мог узнать.

Английские и американские обвинители в обвинительном заключении изобразили Кейтеля могущественным штабным офицером, который оказывал, якобы, большое влияние на Гитлера, французское Обвинение говорило о Кейтеле, как о послушном орудии Гитлера, немецкие генералы называли его всегда поддакивающим человеком, который сам ничего не мог осуществить, а теперь в показаниях Гизевиуса фигура Кейтеля растет и превращается в действительного актера и советчика Гитлера, который скрывает от Гитлера все плохое и докладывает только то, что ему - Кейтелю выгодно доложить и не подпускает к Гитлеру ни одного человека. Утверждать, что Кейтель запретил доступ к Гитлеру может только тот, кто не знает всей обстановки окружающей Гитлера. Перед войной место службы Кейтеля в Берлине находилось на Бендлерштрассе, а Гитлер расположился на Вильгельмштрассе. Не чаще одного раза в неделю Кейтель являлся на доклад или по специальному вызову. Ввиду такого расположения учреждений Кейтель в то время вообще не мог как-либо повлиять на доступ к фюреру.

Невозможно это было и тогда, когда Гитлер целые недели проводил в Берггофе в Берхтесгадене, в то время как Кейтель жил в Берлине.

Когда начались операции Кейтель с Йодлем и оперативным штабом вооруженных сил находились в ставке фюрера. Здесь также существовало расстояние, разделявшее их. Кей-

15265

H1209 - 0589

H1209 – 0590

-тель помещался не в приемной Гитлера, а в другом здании, или бараках. Иногда он с генерал-полковником Йодлем являлся на обсуждение обстановки, в этих обсуждениях кроме Гитлера принимали участие еще 15-20 офицеров всех трех частей вооруженных сил, кроме этих обсуждений обстановки никакого другого контакта не было. Если Гитлер хотел чего-либо от Кейтеля, он его вызывал.

Гитлер ~~вс~~ ближе всего соприкосался со своими ад"ютантами, начальником партийной канцелярии, начальником президиальной канцелярии и начальником имперской канцелярии в Берлине.

Кейтель не только не мог регламентировать доступ к Гитлеру, но не имел возможности даже помешать тому, чтобы кто-либо приходил к Гитлеру.

Источником информации для Гитлера были начальники соответствующих учреждений. Отчасти, как я уже говорил эти источники информации были невидимыми и было неизвестно откуда Гитлер получает сообщения.

Гизевиус не знал об этом. Он сам никогда не был около Кейтеля, который с ним никогда не встречался, не разговаривал и не знал его фамилии.

И если он здесь высказал свое суждение, то это он сделал на основании сообщений, полученных от Канариса, Томаса и Остера.

По этому вопросу был заслушан генерал-полковником Йодль. Последний, очевидно, является лучшим свидетелем по этому вопросу, так как он так же, как и Кейтель, находился в непосредственной близости к Гитлеру и поэтому может иметь свое суждение. Он показал по этому вопросу следующее:

15266

" К сожалению, Гитлер не мог быть изолирован. К Гитлеру непосредственно могли поступать сведения по различным каналам".

На заданный мною по предложению Трибунала вопрос Иодль - подтвердил, что показания Кейтеля совершенно правильны, а то/ что показал свидетель Гизевиус в этом направлении, является лишь общими словами.

Подсудимые гросс-адмиралы Редер и Дениц подтвердили, что утверждение свидетеля Гизевиуса относительно того, что Кейтель, якобы, мог держать главнокомандующих 3-х частей вооруженных сил вдали от Гитлера - неправильно. Если же это не так, значит дорога всем офицерам 3-х частей вооруженных сил к Гитлеру была всегда открыта. Представителем доказательств также установлено, что, кроме Иодля - начальника оперативного штаба вооруженных сил, как раз Канарис мог лично приходить к Гитлеру. Это доказывает, что обвинения, пред"явленные Гизевиусом Кейтелю, а именно что Кейтель создал кольцо вокруг Гитлера, является ошибочным.

2/ Обработка донесений.

Свидетель Гизевиус показал, что Кейтелю Канарис представлял доклады об ужасах в связи с переселением, изгнанием и истреблением евреев, концентрационными лагерями преследованием церкви и убийствами душевнобольных эти сообщения шли также через Канариса к Гитлеру. Доклады генерала Томаса, начальника военно-хозяйственного отдела, также имел целью поставить Гитлера в известность о военном потенциале противника и облагоразумить его. /Гитлера/.

Что касается докладов адмирала Канариса, то нужно сказать, что этот начальник шпионажа и контрразведки, само собой разумеется, все время представлял доклады относительно веде-

15267

H1209 – 0591

H1209 – 0592

-ния войны, включая сюда и военно-экономические вопросы.

Здесь утверждают, что доклады эти, якобы, не имели отношения ни к контрразведке, ни к ОКВ. Доказано, что Гитлер строго следил за тем, чтобы каждый работник не выходил из круга своей компетенции, особенно же запрещалось военным учреждениям заниматься вопросами политики.

Кейтель показал под присягой, что о всех этих ужасах, и в особенности об изгнании евреев и о концентрационных лагерях, а также об уничтожении евреев, ему ничего не было известно. Это противоречит утверждению свидетеля Гизевиуса о том, что Канарис представлял подсудимому Кейтелю доклады по вышеуказанным вопросам.

Можно, конечно, считать, что всякого рода доклады передавались Кейтелю не опасаясь того, что последует опровержение, особенно это возможно, потому что не следует что опасаться, эти доклады будут обнаружены. Ведь, если они не переданы, их теперь нельзя передать и отыскаться они не могут, так как они вообще не существуют.

Гизевиус показал, что с самого начала он собирал документы, содержавшие обвиняющий материал. Разве при таких обстоятельствах не удивляет то, что до сих пор не был представлен, хотя бы один доклад? Так как эти доклады имелись в ОКВ, они стали одним из фактов представления документов Обвинения. Разве при таком положении дел достаточно показаний одного свидетеля, если этот свидетель говорит, что ему известно от 3-го лица, что такие доклады Кейтелю представлялись?

Канарис в виду своего особого положения, которое заставляло его по специальным секретным поручениям Гитлера бывать за границей, в любое время мог притти к Гитлеру.

Следовательно он имел возможность лично побывать у Гитлера, если он чувствовал такое угрызение совести, как это показал Гизевиус? Почему он этого не сделал?

Итак, Гизевиус, высказавший общее осуждение, к счастью для Кейтеля, сделал в одном единственном месте положительные выводы, что дает возможность провести об"ективную проверку. Я цитирую:

"... Я думаю, что должен упомянуть еще два примера, которые мне особенно памятны: во-первых, всеми средствами пытались убедить фельдмаршала Кейтеля в том, что ему надо предостеречь Гитлера от вступления в Голландию и Бельгию, и сообщить ему, т.е. Гитлеру, что представленные Кейтелем информации о мнимом нарушении Голландией и Бельгией нейтралитета неверны. Должна же была контрразведка составить эти доклады, обвиняющие инкриминируемые Голландию и Бельгию. Адмирал Канарис отказался тогда подписать эти доклады. Я прошу проверить это. Он вторично заявил Кейтелю, что этот якобы, изготовленный ОКВ, донос ложен. Это один из примеров, когда г-н "Кейтель не передал Гитлеру то, что он обязан был передать..." /Конец цитаты/.

15269

H1209 – 0593

H1209 – 0594

Я представил здесь, генерал-полковнику Йодлю, когда он выступал в качестве свидетеля, документ ПС-790, который касается описанного в Белой книге факта нарушения Голландией и Бельгией нейтралитета. Йодль по этому поводу сказал следующее:

"... Я понимаю вопрос и хотел бы совсем коротко установить то, как это вообще оказалось возможным. Хотя это и вызывает у меня отвращение. Я был при том, когда Канарис пришел в имперскую канцелярию к фельдмаршалу Кейтелю с этой докладной запиской и представил ему проект Белой книги министерства иностранных дел. Фельдмаршал Кейтель затем просмотрел эту книгу, выслушав, прежде всего, существенные замечания, которые, по желанию министерства иностранных дел, сделал Канарис, в частности, что, возможно, эти сведения требуют некоторых исправлений, что он должен подтвердить безусловную необходимость военной операции против Голландии и Бельгии и что еще, как это здесь указано, отсутствует явное нарушение нейтралитета.

Прежде чем Канарис успел что-либо сказать, фельдмаршал Кейтель бросил книгу на стол и сказал: "Я не могу себе это разрешить, как я могу вообще взять ответственность за политическое решение; в Белой книге стоят слово в слово те данные, которые Вы сами Канарис передали мне".

На это Канарис ответил: "Я придерживаюсь точно такого же мнения. По-моему, совершенно излишне подписывать этот документ военному учреждению и все сообщения, которые мы здесь имеем, вполне достаточны для обоснования нарушения нейтралитета, имевшее место в Голландии и Бельгии. И он отсоветовал фельдмаршалу Кейтелю вообще подписывать это. Вот как все происходило. Фельдмаршал Кейтель взял затем эту книгу с собой и я не знаю, что было дальше". (конец цитаты).

Кейтель не подписал Белую книгу.

Этот единственный, могущий быть подвергнутым проверке

случай доказывает, что показания Гизевиуса неверны.

3. Кейтель, по показаниям свидетеля Гизевиуса, оказывал огромное влияние на ОКВ, и на армию. Эти слова, без пред'явления конкретных фактов, являются ничего не значащей фразой в устах человека, который не соприкасался с Кейтелем. Это опровергается показаниями Геринга, гросс-адмиралов Деница и Редера. Иодль говорил об этом заявлении, как о пустой фразе.

Поскольку свидетель говорит об огромном влиянии на ОКВ, возникает вопрос, что свидетель вообще подразумевает под этим.

Безусловно, Кейтель, будучи начальником штаба в ОКВ мог оказывать влияние, влияние, которое вполне об'ясняется его служебным положением, которое я уже обрисовал. То, как он относился к своим подчиненным будет здесь еще рассматриваться. Но важно то, оказывал ли Кейтель какое-либо преступное влияние на весь ход событий. Даже Гизевиус подтвердил, что Кейтель не оказывал решающего влияния на руководство вооруженными силами. Это установлено и представлением доказательств. Особенно оскорбительным обвинением против подсудимого Кейтеля было то, что он "вместо того, чтобы стать во главе подчиненных ему офицеров и их защищать - угрожал им отдачей их в руки гестапо".

Однако установлено, что до 1944 года ни один начальник управления в ОКВ не был уволен, что до 20 июля 1944 года т.е. до покушения и перехода юрисдикции к Гиммлеру, - ни один офицер ОКВ не был передан в руки полиции.

Гроссадмирал Дениц подтвердил, что воинские части и ОКВ педантично забитились о том, чтобы поддерживать престиж вооруженных сил перед полицией. Суд также слышал, что говорил генерал-полковник Иодль о своем отношении к подсудимому Кейтелю. Я полагаю, что это замечание имеет особо важное значение не только потому, что Кейтель был с подчиненным ему по службе генерал-полковником Иодлем в течение долгих лет совместной

15271

H1209 – 0595

H1209 – 0596

службы связан дружескими узами. Это кажется само собой разумеющимся, но это отнюдь не так если только подумать о том, что Йодль, несмотря на свою служебную подчиненность в действительности все больше и больше становился единственным советником Гитлера по вопросам стратегии, а какое значение это имели при обсуждении оперативных задач во время войны, - /это/ было здесь убедительно изложено генерал-полковником Йодлем. Если Кейтель без ревности признавал превосходство своего подчиненного Йодля в этой области, значит, - это выявляет такую черту характера Кейтеля, которая доказывает неправильность информаций, данных свидетелем Гизевиусом, взятых им из темных источников, и полностью опровергает эти данные.

Несовместим также с показаниями свидетеля Гизевиуса тот доказанный факт, что Кейтель с подчиненным ему начальником управления Канарисом был в самых приятельских и дружеских отношениях.

В этой связи нужно указать и на удостоверенный Йодлем факт который был им приведен по собственной инициативе и без согласий Кейтеля, а именно тот факт, что Кейтель после ареста Канариса всячески поддерживал и помогал его семье.

На это я указываю только для того, чтобы опровергнуть, может быть, самое тяжкое обвинение против Кейтеля, а именно обвинение в том, что он, якобы, будучи начальником, нехорошо относился к своим подчиненным и злоупотреблял своим служебным положением в военной сфере, где у него была особая власть, пуская в ход угрозы.

В действительности, как показал Гизевиус, адмирал Канарис вел двойную игру не только на службе, но и по отношению к Кейтелю, используя ~~свою~~ его дружбу, он старался показать, что придерживается тех же взглядов, в то время как за глаза в кругу своих людей он с ненавистью отзывался о Кейтеле.

В заключение в этой связи нужно еще сослаться на показани

свидетеля фон Бутлера-Бранденфельдса, из которых видно, что Кейтель всегда относился к офицерам оперативного штаба вооруженных сил доброжелательно.

Свидетель упоминает об одном споре между Гиммлером, им самим и подполковником Цирфогелем; Кейтель, которому доложили об этом случае, тотчас же энергично стал на защиту своих подчиненных от Гиммлера, изложив свой протест в письменной форме.

И показания, данные под присягой начальником отдела управления Канариса Бюркнером, в равной мере свидетельствуют о доброжелательном отношении Кейтеля к своим подчиненным. Я здесь и ссылаюсь на эти показания. Для выяснения этого вопроса надо, правда, сказать, что были иногда случаи, когда Кейтель вынужден был говорить со своими начальниками управления и отделов, в строгом тоне.

Далее я должен сказать, что офицеры обычно не занимались политикой и что они только после того, как положение ухудшилось стали обсуждать политические сообщения и я должен к этому добавить, что Кейтель высказывал об этом свое мнение. Это мнение базировалось на том, что солдат должен во время войны быть воплощением верности и послушания. И, если бы Кейтель что-либо услышал об этих политических разговорах, он бы заставил их отвечать Я продолжаю на стр. 90-й внизу. Кейтель делал это "словестно", это не означает, что он маскировался и эта установка несоответствовала его внутренним убеждениям, это должно означать, что те иногда резкие и грубые выражения, которые иногда употреблял подсудимый Кейтель в разговоре со своими офицерами - ни в одном случае не привели к тому, что этот офицер был затем наказан или ему было сделано замечание. Д-р Гизевиус, очевидно, хотел сказать, что Кейтель аморально обращался с подчиненными. Следует об'ективно рассмотреть те факты, которые были установлены в ходе представления доказательств, чтобы выяснить, что обвинения, выдвинутые в

15273

H1209 – 0597

H1209 – 0598

показаниях Гизевиуса, являются неправильными.

Однако, картина осталась бы незавершенной, если бы не осветить личность свидетеля Гизевичуса, исходя из его собственных показаний. Эта характеристика складывается из двух факторов:

1/ Жизненный путь и служебное положение свидетеля

2/ Достоверность его показаний.

Я на странице 92-й перечисляю все должности доктора Гизевиуса и все его функции. Я особенно не выделял какой-либо должности или функции, которые с моей точки зрения могли бы обвинить свидетеля Гизевиуса, все слышали его показания. Я об'ективно установил лишь следующее. Он получил от Остера подложные документы, с помощью которых он уклонялся от воинской повинности. Он с 1933 года жил в Германии совершенно свободно и состоял на службе до 20 июля 1944 года. Он был имперским чиновником и получал все время жалование, за исключением отпуска, которым он пользовался с середины 1937 года до начала 1939 года.

С 1943 г. он был имперским вице-консулом в Швейцарии, куда он был назначен Канарисом в качестве агента-информатора при имперском генеральном консульстве в Цюрихе. Разумеется, - ему за это платили. Одновременно он был связан с вражеской службой информации. С 1933 года он работал в гестапо, он подробно знал о всех творившихся там ужасах и о тех последствиях, которые это могло иметь для всего немецкого народа.

15274

Особым обстоятельством, характеризующим свидетеля доктора Гизевиуса - является тот совет, который он дал консервативному специалисту банкиру д-ру Шахту, /Стр. 8280 протокола/,- довести дело до инфляции, для того,чтобы взять все дела в свои руки. Такой совет он мог дать лишь в двух случаях: в случае полного незнания народно-хозяйственного значения и социальных последствий инфляции или же полного безразличия к судьбе служащих и рабочих, на которых инфляция отразится в первую очередь. Сознательно осуществленная инфляция должна рассматриваться только как преступление против общества. Шахт считал это катастрофой. Шахт ответил ему следующее /стенограмма/: "Вы хотите катастрофы, я хочу избежать ее".

Для того, чтобы можно было судить о достоверности показаний, данных свидетелем Гизевиусом перед Трибуналом, я должен сослаться на его книгу "До горького конца", представленную здесь в качестве доказательства, ибо и эта книга также является "показаниями" свидетеля Гизевиуса.

Человеку свойственно ошибаться, но если в 1945 году, после поражения Германии появляется книга, в которой излагаются факты и события, имеющие не только исторические, но для участников их также моральное и даже уголовно-правовое значение, причем неправильность их стала к этому времени уже очевидной, в этом случае ошибка непростительна и ссылка на неправильную информацию не может служить извинением.

Из многих неверных утверждений, содержащихся в этой книге, я лишь укажу на те 4-ре ошибки, которые были установлены здесь в Суде д-ром Кубушок во время перекрестного допроса, а именно в отношении подсудимого фон Папена. Я прошу Вас принять это к сведению и продолжаю свою речь на стр.94 пункт 4. Нельзя сказать, что это будет необоснованным упреком, если такое описание событий будет названо сомнительным,

15275

H1209 – 0599

H1209 – 0600

а автор получит характеристику человека, на которого нельзя положиться. Мне, как немецкому адвокату, трудно оставаться бесстрастным при рассмотрении этой проблемы. Показания Гизевиуса раскрывают трагедию немецкого народа, для меня они являются подтверждением слабости и декаденства определенных немецких кругов, которые играли идеей путча и государственной измены, не будучи внутренне заинтересованными в удовлетворении нужд народа. Это была верхушка, состоявшая из будущих министров и генералов, не имевшая поддержки широких масс нашего народа и рабочего класса, как показал здесь со всей ясностью имперский министр Зеверинг.

Судья Джексон упоминал в связи с допросом свидетеля Гизевиуса о "Движении сопротивления". На этом процессе мы часто слышали о бесстрашных, отважных мужчинах и женщинах, которые боролись, страдали и умирали за свое отечество. Они были нашими врагами. Но никто, желающий дать этому объективную оценку, не откажет им в признании их героизма. Где же этот героизм у группы, окружавшей Гизевиуса? Прочитав его книгу "До горького конца" и выслушав здесь его самого, мы напрасно стали бы искать среди них человека, готового принести жертву. Даже запоздалое действие Штауффенберга лишено героизма, потому что у него отсутствовала решимость к самопожертвованию. Описывая период до 1938 г., то-есть период, когда еще возможно было с успехом приостановить колесо истории, Гизевиус все время говорит о переговорах и обсуждениях; однако, все эти люди хотели, чтобы действовали другие, то-есть генералы. Если вспомнить все те факты, которые были известны Гизевиусу, как члену гестапо, а также всем его друзьям, если учесть ту большую опасность, которая нависла над народом, то для патриотов, каковыми претендуют называться члены этой группы, не могло оставаться никакого сомнения в необходимости решительных действий. Что же они сделали? Когда руководители армии проявили

нерешительность или ответили отказом, они и не подумали действовать сами, а обратились к заграннце.

Я пропускав несколько страниц и перехожу на страницу 96-в:

Я хочу, чтобы не оставалось никакого сомнения в том, что факт заговора сам по себе имеет значение для рассматриваемого здесь вопроса о том, заслуживают ли доверия эти люди. Тот, кто является заговорщиком по честным мотивам, тот, кто, сознавая опасность, грозящую его стране, ставит на карту свою жизнь, не только действует честно, но и заслуживает благодарность отече - ства.

Если бы Гизевиус и его друзья, знавшие, благодаря своему положению, о всех тех ужасах,о которых большинство немцев узнало лишь на этом процессе, служили бы самоотверженно своей стране, то мы и весь мир, возможно, были бы избавлены от многих несчастий и страданий.

Гросс-адмирал Дениц, хорошо знавший адмирала Канариса,как информатора, сказал:

"Адмирал Канарис в то время, когда он служил в военно-морском флоте, был офицером, которому мало доверяли. Он был совсем другим человеком, чем все мн. Мы говорили, что у него семь душ в груди".

И что же, господа, говорит д-р Гизевиус о Канарисе на странице 319 книги "До горького конца". Там он пишет:

"Преемником стал Канарис, бывший в то время капитаном 1 ранга, человек довольно умный и более хитрый, чем Гиммлер и Гейдрих вместе взятые".

На следующих страницах я подвергаю анализу тех людей, которых Гизевиус перечисляет как главных информаторов. Я не хочу здесь подробно говорить об этом, здесь имеются в виду Канарис, Томас, и Небе.

Итак, страницы с 96 по 102 - я хочу здесь лишь кратко резюмировать. О Канарисе я должен еще сказать, что он был, в дружественных отношениях с Гиммлером, Гейдрихом и гестапо, хотя он

15277

H1209-0601

H1209-0602

как здесь говорилось, был их ярым противником. Томас, который якобы с самого начала был членом этой заговорщической группы, был отличным офицером генерального штаба, образцовым организатором и неутомимым работником в военном экономическом штабе, будучи подчиненным Кейтелю, а позднее в управлении вооружения ОКВ. Вам известен его труд / см.документ 2253-ПС/. Этот человек был душой и мотором вооружения, как и Кейтель и другие, он энергично отстаивал тот объем вооружения, который казался ему необходимым. Но одновременно он является тем человеком, который организовал план "Барбаросса-Ольденбург", и руководил вместе с управлением по 4-х летнему плану экономическим оперативным штабом, который осуществлял этот план "Ольденбург-Барбаросса".

15278

Я не буду здесь говорить, каково было влияние этого плана. Генерал Томас с внешней стороны очень убедительно прилагал все усилия для того, чтобы в экономическом отношении обеспечить ведение войны и после своего ухода из учреждения Шпеера, он не был совсем уволен, а был Кейтелем направлен в архив, для того, чтобы там он смог написать свой труд, который является основой обвинения в связи с вооружением. Это документ 2353-ПС. Если правильно то, что говорит д-р Гизевиус о Томасе, то он был оппортунистом и слугой 2-х господ, во всяком случае он не был тем человеком, от которого можно ожидать объективных сведений. Я ссылаюсь на стр.103.

Свидетель д-р Гизевиус, назвал Небе своим самым близким кругом и единомышленником. По показаниям д-ра Гизевиуса Небе был его другом, начиная с 1933 г.

Он хорошо был осведомлен о взглядах свидетеля. В главном имперском управлении безопасности, о котором здесь уже много говорилось, он оставался до 20 июля 1944 года и в 1944 году ведал специальной службой по охране военнопленных. Это следует из документа СССР-413, представленного здесь Обвинением.

Для характеристики этого свидетеля, от которого доктор Гизевиус после своего ухода из Гестапо якобы систематически получал важные сведения, следует указать, что с 1933 по 1944 год Небе служил в главном имперском управлении безопасности и, очевидно, его начальники Гиммлер, Гейдрих и Кальтенбруннер были им довольны, ибо в противном случае он не оставался бы такой продолжительный срок на этой работе и не стал бы генералом полиции и группенфюрером СС. И

15275

H1209-0603

H1209-0604

несмотря на то, что он в течение 11 лет выполнял задачи по службе, пользуясь известными методами подчиненного Гиммлеру гестапо, а затем уголовной полиции (КРИПО). Доктор Гизевиус выставляет его как своего друга и убежденного единомышленника. Можно было бы подумать, что он, работая на своей должности, не допускал несчастий или даже мешал выполнению некоторых приказов. Но Небе, как показывает документ USCP-418 не делал этого. В относящихся к этому документу показаниях Вилена, говорится об отвратительном случае с 50 летчиками английского королевского военно-воздушного флота, совершившими побег, в котором принимал участие генерал полиции и друг доктора Гизевиуса - Небе. Вилен показал следующее: "Однажды в полдень я получил по телеграфу приказание генерала Небе, сейчас же направиться в Берлин для того, чтобы ознакомиться там с секретным приказом. Когда я вечером того же дня прибыл в Берлин, я сейчас же направился к генералу Небе в его бюро на Зиндизен Маркт 8/7 и кратко доложил ему о положении этого дела. Затем он показал мне приказ, переданный по телеграфу и подписанный Кальтенбруннером, в котором подтверждалось, что согласно категорическому личному приказу фюрера более половины офицеров, бежавших из Загана, следует после поимки расстрелять. Казалось генерал Небе сам пришел в ужас от этого приказа. Он был очень озабочен. Позднее я слышал, что он целую ночь провел без сна на диване в своем бюро. Я сам был потрясен этим мероприятием, которое следовало провести и я протестовал против его проведения. Я сказал, что это противоречит военному праву, что это неизбежно приведет к репрессалиям против тех наших офи-

[illegible], которые находятся в английском лагере в качестве [illegible], и что я настрез отказываюсь взять на себя какую-либо ответственность. Генерал Пебе ответил, что в данной [illegible] никакой ответственности, потому что [illegible] будет действовать совершенно [illegible], наконец, приказы фюрера должны выполняться [illegible] представлял Гитлеру сообщений о злодеяниях и преступлениях; к следующему абзацу.

[illegible] То, насколько можно верить человеку, [illegible] сообщения такого человека, как я бы, [illegible] лет [illegible] на то, чтобы им верили. Я думаю, что этот анализ показаний свидетеля доктора Гизевиуса и лиц его группы дает мне право сказать, что обвинения, выдвинутые этим свидетелем против подсудимого Кейтеля, не могут быть основой доказательств Обвинения, т.е. это не может служить доказательством того, что подсудимый Кейтель:

1. образовал вокруг Гитлера кольцо;

2. что его влияние на ОКВ и на всю армию было чрезвычайно велико.

3. что он не представлял Гитлеру сообщений о злодеяниях и преступлениях;

4. что он не защищал своих подчиненных, а наоборот, угрожал им даже гестапо.

В противоположность этому надо сказать, что Кейтель занимал такое положение, каким бы значительным оно внешне ни казалось, не имел решающего влияния на происходя-

15281

H1209-0605

H1209-0606

нее, а также на принципиальные и важные решения Гитлера, он также не был их инициатором. Будет справедливым сказать, что фактическое значение работы Кейтеля было громадным, потому что она была превыше физических и духовных сил человека, потому что она систематически ставила подсудимого перед дилеммой - военное мировоззрение или непреклонная воля Гитлера, которому он был предан, слишком предан. Эта работа была физически огромной, потому что она была бесконечной, она не имела точного и четкого очертания, а состояла из вечного урегулирования деловых разногласий, в передаче личных чувств, в "борьбе" с перегибами отдельных учреждений между собой или по отношению к ОКВ, в лавировании в тех случаях, когда Гитлер в ответ на неприятное известие, вспыхивал и собирался издавать немотворные приказы о разрешении всех неприятных вопросов, которые Гитлер не хотел разрешать сам.

Это была чудовищно неблагодарная работа, мизерным вознаграждением за которую было блестящее положение в непосредственной близости от главы государства, декоративное участие во всех событиях, которые называются мировой историей, в представительном обращении "фельдмаршал".

Были ли Кейтель политическим генералом? Подсудимый Кейтель обвиняется в том, что он участвовал, помогал и способствовал планированию, подготовке и развязыванию

15282

агрессивных войн, нарушая при этом международные договоры и гарантии.

Подсудимый высказал свое мнение по этому поводу, дал свидетельские показания. Что касается вопроса о том, знал ли подсудимый об агрессивных планах или мог ли он установить, что они существуют, я остановлюсь на нем в другой связи. Обстоятельства дела, как таковые, изложены подсудимым Кейтелем.

Что касается обоснования и осуществления стратегических мероприятий, то эти вопросы осветит защита генерал-полковника Йодля.

Я хочу рассмотреть здесь только одно событие, которое приобрело на данном процессе историческое и лично для подсудимого Кейтеля большое значение: совещание Гитлера с фон Шушнигом в Оберзальберге., 12 февраля 1938 г. Это была зарница, которая могла бы дать проворливым людям возможность почувствовать приближение грозы. Кейтель, который в тот момент всего лишь неделю был начальником ОКВ, до сего времени не сталкивавшийся с большими политическими событиями, не увидел этих признаков приближения грозы. Гитлер, который после произведенной им смены должностей 4.2.1938 г. немедленно въехал в Оберзальцбург, в первый раз вызвал к себе Кейтеля, не сообщив ему причины этого вызова.

15283

H1209-0607

H1209-0608

Кейтель прибыл, не зная, чего хочет Гитлер и что должно произойти в Оберзальцберге. Лишь в течение дня он осознал, что его присутствие может иметь какое-то отношение к присутствию Шушнигга и к переговорам по австрийскому вопросу. В каких-либо переговорах, в особенности с фон Шушниггом или д-ром Шмидтом он не участвовал, как показало пред"явление доказательств. Он, однако, понял, что его присутствие также как и присутствие генералов фон Рейхенау и Шперрле должно было иметь некоторое значение для переговоров с фон Шушниггом, так как Гитлер вообще не стал обсуждать с ним военных вопросов, поэтому он должен был придти к убеждению, что представители ОКВ, сухопутных войск и ВВС были приглашены, чтобы продемонстрировать фон Шушниггу мощь вооруженных сил империи.

Обстоятельства, следовательно, были таковы, что Гитлер намеревался использовать представителей вооруженных сил, как средство для оказания давления, с целью выполнения его политических планов, что они сами об этом заранее ничего не знали и лишь позднее поняли это намерение.

Эта встреча в Оберзальцберге используется теперь Обвинением для обоснования обвинения Кейтеля в том, что он был политическим генералом. Далее Обвинение упоминало о событиях, которые рассматриваются в этой связи как симптоматичные, а именно переговоры Гитлера с Гахой и Тисо, на которых Кейтель также присутствовал.

Эта аргументация не производит впечатление убедительной, если на основании ее хотят сделать вывод, что Кейтель также активно участвовал в политических переговорах.

Если подсудимый Кейтель принимал участие в официальных визитах и в переговорах с иностранными государственными деятелями, то он не участвовал в переговорах, а лишь присутствовал на них.

Гитлеру нравилось, когда Кейтель сопровождал его, как представитель вооруженных сил. Так, например, Кейтель присутствовал в Годесберге, когда туда приехал премьер-министр Чемберлен, а также в Мюнхене 30 сентября 1938 года и во время визита Молотова в ноябре 1940г.. Он также присутствовал при встречах Гитлера с маршалом Петэном, с генералом Франко, царем Борисом, с регентом Хорти и с Муссолини. Этой функции Кейтеля, однако, недостаточно для того, чтобы сделать подсудимого Кейтеля генералом, который играл руководящую роль в политике.

Насколько несправедливо такое утверждение, показывает факт, который был подтвержден адмиралом Бюркнером, а именно, что Кейтель строго придерживался принципа невмешательства в дела министерства иностранных дел и дал своим офицерам приказ не заниматься внешнеполитическими вопросами.

Во внутренней политике изоляция начальника ОКВ вытекала из уже рассматривавшегося здесь факта ликвидации должности имперского военного министра и тем самым

15285

H1209-0609

H1209-0610

намеченной и проведенной в жизнь ликвидации политического представительства вооруженных сил в кабинете министров.

Само собой разумеется, и уже рассматривалось здесь то, что положение подсудимого в качестве начальника ОКВ принесло с собой, и особенно должно было принести с собой во время войны, то, что он входил в соприкосновение со всеми министерствами и высшими инстанциями и вел переговоры в качестве представителя ОКВ, т.е. представителя Гитлера.

Но Кейтель, в результате этого, не стал политическим деятелем, т.е. человеком, который давал советы при составлении правительственных планов и не оказывал в этом отношении никакого влияния.

Он работал на своем высоком посту, естественно, также и над осуществлением этих планов, и в этом отношении он несет ответственность, но не как политический генерал...

Господин председатель, я сейчас начинаю большую главу. Следует ли мне начать ее сейчас?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Продолжайте в таком случае до пяти часов.

НЕЛЬТЕ. 1. Идея войны с Россией была отклонена Кейтелем. Это нашло ясное выражение в меморандуме, составленном фельдмаршалом Кейтелем, который он обсуждал с фон Риббентропом и передал Гитлеру. Причины, о

которых он говорил в своих показаниях под присягой, заключались в следующем:

а/ военные соображения,

б/ пакт о ненападении с Советским Союзом от 23/УШ-1939г.

Несмотря на личное представление Кейтеля, меморандум не имел успеха. Гитлер, как и всегда в отношении вопросов стратегического характера, отклонял соображения Кейтеля, как неубедительные.

В этой связи и вследствие резкого отрицательного ответа Гитлера Кейтель ходатайствовал об освобождении его от должности и об отправке на фронт. Этот факт рейхсмаршал Геринг подтвердил во время своего допроса. Гитлер отклонил его ходатайство и при этом самым резким образом критиковал поведение генералов, просящих об увольнении с должности или отставке, в том случае, если он не соглашается с их мнениями или предложениями.

Таким образом вопрос для Кейтеля был решен: он остался на своем посту, исполнял свои служебные обязанности и выполнял свой долг, выполняя те задачи, которые выпали на его долю по дальнейшей подготовке к войне. И в этом случае Кейтель, как это соответствовало его пониманию судебного долга, не выражал больше своего принципиального отрицательного отношения к войне с Россией после того, как Гитлер принял решение.

Этот случай во-многих отношениях типичен для

15287

H1209-0611

H1209-0612

Кейтеля и для оценки его со стороны других. Мы знаем - и это доказано представлением доказательств, - что и другие генералы были против войны с Советским Союзом. И их сомнения рассеивались Гитлером или отвергались им. Они также принимали решение верховного главнокомандующего вооруженных сил, продолжали служить и выполняли даваемые им приказы.

Однако существовала одна принципиальная разница: другие генералы возвращались после беседы в свой штаб. Там они говорили в кругу своих офицеров о решении, принятом Гитлером. Естественно, что оно подвергалось обсуждению, однако, оно выполнялось.

Так как фельдмаршал Кейтель, исходя из уже изложенных военных соображений, не высказывал своего - также отличного мнения - генералам, когда они собирались в ставке фюрера на совещание, естественно, создавалось впечатление, что фельдмаршал Кейтель, якобы, вполне согласен с Гитлером и не разделяет сомнений офицеров частей вооруженных сил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Нельте, я полагаю, что Вам следует именно здесь остановиться.

/Об"является перерыв до 10.00 9-го июля 1946г./

лт-вв
мс-ап
нд

15288

H1209-0613

Справишуа сверена